СБЯ

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА

Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА

Москва
2017

inslav

В очередном томе серии «Славянское и балканское языкознание» собраны статьи на основе докладов, заслушанных на международной научной конференции «Палеославистические чтения – 1», прошедшей 26–27 сентября 2016 г. в Институте славяноведения Российской академии наук.

Редколлегия тома:
д.ф.н. В. С. Ефимова (ответственный редактор),
к.и.н. А. А. Турилов

Редколлегия серии:
д.ф.н. А. Ф. Журавлев (ответственный редактор),
д.ф.н. Г. К. Венедиктов, д.ф.н., акад. РАН В. А. Дыбо,
д.ф.н. И. А. Седакова, д.ф.н., акад. РАН С. М. Толстая,
д.ф.н. Т. В. Цивьян

Рецензенты:
д.ф.н., проф. А. В. Григорьев,
к.ф.н. М. Н. Саенко

ISBN 978-5-7576-0384-1

© Институт славяноведения РАН, 2017

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

26–27 сентября 2016 г. в Институте славяноведения Российской академии наук прошла международная научная конференция «Палеославистические чтения – 1». Палеославистические чтения задуманы как постоянные, ежегодные (или почти ежегодные) встречи в Москве палеославистов из разных городов и стран, на которых они могли бы обсудить наиболее актуальные проблемы и достижения палеославистики. Доклады участников могут быть посвящены языку, текстологии и палеографии славянских рукописей X–XIV вв. Инициатива в организации на постоянной основе таких научных мероприятий принадлежит двум отделам Института славяноведения РАН — Отделу славянского языкознания и Отделу истории средних веков.

В предлагаемом вниманию читателей очередном томе серии «Славянское и балканское языкознание», издаваемой Институтом славяноведения РАН, собраны статьи, написанные на основе докладов, заслушанных на первых «Палеославистических чтениях». Том составляют 15 статей, авторами которых являются ученые-палеослависты из разных научных российских и зарубежных центров.

Несколько статей посвящены сугубо лингвистическим проблемам. Статья О. Ф. Жолобова (Приволжский ун-т, Казань) «Заметки о древнеславянских претеритах» содержит новые данные, проливающие свет на сложнейшую проблему становления славянского глагольного вида. Как показал анализ ряда рукописных источников, имперфект совершенного вида не являлся исключительной принадлежностью древнерусского языка, а имел праславянское происхождение. В статье В. С. Ефимовой (ИСл РАН) обсуждается проблема дифференциации старославянских несколькословных наименований на лексические единицы (единицы-обозначения) и единицы-описания. Основанием для такой дифференциации признается не их конвенциональность или устойчивость в языковом узусе, а функция номинации одного единственного лингвистического концепта у лексической единицы. Однако при интерпретации древнего текста определение границ между лексическими единицами и словосочетаниями, совершенно очевидных во многих случаях, представляет определенные трудности для исследо-

inslav

вателя. В статье Веселки Желязковой (КМНЦ БАН) рассматривается употребление в переводе Ветхого Завета приема figura etymologica (повторение семантически эквивалентных существительного и глагола от одного и того же корня). Анализ материала перевода Книги Исход показывает, что переводчик греческого текста успешно копирует этот прием славянскими средствами на лексико-семантическом и стилистическом уровнях. Особенно интересны примеры, в которых figura etymologica не зависит от греческого, доказывающие, что в средневековых славянских текстах этот стилистический прием был живым явлением. К выражению «власти предержащие», особенно популярному в наше время у журналистов, обращается в своей статье «Еще раз о “властях предержащих”» акад. РАН В. А. Дыбо (ИСл РАН). Проведя исследование обстоятельств возникновения в церковнославянском языке выражения «власть предержащие» и дальнейшей истории его употребления, В. А. Дыбо показывает, что выражение «власти предержащие» (как и выражение «власть предержащая») является языковой ошибкой. В русский литературный язык это выражение вошло уже в XIX в. в результате иронической игры с языковой ошибкой, и этот иронический смысл сохраняется в нем до настоящего времени.

Статья М. И. Чернышевой (ИРЯ РАН) об именованиях Богородицы в славяно-русской письменности основана на обширном материале, собранном автором из древнейших славяно-русских рукописных и опубликованных произведений. Система именований Богородицы, куда входят имена, эпитеты, образы и группа символов Богородицы с их особыми свойствами, хорошо описана в научной литературе по византиноведению, однако славяно-русский материал как система описывается впервые.

В статье М. А. Пузиной (ИРЯ РАН) обсуждаются результаты поиска греческих оригиналов к стихирам славянского Минейного стихираря в рукописных хранилищах и библиотеках Москвы, Петербурга, Парижа, Рима, Гроттаферраты, Ватикана, Салоник, Патмоса и Софии. В ходе работы автор сталкивался с такими трудностями, как, например, различием в славянском и греческом инципитах при полном совпадении остального текста или, напротив, наличием одинаковых инципитов с дальнейшим расхождением содержания.

В ряде статей внимание сосредоточивается на изучении языка, графики и орфографии конкретных рукописей и произведений. В статье

inslav

Г. С. Баранковой (ИРЯ РАН) рассматриваются графико-орфографические и языковые особенности Новгородской кормчей 1280 г., представляющей раннюю русскую редакцию кормчих книг. Автор показывает, что рукопись, написанная несколькими писцами, в целом по правописанию локализуется как новгородская, причем нередко в ней наблюдаются примеры использования новгородской бытовой системы письма. Морфологические русизмы в большинстве случаев употребляются в русских по происхождению статьях, тогда как в текстах канонов и правил они единичны. Г. С. Баранкова приходит к выводу, что новгородские книжники придерживались определенного нормативного принципа, разграничивающего допуск русизмов в разные по происхождению и назначению книжные тексты. В статье «Диалект и книжная норма в Михановичевом отрывке апостола: О происхождении памятника в свете более широких сербских литературно-языковых данных» Виктор Савич (Институт сербского языка САНУ) на основания изучения языковых, орфографических и редакционных особенностей доказывает сербское происхождение памятника. По предположению автора, Апостол Михановича мог быть написан в Полимле, т. е. там, где кончалась Рашская область на западе. Язык пергаментного фрагмента кириллического Евангелия-апракос стал предметом изучения в статье Петры Станковской (Люблянский университет). Фрагмент, который по палеографическим особенностям можно датировать концом XIV или началом XV в., был найден в переплете конволюта XVII в. в г. Ольштыне (Польша). Автор предпринимает попытку оценить интересные лексические варианты, которые обнаруживаются в этом отрывке и частично встречаются в некоторых рукописях старославянского Евангелия, частично же в текстологической традиции Евангелия неизвестны. В статье Ростислава Станкова (Софийский университет) подвергаются всестороннему анализу несколько редких слов, использованных в переводе Хроники Георгия Амартола. Как считает автор, употребление этих слов является дополнительным аргументом в пользу древнеболгарского происхождения первого перевода Хроники. Некоторые языковые особенности (главным образом, в употреблении имен собственных) житий Таврических святых рассматриваются в статье А. К. Шапошникова (ИРЯ РАН). Автор считает их неопровержимыми доказательствами литературного вымысла, присущего этим текстам.

inslav

Статья А. А. Турилова (ИСл РАН) посвящена реконструкции авторских акростихов в древнейших памятниках славянской гимнографии — канонах Константина Преславского и Климента Охридского архиепископу Мефодию. А. А. Турилов предлагает реконструкцию акростиха канона Константина Преславского с эпитетом доблѩго (а не доброо), а в каноне Климента — с полной формой имени автора.

Текстология четвертой редакции «Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского стала предметом исследования в статье И. И. Макеевой (ИРЯ РАН). Подробное изучение списков этой редакции показало, что следует внести ряд уточнений, касающихся первой и второй групп списков, выделить еще две группы — третью и четвертую, а также обратиться к их литературному контексту. В статье Светлины Николовой (КМНЦ БАН) представлено исследование болгарской катены на Псалтырь, обнаруженной в кодексе XIV в., ранее никогда не привлекавшем внимания исследователей Псалтыри. Проф. Николова рассматривает содержание текста и делает попытку определить источники включенных отрывков, опираясь как на указанные на полях имена авторов, так и на сравнение с известными греческими катенами.

В статье «О природе и эффективном издании древнейших переводных славяно-русских служебных миней» ее автор Е. М. Верещагин (ИРЯ РАН) делится опытом эдиционной подготовки полной славяно-русской Январской минеи XII в. (Син.163 ГИМ). В ходе этой подготовки автор накопил и конкретные наблюдения, и пришел к новым общим выводам относительно природы всей совокупности переводных минейных текстов. Также автор внес существенные модификации в предложенную им ранее концепцию билинеарно-спатического эдиционного метода, позволяющего добиваться правильного прочтения переводной гимнографии.

В. С. Ефимова

inslav

Г. С. БАРАНКОВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

О НЕКОТОРЫХ ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НОВГОРОДСКОЙ КОРМЧЕЙ 1280 г.*

Настоящая статья связана с подготовкой издания Новгородской кормчей 1280 г., осуществляемой совместно московскими и петербургскими исследователями. Новгородская кормчая 1280 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 132, далее НК) является старшим сохранившимся списком ранней, или первоначальной русской редакции, которую называют также редакцией в 70 главах. Она была создана при митрополите Кирилле на основе Древнеславянской и Сербской редакций кормчих, с прибавлением дополнительных, преимущественно русских глав[1]. Срезневским был дан обзор того, как и в каком виде были заимствованы правила и каноны из Древнеславянской кормчей и толкования из Сербской (Срезневский 1897). Наиболее близкой по времени написания к Новгородской рукописи является Варсонофьевская кормчая XIV в. (ГИМ, собр. Чудовское, № 4), также представляющая раннюю русскую редакцию этого памятника.

Сама же Новгородская кормчая содержит апостольские правила с толкованиями, правила вселенских соборов, различные послания, в том числе «Святаго и великаго Василья от посланья, иже къ Амфилохью епископу Иконииискому и къ Диодору и ко инемъ некихъ послании», антилатинские произведения, среди которых Сказания об опресноках Никиты Стифата, О фрязех и прочих латинах, Толкование

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00279а «Подготовка научного издания и исследования Кормчей книги по древнейшим спискам».

[1] О редакциях Кормчих книг см. (Щапов 1978; Белякова 2011; Корогодина 2015 и др.).

inslav

символа веры, Прохирон (Закон градской), Закон судный людем, Поучения, монашеские правила, среди которых Правила о чернецах, Правила св. Василия о епитимьях, различные толковые тексты, в том числе Толкование апостольской церкви, Толкование божественной службы, сочинения, определяющие круг родственников, которые могут вступать между собой в брак. Среди русских статей, включенных в Кормчую, следует назвать Правила архиепископа Новгородского Ильи и Белгородского епископа, Правила Иоанна II Продрома, митрополита Русского, Кириково Вопрошание, Правила собора 1273 г., Сказание о черноризском чине Кирилла Туровского, «О кресте, иже на земле или на леду пишють», русскую редакцию Летописца вскоре патриарха Никифора, Правду Русскую и ряд других статей.

Как можно видеть из приведенного перечня, Новгородская кормчая многослойна и имеет компилятивный характер. При анализе языка этого памятника приходится учитывать ряд факторов и, прежде всего, его состав и количество писцов. Лингвистическая характеристика НК предполагает описание как церковнославянских, так и древнерусских ее особенностей. Рукопись НК древнерусского извода по правописанию в целом локализуется как новгородская, поэтому важной задачей является определение ее диалектных черт на фоне древнерусских особенностей. Как будет показано далее, язык канонических статей, заимствованных из южнославянских кормчих, существенно отличается от языка русских статей. Кроме того, при анализе орфографических особенностей рукописи необходимо иметь в виду, сколько писцов работало над ней. Согласно палеографическому исследованию Е. В. Ухановой, подготовленному к изданию НК, на которое мы опираемся в настоящей статье, в работе над ней участвовали 12 писцов[2]. Уханова выделила пять основных писцов рукописи, которым принадлежит не менее трех четвертей всего написанного текста, остальные писцы работали эпизодически (Уханова 2017). Приводим ее обобщенные данные относительно переписанного ими текста:

[2] В Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (М., 1984) указано лишь, что рукопись написана уставом нескольких почерков, при этом лл. 628–631 датируются XIV в. (СК 1984: 207).

inslav

1-й писец — лл.1–246 (с участием 6-го), 616-627;
2-й писец — лл. 463–529;
3-й писец — лл. 247–462 (с участием 10-го писца);
6-й писец — лл. 530–616.

При этом есть некая загадка в том, что в работе писцов наблюдается существенная чересполосица: отдельные писцы (4-й, 7-й, 8-й, 9-й, 11-й) писали по полтора, а иногда по полстолбца. 5-й писец частично помогал 1-му (им написаны лл. 195в–196б, 197в–198б, 199в–199г, 200в–200г, 238в–239б); 6-й писец помогал 1-му, при этом он одновременно писал не более двух листов, уступая место основному, первому, в работу которого вклинился на протяжении полутора листов 2-й писец. В свою очередь письмо 3-го писца перемежалось с работой 10-го писца и т. д. Совместная работа группы писцов над одной рукописью известна и по другим памятникам. В этом отношении к НК близко Мерило Праведное, в написании которого приняли участие по крайней мере восемь писцов. В. М. Живов видел в такой совместной книжной деятельности определенную форму институализации, создающей возможность для обмена правописными навыками (Живов 2006: 25). Однако представляется более вероятным предположение Е. В. Ухановой, объясняющее, почему над рукописью работало столько писцов. Согласно ее мнению, основной исполнитель (1-й писец), получив заказ на написание всей рукописи, привлекал помощников, которых испытывал, давая задание по переписыванию нескольких листов, затем отвергал не прошедших испытание и привлекал для написания значительной части рукописи тех, кто его прошел. Однако это не объясняет, почему некоторые писцы, явно опытные и обладающие определенными каллиграфическими навыками, оставили только пробу пера и в дальнейшем не были задействованы в работе (например, 5-й писец или 4-й писец).

Оставляя в стороне 13-го и 14-го писцов, которым, вероятно, принадлежит текст XIV в., остановимся на орфографии писцов XIII в. Прежде всего следует отметить, что рукопись локализуется как новгородская по большому числу примеров мены **ч** и **ц**, т. е. по наличию цоканья:

1-й писец: **ачи** 1а (в записи писца), **въ средъчи** 2а, **конечь** 7в, **до конча** 43г, 89б, 160г, 618г, **конецнѧго** 63б, **кончемъ** (тв. п. ед. ч.) 187г, **сирець** 17г (2×), 169б, **ѡ причетничехъ** 23а, 25б, **иночи** 28б, **налож-**

inslav

ничю 35г, **пороуцѣнаго** 40а, **пороуцѣна** 188в, **сирѣць** 40г, **цьтець** 42а, **нечии** 61б, 95б, 106а, 116в, 129а, 168а, 171в, 174б, 174г, **нѣчии** 235в, **ѡтьцимъ** 626б, **о чл҃вчехъ** 88в, **сиче** 102б, 114б, **сичевымъ** 192б, **сичеваꙗ** 236г, **четчемъ** 103в, **чернориꙁчемъ** 103в, **многоженча** 69г, **многоженчемъ** 79г, **пороуцѣнъıꙗ** 81а, **пороуцѣно** 82в, **причетничи** 104а, 122б, 193а, **ѥретичи** 105б, **вроуцѣниꙗ** 120а, **младѣнецьскаго** 163г, **дв҃цьскъıхъ** 119б, **простьчи** 117в, 193а, **на чѣльбоу** 195б, **не ѿричаютъ** 195в, **свѣтильничи** 200а, **оц҃ьскъıимь** 203а, **старичами** 211в, **отьцьскъı** 235б, **личе** 619а, **истьчь** 625б, **истьчь** 635б, **истьча** 624б, **истьчю** 619г, **оурочи** 622в (2×), 622г (2×), 625б, **въ пѧтничю** 616в, **рчи** 620в, **по ст҃полче** 620в, **ꙁаднича** 622а, **о мцьнѣмь** 620б, **мцьнъıи** 620б (2×).

2-й писец: **брачи** 463а, **множичею** 463г, **прѣсѣцати** 464в, **бес конча** 469а, **оудичею** 470а, **въ чл҃вчехъ** 470в, **личю** 471г, **обацити** 484а, **оброученича** 484б, **оброуценьи** 485б, **нарицюще** 498в, **нацинаниꙗ** 515б, **чернецьнь** 521г, **черньчѣ** 517а, **оц҃ьскъımь** 517в, **прорцьствии** 522а, **тецѣть** 522г, **соцевица** 523в, **свѣцю** 523б, **человати** 524а, **роуче** (вин. п. дв. ч.) 524г, **хотѧци** 527а.

3-й писец: **сконцавъше** 250б, **нечии** 265а, **сконцаньѥ** 264а, **вл҃дцьнѧ** 265в, **сконцавшимъ же сѧ** 279а, **концавше** 338г, **мцьноѥ** 412г, **ѡц҃ьства** 286в, **бо҃словѣчь** 366а, **ѡбыцаи** 375в, **ницимже** 369г, **нацалници** 394а, **рчи** 407в, **прицетъ** 425г, **цинъ** 432г.

4-й писец (12 строк на л. 75в) — нет примеров цоканья.

5-й писец (по данным Е. В.Ухановой ему принадлежит не более четырех листов написанного текста): **съцетавъше** 197г (один пример).

6-й писец: **тецѣть** 552г, **ѿроца** 594б, **вторичею** 593г, **чернечь** (сущ.) 548а, 549г, **съ черничею** 548а, **черньчю** (сущ., дат. п.) 548б, 549а, **чернецьскъıи** 547г, **ѿ жрьчь** (сущ., род. п. мн. ч.) 565в, **вл҃дцѣнѧго**

inslav

561в, **сл҃нцьнок** 564в, **теци** (инф.), **поутемь** 584б, **сиче** 553г, **мч҃ницьскъıи** 558б, **вторичею** 593а, **прочвѣтъшии** 598г.

7-й писец (написал две с половиной строки на л. 323а).

8-й писец (переписал полстолбца на л. 323а) — нет примеров цоканья.

9-й писец (написал не более двух столбцов, часть текста на лл. 338в, 412а, 442г, 455б): **нареце** 412а

10-й писец: **бо҃словѣчь** 366а, **ѡбъıцаи** 375в, **нацалници** 394а, **прелюбодѣича** 394б, **сиче** 395г, **сконцаваѥтьсѧ** 395г, **лича** 396а, **наричати** 405а, **личемери** 406б, **о разлицьнъıхъ** 406в.

11-й писец (написал часть текста на л. 437в) — нет примеров цоканья.

12-й писец (написал текст на лл. 447в–447г, 448а–448г, 449а–449б и 22 строки на л. 453б): нет примеров цоканья.

Как видно из приведенных данных, касающихся основных писцов рукописи, наиболее ярко цоканье представлено у первого писца, менее всего — у третьего, хотя им, как и первым, написана значительная часть рукописи.

В целом следует отметить, что несмотря на большое число переписчиков Новгородской кормчей можно говорить об общих орфографических принципах, которым следовали новгородские писцы.

Набор используемых ими букв одинаков и характерен для второй половины XIII века: **а**, **б**, **в**, **г**, **д**, **є**, **ѥ**, **ж**, **ѕ**, **и**, **ї**, **к**, **л**, **м**, **н**, **о**, **ѻ**, **ѡ**, **п**, **р**, **с**, **т**, **оу**, **ѹ**, **ф**, **х**, **ц**, **ч**, **ъ**, **ы**, **ь**, **ѣ**, **ю**, **ѧ**, **ꙗ**, **ѩ**, **ѱ**, **ѵ**, **ѿ**.

В рукописи используются сокращения слов под титлом, а также выносные с покрытием, при этом выносятся следующие согласные: **б**, **в**, **г**, **д**, **к**, **л**, **п**, **с**, **т**, **х**, **ч**, как на конце слов, так и в середине, часть выносных приходится на конец строки:

со(б)уѹтоу 532в, **сто(г)** 549г, **пра(в)** 159а, **н(е)длю** 160г, **ср(д)цмь** 162г, **цр(к)ви** 160а, **т(л)къ** 161а, **по(п)** 547в, **ѥ(с)поу** 159а, **а(с)плъ** 161г, **бл҃г(с)очтью** 159г, **памѧ(т)** 160в, **ба҃ты(х)** 164б, **ве(ч)ръ** 548в, **ве(ч)рнии** 550а и т. п.

Все писцы используют йотированные буквы **ѥ**, **ꙗ**, буквы **ы** (с ером), **ѡ** и **ѻ**, при этом **ѡ** и **ѻ** пишутся в начале слова, а также после

inslav

букв гласных: **ѻбщии** 162а, **ѡдѣниѥ** 210г, **ѻ цр҃кви** 161б, **ѻбычаѥмъ** 205а, **ѻꙁлобленїа** 164б, **съѻдѣвсѧ** 393г, **бл҃гоѡбраꙁнѣѥ** 351а и т. д.; 1-й, 2-й писцы отдают предпочтение букве **ѻ**, а **ѡ** появляется в написаниях спорадически. Так, например, на л. 484 приходится одно написание с **ѡ**: **ѡбласть**, тогда как с **ѻ** их насчитывается 14. В то же время если одно слово кончается на **ѻ**, то другое начинается с **ѡ**: **ѻу него ѡроудиїа** 551а. Следует отметить, что второй писец использует **ѻ** с особыми украшениями внутри (в виде креста, нескольких точек, s). 3-й писец употребляет **ѡ** и **ѻ**, но предпочитает, по-видимому, **ѡ**, ср. примеры на лл. 248–251: **ѡбитаѥть** 248а, **ѡбраꙁоу** 248а, **ѡ имѣньи** 248б, **ѡбаче** 248г, **прѥѡбидевъша** 248г, **ѡбѣщаѥть** 248б, **ѡво** 249а (2×), **ѿ ѡбщениїа** 249в, но **ѻбаче** 248а, **ѻбладаѥть** 248б, **ѻсобно** 248в, **ѻсоужени** 249б, **дїѡдороу** 251а; на л. 423 примеры только с **ѡ**: **ѡбещавающимсѧ** 423а, **ѡбаїаниїа** 423а, **ѡчищениѥ** 423в, и т. д. 6-й писец последовательно употребляет в начале слов **ѡ** (ср. примеры на лл. 209–210 и 531–532): **ѡбрастивъше** 209г, **ѡбращьсѧ** 209г, **ѡстрїгоуть** 209г, **ѡбѧтъ** 210б, **ѡбьщениїа** 210б, **ѡбьщениѥмь** 210б, **ѡсмоѥ** 210в, **ѡбщениѥ** 210в, **ѡдѣватисѧ** 210в, **ѡдѣниїа** 210в, **ѡлтарю** 210в, **ѡблѣщїсѧ** 210г, **ѡдѣниѥ** 210г (2×), **ѡц҃и** 210г, **ѡбраꙁъ** 210г, **ѡблачатъ** 210г, **ѡдежа** 210г, **ѡже** 531б, 531в, **ѡнъ** 531в (2×), 531г, **ѡпитемьїа** 531в, **ѡпитемьи** 532г, **ѡставившїа** 531г, **ѡставленъıи** 532а, **ѡставить** 532а, **ѡбщению** 532б, **ѡбщениїа** 532б и т. д. (примеры с начальным **ѻ** отсутствуют). 12-й писец в указанных позициях употребляет только букву **ѻ** (не широкое): **оною** 447г, **осиїаѥмъ** 447г, **одежею** 447г, 8-й писец употребляет как **ѡ**, так и в отдельных случаях **ѻ** (**ѻ** очное): **ѻбличисїа** 323а, **ѻтравилъ** 323а, **ѿ ѡправдании** 323а.

inslav

У всех писцов отмечается употребление букв ѕ, ѱ, ѵ. Необычными являются написания буквы ѕ в предлогах: **ѕе/бе**, **ѕимъ**: **к таковомоу ѕе/бе привержеть браку** 470г–471а, **ѕимъ и всѧкоѥ дроугоѥ поганьство** 423в.

Для обозначения /у/ писцы использует диграф **оу** как в начале, так в середине и в конце слова, буквы ꙋ и ꙋ встречаются очень редко, при этом ꙋ употребляется только в конце строки: **браку** / 465в, **нѣку/ю** 464в, **ꙋ/тешающе** 465а и т. п. Для всех писцов, кроме 8-го, характерно строгое распределение при написании букв **ꙗ** и **ѧ**: в начале слов и после букв гласных пишется **ꙗ**, после букв согласных — **ѧ**. В правописании 8-го писца во всех позициях отмечается только буква **ꙗ**: **приложиса**, **ѡбличиса**, **моучатьса**, **третьꙗꙗ** 323а, что отличает его от остальных писцов (однако, как было сказано выше, объем его текста крайне мал). В правописании 10-го писца отмечаются спорадические написания с **ꙗ** после букв согласных: **оувидꙗть** 405б. В то же время для него характерны написания с **ѧ** после шипящих (другие писцы пишут в этих случаях, как правило, букву **а**, исключения редки): **оуслажѧюще** 354б, **оумножѧюще** 354б, **ѡбражѧще** 377г, **троужѧюще** 378а, **чѧсто** 379г, **въѕдержѧньѥ** 380б, **жѧжю** 402б, **слоужѧхоу** 404а, **ѡбычѧѥмъ** 404в, **ключѧрѧ** 404в, 404г, **оугажѧти** 405а, **оубивающѧꙗ** 405б, **расоужѧюще** 406а, **чюжѧꙗ** 414б, **стражѧ** 431г и т. п.

Упорядочены у всех писцов написания с **ѥ** – **е**: **ѥ** последовательно пишется при передаче йотации, палатальность согласных буквой **ѥ** практически не обозначается. Отмечаются единичные примеры, когда буквой **ѥ** маркируется конец строки: **ѡклевѥ/таниѥ** 181г, **цѥ/рковьнъыхъ** 206г, **ащѥ/** 550г, **вѥ/ликъ** 554а, **можѥ/ть** 51г.

Весьма частотны у 1-го, 3-го, 6-го писцов написания с **ь**, который обозначает редуцированное **и** в слабом положении:

1-й писец: **бещиньѥ** 33г, **скарѣдьѥ** 55а, **житьѥ** 69в, **ѕельѥ** 73г, **толкованьи** 204г и т. п.

3-й писец: **абьѥ** 251г, **алканьѥ** 401б, **раѕличьѥ** 251г, **в писаньи** 262в, **покаꙗньѥмь** 253в, **превращеньѥмь и ѕаключеньѥмь** 402в и т. п.

6-й писец: **житьѥ** 208в, **погроуженьꙗ** 543г, **ѡброученьѥ** 543г, **оусн҃овленьѥ** 544а, **слъшаньѥ**, **видѣньѥ**, **вкоушеньѥ** 544а и т. п.

inslav

2-й писец предпочитает написания с **и**: **пребъываниѥмь**, **дѣꙗниѥмь** 516б, **молениѥмь** 516в, **совку/плениѥ** 517б, **ѿлоучениѥ** 518а и т. п.

Н. Н. Дурново считал, что подобные написания с **ь** становятся с XIII в. «частыми не только в церковных, но и в чисто русских памятниках» (Дурново 2000: 156), тогда как в более ранний период для оригинальных древнерусских произведений они не характерны: до конца XII в. «буква «ь» вместо «и» встречается только в церковнославянских текстах, восходящих к старославянским оригиналам» (Дурново 2000: 155). Ученый насчитал в Житии Феодосия Печерского и Сказании о Борисе и Глебе на несколько сот случаев **и** только по два примера с **ь**.

В рукописи наблюдается спорадическое употребление **ї**, которое обычно ставится в конце строки:

оужї/ка 27б, **ї/хъ** 28в, **мї** / 208б, **лї**/ 195в, **житї/искъıхъ** 210а, **сподобитї/сѧ** 210в, **всѧкї/ꙗ** 251б, **ї/мѣниꙗ** 324а, **ꙁаточенї/ѥ** 324б, **писавшї/и** 326в, **потщї/ть** 327б, **житї/ю** 351а–б, **творї/ти** 351б, **имї**/ 351б, **гл҃тї**/ 404б, **до раклї/ѥвъ** 404а, **хотѧщї/мъ** 465в, **ѡсквьрнї/ти** 464г, **сверьстї/и** 465а, **прї/лагаютьсѧ** 464в, **в наш/їхъ** 464г и т. п. (этот прием характерен для 1-го, 2-го, 3-го и 10-го писцов).

Поскольку НК написана в конце XIII в., вполне естественно, что в ней отразились правописные нормы, связанные с процессом падения и прояснения редуцированных гласных. Независимо от того, переписывались ли правила и каноны из южнославянских кормчих или писцы работали над русскими статьями, они придерживались следующих правил: в сочетаниях редуцированных с плавными между согласными, когда редуцированный предшествовал плавному, все писцы писали по-древнерусски, ставя редуцированный (или проясненный гласный) перед плавным: **съвьршаѥми** 156в, **пьрвѣиша** 158в, **первомоу** 196б (3-й писец), **первоѥ** (6-й писец), **оудьржать** 429а, **дьрꙁаше** 385г, **первѣѥ** 411а, **мьрꙁость** 408г, **извьргоша** 388а, **пьрвоѥ** 427в, **оудьржать** 429а и т. п. Исключения редки: **ѿврьжесѧ** 385г, **въ пръвѣмь** 427а. Отмечаются случаи постановки двух редуцированных или редуцированного и проясненного гласного с обеих сторон плавного: **ѿ дълъжникъ** 42б, **дълъжни** 169г, 206б, **долъжни** 197г, **въꙁдьрежаниѥмь** 530а, и даже примеры второго полногласия **черенъци** 517а, **безмоловлени** 121а.

inslav

В рефлексах общеславянских сочетаний **dj* у всех писцов отмечаются написания с **ж**: **ѡсоужена** 272б, **ноужею** 277а, **преже** 286г, **ноужи**, **по ноуже** 399г, **ноужею** 463г, **насаженъ** 464б, **свобожению** 419в и т. п., отклонения немногочисленны. Заслуживают внимания три написания с **жг** на месте сочетания **zdj*, отражающие особенности псковско-новгородского диалекта: **пригвожгеныꙗ** 509г, **ѻдъжгениѥмь** 510а (2-й писец), **пригвожгени** 589а (6-й писец).

В рукописи наблюдаются элементы бытовой новгородской системы письма, когда **ь** – **є** – **ѣ**, а также **ъ** – **о** являются взаимозаменяемыми, которую используют все писцы:

ь – **є** – **ѣ**

трьбоующими 41г, **трьбоующаꙗ** 124а, **трьбища** 166в, **потрьбъ** 52в, 166а, **потрьбѣ** 208а, **потрьбоу** 49в, **потрьбахъ** 52б, **потрьба** 170а, 170б, **сьльскомоу** 92г, **хотьнию** (**ь** исправлен на **ѣ** другим почерком) 44б, **правовьрнъꙗ** 163в, **правовьрноу** 182а, **опрьснокъ** 195б, **поимьть** 172б, **лоучешеѥ** 195г, **бе҃ствѣнии** 194в, 196а, **бе҃ствѣнаго** 196г, **бж҃твѣнъихъ** 200а, 208г, **бе҃ствѣнаго** 205б, **божѣствѣноую** 203б, **свѣршаѥтьсѧ** 203а, **свѣршати** 203а, **свѣршатисѧ** 203б, **съмотрьниѥмь** 203а, **мьстьнъꙗ** 201г, **дьсѧть** 208в, **изьвѣржетьсѧ** 201в, **прежь дажь** 286в, **не приѥмльть** 400г, **ѥрьсь** 406г, 413г, **ѥщь** 410г, 525г, **тькоуть** (от гл. **течи**) 422а, **тьлесномоу** 419в, **бѣздѣтенъ** 448б, **пьныꙗ** 504в, **в храмь** 524в, **подобѣнъ** 551в, **чювествъ** 544а, **послѣдѣствоуѥмъ** 545в, **постенъꙗ** 545в, **праздению** 546в, **ревениѥмь** 546г, **жежьть** 562а, **тьмѣница** 593г, **крѣстъ** 606в, **крѣщениѥмь** 606г и т. п.

ѣ – **є**

вѣщехъ 40г, **боудѣть** 276г, 431в, 448б, **глаголѣть** 552б, **прострѣть** 553в и т. п.

є – **ѣ**

бесноующагосѧ 11а, **бесомъ** 512а, **вероу** 513б, **имети** 448б (примеры многочисленны).

и – **ѣ**

въ мироу (вместо **въ мѣроу**) 553г, **невѣдѣмъихъ** 406г и др.

inslav

ъ – о

къмоу 420б, **кото** 323а, **плъдъı** 89б, **въиньства** 52г, **въиничьскъıа** 272г, **въини** 610г, **ѡно** (вм. **ѡнъ**) 375г, **токомо** 453б, **рекъхомъ** (с исправлением **ъ** на **о**) 238в, **оувѣдѣхъмъ** 545г, **просфоурѣю** 531а, **вълнъıмь** 606в, **по рекошю** 555б.

Особенно ярко проявляется новгородская бытовая система письма в небольшом фрагменте на л. 437в, написанном 11-м писцом.

Приводим этот фрагмент полностью: **желаниѥ и/стиньнаго добра сирѣчь добродѣте/ли. и добродьтели иста/чающи. ѥста ва. ꙁла/го же похътнаго/ грѣха. и ко инемо/ некъıмо прѣложь/ниѥме**.

Е. В. Уханова, отмечая неумелый характер написаний этого писца, схожий с орфографией берестяных грамот, выражает удивление, что такой писец был привлечен для работы в архиепископском заказе (Уханова 2017). Однако, как видно из приведенных выше примеров, черты бытовой новгородской системы письма проскальзывают и в работе других, более опытных писцов НК.

Имеются немногочисленные примеры, когда **и** после проклитик переходит в **ъı**: **в ъıномь грѣсе** 388г, **иꙁ ъınоа** 123г, но **съ испъıтаниѥмь** 124а.

Отмечаются случаи, когда начальная гласная слова после проклитик, также оканчивающихся на гласную, выпадает: **въ браꙁъ** 375г, **о глашенъıхъ** 16б, **о блачающихъсѧ** 21б, **на мбонѣ** 101а, **на бѣдню** 522г, **при нокентии** 413в.

После заднеязычных **к**, **г**, **х** чаще пишется **ъı**: **погъıбшимъ** 394б, **погъıбающемоу** 419в, **хъıтрость** 323б, **расхъıтить** 324б, **самосатеискъıи** 412г, **хъıтрость** 448в и под.

У 1-го и 3-го писцов наблюдается мена /у/ – /в/: **вдавлениноу** 30а, **оу баню** 344а 22, **вь оуторьникъ** 414б, **невдобь** 432а.

В единично отмеченном у 1-го писца написании **кр҃квьнаго** 93б можно видеть одну из особенностей древнего новгородского диалекта, связанную с отсутствием эффекта второй регрессивной палатализации заднеязычных — см. (Зализняк 2004: 42).

У 3-го писца отмечаются написания с **о** после шипящих: **лишонъ** 249в, 249г, **чотъıрьми** 255а, **причотъ** 261в, **ѡшодъшю** 272в, **жоноу** 273а, 281б, **жоно** 259б, **ѿлоучонъ** 278г, свидетельствующие о переходе

inslav

е > *'о*, который по данным берестяных грамот в новгородском диалекте начался с середины XII в. (Зализняк 2004: 69).

Изредка отмечаются случаи мены *о*/*у*: **постившемоу женоу** 195г, **оу дрогъıхъ** 527б.

Старославянские по происхождению сочетания **рѣ**, **лѣ**, восходящие к общеславянским сочетаниям между согласными, в НК писцами передаются разными способами: с преимущественным написанием у всех писцов **ре-**, **ле-**, как это было принято в русском изводе церковнославянского языка, и с допустимыми написаниями **рѣ**, **лѣ**. Некоторые написания, по-видимому, лексикализованы. Так, у 1-го писца преобладают написания слов **врѣмѧ**, **врѣдъ** и производных через **ѣ**, тогда как 6-й писец пишет **времѧ** через **е**, но **врѣдъ** через **ѣ**.

Нормативным является для всех писцов окончание презенса 3 л. **-ть**.

В текстах канонов и правил сохраняются в ряде случаев архаические черты. Сказанное относится в значительной степени к первой части, написанной первым писцом, и особенно к оглавлению НК, читающемуся на первых четырех листах рукописи. В нем представлены нестяженные формы местоименных прилагательных, порядковых числительных и причастий: **вселѣньскааго** 2а (2×), 2б, **помѣстьнааго** 2а (2×), **пьрвааго** 2б, **бъıвшааго** 2в, **всѧчьскъıими** 5а, **ст҃ъıими** 5в, **съшедъшаагосѧ** 2г, **великааго** 3б, **неприкосновеньнъıихъ** 3б, **противѧщаагосѧ** 4г, **сведъшааго** 4а. Особенно много нестяженных форм в составе личных имен, представленных в оглавлении: **Великааго афанасиꙗ архиепа алеѯандрѣскааго** 2г, **Тимофѣꙗ архиепа александрьскааго** 2г, **Феѡфила архиепа александрьскааго** 2г, **Петра архиепа александрьскааго къ бенетьскоуоумоу архиепоу** 3а, **Димитриꙗ митрополита киѯитьскааго** 3а, **Ст҃го григориꙗ ноусьскааго** 3б, **преблж҃наго митрополита ираклинскааго никитъı** 4а. Примечательно, что и в заголовках русских статей в оглавлении наблюдается та же тенденция к употреблению архаичных старославянских форм: **Правило митрополита кюрила роускааго** 4б,

inslav

Въпроси кюрьяка кже въпроси кс҃пра новгородьскааго нифонта 4б, тогда как в заголовках к самим статьям те же формы отмечаются в стяженных вариантах. Обилие архаичных написаний связано, скорее всего, не столько со стремлением писца точно передавать оглавление, содержащееся в антиграфе, сколько с маркированностью самого текста оглавления, вводящего в круг представлений о Кормчей как типе книге. По-видимому, под пером писца это была своеобразная стилизация под старину, а церковнославянские архаичные формы должны были подчеркнуть авторитетность и древность содержащихся в ней текстов. В текстах же правил и канонов нестяженные формы местоименных прилагательных появляются спорадически: **варварьскыихъ** 204а, **лоукавыимъ** 425а.

В целом можно сказать, что несмотря на значительное число писцов, работавших над НК, их объединяло то, что они придерживались общих орфографических принципов, что позволяло проводить в их в работе процесс взаимозаменяемости. Несомненно, что книжные писцы, получившие определенную выучку, переписывали свою рукопись в соответствии с той орфографической нормой, которой их учили. Общность правописных норм, отмечаемая в НК, свидетельствует о том, что ее писцы были связаны с одним скрипторием.

Однако заключения о языке НК были бы неполными, если бы мы не обратились к многочисленным русизмам, представленным в этом памятнике. Это многочисленные полногласия:

болотомъ 513а, **бородъы** 611г, **бородѣ** 621а, **бородоу** 621а, **бороню** 520г, **борони** 520а, 534б, **боронѧше** 534г, **боронити** 527г, 529 г, **боронс҃ оу** 623в, **вередъ** 521б, **вередить** 538б, **вережають** 537б, **вережають** 537б, **вередити** 525а, **за вологу** 625б, **володѣтъ** 573в, **воронъ** 614в, **воротити** 623г, **воротить** 626б, **ворочати** 626в, **възборонити** 533б, **голова** 521б, **головъы** 590а, 622г, **головоу** 613а, 615в, **головахъ** 612в, **головъы не хорониши** 503в, **головника** 615г, 616а, **головничьство** 616а, **голодомъ** 542в, **города** 619а, **городъ** 625б, **городникоу** 625г, **городи** 517в, 623б, **ѿ городне** 626а, **гороховоу** 616в, **дерево** 624в, **долонь** 535г, **здоровомоу** 510в, 615г, **золотомь** 589в, **золотъ** 590а, **золота** 601б, 617а, **золотъыми** 601в, **колодѧземъ** 513а, **колодѧземъ** 513а, **колоколъы** 601а, **молодъ** 529г, **молодоу** 523в, 536в, **молоди** 538в, **молока** 520б, 527б, **молоко** 536в, **переди** 616в, **передъ** 530в, 626б, **пересталъ** 528а, **полонѧть** 515в, **порохъ** 614б, **бес пороха** 585в,

inslav

скоротити 585г, **соромъ** 624в, **сторонѣ** 612а, **стороноу** 612а, **холопъ** 524а, 524б (2×), 616г, 625б, 626в, 626г, 627б (4×), **холопа** 626г, **холопоу** 625б, **холопьство** 626в, **холостъ** 530а, **холости** 521г, 527г, **хоромъ** 624б, **хоронити** 525г, **хорониши** 603в и др.

Имеются древнерусские написания с начальным **о** в соответствии с церковнославянским **ѥ**: **в одино** 521б, **ѡдинъ** 563в, **ѡдинои** 429г, **ѡдва** 463г, **олена** 477г, **оленоу** 466г и др.

Представлены написания с **ч** в рефлексах общеславянских сочетаний **tj*: **свѣчи** 544г, **не хочеть** 553а, **остричи** 605г, **дчи** 477г, **дчерь** 480а, **дъчери** 478а, 621г, 622в.

Наблюдаются написания с начальным **оу** в соответствии с церковнославянским **ю**. Широко представлены древнерусские написания с корнем **ѣд-** наряду с церковнославянским **ꙗд-**, слова с приставкой **роз-**: **розграбежь** 625б, **розломивъше** 535а, **розломити** 535а.

Обращает на себя внимание обилие древнерусских причастных форм на **-учи**, **-ючи**, **-ачи**, **-ячи**: **бьючеся** 334в, **молвяче** 508а, **даюче** 521а, **не смъсляче** 525а, **не вѣдоуче** 533г, **не служаче** 535б, **идоуче** 535в, **блядоуче** 537а, **не ведоуче** 537а, **дѣлаюче** 537б, **спяче** 537б, **поюче** 612в, **хотяче** 520в, 531в, **ленячеся** 587в, **поразоумѣюче** 520в и др.

Отмечаются формы 2 л. ед. ч. наст. вр. на **-шь**: **хощешь** 512а, **повелишь** 519г, **застанешь** 531а, **творишь** 533б, **ѥмлешь** 533в, **съимаѥшь** 533г, **съхранишь** 587в, **боудешь** 536а, 587в, **перестоупишь** 587г, **оузришь** 536а, 587г, **примешь** 587г, **оуправишь** 536б, **не оувѣдаѥшь** 537в, **не можешь** 537в, **начнешь** 595б, **дьржишь** 503в, **не ѹмрешь** 604г, **повелишь** 519г, **творишь** 533б, **оузришь** 536а, **начнешь** 536б, **приимешь** 536б и т. д.

Значительным числом представлены древнерусские действительные причастия наст. вр. на **-а**: **жива** 426б, **не мога** 599г, 605б, **неса** 606а и др.

Существительные с основой на *-а* мягкой разновидности представлены достаточно большим числом примеров с древнерусским окончанием **-ѣ** в род. п. ед. ч., им.-вин. п. мн. ч. В местоименном склонении прилагательных отмечаются формы на **-оѣ**, многочисленны формы личных и возвратного местоимений **тобѣ**, **собѣ**.

Не имея возможности подробно остановиться на собственно диалектных морфологических особенностях текстов НК, упомянем лишь наличие окончания *-е* в им. п. ед. ч. склонения с основами на **-о*,

inslav

отмеченные еще А. А. Шахматовым (Шахматов 1903) и описанные А. А. Гиппиусом на материале Кирикова вопрошания и Русской Правды (Гиппиус 1996: 51–52): **ꙗко не дошле цр҃ѧгра҃ ѥгда обрѣтене въз҃неслъсѧ на нб҃а** НК, л. 523а, ср. этот текст в псковском Тихомировском списке той же ранней русской редакции кормчей: **ꙗко не дошелъ обретенъ въз҃неслъсѧ на нб҃а**.

А. А. Гиппиусом в указанных произведениях было отмечено также диалектное окончание твердой разновидности основ на *-*а* в род. п. ед. ч. на **-ѣ**: **полъ гр҃внѣ**, **женѣ** и др. (Гиппиус 1996: 53), которое по данным берестяных грамот является нормативным (Зализняк 2004: 97). Однако в целом эти примеры в НК единичны.

Анализ соотносительного употребления русизмов и церковнославянизмов в НК показывает, что оно зависело не от писца, а от типа текста, который он переписывал: в текстах правил и канонов, который писал на первых 246 листах первый писец, их почти нет, тогда как в Русской Правде, над которой работал тот же писец, мы находим их в большом количестве. Иными словами, переписывая южнославянские по происхождению тексты, писцы последовательно сохраняли церковнославянизмы, и вместе с тем не устраняли русизмы в оригинальных восточнославянских текстах, таких, как Правила Ильи Новгородского, Иоанна митрополита Русского, Кириковом вопрошании и других текстах.

Приведем несколько примеров из разных по происхождению текстов, содержащихся в НК. Текст Фотиева номоканона представлен как в НК (лл. 8об.–32), так и в Ефремовской и в Рязанской кормчей. В нем (особенно на первых листах рукописи) в значительном количестве представлены архаические написания и старославянские формы нестяженных прилагательных, причастий и числительных. Ниже приводится ряд примеров, показывающих, что к концу этого текста число таких форм уменьшается и начинают преобладать стандартные для церковнославянского языка русского извода формы: **прочитающюоумоу** 8в, **вселеньскааго** 10а, 12в, 13б, 15а, 16в, **къ вьселеньскъимъ** 10а, **пьрвааго** 9г, 10а, 10в, 12б, 12в, 13б, 13г, 19б, 22а, **втораа҃** 10в, **шестааго** 9г, **седьмааго** 10б, **дроугъими**

inslav

14б, **бесноующаагосѧ** 11а, **събравшааго** 10а, **съблазньшиимъсѧ** 16б, **наричаѥмааго** 10а, **кр҃щающиихъсѧ** 17а, **црьнааго** 13а, 15б, **ѿрѣзающиимъ** 25б, **лаѡдикиискаго** 13б, **тимофеꙗ архиепа алеѯандрѣскааго** 16б, **диѡнисиꙗ архиепа алеѯандрѣскааго** 15г, **тимофеꙗ алеѯсандрьскааго** 16б, **кюрила алеѯандрьскааго** 23г, **григориꙗ ноуськааго** 30г, но **пьрваго** 21в, 32б, **ноуськаго** 31в, **анкирьскаго** 30в, 31в, **женѧщагосѧ** 21г. Интересно, что в том же тексте Рязанской кормчей 1284 г. (сербской редакции) нестяженные формы отсутствуют, ср.: **къ вьселеньскъиимъ** НК 10а — **к селекъимъ** Ряз 18б, **сбора седьмааго** НК 10б — **сбора седмаго** Ряз 18в, **феѡфила алеѯандрѣскаа** НК 10б — **ѳеѡфелла архиеппа алексаньдрьскаго** Ряз 18в, **бесноующаагосѧ** НК 11а — **бѣснующаго** Ряз 19а и т. д.

Что же касается древнерусских особенностей Фотиева номоканона в НК, то они минимальны: это две местоименные древнерусские формы **ѡ собѣ** 23а и **собѣ** 25б, 25г, а также единичная флексия **-ѣ**: **коуплѣ дѣꙗти** (вин. п. мн. ч.) 27г. Отмечаются три случая цоканья: **ѡ причетничехъ** 23а, 25б, **иночи** 28б. Попутно отметим, что древнерусские местоименные формы допускаются и в другие церковнославянские по происхождению тексты НК при отсутствии прочих русизмов. Очевидно, это связано с тем, что формы **тебѣ**, **себѣ**, как отмечал еще Н. Н. Дурново, «для русского писца могли быть чужими, а потому и заменялись обычными для писца формами род.-вин. *тебе себе* или дат.-мест. **тобѣ**, **собѣ**» (Дурново 2000а: 476). Сказанное относится, например, к Беседе Диодоха (лл. 500–507об.), в которой из русизмов отмечены только формы **к тобѣ** 500г, **тобѣ** 501а, **о собе** 504а и два примера цоканья: **сиче** 507а, **ри** 501г. В остальном язык этого произведения можно охарактеризовать как стандартный церковнославянский. Для сравнения приведем данные из небольшого по размеру Правила Ильи архиепископа Новгородского и Белгородского епископа (лл. 507г–508в), написанного тем же 2-м писцом НК, где всего на одном листе представлены следующие древнерусские

inslav

особенности: **ѻже** 508а, 508б, 508а, **аче** 508а, **ѡдна** 508а, **ѡдиноу** 508а, **ѻпитемью** 508б, **переноса** 508б, **переносѣ** 508б, **молвѧче** 508а (2×), **река** (прич. наст. м. им. п. ед. ч.), словообразовательные и лексические русизмы: слова с префиксами **вы-**: **въимаꙗ** 508б, **въимаѭть** 508б, **попинъ** 508б (в Материалах для древнерусского словаря И. И. Срезневского это слово зафиксировано только по древнерусским памятникам, преимущественно новгородским (Срезневский 2: 1191)), **ѡскребъ** 508б (глагол **оскрести** (**оскрети**) отмечен у Срезневского также только по двум древнерусским источникам, один из которых — рассматриваемое Правило (Срезневский 2: 720)).

В Русской (распространенной) редакции Летописца вскоре патриарха Никифора, представленной в НК (лл. 567об.–575), не раз служившей предметом исследования ученых (Степанов 1912; Шахматов 1940; Пиотровская 1975; Щапов 1978 и др.) и рассматриваемой как «местная древнерусская компиляция на основе древнеславянского перевода, включающая тексты нескольких переводных и оригинальных памятников» (Щапов 1978: 200), наблюдается большое количество русизмов. Это полногласия: **въпороша изъ оутробы** 570а, **поидѣте володѣтъ** 573в, особенно частые в топонимах и собственных именах: **новегородѣ** 573в, **ц҃ри городѣ** 572а, **ц҃рю городоу** 574а, **въ володимѣри** 574в, 574г, 575а, **володимѣри** 574г, **иоустинъ волосатыи** 572г, **володимиръ** 574а (2×), 574б, **володимѣрѣ** 574в, **вълодимира** 574а, **володимѣричь** 574в, фонетические русизмы: **на бѣлѣ ѡзерѣ** 573в, **ростѧше** 571в, **ѡленъ** 572а, древнерусская флексия **-оѣ** в род. п. ед. ч. ж.р. прилагательных: **римьскоѣ власти** 572г, **изъ оутробы мьртвоѣ м҃три** 570а, флексия **-ѣ** в род. п. ед. ч. существительных с основой на *-а* мягкой разновидности: **ѿ ст҃ыѥ бц҃ѣ мр҃иѣ** 570в, местоименная форма **собе** 571а, древнерусские имена на **о-**: **ѡльксии** 574в, **ѡльксандровичь** 575б. Из диалектных древненовгородских особенностей следует назвать один пример цоканья: **сиче** 570б и один случай отсутствия второй палатализации: **въ изборьске** 573в. Встречается им. п. с окончанием *-е*: **юрьѥ володимѣричь** 574в. А. А. Зализняк со ссылкой на А. Бэклунда отмечает

inslav

неоднократное наличие этой формы им. п. ед. ч. в пергаменных грамотах и других источниках XIV в., однако рассматривает это явление не как окончание -*е* в мягком варианте **о*-склонения, а как «продукт морфологической перестройки аномальной парадигмы И. ед. **Юрьи**, Р. ед. **Юрьꙗ** (путем замены уникального окончания И. ед. [и] уже имеющимся в системе окончанием -[е])» (Зализняк 2004: 104). При этом русизмы встречаются не только в русской части Летописца, но и в его древнеславянском переводе, что свидетельствует о редакторской обработке древнерусским книжником текста в целом.

Правила о черноризцах НК (лл. 547–549об.), представляют собой обработку и переделку свода различных правил о монахах, источником которого мог быть южнославянский или древнерусский сборник (наиболее ранний текст этих правил содержится в Троицком сборнике № 12 (РГБ, собр. рукописей Троице-Сергиевой лавры, № 12, конца XII — начала XIII в., ему близок соответствующий текст в Устюжской кормчей конца XIII – начала XIV в.). Греческого подлинника, который содержал бы все статьи анализируемых правил, ученым найти не удалось. С. И. Смирнов, а позднее К. А. Максимович указали параллели из разных источников, подходящие к славянским правилам с разной степенью близости (Смирнов 1912: 306–309; Максимович 2004: 152–162). Анализ языковых особенностей Правил, а также тот факт, что это произведение входит в состав ранней русской редакции Кормчей и отсутствует в южнославянских кормчих допускают предположение о том, что Правила были отредактированы древнерусским книжником[3]. Поэтому, несмотря на церковнославянское происхождение текста, в нем достаточно широко представлены древнерусские языковые черты: **оу братьѣ** (род. п. ед. ч.) 547б, **безъ игоуменѣ млтвъı** 548б, **борзъгѣ псалмъı** (вин. п. мн. ч.) 549а, **кпитемьѣ** (род. п. ед. ч.) 548г, **ночь ѡдиноу** 547г, **на ѡдинои** 548б, **ѡдинъ** 549б, **лечь** 547г, **лечи** 548б, **роспоꙗсавъсѧ** 547в.

Сказанное помогает в определении принадлежности ряда текстов южнославянским или древнерусским авторам (переводчикам), атрибуция которых в Кормчих остается актуальной задачей. Перечисляя эти статьи при описании НК, Срезневский, как правило, ограничивался

[3] Подробнее об этом см. (Баранкова 2017).

inslav

замечанием «Из особого источника». Приведем один пример. В составе дополнительных статей НК имеется «Свиток законьныи, рукоположение епископа» (лл. 583об.–588). Многочисленные русизмы, представленные в нем, заставляют предположить, что это русское по происхождению сочинение.

Это полногласия: **короткъыи** 585в, **пороха** 585в, **скоротити** 585г, **сторожь** 586в, **головоу** 587а; фонетические русизмы: **ночь** 586в, **роботоу** 585б; древнерусские флексии существительных и прилагательных: **гладъмь** 586б, **коутьѣ** (род. п. ед. ч.) 585в, **книгы ветошнъгѣ** 585г, **дх҃овнъгѣ дѣти** (вин. п. мн. ч.) 596в, **развѣ великъгѣ ноужѣ** 586г, **без волѣ** 587а; местоименные формы **тобе** 587а, **тобѣ** 587г, причастие **ленѧчесѧ** 587в; глагольные формы на **-шь**: **оузришь** 587г, **примешь** 587г, **съхранишь** 587в, **перестоупишь** 587в, **боудешь** 587в.

О русском происхождении текста свидетельствуют и его лексические особенности: употребленное в нем слово **рѣзоимьць** 585г (равно как и слово **рѣзъ**) широко представлено в древнерусских текстах (Срезневский 3: 220). Содержащиеся в рассматриваемом памятнике лексемы **одымѣти**, **непокорьникъ** известны в Материалах И. И. Срезневского только по этому произведению.

В заключение можно провести параллель между языком НК и Софийским сборником XV в., тоже новгородским по своему происхождению, хорошо сохранившим правописные черты своего антиграфа конца XII — первой половины XIII вв. Оба памятника объединяет наличие элементов бытовой новгородской системы письма, а также ряд других орфографических и языковых черт. И в том, и в другом памятнике наблюдается значительное число русизмов в оригинальных древнерусских произведениях при почти полном их отсутствии в текстах южнославянского происхождения (Баранкова 2013: 65). Это свидетельствует о том, что новгородские книжники придерживались определенного нормативного принципа, разграничивающего допуск русизмов в разные по происхождению и назначению книжные тексты. Этот принцип прослеживается и в других более поздних списках Кормчей русской редакции — Варсонофьевском и Тихомировском.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Баранкова 2013 — *Баранкова Г. С.* Графико-орфографические и языковые особенности Софийского сборника // Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник. М.; СПб., 2013. С. 56–66.

Баранкова 2017 — *Баранкова Г. С.* «Правила о черноризцах» в Кормчих книгах и сборниках // Palaeobulgarica. 2017. Г. XLI. № 1. С. 56–78.

Белякова 2011 — *Белякова Е. В.* Кормчая как сборник // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 10. Вып. 8. Четий сборник как феномен литературной культуры русского средневековья. 2011. С. 5–14.

Гиппиус 1996 — *Гиппиус А. А.* «Русская правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской кормчей 1282 г. (К характеристике языковой ситуации древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48–62.

Дурново 2000 — *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка // *Дурново Н. Н.* Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 2–336.

Дурново 2000а — *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // *Дурново Н. Н.* Избранные работы по истории русского языка. М. 2000. С. 391–494.

Живов 2006 — *Живов В. М.* Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII века // Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 9–75.

Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

Корогодина 2015 — *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII в. как исторический источник. Автореферат докт. дисс. СПб., 2015.

Максимович 2004 — *Максимович К. А.* **Законъ соудьнъıи людьмъ**: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

Пиотровская 1974 — *Пиотровская Е. К.* К изучению «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 170–177.

СК 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984.

Смирнов 1912 — *Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки) // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 3. Разд. II.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 2003. В 3 т.

inslav

Срезневский 1897 — *Срезневский И. И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897.

Степанов 1912 — *Степанов Н. В.* «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской кормчей // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 293–320.

Уханова 2017 — *Уханова Е. В.* Кодикологические особенности рукописей новгородского скриптория последней четверти XIII – XIV вв.: Климентовская и Варсонофьевская Кормчие (ГИМ, Син. 132 и Чуд. 4) // Специальные исторические дисциплины. М., 2017 (в печати).

Шахматов 1940 — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 11–150.

Щапов 1978 — *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

inslav

Е. М. ВЕРЕЩАГИН
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

О ПРИРОДЕ И ЭФФЕКТИВНОМ ИЗДАНИИ ДРЕВНЕЙШИХ ПЕРЕВОДНЫХ СЛАВЯНО-РУССКИХ СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ*

В переводах славянских служебных миней «нередко происходила путаница, нарушающая смысл, которого так и не разберешь без помощи греческого подлинника» (И. В. Ягич)[1].

1. Вступительные замечания

Древняя славянская гимнография, этот весьма распространенный жанр начальной славяно-русской книжности, была и остается в поле внимания исследователей-палеославистов. Не забыта, в том числе, *(бого)служебная минея*[2]. Наряду с обильными публикациями минейных последований в серии Patristica slavica (Бонн, ФРГ), вышли в свет и другие издания. Появились также монографические исследования, защищены диссертации, в том числе докторские[3].

Автору этих строк на протяжении более четверти века довелось заниматься славянской минейной филологией, а в текущем году им завершена эдиционная подготовка полной славяно-русской Январской минеи XII в. — Син. 163[4] (ГИМ).

---

* Статья подготовлена по проекту № 14-04-00431 «Филологическое исследование древнейшей славянской переводной гимнографии: художественная форма и содержание минейных канонов», финансируемому РГНФ.

[1] *Ягич И. В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб.: Изд. Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук, 1886. С. LXXIX.

[2] *Служебная* минея именуется еще *рядовой*, *ежедневной* и *месячной*. Поскольку лексема μεναῖον происходит от μήν «месяц (двенадцатая часть года)», последнее именование выглядит как плеоназм.

[3] Последняя по времени защищена Р. Н. Кривко («Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв.». М., 2016).

[4] Подробное описание см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984, № 84.

inslav

В ходе подготовки автор, во-первых, накопил конкретные наблюдения, касающиеся вполне определенных отдельных песнопений, а также пришел к новым общим выводам относительно природы всей совокупности переводных минейных текстов.

Кроме того, во-вторых, автору потребовалось внести существенные модификации в предложенную им ранее концепцию так называемого билинеарно-спатического эдиционного метода.

Часть упомянутых наблюдений кратко представлена ниже. Все они имеют характер практических рекомендаций и могут непосредственно применяться в процессе подготовки рукописей к изданию, притом не только минейных.

Мы ограничили круг рассматриваемого материала только теми тропарями и стихирами Син. 163, природа которых потребовала ввести прямо в публикуемые тексты особый демонстрационный аппарат (в виде регулирующих внимание пользователя небуквенных значков разного рода). Кроме того, ради полноты картины здесь исследуются только те тропари и стихиры, для которых отыскались греческие соответствия.

Отсылки к помещенным ниже фрагментам рукописи осуществляются через указания (римскими цифрами) на число дня января и (арабскими цифрами) на номер песнопения в последовании этого дня. Кроме того, поскольку издание Син. 163 еще не осуществлено, так что нумерация присутствует лишь в макете, в скобках обозначаются границы расположения цитируемого песнопения в рукописи (указываются номер листа и номера начальной и конечной строк).

2. Славянская служебная минея: ее двуязычная природа и обусловленный ею эдиционный метод

Придерживаясь индуктивного способа изложения, в настоящем разделе статьи мы прежде всего исследовали фактический материал. Общие выводы совокупно помещены в разделе 3.

Всего в разделе 2 кратко разобраны шесть разнородных групп минейных текстов. Первая группа (*Словоделение*) для образца рассмотрена пространнее, чем остальные. Далее читателю предоставляется судить по аналогии.

inslav

Словоделение

Рассмотрим выбранный в качестве типичного песнопения седален I-04 (2^r 14–19, 2^v 1–3)[5].

Рукопись Син. 163, как и любой древний манускрипт, состоит из строк без внутристрочных пробелов (scriptura continua). Для современного пользователя отсутствие интервалов затрудняет беглое чтение больших массивов текста, поэтому первая инновация, которую обычно осуществляют по отношению к издаваемой рукописи, — внесение пробелов, т. е. словоделение[6].

Это не такая простая процедура, как может показаться, поскольку словоделение, зависящее от решений издателя, показывает степень осмысления им рукописи.

Ниже помещены три строки из I-04, составившие фрагмент текста, цельный по смыслу. Конец строки помечается вертикальной чертой (|), для показа конца страницы рукописи применяются две вертикальных черты (||). Таким образом, трехстрочный исходный текст I-04 с привнесенным словоделением принял следующий вид:

Ѥнѕдреченьнъı моудростн б҃овндьно н-|
ш-ьрпавъ богатьство разоумьноѥ вьсѣ|
мъ подасть правъıѩ вѣръı пнваннѩ| (…).

В ортограмме н-ш-ьрпавъ литера -ш- опоясана знаками дефиса. Этим показывается ассимиляция звуков, вследствие которой одна и та же буква может быть причислена и к приставке (а также к предлогу и союзу), и к лексеме.

Как сказано, в процессе ассимиляции участвуют приставки (бе-ѕ-аконьнъ, бе-с-ъмьртнѥ, бе-с-квьрьнъ, бе-с-трастнѥ, бе-ш-адьнъ, бе-ш-ьстнѥ, бе-ш-нельнъ, н-ш-аднѩ, н-с-ѣкатн, н-с-оушатн, н-ц-ѣлнтн, н-ш-нтатн и т. д.), а также предлоги (бе-с-ѣмене, бе-ѵ-нсла, бе-с-траха, н-ш-рева/н-ѵ-рева и т. д.). Ср. также пример с приведением контекста:

XXII-21 202^v 3–7

(2) εἰς πᾶσαν ἐξελήλυθε τὴν οἰκουμένην
въ вьсю| н-ш-ьло ѥсть вьселеноую.

---

[5] После номера листа поднятая латинская буква показывает его лицевую или оборотную страницу.

[6] Принципы словоделения в общем те же, которыми руководствуется современная русская орфография.

inslav

При словоделении без опоры на греческую основу могут быть сомнения и ложные отождествления. Сто́ит, однако, привлечь греческие соответствия, как славянское словоделение становится прозрачным. Ср.:

XVIII-42 175ᵛ 4–11

(6) ἀξιέπαινον χρῆμα

достохвальная вещь|

(7) τῆς ἀρετῆς ἧς περ γέγονεν

добродѣтел-н-же сн бысть.

Здесь в строке (7) литера -н- могла бы быть отнесена к существительному добродѣтелн, а же посчитано за усилительную частицу. Однако присутствие в греческой строке местоимения ἧς заставляет постулировать и в переводе присутствие местоимения нже, так что литера н должна быть отнесена как к первому слову, так и ко второму. Выше это показано опоясывающими дефисами.

Если из двух рядом стоящих слов первое оканчивается на букву, с которой начинается второе, то при повторе одна из литер может утрачиваться. Этот результат тахиграфии опять-таки показывается опоясывающими дефисами, а если пониманию помогает разъясняющее пространственное подравнивание, то и оно представляется уместным. Ср. несколько характерных примеров:

XXV-08 211ᵣ 11–19, 211ᵛ 1–2

(1) Ὁ Θεολόγος ὁ δεύτερος καὶ μύστης

Богословьць въторы-н-танбыннкъ.

Общая для двух слов литера -н- подписана под союзом καί, что прямо устанавливает эквивалентную пару, но одновременно эта же литера поставлена в конец числительного, и специалисту нетрудно догадаться о его полной форме (въторын). Ср. далее аналогичный случай:

XVII-13 165ᵣ 4–9

(1–2) Νέος ὑπάρχων ἡλικίᾳ σώματος

Оуна сы-н-ѕ млада телесн.

Ср., наконец, еще один аналогичный пример: на сей раз подравнивание пришлось применить в греческой строке:

XXXI-03 253ᵣ 3–15

(11) εἷς καὶ πρῶτος εἰμί

ѥднны-н-пьрвын ѥсмь.

inslav

В случае, когда единая для двух слов литера остается на одной строке, а второе слово, вследствие колоноделения, переходит на следующую, приходится для наглядности повторять букву, а ее виртуальность показывать по конвенции (так, мы используем квадратные скобки). Ср.:

XXX-11 249^{v} 7–10

(2) ἐν νόμῳ καὶ παιδείᾳ

въ ꙁаконѣ н каꙁанн-н-

(3) καὶ νουθεσίᾳ Κυρίου

[-н-] оученнн госпо|дьнн

(4) ἐξεπαίδευσας σοῦ τοὺς παίδας

наказалъ ѥсн своѧ дѣтн.

Ср. также:

II-04 (15^{r} 1–9)

(7) παθῶν *** ῥύπον ἔπλυνας

страсть н сквьрноу о|тъмы-н-

(8) καὶ τρυφῆς χειμάρρουν...

[-н-] пнцю потокы...

Укажем и на редкое явление, когда тахиграфически опускается более чем одна повторяющаяся литера:

XIX-04 182^{r} 5–12

(6) καὶ καρτερίᾳ τῶν περιστάσεων

н претьрпѣннѧ нскоушен-нмн-

(7) ἀνθ' ὧν τὴν ἀτελεύτητον

[-нмн-]же| несъконьчаньноѥ

(8) ἀντιλαμβάνεις ἀπόλαυσιν

въспрннмаѥшн| прнѧтнѥ.

Еще раз подчеркнем важность обращения к греческой основе. Иногда опущение литеры было бы незаметно, если бы греческое соответствие отсутствовало. Ср.:

II-52 22^{v} 9–12

(5) ὡς εὔσπλαγχνος καὶ Θεὸς +τῶν ὅλων...

ѧко милосьрдъı-н-богъ +милостнвъ...

Ср. также:

II-95 28^{v} 1–4:

(4) τὸ σκότος τῆς κακίας

тьмоу| ꙁълобьноую

inslav

(5) διέλυσε καὶ πάντας
ра҃зор-н-вьсѧ
(6) τοὺς βοῶντας ἐφώτισεν...
въпнющаѩ просвѣтн...

Словоделение в греческом и славянском текстах почти полностью совпадает, в том числе и потому, что греческие composita при переводе обычно калькируются. Бывает, однако, что одной сложной греческой лексеме соответствует двусловное славянское сочетание. Ср. строки (1) и (4) в стихире XVII-07 (163^{r} 6–19):

(1) Οὐρανοδρόμῳ ἐπιβὰς
Ѩ небо текоущеѥ въшьдъ
(2) +ὀχήματι, θεσπέσιε,
+сѣденнѥ, бо|жьствьнѥ,
(3) τῶν ἀρετῶν κατέλαβες
добродѣтелнн донде
(4) τὴν ἀκρόπολιν δι᾽ ἀσκήσεως...
къ| краннюоумоу градоу пощеннѥмь...

Ср. также:

I-81 13^{v} 5–10
(1) Τοῦ ἀρχιποιμένος
Пьрвааго пастырѧ [...]
(7) προκινδυνεύων ἄριστα...
бѣдоу прн|ѥмлѧ дьржѧвьно...

Ср. еще: I-05 2^{v} 4–8 οὐρανοφάντορ // до нб҃се ѩвленъ; XV-02 143^{r} 14–19, 143^{v} 1–5 προετίμησας // нзволнлъ ѥсн па|ѵе; III-70 40^{r} 17–19 πανοπλίᾳ // вьсѣмъ ороужнѥмь.

Наконец, обратим внимание на любопытное явление — включение местоимения внутрь славянского словосочетания, тогда как в греческом оригинале оно, естественно, внутри слова быть не может: VI-35 78^{r} 8–13 πῶς χειροθετήσω σε // како роукою тѧ| косноу; XVII-37 168^{v} 13–19 νομοθέτην ἀγαλλόμεθα // за||коноу тѧ дателѧ радоуѥмъ сѧ.

Наряду с соотношением «одно греческое слово — два славянских» наблюдаются и обратные случаи («два греческих слова — одно славянское»): IV-75 55^{v} 16–19, 56^{r} Θεοῦ γεννήτριαν ἐπεγνωκότες // богороднтельцю по|знавъше.

Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту, словоделение сопряжено с проблемами. Сейчас, несмотря на пространное изложе-

inslav

ние, они названы далеко не все. Далее, как упоминалось, содержание оставшихся пяти групп материала в составе раздела 2 дается в виде кратких тезисов.

Членение на колоны

Греческие песнопения — произведения поэзии, и в числе поэтических признаков присутствует метрическое членение текста на колоны. Это членение в обиходных греческих изданиях показывается каким-либо внутристрочным знаком (например, астериском или запятой), а в научных изданиях — расположением текста лесенкой (по образцу новейшей европейской поэзии).

Если выяснять метрику переводных песнопений с опорой только на рукописные славянские тексты, то из-за их нередкой порчи общий принцип улавливается не сразу. Между тем членение греческого оригинала в печатных изданиях миней всегда налицо, почему удобно, по совету И. В. Ягича, отправляться именно от него (тем более что словоделение оригинала при пословных переводах воспроизводится механически).

Итак, продолжая модификацию текста рукописи для научного издания, мы, во-первых, восприняли греческое колоноделение и соответственно графически расположили греческий текст лесенкой; во-вторых, пронумеровали греческие колоны цифрами в скобках; в-третьих, подверстали к каждому греческому колону столько славянских слов, сколько диктуется греческим оригиналом; в-четвертых, распространили счет греческих строк и на славянские соответствия; наконец, в-пятых, расположили греческие и славянские лексемы строго одну под другой (выравнивая их по первой букве слева).

Так получились *билинеарные* (двустрочные) межъязыковые колоны. Ср. ранее уже рассмотренный седален I-04 (теперь в преобразованном виде):

(1) Τῆς ἀρρήτου σοφίας
Ненꙁдреченьнꙑ моудростн
(2) +θεοπρεπῶς ἐξαντλήσας
+бовндьно н-|ѡ-ьрпавъ
(3) τὸν πλοῦτον τὸν +μυστικόν
богатьство +рꙁоумьноѥ

inslav

(4) πάσιν +ἐθησαύρισας
вьсѣ|мъ +подасть
(5) +ὀρθοδοξίας τὰ +νάματα.
+правъıѧ вѣры +пнваннѧ|.

Условимся на дальнейшее называть межъязыковое двустрочие *(билинеарным) трактом*. Текст, расположенный выше, состоит из десяти строк и пяти трактов. В круглых скобках нумеруются именно тракты.

Если не прибегать к выделению цезур, то колон у греков имеет два-три икта (или фонетических слова). Двух- и трех-иктовая греческая строка механически воспроизводится при славянском переводе. Это значит, что можно говорить о межъязыковой изотонии строк (= равности иктовых ударений) в греческом оригинале и славянском переводе.

Поскольку икт — это не только тесное смысловое и синтаксическое единство входящих в него языковых единиц, но еще и метрический элемент стихиры и тропаря, графическое разделение в издании песнопений на колоны облегчает восприятие их поэтической природы.

Если в греческом оригинале и славянском переводе количество строк и количество фонетических слов (иктов) в строке одинаково, то межъязыкового изосиллабизма, напротив, может и не быть. (Напомним, что слоговая длина икта бывает различной.) Действительно, поскольку количества слогов греческого слова и славянского лексического соответствия временами совпадают, а чаще не совпадают, соотносимые строки имеют иногда одинаковую, но чаще разную протяженность. Внутристроковая метрика всегда совпадает только по числу иктов, но не слогов.

Например, лексема ἀντίθεος «противобожник» имеет четыре слога, а ее соответствие богопротивьнын — семь слогов, так что межъязыкового изосиллабизма в соотнесенных строках ожидать не приходится. Ср., далее, еще несколько более кратких греческих слов и на фоне более пространных славянских: ὅσιος // преподобьнь; νομοθέτης // законоподатель; βρέφος // младеньць; θεῖος // божьствьнын; χάρις // благодать и т. д. Бывает и обратное — длинной греческой лексеме соответствует более краткая славянская: πανηγυρίσωμεν // празднуюмъ; προσλαβόμενος // приимъ; ἀνευφημήσωμεν // похвалимъ; ἐνατενίζοντες // възирающе; εἰσοικισάμενος // въселивъ и т. д.

inslav

Установление степени лексической эквивалентности

Есть ли семантическое соответствие между греческим словом и славянским переводческим эквивалентом, в наиболее простых случаях решается без труда. Например, лексема σοφία всегда имеет соответствием лексему (прѣ)моудрость, и они обе выражают одинаковый смысл. Точно так же πλοῦτος — это всегда богатьство. И т. д.

Перед нами полная межъязыковая лексическая эквивалентность. О ней в билинеарном тракте настоящего издания сигнализируется помещением славянского слова строго *под* греческим, а греческого — строго *над* славянским. Эта пространственная сигнализация позволила нам назвать свой эдиционный метод не только *билинеарным*, но и *спатическим* (двустрочно-пространственным). На первый взгляд незначительная инновация (прием межъязыкового отождествления лексики) на деле делает для специалиста возможным симультанное (одновременное) чтение больших массивов гимнографических текстов.

Наряду с полной, наблюдается и неполная эквивалентность. Так, в греческой версии уже не раз упомянутого седальна I-04 πλοῦτος («богатство») определяется как μυστικός («та́инственное»), тогда как в славянском переводе имеем разоумьноѥ («осмысленное»). Лексемы двух языков определенно различны, но, с другой стороны, для них характерна интегративная сема — в обоих случаях имеется в виду не материальное стяжание, а духовное. Иначе говоря, конечно, μυστικός и разоумьнъ не суть полные межъязыковые синонимы, но все же хотя бы контекстными синонимами их можно считать.

Чтобы привлечь к ним внимание, неполноэквивалентные межъязыковые пары слов в трактах у нас снабжаются парными знаками крестиков. Всего в пяти трактах седальна I-04 мы проставили четыре пары таких крестиков.

Наконец, можно наблюдать и третий случай — отсутствие какой бы то ни было эквивалентности. Например, в тропаре I-63 (11ᵛ 1–4) две лексемы не имеют никакой интегративной семы (и они также помечены парными крестиками):

(4) Πάτερ Βασίλειε, τὰ +μένοντα
отьче василиѥ, +прѣбоудоущаѩ|

(5) ὡς σοφὸς κατεκτήσω.
ѩко моудръ сътѧжѧ.

inslav

Действительно, *τὰ μένοντα* — это философско-богословский термин, означающий «пребывающее, не преходящее», и он, естественно, семантически не соответствует лексеме прѣбоудоущаѩ («грядущее, предстоящее»). Откуда же взялось прѣбоудоущаѩ?

Можно догадаться, что первопереводчик имел перед глазами на месте нынешней версии (т. е. *τὰ μένοντα*) паронимичный термин *τὰ μέλλοντα*, значение которого как раз таково: «то, что наступит, но еще не наступило».

Возмущающая роль внутриязыковой паронимии в текстологии хорошо известна; мы наблюдаем типичный случай: весьма вероятно, что за перевод ответственна иная версия греческого оригинала. Если переводчик читал: *τὰ μέλλοντα*, то он совершенно правильно перевел: прѣбоудоущаѩ. Эта версия, кстати сказать, лучше согласуется с образом св. Василия Великого: из полного контекста тропаря видно, что святитель желал разлучиться с «пребывающим» миром, неустойчивым и тленным, и за то премудро «стяжал» будущую жизнь.

Паронимичные замены, обессмысливающие песнопения, случаются и на славянской почве. Ср.:

XV-02 143[r] 14–19, 143[v] 1–5

(12) *πάντων τῶν +παθῶν, θεομακάριστε.*

вьсѣхъ +сла|стнн, богоблажене ·:~|

Судя по греческому контексту, лексема *πάθος* («страсть, неодолимая греховная привязанность») вполне уместна, так что именно она, скорее всего, была перед глазами первопереводчика. Также велика вероятность, что первопереводчик и перевел правильно: страстнн, но переписчик, не обращавший внимания на контекст, вследствие звуковой близости осуществил замену страстнн на сластнн.

Феномены неполноэквивалентных и неэквивалентных межъязыковых соответствий у нас помечаются одним и тем же знаком парных крестиков, поскольку зачастую невозможно отделить один феномен от другого.

До сих пор мы говорили только о лексических расхождениях. Наблюдаются, однако, и грамматические, и у нас они помечаются теми же парными крестами. Ср.:

I-07 3[r] 2–11

(8) *ὁ +πιστὸς τῆς +Ἐκκλησίας +λαὸς*

+вѣрьнн|н +твон +людие

inslav

(9) καρπὸν χειλέων ὁμολογούντων
плодъ оустьнъ исповѣда|ющихъ
(10) τὴν χάριν +προσφέρει
благодать +приносить
(11) τῷ δοξάσαντι τὴν μνήμην σου...
просла|вльшюоумоу памѧть твою...

Здесь в строке (8) опорное существительное λαός («народ, люд») стоит в единственном числе, и зависящее от него прилагательное πιστός («верующий, верный»), а также глагол προσφέρει («приносит»; строка 10) поставлены в том же числе. Между тем славянский переводчик употребил множественное число существительного людиѥ и согласовал с ним прилагательное вѣрьнии, но к моменту перевода строки (10), видимо, по забывчивости уже стал снова ориентироваться на греческую основу и глагол приносить поставил в единственном числе. Получилось несогласование: вѣрьнии людиѥ приносить (вместо правильного приносѧтъ).

Показ лексических перестановок

Продолжим цитирование седальна I-04 на протяжении еще четырех колонов:

(6) τῶν μὲν πιστῶν ⇐① τὰς καρδίας
①⇒ вѣрьнъихъ же срьдѧ
(7) ἐνθέως εὐφραίνοντα
бжтвьно веселѧщѧ|
(8) τῶν δὲ +ἀπίστων ⇐① τὰ +δόγματα
①⇒ +еретикъ же +гърдъиню
(9) ἀξίως βυθίζοντα.
достойно гроузѧ||щѧ

Здесь мы наблюдаем системное отличие греческого языка от славянского. Действительно, греческий артикль имеет несколько функций, и среди них сейчас в тексте седальна проявилась та, которая показывает границы морфологически цельнооформленного слова. Препозиционный артикль показывает левую границу, а слово, к которому артикль относится (опорная лексема[7]), показывает правую границу (например, τὰς καρδίας, τὰ δόγματα). Отсюда греческий язык до-

[7] Стоит всегда в том же роде, числе и падеже, что и артикль.

inslav

пускает вставки между артиклем и опорным словом (например, может быть вставлена парная противительная частица *μέν – δέν*: *τῶν μὲν πιστῶν — τῶν δὲ ἀπίστων*). Славянский книжно-письменный язык артикля не имеет, вследствие чего постановки частицы перед опорным словом, как в греческом оригинале, не может быть — она допустима лишь в постпозиции (вѣрьнъінхъ же, еретикъ же). Соответственно синтаксический порядок греческого оригинала в славянском переводе переменился и, по-видимому, привел к перестановкам.

Чтобы обозначить эти и подобные перестановки (а они в гимнографических текстах встречаются часто) мы соотносим их элементы посредством разнонаправленных стрелок: ①⇒ – ⇐①. Прибавленная в кружочке одна и та же цифра показывает, что греческая и славянская лексемы являются соответствиями. Направление стрелок сигнализирует, в каком направлении искать соответствие, причем для греческих слов стрелки ставятся в славянской строке, а для славянских — в греческой. См. выше строки (6) и (8).

Бывает, что в песнопении представлены две-три перестановки, а лексемы перемешаны; в таких случаях в кружочках употребляются разные цифры, позволяющие соотнести межъязыковые соответствия. Ср. тропарь с двумя перестановками:

I-28 8ᵛ 5–8

(5) *ἀλλὰ*, *Πάτερ*,
нъ, отьче,

(6) +*συγγνώμων* *γενόμενος* ①⇒
+милостивъін бывъ| намъ

(7) ②⇒ *τὴν χάριν* *νέμοις* *ἀφθόνως* *ἡμῖν*.
даюшн благодать ⇐② нескоудьноу ⇐①.

Ср., наконец, тропарь с тремя перестановками:

I-41 9ᵛ 13–16

(1) *Περιτέμνεσθαι* *πέπαυται*
Обрѣзаніе оуставн сѧ

(2) *ἀφ' οὗ* *Χριστὸς* *ἑκὼν* *περιετμήθη*
отъмѣлѣже хри|стосъ ①⇒ обрѣзанъ бысть

(3) ⇐① ②⇒ *τῶν Ἐθνῶν τὰ πλήθη*
хотѧ мъножь|ство ꙗзыкъ ⇐②

(4) ③⇒ *σώζων* *τῇ χάριτι*.
благодатню съпастн·:~| ⇐③.

inslav

Показ пропуска строк и слов

Рассмотрим стихиру I-11 (4^{r} 8–17):

(1) Ἔνδον ἐπουρανίου Ναοῦ
Въноутрь небесьнъıꙗ цьркъве
(2) ὡς ἱεράρχης ἱερὸς προσεχώρησας
ꙗко свѧ|тнтель свѧщеньно въмѣстн сѧ
(3) τὴν πράξιν καὶ θεωρίαν
дѣꙗ|нниꙗ н вндѣниꙗ
(4) τὰς τῆς σοφίας ἀρχὰς
Пропуск славянской строки!
(5) ὡς στολὴν ἁγίαν περικείμενος...
*** *** *** обложенъ...

Поскольку мы исходим из текста греческого оригинала, рукопись Син. 163 обнаруживает пропуск целой строки (4), состоящей из двух слов, и еще трех слов в строке (5). Таким образом, всего утрачено пять слов, и неудивительно, что последняя сохранившаяся в строке (5) лексема обложенъ не может помочь хотя бы приблизительно восстановить смысл двустрочного фрагмента славянского песнопения.

Стало быть, следует прочитать греческий оригинал. Если буквально перевести греческие строки (4) и (5), то получается развернутая метафора: […] *деянием и видением // премудрости началами //, словно одеждоею святою, одеян… .*

Пропуски слов, как видно из публикации начала стихиры, у нас помечаются трехзвездиями. Если пропуски слов отмечаются в переводе, то трехзвездия ставятся *под* каждым пропущенным греческим словом, а если в славянском тексте имеются добавочные слова, то трехзвездия ставятся *над* ними, т. е. в греческой строке. Ср.:

I-21 6^{v} 19, 7^{r} 1–8

(6) ἔτι *** μετὰ σώματος ***
ꙗще бо съ плътн|ю своꙗю [...]
(9) ἐκ τῶν κινδύνων *** καὶ τοῦ σκότους τῆς ἀγνωσίας...
отъ бѣдъ же н отъ тьмы не|вѣденнꙗ...

Ср. также:

I-54 10^{v} 9–13

(1) Ἄγει διπλῆν *** ἀληθῶς
Творнть соугоубо въ истнноу

inslav

(2) ἡ Ἐκκλησία *** ἑορτὴν σήμερον...
цьркъı свѧ|та прѧздьньство дьньсь...

Смысл трехзвездных помет состоит не только в том, чтобы пользователь обратил внимание на пропуски и добавления, но и в том, чтобы он развил у себя навык чтения тракта с симультанным учетом двух строк. Если в одной из них есть отличие по количеству слов, то квалифицированный пользователь, внимание которого привлечено трехзвездиями, по нашему ожиданию, должен восполнять отсутствующие слова обращением к иноязычной строке (и так добиваться понимания тропаря или стихиры).

Феномен симультанного чтения межъязыкового тракта быстро вырабатывается после накопления практического опыта и отнюдь не является фантомом.

Межтекстовое цитирование и аллюзирование

Гимнография (в большей мере, чем другие жанры древней славянской книжности) требует от исследователя применения интертекстуального анализа. Песнопения, в отличие от нарративных жанров, как правило (почти не знающее исключений), содержат в себе немало недосказанного и подразумеваемого. Эта неотъемлемая характеристика природы богослужебных песнопений имеет две разновидности — (прямое) цитирование и (косвенное) аллюзирование.

Конечно, в песнопениях встречаются и дословные цитаты из Свщ. Писания, но гораздо чаще речь идет или о парафразировании (при сохранении ключевых слов) или о псевдоцитировании (когда вся ключевая лексика заменена, но общий смысл удержан).

Ср. тропарь (с парафразированием):

III-20 32^{v} 15–19, 33^{r} 1

(1) Оуслъышнмъ нынѣ пророчьскынхъ|
(2) нспълнѧющннхъ сѧ доухъмь гла|съ:
(3) «крьстѧн бо огньмь н доухъмь»
(4) прн|ходнть на нерданьскыѩ водъı
(5) прн|стоупнте къ немоу н просвѣтнте сѧ||
(6) ваша бо лнцѧ не постъıдѧть сѧ ·:~|

В строке (3) аллюзируются стихи Мф 3:11 и Лк 3:16. Ср.: αὐτὸς ὑμᾶς βαπτίσει ἐν πνεύματι ἁγίῳ καὶ πυρί – **то́й вы̀ кр҃ти́тъ дх҃омъ ст҃ы́мъ и҆ ѻ҆гне́мъ**. Стало быть, номинативный парафраз указывает на Иисуса

inslav

Христа. В строках (5–6) цитируется стих Пс. 33:6: προσέλθατε πρὸς αὐτὸν καὶ φωτίσθητε καὶ τὰ πρόσωπα ὑμῶν οὐ μὴ καταισχυνθῇ – **Пристꙋпи́те къ немꙋ̀ и҆ просвѣти́тесѧ, и҆ ли́ца ва̑ша не постыдѧ́тсѧ.**

Ср. два случая псевдоцитирования.

Они представлены в тропарях III-47 (37^{r} 4–7) и III-48 (37^{r} 8–12): в первом в уста Иисусу Христу, а во втором в уста Иоанну Предтечи вкладываются слова, которых в Свщ. Писании нет. Тем не менее подобные псевдоцитаты не суть придумки или домыслы, поскольку они содержат предикации, вполне мыслимые и даже вероятные в устах того и другого.

(1) «Стоѩщааго на водахъ
(2) сн волею вндѧ| мѧ
(3) нынѣ прнстоупн, ноане,
(4) н крьстн| ѩко да водою
(5) благодать чловѣчь|скоуоумоу
(6) родоу съдѣлаю»·:~|
[…](1) «Съкръываѥмо ѩко облакъı
(2) тѧ поⷯна|хъ сълньце,
(3) боже мон, тѣлъмь
(4) како| оубо обнажѧѥшн сѧ
(5) водамн нынѣ| облагаѩ сѧ»
(6) ноанъ въпнѩаше оудн|влаѩ сѧ·:~|

Ср., далее, стихиры и тропари II-15 (17^{r} 18–19, 17^{v} 1–6), II-16 (17^{v} 7–14), II-33 (20^{r} 18–19, 20^{v} 1–5) и II-59 (23^{v} 4–10), содержащие большие евангельские (псевдо)цитаты. Материал может быть умножен.

От парафразирования и цитирования следует отличать аллюзирование — косвенные и весьма краткие (нередко конвенциональные) намеки на определенное событие или характерное суждение из Свщ. Писания, на деяния свв. соборов и житий святых, на ветхозаветную прообразовательность, стереотипные именования того или другого преподобного и т. д. Ср.:

II-12 16^{v} 15–19, 17^{r} 1–2
(1) Крѣпн сѧ, адаме,
(2) н радоун сѧ нынѣ, е|уго,
(3) [1] не крънта сѧ бога
(4) не срамѣн|та сѧ ѩко древле·[1*]

[*] В [1] – [1] аллюзируется Быт 3:8–10.

inslav

Ср., далее II-73 (25^{v} 3–8) (в строках [1–5] аллюзируется диспут Папы Сильвестра с языческими и иудейскими мудрецами):

(1) Ἐν ὑποστάσει μιᾷ +γνωριζόμενον
Въ съставѣ ѥдинномь +съказаѥмо
(2) τὸν σαρκωθέντα Χριστόν,
въ|плъщьша сѧ хрнста,
(3) μάκαρ, ἀνεκήρυξας,
блажене, проповѣ|далъ ѥсн
(4) θελήσεσι διτταίς καὶ ἐνεργείαις,
волѧма дъвѣма н дѣтель|ма,
(5) Σίλβεστρε, νοούμενον
селнвестре, разоумѣваѥмааго

В (1–5) еще раз аллюзируется диспут с языческими и иудейскими мудрецами.

В нашем издании (псевдо)цитирование показывается опоясывающими кавычками (а поднятая в конце цитаты цифра отсылает к аппарату внизу, в котором содержится адрес цитаты, а иногда и сама цитата). Однако показывать аллюзивную лексику или текстовые фрагменты также через парные кавычки — неудобно, ибо возникает смешение. Соответственно аллюзия показывается или поднятыми парными цифрами (отсылающими к аппарату), или в самом аппарате указаниями на строки, в пределах которых кроется аллюзия.

3. Заключительные замечания

Ниже обобщено содержание сказанного в разделе 2.

Византийский гимнограф пишет на родном языке, пишет от себя и ориентируется на собратьев-клириков. Отсюда самые вычурные песнопения для образованного книжника объективно дают смысл. Славянский книжник, напротив, пишет не от себя, а постоянно чувствует свою зависимость от исходного греческого текста. Он, казалось бы, переводит на родной язык, но древний славянский книжно-письменный язык не всегда готов перевыразить сложное греческое богослужение и богословствование. Соответственно первопереводчики брали на себя функцию языкотворцев.

Каждый, кто читал гимнографические тексты на фоне греческих оригиналов, замечает хотя бы частичную неисправность славянских тропарей и стихир. Если отвлечься от традирования, то неисправность

inslav

присутствовала уже в первопереводах, выполненных по пословной технике.

Отсюда надо признать правоту И. В. Ягича (см. эпиграф) и согласиться, что часть древних гимнографических переводов при всем старании не может быть адекватно понята, если не иметь под руками соответствующих греческих текстов.

Как же должен вести себя издатель славянских миней? Следует ли оставлять такие непонятные тексты «в неприкосновенности», даже если греческая основа способствует осмыслению? Вопрос, по нашему мнению, — риторический.

Действительно, действенной альтернативой является систематическая работа издателя, который, ничуть не касаясь ни одной буквы рукописи, на основе греческих параллелей вносит смыслы в славянские переводы. Не раскрывает[8] их, а именно вносит[9] — из иноязычных текстов.

Автор настоящей статьи держится изложенной альтернативы. Это правда, что в итоге древние славянские переводы отчасти приобретают виртуальное бытие. Им приписывается содержание, которое они должны были бы иметь, но не имеют. Однако другого выхода, кроме бессмыслицы, не усматривается.

При рутинном пословном переводе некоторые характеристики греческих минейных текстов воспроизводятся (1) механически, другие воспроизводятся лишь (2) отчасти и, наконец, еще другие (3) не воспроизводятся совсем. Характеристики под №№ (2) и (3) ответственны за феномен, известный в текстологии как *асемография*[10].

Эти характеристики и были предметом рассмотрения в настоящей статье, причем для двух последних были предложены (из-за нехватки места лишь избранные) эдиционные приемы, позволяющие восполнять смысловые утраты, обозначенные выше под номерами (2) и (3).

Таким образом, природа издаваемого текста определяет специфику эдиционного метода.

---

[8] *Раскрывает* — обнаруживает нечто скрытно присутствующее внутри славянского текста.

[9] *Вносит* — прибавляет нечто извне, со стороны, в том числе от греческого текста.

[10] Асемография (ἀσημογραφία) букв. «неясное письмо», перен. «бессмыслица текста».

inslav

В. А. ДЫБО
Институт славяноведения РАН, Москва

ЕЩЕ РАЗ О *«ВЛАСТЯХ ПРЕДЕРЖАЩИХ»*

Тема этой статьи возникла в определенной степени случайно в результате прочтения в одном из номеров «Независимой газеты» заметки В. Г. Андреева «Еще раз о “властях предержащих”» и, по-видимому, еще в бóльшей степени в результате прочтения ответа редакции «Независимой газеты» на эту заметку. В. Г. Андреев писал, по-видимому, опираясь на свое языковое чутье, что “власти предержащие” и “власть предержащая” — языковая ошибка и во всех случаях следует писать “власть предержащие”, на что редакция отвечала, опираясь на авторитет известных филологов Е. А. Земской и М. С. Гринберга, что ошибочной формой, напротив, является выражение “власть предержащие”, которое возникло в результате контаминации с словосочетанием “власть имущие”. Мое внимание привлекли не столько содержание дискуссии, сколько ее тон: дискуссия велась в достаточно резких тонах, очень напоминающих тон дискуссий не столь отдаленного прошлого, и выводы из нее делались столь же категоричные. Спор о языковых явлениях — дело довольно сложное и тонкое, и всякая категоричность здесь в большинстве случаев неуместна. История языка вся состоит из языковых ошибок. Даже в том случае, когда мы имеем дело с совершенно очевидной ошибкой, вряд ли запретительные меры смогут остановить ее распространение. Возьмем наиболее режущее ухо употребление геологического термина *эпицентр* ‘место над центром’ в значении ‘центр’. Мы можем сколько угодно возмущаться этим нелепым употреблением, но попробуйте убедить человека, пережившего достаточно сильное землетрясение в эпицентре, что он находился не в центре, а во многих десятках километров от центра (над центром). И как только слово выходит за пределы геологического (сейсмологического) употребления, оно естественно приобретает значение ‘центр’, и пресечь этот выход оказывается невозможным, особенно если речь идет о центре катастрофических

inslav

событий[1]. Во всех подобных случаях от автора требуется хорошее знание архитектоники значений слова и его употреблений и чувство меры при его переносах, к сожалению наша лексикография не всегда оказывается на достаточной высоте, чтобы оказать автору необходимую помощь.

Но вернемся к проблеме, которая заинтересовала автора и редакцию «Независимой газеты». При ближайшем рассмотрении она оказывается настолько тесно связанной с историей русского и церковнославянского языков, что современное употребление указанных форм рискует остаться необъясненным без рассмотрения этих моментов их истории. Мне стало очевидным, что без вмешательства в дискуссию специалиста по истории славянских языков вряд ли удастся в какой-то мере прояснить ситуацию, и, проделав определенное исследование, я написал письмо в редакцию «Независимой газеты». Однако, как всякое более или менее серьезное исследование, это письмо значительно переросло размеры обычной газетной публикации, да и требования научной филологической точности заставляли сомневаться в возможностях корректной передачи их в газете. Поэтому я не решился послать его адресату и предпочитаю опубликовать эти результаты в обычном научном издании. Должен, однако, отметить, что связь древнерусской и старославянской филологий с современностью в ходе исследования выявились столь отчетливо, что вся работа приобрела почти знаковый характер. Чтобы сохранить этот характер, я публикую ее в том виде, в каком она была написана, но с рядом важных уточнений[2].

В редакцию «Независимой газеты»

Ваш ответ В. Г. Андрееву на его заметку «Еще раз о “властях предержащих”» научно некорректен и в определенной (значительной)

---

[1] Значительно менее оправданно употребление слова *эпицентр* для обозначения центра событий, которые не имеют катастрофического характера, по-видимому, просто для подчеркивания важности данного центра, семантика чего отсутствует в первичном употреблении.

[2] Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность О. А. Князевской и В. С. Ефимовой за ряд научных консультаций и сведений о памятниках, использованых в этой работе.

inslav

степени ошибочен. Я, к сожалению, не знаком с дискуссией в Вашей газете по поводу этого выражения. Во всяком случае, Е. А. Земская и М. С. Гринберг не могли *убедительно* показать, что “власть предержащие” — ошибочная форма и что причина контаминации — словосочетание “власть имущие”. Научно корректно они могли лишь указать, что, хотя выражения “власти предержащие” и “власть предержащая”, строго говоря, являются языковой ошибкой, эти выражения вошли в русский литературный язык уже в XIX веке, более того, они еще раньше вошли в русский церковнославянский язык (правда, как гапакс), откуда они (во всяком случае первое) и были заимствованы. Я имею в виду известное место из Послания апостола Павла римлянам (13:1), которое в церковнославянской Библии Российского Библейского Общества выглядит так: **Вс҃ка ду́ша̀ власте́мъ предержа́щымъ да повину́етсѧ**. Именно реминисценция из этого места присутствует во всех употреблениях этих выражений, отмеченных в словарях (Евгеньева т. III: 365; Ушаков т. 3: 714). Вполне вероятно (хотя это требует специального филологического исследования), что именно игра с этим словосочетанием в церковнославянской Библии Российского Библейского Общества, которое воспринималось как языковая ошибка, в значительной степени поддерживала тот иронический смысл, который придавался с самого начала в русском литературном языке этому выражению. Именно тот момент, что данное выражение возникло в русском литературном языке в результате иронической игры с языковой ошибкой и в нем этот иронический смысл сохраняется и в настоящее время, и заставляет сохранять его в таком *согласованно склоняемом* виде. К сожалению, толковые словари недостаточно эксплицируют иронический характер этого выражения, а Словарь Ушакова своей пометой “офиц., [...] теперь ирон.” даже затушёвывает его (примеров на “офиц.” употребление Словарь Ушакова не дает; в Словаре Евгеньевой по примерам видно, что ироническое употребление идет с XIX века, стилистических помет нет, а помета *Устар.* должна, по-видимому, означать, что выражение может употребляться исключительно к дореволюционной власти, но не к советской).

Что касается второго положения глубокоуважаемых филологов (причина контаминации — словосочетание “власть имущие”), то оно должно рассматриваться как гипотеза, даже скорее как рабочая гипо-

inslav

теза, и думаю, что эта гипотеза ошибочна (во всяком случае в ее жесткой форме). Внутренняя форма глагола *предержать* абсолютно прозрачна, семантика диктуется этой внутренней формой: ‘держать, иметь, владеть’. Сам глагол *предержать* не чужд русскому языку, в несвязанном употреблении отмечен в диалектах (см. Словарь русских народных говоров, вып. 31, с. 76). Наконец, в России всегда было довольно много людей, достаточно хорошо знающих церковнославянский язык (помимо Российского Библейского Общества). И для всех этих людей выражение “власть предержащие” и означало ‘власть имущие’. Так это сочетание и этот глагол с другими объектами и употреблялись со времени возникновения церковнославянского языка.

В Старославянском словаре, составленном по древнейшим церковнославянским памятникам (X–XI вв.) дается следующее объяснение значения этого слова: **прѣдьржати** ‘владеть, держать (власть) в своих руках’ (Словарь 1994: 537).

прѣдръжаштоуоумоу власть (вин. ед.) **вьселенъıѧ** (Супр 492, 1) ‘владеющему властью над всем миром (над вселенной — *вселенная* здесь в родительном падеже)’.

Объяснение значения в Старославянском словаре не вполне корректно: **прѣдьржати** можно было не только власть, и употребление этого глагола с другими объектами, очевидно, авторам Словаря не следовало бы загонять в идиомы. В той же Супрасльской рукописи мы встречаем следующие пассажи:

имѫшти съ собоѭ братоучада самьчиѧ санъ (вин. ед.) **прѣдръжаща** (Супр 297, 30) ‘имеющая с собой племянника, в чине префекта (*букв.* имеющего чин префекта)’;

и старѣишинъства многа градъная (вин. мн. ср.р.) **прѣдръжавъ** (Супр 281, 3) ‘имев многие высшие городские должности’.

Так же это слово употреблялось в русском церковнославянском и древнерусском языках:

Изѧславоу же кънѧзоу тогда прѣдрьжѧщоу обѣ власти (вин. дв.) **и оц҃а своего Ꙗрослава, и брата своего Володимира**. *Остр. ев. запис. л. 294.* (‘Князь Изяслав же тогда имел обе власти (обе властные должности) и отца своего Ярослава, и брата своего Владимира’);

Изѧславъ, предьржаи тъгда столъ (вин. ед.) **оц҃а своюго**. *Нест. Жит. Феод. 12.* (‘Изяслав, занимавший (державший) тогда престол отца своего’);

inslav

Въ Селуньстѣмъ же градѣ бѣ мужъ нѣкыи добророденъ и богатъ, именемъ Левъ, предръжа санъ другарескъ (вин. ед.) **по стратигомъ**. *Жит. Конст. Фил. XV в.* (‘В городе Салоники был некий знатный и богатый человек (муж) по имени Лев, имевший чин друнгаря (начальника друнга) под начальством стратига (высокий воинский чин)’);

Сн҃ъ ѡч҃ю власть (вин. ед.) **предержить**. *Мат. Злат. XV в.* (‘Сын отцовскую власть имеет’);

Стефану же предержацю манастырь и бл҃жное стадо (вин. ед.). *Пов. вр. л. 6582 г.* (‘Стефан же руководил монастырем (держал монастырь) и (монастырской) братией’);

Жена нѣкаꙗ, иже бѣ прѣдьржаци вьсѧ (вин. мн. ср. р.) **въ дому бл҃говѣрьнааго кнѧзѧ Вьсеволода**. *Нест. Жит. Феод. 20.* (‘Некая женщина, которая управляла всем (*букв.* была держащей всё) в доме благоверного князя Всеволода’).

Это всё выписано из Словаря Срезневского. Вот несколько примеров из памятников, которые у меня под рукой:

(**Володимиръ** [...] **мономахъ**) [...] **предрьжааше оубо переꙗславьскоую оболость** (вин. ед.). *Усп.сб. 24б* (‘(Владимир Мономах) владел Переяславльской областью’);

Володимироу же предрьжацю вьсю власть (вин. ед.) *Усп.сб. 25а* (‘Владимир же имел полную власть’);

и вь|си предрьжащаꙗ страны всꙗ (вин. мн.) *Усп.сб. 25б* (‘и все владеющие странами всякими’);

иже добролѣпьныи| и бл҃гообразьныи прѣ|столъ ѥрѣискыи прѣ|дьрьжащии *Усп.сб. 26бa* (‘владеющие (держащие) [...] иерейским престолом’).

Как видите, закономерности сочетания глагола **прѣдьржати** с зависимыми словами в церковнославянском языке совершенно прозрачны. Этот глагол *управляет* винительным падежом имени, обозначающего объект, на который направлено действие, выражаемое этим глаголом. И заметьте, нет случаев, когда бы причастие ‘предержащий’ означало ‘высокий’, ‘высший’ и подобное.

Как же переводилось на русский церковнославянский язык соответствующее место из *Послания апостола Павла к римлянам* (13:1)? К сожалению, я не могу привести этого места в старославянском

inslav

переводе: эти тексты посланий апостола Павла не сохранились. Недавно (в 1960 году) открытый *Енинский апостол* (XI в.) — очень сильно поврежденная рукопись (фактически, обрывки листов), там есть обрывки, относимые к *Посланию апостола Павла римлянам* (кусочек VI главы), но этой (XIII) главы нет, да и сама рукопись — апостол-апракос, т. е. неполный. Другие обнаруженные тексты Апостолов появляются с конца XII века (тоже неполные и сильно поврежденные) и выходят, следовательно, за пределы старославянского периода. С этого же времени (запись 1175 г.) фиксируется цитата обсуждаемой фразы в Лаврентьевской летописи (1377 г. по датировочной записи): **и пакы Павелъ апл҃ъ гл҃еть· всѧка дш҃ властелемъ повинуетсѧ** 125а (в Радзивиловском списке [конец XV в.(?)] и в списке Московской Духовной Академии [XV в. (?)]: **властемъ**). В Ипатьевской летописи (конец 10-х – начало 20-х годов XV века, по водяным знакам) это место представлено так: **пишеть апл҃ъ Павелъ· всѧка дш҃а властемь повинуетсѧ** 209а. Редакция лаврентьевского списка Лаврентьевской летописи представляется первоначальной, так как соответствует наиболее древнему русскому церковнославянскому тексту Апостола: **Всѧка дш҃а вл҃камъ прѣвладоущиимъ да повиноуѥтьсѧ** (Апост. посл. по сп. 1220 г.) (т. е. ‘всякая душа владыкам начальствующим пусть повинуется’) и еще в большей степени тексту Толстовского Апостола XIV в. № 5 (ГПБ): **Всѧка дш҃а властелемь вышьнимь да сѧ повинуеть**. Этот же текст дает Погод. Ап. 1391 г. (**властелемь вышьнимь**) и, по утверждению Воскресенского, Карпинск. Ап. Хлуд. № 28; но в издании Амфилохия этот текст Карпинского апостола выглядит так: **Всѣка д҃ша властемь вышнимь да повиноуетьсѧ**; в двух апостолах мы наблюдаем одинаковую ошибку: **властелемь бывшимь** (Хлуд. № 31, Синод. № 40–25); Хотя в большинстве опорных для реконструкции «Повести временных лет» списках представлено **властемъ**, в этой фразе следует восстанавливать **властелемъ** (замена **властемъ** в других списках летописи, также, как, возможно, и в Карпинском апостоле, вероятнее всего, результат потери выносного ҆ при списывании с текста, в котором соответствующее слово было представлено

inslav

как ***властѣмъ**). Это подтверждается и проверкой данного текста по некоторым другим летописям: **властелемъ**: ТвЛ 252. Таким образом, в ранней славянской письменности обнаруживаются две редакции Апостола, одна из которых зафиксирована текстами с XIV века, но отражается в русском летописном тексте XII века и в болгарском тексте X века, в Беседе против богомилов Козмы Пресвитера: **Всѧка доуша властелемь да сѧ повинꙋеть** (37. 13–15; Давидов 54), где интересующему нас выражению соответствует **властелемь вышьнимь**, и вторая редакция, где этому выражению соответствует **владыкамъ прѣвладѫщиимъ**. То, что вторая редакция относится также к наиболее ранним церковнославянским переводам Апостола, показывает его отражение в Пандекте Антиоха XI века: **Владъıкамъ прѣвладѫщамъ повиноуитесѧ** л. 255а. А также то, что он бытует в ранних южнославянских текстах Апостола. Например, в Апостоле на сербском церковнославянском языке по рукописи № 889 начала XV века Софийской библиотеки св. Кирилла и Мефодия это место переведено так: **Въса́ка̀ дш҃а| влⷭ҇камь прⷭ҇ѣвладꙋ́щїѝ да пови|ноу́е́тѣ҃** 167а, та же фраза в среднеболгарском Апостоле № 93 Софийской библиотеки св. Кирилла и Мефодия (конец XIV века): **въсѣ̀каа д҃ша̀,| вл҃акамь прѣвла́дѫща̀мь да пови́ноуѝтсѧ** (Ап. № 93, 61[21-22]б), а также в более ранних южнославянских апостолах XII в.:

Слепч: **Бра҃ въсѣка дш҃а : вл҃камъ прѣвладѫщимъ да повиноуетъ сѧ** (л. 35v., с.34 издания); Охр: **Братие· вл҃дкамъ прѣвладѫщи да повине|тъсѧ·** (л. 24а, с. 31 издания); Христ: **Всѧка дш҃а вл҃дкамъ прѣвладающимъ да повиноуѭть сѧ** (с.131); Матич: **братие Всака дш҃а. вл҃дкамь прѣвладющимь да повинюѭть се.** (с. 163); Шиш: **вл҃дкамъ превладоущиимъ** (Воскресенский, с. 188).

Эта редакция церковнославянского Апостола, по-видимому, еще долго бытовала на Руси. Характерно, что эта же редакция представлена в цитате из Апостола в Первом послании Ивана Грозного Курбскому: **Почто и апостола Павла презрел еси, ꙗко же рече: Всѧка душа владыкам предвладующим да повинуетсѧ** (Краткая редакция, л. 12б), несколько изменено это место в Первой пространной редакции: **Всѧка душа владыкам превладеющим да повинуетсѧ** (л. 300а).

inslav

Пожалуй, наиболее древний перевод полного Нового Завета (включающего, следовательно, Апостол) на русский церковнославянский язык, где появляются *власти* и *предержащие*, — это перевод, приписываемый Алексíю, митрополиту Московскому и всея Руси, в научном обиходе называемый Чудовским Новым Заветом. Он датируется 1355 годом и был осуществлен им, по-видимому, во время пребывания его по делам русской церкви в Константинополе. Из текста рукописи ясно, что Алексíй при переводе использовал какие-то более древние славянские рукописи Нового Завета и пользовался помощью ряда лиц, видимо, русских монахов, членов константинопольской русской монашеской общины (можно даже думать, что они были его земляками или даже родственниками)[3]. Сам Алексий был одним из самых образованных людей своего времени и, конечно, прекрасно знал и церковнославянский язык, и греческий язык. Как же он перевел это место Послания апостола Павла римлянам (13:1)? Вот оно: **Всѧка дша власти** (вин. мн.) **предержа|щим да повиноуѭсѧ** Чуд. 105[4]. Как видите, Алексíй в точном соответствии с законами церковнославянского языка ставит слово *власть* в винительном падеже множественого числа. Множественное число здесь употреблено потому, что речь идет не об одной власти (властной должности), а о многих властях (властных должностях, властных функциях).

Что же было в греческом тексте (а именно на греческом языке писал свои послания апостол Павел)? Вот это место: Πᾶσα ψυχὴ ἐξουσίαις ὑπερεχούσαις ὑποτασσέσθω [4].

И тут мы подходим к объяснению причины ошибки, которая допущена в тексте, известном по Библии Российского Библейского Общества.

Но, во-первых, когда эта ошибка появилась? В Острожской Библии (1581 г.) эта фраза уже имеется: **Всѧ́ка дша властемъ преде|ржа́щимъ да повинꙋетсѧ**. Но сомнительно, что эта фраза введена Иваном Федоровым. Скорей всего этот перевод восходит к Максиму

[3] Наблюдается различие почерков при общности графического стиля и различия в акцентовке, скорее идиолектные, чем диалектные.

[4] Греческий текст Апостола цитируется по изданию: Novum Testamentum graece et latine. Lipsiae, 1887.

inslav

Греку, который в 1520 году перевел с греческого Толковый апостол (Рукописи: ГИМ, собр. Музейное, № 3475 (XVI в.); ГПБ, ф. 351, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 24/149)[5]. В рукописи: ГИМ, собр. Музейное, № 3475 (XVI в.) эта фраза, действительно, переведена так: **Всѧ́ка д҃ша вла́стѣ҃ъ предьржа́ці҃ѣ да повинꙋ́ет҃сѧ** 343а. Характерно, что в Геннадиевской библии (1499 г.) мы обнаруживаем еще старый перевод: **Всѧка д҃ша. владыка҃ превладꙋщі҃а да повинꙋетесѧ** (с. 192 издания).

В греческом тексте оба слова (и причастие, и ʻвластьʼ) стоят в дательном падеже множественного числа. Более того, оба слова имеют женский род. Разберем это предложение: Πᾶσα ψυχὴ ʻвсякая душаʼ — оба слова в имен. падеже, женский род; ἐξουσίαις — дат. пад. мн. числа от слова ἐξουσία ʻвласть, могуществоʼ; в значении ʻвластьʼ это слово означает не только функцию (властвование), но и “социальное установление”, о чем свидетельствуют такие словосочетания как οἱ ἐν ἐξουσίᾳ ὄντες и οἱ ἐν ταῖς ἐξουσίαις ʻвласть имущие, стоящие у власти (во власти, во властях)ʼ. Ὑπερεχούσαις — дат. пад. мн. числа женского рода от действ. причастия настоящего времени ὑπερέχων, т. е. причастной формы глагола ὑπερέχω ʻвозвышаться, подниматься, превосходить, превышатьʼ, поэтому само причастие часто имеет смысл ʻвысокий, превосходящийʼ. Ὑποτασσέσθω ʻпусть повинуется’ — оставляю без разбора. Таким образом, греческий текст действительно имеет тот смысл, который дан в его русском переводе: «Всякая душа да будет покорна высшим властям». Тот же смысл передан в Вульгате, латинском переводе Библии, осуществленном Иеронимом в конце IV века (Ветхий Завет он перевел уже в начале V века): *omnis anima potestatibus sublimioribus subdita sit. Potestatibus* — дат. п. мн. ч. от *potestas* ʻвластьʼ, *sublimioribus* — дат. п. мн. ч. сравнительной степени

[5] Это предположение, равно как и данное ниже объяснение ошибки переводчика, конечно, лишь рабочая гипотеза, для подтверждения которой требуется не только ознакомление с указанными рукописями, но сравнение перевода Максима Грека с другими редакциями церковнославянского Апостола и, особенно, с переводом Алексия. Как будет ясно из дальнейшего, автор ошибки должен был хорошо знать греческий язык, но ограниченно знать церковнославянский. И в этом отношении Максим Грек для роли автора очень подходит.

inslav

прилагательного *sublimis* ‘высокий’ (латинский текст в определенном отношении даже более отчетливый). Можно проверить точность нашего понимания греческого текста еще на одном независимом переводе. Это готский перевод Ульфилы (IV в.): *All saiwalo waldufnjam ufarwisandam ufhausjai. Waldufnjam* — дат. пад. мн. числа от *waldufni* (ср. род) ‘власть, сила’; *ufarwisandam* — дат. пад. мн. числа ср. рода от действ. причастия настоящего времени *ufarwisands*, т. е. причастной формы глагола *ufarwisan* ‘быть возвышающимся, превосходить’. Очевидно, что и Ульфила совершенно точно перевел текст апостола Павла.

Так что же это значит? Алексѝй не понял греческий текст? Это совершенно невероятно! Так же невероятно, что переводчики, создатели приведенных выше ранних церковнославянских текстов, не поняли греческого текста.

Дело здесь, вероятно, в слове **власть**, которое в церковнославянском языке не означало ‘власть как социальное установление’, а лишь ‘власть как действие, функцию’ (а также как территорию, сохранилось в русском *волость*). Если бы Алексѝй это место перевел как ****Всѧ́ка дꙋша̀ властѐмъ вы́сшим да повинꙋ́етсѧ**, оно славянином воспринималось так, как мы бы восприняли фразу ‘пусть всякая душа высшим господствам (*или* владычествам) повинуется’. Вероятно, поэтому переводчики предпочли заменить здесь абстракцию ‘власть как социальное установление’ на понятное конкретное воплощение власти — ‘властвующих лиц’.

Теперь, вероятно, понятно, в каком трудном положении находился справщик библейского текста (Максим Грек?). С одной стороны, он, конечно, хорошо понимал библейский греческий и латинский текст, кроме того, он понимал ‘власть’ не только как функцию, но и как социальное установление; с другой стороны, он имел текст, освященный именем свято почитаемого митрополита Алексѝя (который, конечно же, не мог ошибиться! Ну а описка у каждого может быть[6]). Поэтому справщик посчитал вин. мн. слова *власть* опиской и согласовал его с причастием **пре-держащимъ**, посчитав его калькой греч. ὑπερ-εχούσαις, имевшей то же значение, что и последняя форма:

[6] Кстати, лингвистически крайне ценный текст Чудовского Нового Завета в некоторых местах испорчен более поздней правкой.

inslav

‘высоким, высшим’. Это было неудачное решение, ведь причастие **предержащии**, да и сам глагол **предержати** не гапакс[7]. Те примеры, которые я привел выше по древним памятникам, большинство из них относятся к житийной литературе, которая входит в Четьи-Минеи, а они не подвергались столь тщательной справе, как библейские тексты. А Четьи-Минеи были одним из основных источников для углубленного выучивания церковнославянского языка. Поэтому рассматриваемое сочетание и рассматривалось и продолжает рассматриваться как ошибочное, чуждое русскому церковнославянскому языку и, естественно, чуждое русскому литературному языку. Об иронической игре с этим сочетанием я писал выше.

В древнерусской и южнославянской традициях прослеживаются две редакции древнеславянского Апостола, получившие соответственно названия: первая, или Кирило-Мефодиевская редакция и вторая, преславская, или Царь-Симеоновская редакция (порядок, обратный моему вводу). Имеется уже достаточно публикаций, посвященных проблеме отношения этих редакций друг к другу, условий их возникновения и объему входящего в них корпуса текстов. Наиболее четко отношение текста Апостола, отраженного в Беседе Козьмы Пресвитера, ко второй, преславской, или Царь-Симеоновской редакции показал Иван Добрев (см. Добрев). В этой своей заметке я лишь ста-

[7] Если бы это причастие с таким значением встретилось в старославянских текстах (или сам глагол с значением ‘возвышаться, превосходить’), его можно было бы посчитать за грецизм, возникший в славянском диалекте Салоник, родном диалекте Кирилла и Мефодия, но его там нет, и тем более нет в русском церковнославянском языке. Видимо, это значение не обнаруживается и в других изводах церковнославянского. Эта особенность данного слова, то, что его можно считать калькой греческого слова, облегчает нам поиск автора данного перевода. Скорей всего автором был грек, ибо лишь грек наиболее естественно мог воспринять причастие *предержащий* как калькy греческого ὑπερέχων, этот грек должен быть достаточно авторитетен, чтобы позволить себе правку священных текстов, и, наконец, он должен был весьма поверхностно знать церковнославянский язык; сведение о последнем дает нам Судное дело Максима Грека, свидетельствующее о том, что Максим Грек не замечал тонких различий между аористами **сѣде** и **сѣдѣ** (см. Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971, с.109, л. 336 об. Списка).

inslav

раюсь поставить вопрос о происхождении того варианта перевода Рим. XIII:1, который мы находим в современной церковнославянской библии, и выдвинуть определенную гипотезу об условиях возникновения этого перевода и об его авторе, которая безусловно еще требует дальнейшей проверки, и не вхожу в проблематику двух ранних редакций этого текста. Должен, однако, обратить внимание на то, что текст Рим. XIII:1, восстанавливаемый для второй, преславской, или Царь-Симеоновской редакции: **Вьсꙗка доуша властелемъ вышьнимъ да сѧ повиноуетъ**, — является самым точным из ранних церковнославянских переводов соответствующего греческого текста. Он в наибольшей степени соответствует традиции ранних переводов этого текста, ср. переводы Иеронима и Ульфилы. Употребление мн. числа слова **властель** для перевода греч. ἐξουσία ‘власть, могущество’ — также в традиции ранних церковнославянских переводов библейских текстов, ср. **ꙗко азъ чловѣкъ есмь подъ властелы оучинѣнъ** Л VII:8 (Зогр, Мар, Ас) ~ греч. Καὶ γὰρ ἐγὼ ἄνθρωπός εἰμι ὑπὸ ἐξουσίαν τασσόμενος. Напротив, текст **Вьсꙗка доуша владыкамъ прѣвладѫщамъ да сѧ повиноуетъ** выглядит скорее как истолкование предыдущего текста, ставшего в каких-то условиях не вполне понятным, ср. ошибки при переписывании и регулярное опускание слова **вышьнимъ** при цитации. Дело еще осложняется проблемой отношения к двум начальным редакциям двух сербских (?) апостолов, указанных у Воскресенского: Ап. Гильфердинга № 15 (серб.): **властемь прѣвладоуцимь** и Ап. Хлуд. № 39 (серб.): **властемь прѣвладоуцимь**. По другим частям текста эти апостолы относятся как будто к первой редакции («Кирило-Мефодиевской»), но **властемь** здесь скорей из **власт҃емь**, ср., по-видимому, эту же традицию в Апостоле Скорины (1525 г.): **властелемъ обладаюцїй**. Если следовать строго комментарию Амфилохия (с. 233), именно этот текст в апостолах собрания Амфилохия № 32 и № 42 (XV в.): **властелемъ прѣвладоуцимъ**.

inslav

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Амфилохий — Древле-славянский Карпинский апостол XIII в. Труд архим. Амфилохия. М., 1886. Т. I–III.

Ап. № 93 — Апостол № 93 НБКМ = Апостол № 93 (по Цоневу) Народной библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия (София); цитируется по микрофильму рукописи.

Ап. Гильфердинга № 15 — Апостол по посланиям, РНБ, собрание А. О. Гильфердинга № 15, приводится по Воскресенский.

Ап. Хлуд. № 39 — Апостол, собрание Хлудова № 39, приводится по Воскресенский.

Апост. посл. по сп. 1220 г. — Апостольские послания с толкованиями; рукопись Московской синодальной библиотеки № 95; цитируются по Словарю Срезневского.

Апостол № 93 Софийской библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия (конец XIV в.) = Ап. № 93.

Апостолы собрания Амфилохия № 32 и № 42 (XV в.); приводятся по Амфилохий (с. 233).

Апостол Хлуд. № 31 — Евангелие и Апостол Никольского Единоверческого, в Москве, монастыря, собр. Хлуд. № 31; приводится по Воскресенский.

Апостол Синод. № 40–25 — Апостол Синод. Типографской библ-ки в Москве, № 40–25 (XIV в.), приводится по Воскресенский.

Апостол Скорины — **Книга деанила · и посъланила апостольскаꙗ зовемаꙗ апостолъ, з Божию помочью справълена докторомъ Францискомъ Скориною с Полоцька**; цитируется по Амфилохий.

Ас — Ассеманиево (или Ватиканское) евангелие-апракос (рукопись старославянская).

Воскресенский — *Г. А. Воскресенский.* Древне-славянский апостол. Послания святого апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями по пятидесяти одной рукописи апостола XII–XVI вв. Сергиев Посад, 1892. Вып. 1. Послание к Римляном.

Воскр. Перевод — *Г. А. Воскресенский.* Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879.

Вульгата — цитируется по изданию: Biblia sacra. Iuxta vulgatam versionem adiuvahtibus Bonifatio Fischer osb, Iohanne Gribomont osb, H.F.D. Sparks, W. Thiele; recenssuit et brevi apparatu instruxit Robertus Weber osb. Editio tertia emendata, quam paravit Bonifatius Fischer osb cum sociis H. I. Frede, Iohanne Gribomont csb, H. F. D. Sparks, W. Thiele. Stuttgart, 1983. T. I–II.

inslav

Геннадиевская библия (1499 г.) — цитата по изданию: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. М., 1992. В 10 т. Т. 8. Проверена О. А. Князевской.

ГИМ — Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва, Красная пл., 1/2).

Готский перевод Ульфилы (Нового завета) — цитируется по изданию: *Streitberg W.* Die gotische Bibel. Heidelberg, 1950.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В наст. вр. — Российская национальная библиотека (РНБ) (С.-Петербург, ул. Садовая, 18).

Евгеньева, т. III — Словарь русского языка в четырех томах. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1984. Т. III. П–Р.

Енинский апостол (XI в.) — *К. Мирчев, Хр. Кодов.* Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.

Жит. Конст. Фил. XV в. — Житие Константина философа по рукописи Московской Духовной Академии XV в. № 19; цитируется по Словарю Срезневского.

Зогр — Зографское четвероевангелие (рукопись старославянская).

Ипатьевская летопись — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.

Лаврентьевская летопись — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Т. 1.

Карпинск Ап. Хлуд. № 28 — Евангелие и Апостол Никольского Единоверческого, в Москве, монастыря собр. А. И. Хлудова № 28; приводится по Амфилохий и по Воскресенский.

Мар – Мариинское четвероевангелие (рукопись старославянская).

Мат. Злат. XV в. — Матица златая (рук. XV в. Имп. публичной библ-ки из Погодинских); цитируется по Словарю Срезневского.

Матич — Матичин апостол; цитируется по изданию: Матичин апостол (XIII в.) / Под ред. Димитрије Богдановић. Београд, 1979.

НБКМ — Народна библиотека «св. св. Кирил и Методий» (София).

Нест. Жит. Феод. — Житие Феодосия, игумена Печерского, написанное Нестором до 1093 г.; цитируется по Словарю Срезневского.

Острожская Библия (1581 г.) — цитируется по фототипическому переизданию текста с издания 1581 года, осуществленного под наблюдением И. В. Дергачевой по экземплярам Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского государственного университета. М.; Л., 1988.

Остр. ев. запис. — Остромирово евангелие 1056–1057 г.; цитируется по Словарю Срезневского.

inslav

Охр — Охридский апостол. Изд.: *С. М. Кульбакин.* Охридская рукопись апостола конца XII в. // Български старини. София, 1907. Кн. III; приводится по Добрев; проверено по изданию (с. 31: л. 24а рукописи).

Пандект Антиоха XI в. — Пандект Антиоха по сп. XI в. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря; цитируется по Словарю Срезневского.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому — цитируется по изданию: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979.

Пов. вр. л. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку; цитируется по Словарю Срезневского.

Погод. Ап. 1391 г. — Погодинский Апостол, рукопись РНБ, собрание М. П. Погодина № 26 (датирована в послесловии 1391 годом); цитируется по Воскресенскому.

Рукопись № 889 Софийской библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия — старосербская рукопись начала XV в. «Апостол и въскресни евангелия» / НБКМ № 889 (по Цоневу), цитируется по микрофильму.

Слепч — Слепченский апостол. Изд.: Слепченский апостол XII века / Труд Г. А. Ильинского. М., 1912; приводится по изданию.

Словарь русских народных говоров, вып. 31 — Словарь русских народных говоров. СПб., 1997. Вып. 31. Почестно – Присуть.

Словарь Срезневского — *И. И. Срезневский.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Л–П.

Старославянский словарь — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Супр — Супрасльская рукопись (рукопись старославянская).

ТвЛ — Тверская летопись, цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей. Рогожский летописец; Тверской сборник. М., 2000. Т. XV.

Толковый апостол Максима Грека (Рукописи: ГИМ, собр. Музейное, № 3475 (XVI в.); РНБ, ф. 351, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 24/149). Текст по рукописи ГИМ, собр. Музейное, № 3475 (XVI в.) проверен О. А. Князевской.

Толстовский Апостол XIV в. № 5 (ГПБ) — рукопись РНБ, собрание гр. Толстова № 5, цитируется по Воскресенский.

Усп.сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Ушаков, т. 3 — Толковый словарь русского языка / Главная редакция Б. М. Волин и проф. Д. Н. Ушаков. Составили проф. В. В. Виноградов, проф. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, доц. С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский и проф. Д. Н. Ушаков / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. III. П–Ряшка.

inslav

Христ — Христианопольский апостол. Изд.: Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem Codicis Christianopolitani saeculo XII° scripti / Ed. Ae. Kałużniacki. Vindobonae, 1896; приводится по изданию.

Чуд. — Чудовский Новый Завет. XIV в. Цитируется по фототипическому изданию: Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892.

Шиш — Шишатовацкий апостол. Изд.: Apostolus e Codice Šišatovac Palaeoslovenice / Ed. F. Miclosich. Vindobonae, 1853; приводится по Воскресенский.

ЛИТЕРАТУРА

Давидов — *Давидов А.* Речник-индекс на презвитер Козма. София, 1976.

Добрев — *Добрев И.* Апостолските цитати в Беседата на презвитер Козма и преславската редакция на Кирило-Методиевия превод на Апостола // Кирило-Методиевски студии. София, 1984. Кн. 1. С. 44–62.

inslav

В. С. ЕФИМОВА
Институт славяноведения РАН, Москва

О ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СТАРОСЛАВЯНСКИМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ И СЛОВОСОЧЕТАНИЯМИ

Нет сомнений, что в старославянском лексическом инвентаре имелись как однословные, так и несколькословные наименования. Нет сомнений также, что многие несколькословные наименования представляют собой лексические единицы, другие же представляют собой единицы-описания[1]. Вопрос, какие из старославянских словосочетаний следует считать лексическими единицами, является не только чисто теоретическим, но и выходит в практическую плоскость: все лексические единицы — как однословные, так и несколькословные — должны фиксироваться словарями. В настоящее же время дело с изучением старославянских несколькословных наименований обстоит так, что лексикографы-палеослависты при фиксации их руководствуются не какими-либо теоретическими основаниями, а своим опытом, интуицией и «вкусом»[2].

На наличие в европейских языках несколькословных наименований, представляющих собой лексические единицы, лингвисты об-

---

[1] Основное противопоставление среди единиц номинации было намечено в свое время Е. С. Кубряковой: единицы-обозначения (как однословные, так и несколькословные лексические единицы) versus единицы-описания (аналитические дескрипции), хотя не все высказанные ею положения представляются бесспорными. Так, например, по нашему мнению, сомнительно, что конвенциональностью обладает только производное слово (Кубрякова 2000).

[2] Обычно палеослависты пользуются следующими словарями: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997. T. I–IV (SJS); Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994 (Словарь 1994); Старобългарски речник. Т. I. София, 1999; Т. II. София, 2009 (СтБР). Однако до сих пор не потеряли своего значения и известные ранее словари: *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955; *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

inslav

ратили внимание давно. Уже более столетия тому назад Ш. Балли писал о словосочетаниях типа *mauvaise foi* в значении ‘нечестность, вероломство’: «Psychologiquement, c’est un mot, une *unité lexicologique* (qu’on peut appeler, si l’on veut unité composée)» (Bally 1921: 69). В последние годы несколькословные наименования («multi-word lexemes», «phrasal lexemes», «phrasal names») на материале современных европейских языков исследовались в ряде работ представителей разных школ и направлений. При этом в поле зрения лингвистов в первую очередь попадают устойчивые словосочетания («fixed expressions»), и считается, что именно конвенциональность в языковом узусе несколькословных наименований служит основанием считать их лексическими единицами (Wray 2002; Sprenger 2003; Wray 2008; Booij 2009; Masini 2009; Aleksiejewa, Ostapczuk 2013 и др.)[3]. Однако когда мы с коллегой В. Желязковой начали исследования несколькословных номинаций лиц в старославянском языке, оказалось, что для выявления лексических единиц среди старославянских несколькословных наименований пользоваться критериями конвенциональности и устойчивости невозможно. Видимо, не эти критерии являются определяющими для выявления лексических единиц среди несколькословных наименований и в современных живых языках, хотя в них свойства конвенциональности и устойчивости многих (но, очевидно, далеко не всех) несколькословных наименований «бросаются в глаза» прежде всего. Обращение же к старославянскому языковому материалу заставляет искать другие критерии.

Мы понимаем термин «старославянский язык» как название реально существовавшего во второй половине IX – начале XI вв. литературного («книжного», «литературно-книжного») языка и представляющего собой ранний этап общего для всех славян древнеславянского литературного языка. Старославянский лексический инвентарь складывался по мере выполнения свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями переводов (главным образом, с византийского греческого), и масса старославянских наименований — как однословных, так и несколькословных — создавалась самими книжниками буквально в процессе перевода. Наименования создавались

[3] Подробнее см. в нашей совместной с В. Желязковой статье (Ефимова, Желязкова 2014: 35–36).

inslav

книжниками различными способами номинации — разными видами деривации, разными видами калькирования, путем адаптации грецизмов и. т. д. Многие из этих старославянских наименований закреплялись в языковом узусе, однако и немало оставалось гапаксами, т. е. наименованиями, употребленными лишь однажды. Тем не менее, у палеославистов, видимо, нет сомнений, что созданные самими книжниками однословные наименования (как закрепившиеся в узусе, так и гапаксы) представляют собой лексические единицы и должны фиксироваться словарями. Точно так же и несколькословные наименования — результаты словотворчества книжников могут представлять собой лексические единицы, которые должны фиксироваться словарями. Однако очевидно, что ни о какой «конвенциональности и устойчивости в языковом узусе» при этом не может быть и речи — не только в отношении несколькословных наименований, но и однословных. Напротив, иногда рукописи сохраняют нам как бы «пробы пера» переводчиков, результаты их творческих поисков в создании лучшего варианта передачи соответствующего греческого наименования. Так, например, композит χειροπέδαι ‘наручники’ в Псалтыри передается как ѻ҆ковнн оковн, тогда как в Паремейнике — уже как ѻ҆ковнзиѧ ѫзы:

> τοῦ δῆσαι τοὺς βασιλεῖς αὐτῶν ἐν πέδαις καὶ τοὺς ἐνδόξους αὐτῶν ἐν χειροπέδαις σιδηραῖς[4]– съвѩзати ц҃рѩ ихъ пѫть(и...) и славьнзиѧ ихъ ѻ҆ковнзи(н)ми оковы желѣзнзими(н) Пс 149:8 СинН;
> καὶ ὀπίσω σου ἀκολουθήσουσιν δεδεμένοι χειροπέδαις – и въслѣдъ тебе идѫтъ свѧзанн . ѻ҆ковнзими ѫзами Ис 45:14 Григ.

Или, например, композит εὐκαιρία ‘подходящее время, подходящий момент’ в Евангелии передан как подобьно врѣмѧ, а в Псалтыри как благо врѣмѧ:

---

[4] Греческий текст цитируется по изданиям: *M. A. Robinson, W. G. Pierpont.* The New Testament in the original Greek: Byzantine Texform. Southborough, Mass., 2005; *Merk A. S. J.* Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae, 1984; Septuaginta / Ed. *A. Rahlfs*. Ed. 5. London, 1952. Vol. I–II; *Migne J.-P*. Patrologia Graeca. Paris, 1864. T. LXXXI; *Frček J.* Euchologium Sinaiticum / Patrologia orientalis. Paris, 1933. T. XXIV; Paris, 1939. T. XXV; *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982. Т. 1; София, 1983. Т. 2.

inslav

Καὶ ἀπὸ τότε ἐζήτει εὐκαιρίαν ἵνα αὐτὸν παραδῷ. – ι отъ толн ıскааше подобьна врѣмене . да ı прѣдастъ . Мт 26:16 Зогр;
καὶ ἐγένετο κύριος καταφυγὴ τῷ πένητι βοηθὸς ἐν εὐκαιρίαις ἐν θλίψει – І҆ бꙑстъ ґ҆ъ прıбѣжнıще оубогоумоу . помощьннкъ . въ благо врѣмꙗ вь печалехъ Пс 9:10 Син.

Подобные примеры не такая уж редкость. В нашей совместной с В. Желязковой статье мы приводили пример четырех вариантов передачи в евангельском тексте композита οἰκοδεσπότης: господнꙗ храма, господнꙗ храмнꙗı, господнꙗ домоу, чловѣкъ домовнтъ (Ефимова, Желязкова 2014: 39–40). Таким образом, сам лексический материал старославянского языка, находящегося в состоянии непрерывного формирования, диктует в данном случае применение синхронного подхода к его исследованию. Критерии же конвенциональности и устойчивости, «работающие» при диахроническом подходе к исследованию лексического инвентаря устоявшегося идиома, приложимы к старославянскому материалу очень ограниченно[5]. Лишь в некоторых случаях можно наблюдать появление устойчивости у несколькословных наименований на собственно старославянском материале[6]. Так, например, в переводе ветхозаветной книги Исход, выполненном, как известно, несколько позже евангельского перевода, мы находим передачу греческого несколькословного наименования ὁ κύριος τῆς οἰκίας (с тем же значением ‘хозяин дома’, что и у композита οἰκοδεσπότης) как господнꙗ домоу (Исх 22,7)[7]. В подобных случаях можно говорить об обретении наименованием господнꙗ домоу уже некоторой устойчивости. Или, например, можно говорить об обретении некоторой устойчивости старославянским несколькословным

[5] В качестве устойчивых словосочетаний пытался рассматривать несколькословные наименования в старославянском (древнеболгарском) языке Н. Николов. Однако, видимо, не случайно он смог дать устойчивым словесным комплексам лишь «работно определение» («рабочее определение») (Николов 2003: 235).

[6] Известно, что довольно много старославянских несколькословных наименований обрели устойчивость в последующей жизни в веках, однако к исследованиям формирования лексического инвентаря самого старославянского языка это отношения не имеет.

[7] Пример был предоставлен В. Желязковой.

inslav

наименованием жнвѫщен на (вьсен) ѕемлн, которое первоначально было образовано путем перевода греч. οἱ κατοικοῦντες τὴν γῆν (τῆς γῆς), но затем стало употребляться и в отсутствие точного соответствия в греческих оригиналах (Ефимова 2015: 361).

Таким образом, мы пришли к выводу, что для понимания процессов формирования старославянского лексического инвентаря необходимо в первую очередь посмотреть на них «глазами книжника» (т. е. фактически необходим синхронный подход к его исследованию), а при определении параметров единиц номинации возможно исходить только из основного свойства любых наименований — как однословных, так и несколькословных — функции номинации лингвистических концептов[8]. Любые наименования, представляющие собой лексические единицы, должны номинировать один единственный лингвистический концепт. Основанием для дифференциации старославянских несколькословных наименований на лексические единицы (т. е. единицы-обозначения) и единицы-описания является не их конвенциональность или устойчивость в языковом узусе, а функция номинации одного лингвистического концепта у лексической единицы и, соответственно, функция номинации более, чем одного лингвистического концепта, у несколькословных наименований, лексическими единицами не являющихся.

Однако на практике, при интерпретации старославянского текста, определить, один или больше лингвистических концептов номинирует несколькословное наименование в древнем тексте, — не всегда простая задача для исследователя. Как мы полагали, некоторую «гарантию»

[8] При всем многообразии подходов представителей разных школ, есть согласие в том, что концепт — это некая дискретная единица ментального лексикона человека (Краткий словарь 1996: 90; Болдырев 2002: 23–24; Залевская 2005: 243–244; Booij 2009: 220–221; Кубрякова 2012: 49–50; 107–108 и др.). Лингвистический концепт — это концепт, который может быть вербализован (имеется в виду, что лингвистические концепты составляют лишь часть ментального лексикона человека). При решении нашей задачи дифференциации старославянских несколькословных наименований мы имеем дело, главным образом, с «конкретными» концептами, которые более традиционно можно бы было называть «стоящими за словами понятиями» — ср. (Верещагин, Костомаров 2005: 43–62).

inslav

того, что несколькословное наименование номинирует один лингвистический концепт и, следовательно, является лексической единицей старославянского лексикона, дает соответствие старославянского несколькословного наименования греческому однословному. В большинстве случаев это действительно так. Рассмотрим сначала эти, как кажется, бесспорные случаи.

Уже В. И. Ягич в своем исследовании славянских композитов обратил внимание на передачу греческих композитов старославянскими словосочетаниями — как на начальном этапе становления старославянского языка, так и в несколько более поздних переводах. В своем исследовании о славянских композитах он привел ряд примеров: ὑδροπικός – трѫдъ водьнъıи имъı; ὀπωροφυλάκιον – овощьноѥ хранилище и овощию хранилище; νυκτικόραξ – нощьныи вранъ; χειροπέδη – рѫчьныи оковъ; νομοθετεῖν – законъ положити; ὁδοποιεῖν – пѫть сътворити; δίστομος – обоѫду остръ; εὐκαιρία – благо врѣмѧ и подобьно врѣмѧ; κληροδοτέω – по жрѣбию раздѣлити и др. (Jagić 1898: 538–540 и сл.).

Как видим, даже среди приведенных Ягичем примеров словосочетаний есть наименования разного вида, хотя почти все они созданы путем особого рода поморфемного калькирования, когда компоненты композитов передаются отдельными словами. Среди наименований с опорным словом-*именем*, овощьноѥ хранилище и нощьныи вранъ идиоматичны — их значения ‘шалаш стерегущего урожай сторожа’[9] (во всяком случае, первоначальное значение в старославянском лексиконе) и ‘ушастая сова’[10] не выводятся из значений слов в этих словосочетаниях. Разумеется, подобные несколькословные наименования представляют собой лексические единицы, хотя в передаче ὀπωροφυλάκιον, начиная с самых древних списков, наблюдается варьирование: овоштьноѥ хранилште – ѡвоѱоу хранилѩе, позже композиты овоштохранїлште и ꙗгодахранилѩе:

Пс 78:1 ἔθεντο Ιερουσαλημ εἰς ὀπωροφυλάκιον – Положишѧ ї҆ерꙋ҃ма ѣко овоштьноѥ хранилште . Син, Лоб, Пар – ѡвоѱоу хранилѩе Пог – ѡвоѱнѱню хранилѩе Бол – овоштохранїлште Норов;

[9] Ср.: ὀπωροφυλάκιον ‘crop-watcher’s hut’ (Lampe 1961: 968).
[10] Ср.: νυκτικόραξ ‘long-eared owl’ (Lampe 1961: 927).

inslav

Ис 1:8 ἐγκαταλειφθήσεται ἡ θυγάτηρ Σιων ὡς σκηνὴ ἐν ἀμπελῶνι καὶ ὡς ὀπωροφυλάκιον ἐν σικυηράτῳ – н ѡставена бѫдетъ дъщї снѡнова . ѣко хъıзнїца въ вн҃ноградѣ . ї ѣко ѡвощное хранїлїще въ врътоградѣ . Григ – ꙗгодахраннлнще Лобк, Зах – хранныльнница ꙗгодьнаꙗ Перфир 1378.

О поиске первыми славянскими переводчиками лучших вариантов для передачи композитов χειροπέδη и εὐκαιρία было сказано выше. И хотя в этих случаях (рѫчьнн оковн и рѫчьнъıꙗ ѫзъı; подобьно врѣмѧ и благо врѣмѧ) для эпохи старославянского языка мы не видим ни конвенциональности, ни устойчивости, ни, тем более, идиоматичности, наименование χειροπέδαι, равно как и рѫчьнн оковн, и рѫчьнъıꙗ ѫзъı номинируют один и тот же, причем единственный лингвистический концепт ‘наручники’, и потому все они являются лексическими единицами. То же можно сказать и о наименованиях εὐκαιρία – подобьно врѣмѧ – благо врѣмѧ, и о таких наименованиях, как δίστομος – обоѫдоу остръ, хотя в последнем случае варианты передачи греческого композита нам не известны.

Употребление в старославянских рукописях наименований-гапаксов в некоторых случаях наглядно демонстрируют, что старославянские несколькословные наименования (за исключением очень немногих[11]) создавались книжниками «с листа» по потребностям перевода при полном отсутствии конвенциональности и устойчивости в языковом узусе. В числе таких примеров можно указать на перевод κωμόπολις ‘городок, местечко’ в Житии Якова черноризца как вьсьнъıн градъ:

Γέγονέ τις ἀναχωρητὴς ἐν κωμοπόλει Πορφυρίωνι καλουμένῃ, ὀνόματι Ἰάκωβος... – бъıстъ нѣкъıн отъшъльць . вь веснѣѣмь градѣ . порфурнѡнъ нарнцаемѣ . нменемь накѡвъ . Супр 514,7.

Среди старославянских несколькословных наименований с опорным словом-именем бесспорными примерами номинации одного единственного лингвистического концепта представляются не только переводящие греческие однословные наименования, но и многие наименования, переводящие дословно (но, как правило, с обычными

[11] Из славянской народной речи того времени, возможно, было взято наименование ослабленъ(ъıн) жнламн (Ефимова, Желязкова 2014: 42).

inslav

для славянского языкового строя морфологическими структурами, не всегда соответствующими греческим) греческие несколько-словные наименования. Прежде всего это наименования, имеющие уже в греческом языке определенную терминологичность или фразеологичность, а иногда даже восходящие к древнееврейским выражениям: ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ – рабъ божии, ἰατρῶν παῖδες – врачевьстии отроци, οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι – нищии духомь, οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ – чистии срьдьцьмь и под.[12] Вместе с тем и здесь еще не наблюдается устойчивость несколькословных наименований. Так, например, довольно устойчивым представляется наименование рабъ божии — постольку, поскольку оно неоднократно встречается в текстах эпохи старославянского языка. Типичный пример:

Ἐξορκίζω σε κατὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ βαπτισθέντος ἐν Ἰορδάνῃ [...] μὴ ἐγκρυβῇς εἰς <u>τὸν δοῦλον τοῦ Θεοῦ</u> τόνδε – Заклинаѭ та бг҃мь крьщьшнимь сѧ въ Ꙗрдане [...] не оутан сѧ въ <u>рабѣ бж҃ьи</u> семь Евх 54b 22.

Вместе с тем в соответствии с греч. ὁ τοῦ θεοῦ δοῦλος находим и наименование божии рабъ, т. е. с порядком слов, соответствующим греческому. И, например, в Житии Якова черноризца герой повествования номинируется и как рабъ божии, и как божии рабъ. Ср.:

ῥίπτει ἑαυτὸν πρὸς τοὺς πόδας αὐτοῦ <u>ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ</u> παρακαλῶν αὐτόν – поврьже себе прѣдъ ногама <u>рабъ бж҃ии</u> . молѧ юго Супр 524,14;

Ὁ γὰρ παγκάκιστος καὶ δυσσεβὴς ἐχθρὸς <u>τῶν τοῦ θεοῦ δούλων</u> [...] λαβῆς ὥσπερ τινὸς κατὰ τοῦ δικαίου δραξάμενος τὸν τῆς πορνείας αὐτῷ ἐπαφίησι δαίμονα – Прѣлѫкавъıи бо и неучистъıи врагъ <u>бж҃иемъ рабомъ</u> [...] абые въставъ на правьдааго блѫдъıимъ юмоу нападе бѣсомъ . Супр 521,4[13].

Среди приведенных В. И. Ягичем примеров с опорным словом-*глаголом*, такие наименования, как νομοθετεῖν – законъ положити и

[12] Подробнее см. в (Ефимова, Желязкова 2014: 41–43). О наименовании οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι – нищии духомь см. также (Григорьев 2006: 127–136).

[13] В большом Пражском словаре старославянского языка, однако, наименование божии рабъ представлено как специальное наименование, встречающееся в памятниках западного происхождения со значениями ‘духовное лицо’, ‘священник’ (SJS III: 541–542).

inslav

ὁδοποιεῖν – пѫть створнтн, идиоматичны, и уже в силу этого они являются лексическими единицами (примеры были взяты Ягичем, очевидно, из Псалтыри):

Νομοθέτησόν με κύριε – ꙁаконъ положн мнѣ г҃і . Пс 118,33 Син;
ὁδοποιήσατε τῷ ἐπιβεβηκότι ἐπὶ δυσμῶν – Ѿть створте вышедъшюмоу на ꙁападъ . Пс 67:5 Син.

Порядок учета современными старославянскими словарями наименований ꙁаконъ положнтн и пѫть сътворнтн наглядно показывает, насколько мало изучены старославянские несколькословные наименования и в какой мере составители словарей нуждаются в теоретическом обосновании их словарной фиксации. Так, большой Пражский словарь старославянского языка не фиксирует наименования ꙁаконъ положнтн, приводя пример из Пс 118 среди примеров на слово ꙁаконъ как имеющего значение ‘Закон VT и NT’ (SJS I: 643). Словосочетание пѫть сътворнтн Пражский словарь уже фиксирует, однако дается значение ‘проложить путь’, т. е. идиоматичность значения наименования пѫть сътворнтн в словаре не отражается (SJS III: 535). В Словаре 1994 ꙁаконъ положнтн так же не фиксируется в качестве наименования, указано только, что ꙁаконъ датн, положнтн, поставнтн соответствуют греч. νομοθετεῖν (Словарь 1994: 228). Что же касается наименования пѫть сътворнтн, то оно приводится в качестве словосочетания наряду со словосочетанием пѫть протварѭтн, при этом даются значения ‘расчищать/расчистить дорогу’, ‘давать/дать выход’, т. е. идиоматичность значения наименования пѫть сътворнтн в словаре так же не отражается (Словарь 1994: 562). СтБР не фиксирует ꙁаконъ положнтн в качестве наименования, но словосочетание ꙁаконъ положнтн дается как вариант (наряду с ꙁаконъ поставнтн) к словосочетанию ꙁаконъ датн с указанием греч. νομοθετέω, νόμον τίθημι (СтБР I: 521). Словосочетание пѫть сътворнтн СтБР дает отдельно (в качестве наименования?) со значением ‘направя, прокарам път’, т. е. идиоматичность значения тоже не отражается (СтБР II: 555).

Старославянские несколькословные наименования с семантически недостаточными глаголами типа положнтн или сътворнтн, требующими зависимых слов, часто дают бесспорные примеры номинации одного единственного лингвистического концепта. Такие глаголы имеют значения ‘делать (что-л.)’ (глаголы творнтн, сътворнтн,

inslav

сътворѧти и под.), ‘любить (что-л.)’, ‘ненавидеть (что-л.)’ ‘стремиться (к чему-л.)’, ‘жить (обитать) где-либо’ и ‘жить (существовать) каким-либо образом’ и под. В качестве опорных слов используются не только глагольные формы, но и причастные. В последнем случае это — номинации определений и предметов (в широком смысле), в том числе и номинации лиц.

Несколькословные наименования с причастными формами в роли опорных слов иногда переводят греческие однословные наименования, в том числе и композиты: ὁ ἐπηρεάζων – творѧи напастн, φιλαληθής ‘правдолюбивый’ – любѧи истинѫ, ὁ μισάγαθος – ненавидѧи добра и под.:

καὶ προσεύχεσθε ὑπὲρ <u>τῶν ἐπηρεαζόντων</u> ὑμᾶς – і молите . за <u>творѧштѧѩ</u> вамъ <u>напастн</u> . Мф 5:44 Зогр;
Ταῦτα δὲ καὶ τὴν ἐκείνων δείκνυσιν ὠμότητα καὶ τούτων τὸν ἁπλοῦν καὶ <u>φιλαληθῆ</u> τρόπον – се же показаетъ и онѣхъ боуестъ . и снхъ безьлобъныи и <u>любѧштии истинѫ</u> образъ . Супр 440,17;
ἢ ὡς <u>μισάγαθοι</u> μετὰ τῆς εὐσεβείας καὶ τοὺς παῖδας ἡμῖν χαρίσατε – і <u>ненавидѧштеі добра</u> . съ честьѭ і отрокы намъ дадіте Клоц 1а 25.

Однако даже более характерна для наименований с причастными формами передача греческих несколькословных наименований, также номинирующих один единственный лингвистический концепт: ἐργαζόμενος τὴν ἀνομίαν – дѣлаѩи безаконніе, ἐργαζόμενος τὴν ἀδικίαν – дѣлаѩи неправьдѫ, ὁ μισῶν τὰ καλά – ненавидѧи добраа, ὁ ζητῶν τὰ πονηρά – възыщѧи злаа и под.:

ἀποχωρεῖτε ἀπ’ ἐμοῦ <u>οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν</u>. – отидѣте отъ мене <u>дѣлаѭштіі беззаконніе</u> . Мф 7:23 Зогр;
ἐσκέπασάς με ἀπὸ συστροφῆς πονηρευομένων ἀπὸ πλήθους <u>ἐργαζομένων τὴν ἀδικίαν</u> – покрыи мѧ отъ сонъма злобивыихъ . ї отъ множьства <u>дѣлаѭщихъ неправьдѫ</u> Пс 63:3 Син;
<u>οἱ μισοῦντες τὰ καλὰ</u> καὶ <u>ζητοῦντες τὰ πονηρὰ</u> ἁρπάζοντες τὰ δέρματα αὐτῶν ἀπ’ αὐτῶν… – <u>ненавидѧщеи добраа, възыщѧщеи злаа</u> . схытаѭщеи кожѫ ихь съ ни ... Мих 3:2 по F.I.461 л. 211а 9.

Отметим, что несколькословные наименования с причастными формами — как греческие, так и старославянские — могут иметь присущие глаголам определения в виде наречий. Ср., например, εἰλικρινῶς ζητῶν ἐπανόρθωσιν – възискаѧи вьсесрьдь исправьеньѧ:

inslav

Δειλιάσας γὰρ ὁ λυμεὼν ὄφις τὴν ἐκ τῆς μετανοίας παρεχομένην τοῖς ταύτην εἰλικρινῶς ζητοῦσιν ἐπανόρθωσιν – оубѡвъ бо сѧ пагооубьнъıи зⷆнн . ѻ҆тъ покаѧ҆ньıѧ пⷭдаѥмааго . ѻ҆тъ вьзнскаѭштнн҆мъ того вьсе-срьдь҆ нⷭправьѥ҆ньıѧ . Супр 521,22–23.

Иногда опорным словом может выступать отглагольное существительное с указанной семантикой. Например, ὁ ἐργάτης τῆς ἀδικίας – дѣлатель нєпрaвдѣ, ὁ κῆρυξ τῆς εὐσεβείας ‘проповедник благочестия’ – дѣлатель доброоубстнıѧ и под.:

ἀπόστητε ἀπ’ ἐμοῦ πάντες οἱ ἐργάται τῆς ἀδικίας. – отъстѫпнте отъ мене вьсн дѣлателѣ нєпрaвдѣ Л 13:27 Зогр, Мар, Ас, Остр 108bβ 8–9; нєпрaвьдъı в Остр 238aα 9–10.

Все же несколькословные наименования с отглагольным существительным довольно редки, и даже в приведенном выше примере из Л 13:27 наблюдается искажение текста в Саввиной книге:

отъстѫпнте отъ мене всн дѣлателе нєпрaвьдьнні Сав.

Подобные примеры искажения первоначального текста свидетельствуют, конечно, о том, что старославянские несколькословные наименования (за исключением, как было сказано выше, очень немногих) создавались книжниками по потребностям перевода при полном отсутствии конвенциональности и устойчивости в языковом узусе.

Следует отметить все же, что греческое несколькословное наименование могло быть передано в переводе и уже «готовым» старославянским однословным. Так, например, наименование лица съвѣтьннкъ было создано для передачи греч. βουλευτής переводчиками Евангелия на самом раннем этапе, при переводе апракоса (Мк 15:43), а затем употреблено и при переводе тетра (Лк 23:50):

ἦλθεν Ἰωσὴφ ὁ ἀπὸ Ἀριμαθαίας, εὐσχήμων βουλευτής – прнде іоснфъ отъ арнмат҆еѧ . благообразъıнъ съвѣтьннкъ . Мк 15:43 Зогр, Мар, Ас, Остр (2 раза);
Καὶ ἰδού, ἀνὴρ ὀνόματι Ἰωσήφ, βουλευτὴς ὑπάρχων, ἀνὴρ ἀγαθὸς καὶ δίκαιος – і се мѫжь іменемь іоснфъ . съвѣтьннкъ съı . мѫжь благъ і правьдьнъ . Лк 23:50 Зогр, Мар.

В Житии же Якова черноризца уже готовое наименование съвѣтьннкъ используется для перевода греческого несколькословного на-

inslav

именования с причастной формой πρωτεύων τοῦ βουλευτηρίου:

> Μετὰ δὲ χρόνον τινὰ θυγάτηρ τινὸς πρωτεύοντος τοῦ βουλευτηρίου ὑπὸ ἀκαθάρτου πνεύματος ἐνεργουμένη ἐβόα [...] τὸν ἅγιον ἐπικαλουμένη. – Ѿо врѣменн же дльзѣ . дзштн нѣкоюго сьвѣтннка . отъ неѵнста бѣса мѫѵнма . вьпнѭше ст҃аго прнзываѭштн . Супр 518,4.

* * *

Все рассмотренные выше примеры однословных и несколькословных наименований — как греческих, так и старославянских — являлись примерами номинации одного лингвистического концепта. Тем не менее встречаются случаи, когда старославянский перевод греческого однословного наименования дает номинацию не одного, а двух концептов, т. е. не дает старославянскую лексическую единицу. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного, так как известно, что языковая концептуализация мира различна у разных народов. Однако в случае со старославянским языком мы имеем дело, главным образом, с результатами словотворчества славянских книжников, стремившихся, как правило, к возможно более точной передаче содержания греческих оригиналов. А это, казалось бы, предполагает, что различий в содержании концептов, номинированных старославянскими наименованиями, в сравнении с греческими в принципе быть не должно. Тем не менее, в ряде случаев наблюдаются явно осознанные, намеренные сдвиги в содержании концептов. И, следовательно, для современного исследователя древнего текста соответствие старославянского несколькословного наименования греческому однословному не дает «гарантии» того, что старославянское несколькословное наименование номинирует один лингвистический концепт и является лексической единицей старославянского лексикона. И, следовательно, такое соответствие может давать исследователю лишь «подсказку», для установления же, один или более лингвистических концептов номинирует какое-либо несколькословное наименование, требуется достаточно глубокое проникновение в содержание древних текстов — прежде всего греческого, а затем и старославянского.

Приведем некоторые примеры.

inslav

В греческих оригиналах старославянских текстов неоднократно встречается наименование-композит παμβασιλεύς ‘соверен, обладающий неограниченной властью’[14]. Видимо, греческое однословное наименование παμβασιλεύς номинировало один лингвистический концепт. Значение слова παμβασιλεύς включает в себя семантику первого компонента παν-, который мог сообщать греческим композитам не только значение местоимения πας ‘весь’, ‘всякий’, но и суперлативное значение, т. е. образовывал лексические суперлативы (Ефимова 2017: 84–85). При передаче же композита в старославянских переводах старославянское несколькословное наименование «распадается» на номинацию двух лингвистических концептов: местоимение вьсь номинирует свой собственный лингвистический концепт. Устойчивости это наименование не демонстрирует. В Житии Василиска παμβασιλεύς переведено несколькословным наименованием вьсѣмъ цѣсарь (наименованием-описанием, а не лексической единицей) с местоимением вьсь в дат. п. мн. ч.:

Βασιλῖσκος εἶπεν· “Πατὴρ καλεῖται καὶ παντοκράτωρ καὶ κύριος καὶ θεὸς καὶ παμβασιλεὺς καὶ κύριος Σαβαὼθ...” – васнлнскъ рече отецъ нарнцаатъ сѧ. н вьседръжнтелѣ н г҃ь н б҃ъ н вьсѣмъ ц҃рь . н г҃ь саваѡдъ . Супр 21,18.

В Толковании на книгу пророка Иезекииля παμβασιλεύς переводится несколькословным наименованием вьсѣхъ цѣсарь с местоимением вьсь в род. п. мн. ч.:

τοῦ παμβασιλέως Θεοῦ τὴν πάντοτε διήκουσαν ἐποψίαν. : всѣхъ ц҃рѣ н б҃а . въсѣмо ѡбъходѧщъ зракъ . ТК Иез 1:12 (л. 227б 29 по F.I.461).

В случае перевода Толкования наблюдается и некоторое переосмысление текста: в исходном греческом тексте композит παμβασιλεύς служит атрибутом имени Θεός (т. е. композит употреблен как адъектив), тогда как в старославянском переводе вставлен союз н, который имена цѣсарь и богъ делает равноправными.

Намеренные сдвиги в содержании концептов в ряде случаев можно объяснить трудностью (или даже невозможностью) создать равнозначное наименование «из славянского материала». Так, видимо,

[14] Ср.: παμβασιλεύς ‘king of all, universal sovereign’ (Lampe 1961: 999–1000).

inslav

переводчику Слова Епифания Кипрского на погребение Христово трудно было перевести номинирующее один концепт наречие ἐνδότερον, и он передал его словосочетанием въ ѫтрьнннхъ прнбѣжнштнхъ, номинирующим два лингвистических концепта:

> καὶ ἄλλος ἐνδότερον ἔφευγεν. – а дроугын въ ѫтрьнхъ прнбѣжнштнхъ нштаꙁаше . Супр 466,16.

Провести границу между старославянской лексической единицей, номинирующей один лингвистический концепт, и словосочетанием, номинирующим два лингвистических концепта, современному исследователю иногда бывает трудно. И, как было сказано выше, соответствие старославянского несколькословного наименования однословному греческому не дает «гарантии» в правильности решения, но лишь «подсказку», которая может и не оправдаться. В качестве примера рассмотрим наименование πυρέσσουσα и его старославянский перевод в рассказе о больной теще Симона, приведенном во всех трех синоптических Евангелиях. В греческом тексте Евангелий от Матфея и Марка теща охарактеризована как πυρέσσουσα, причастием от гл. πυρέσσειν ‘быть в жару’, в старославянском — словосочетанием огньмь жегома:

> εἶδεν τὴν πενθερὰν αὐτοῦ βεβλημένην καὶ πυρέσσουσαν – вндѣ тъштѫ его лежѫштѫ огнемь жегомѫ . Мф 8:14 Зогр, Мар, Ас, Остр;
> Ἡ δὲ πενθερὰ Σίμωνος κατέκειτο πυρέσσουσα – Тъшта же снмонова . лежааше огнемь жегома . Мк 1:30 Зогр, Мар.

В греческом языке глагол πυρέσσειν номинирует один лингвистический концепт (одно понятие), так же и образованное от него причастие. Однако в отношении словосочетания огньмь жегома у нас есть основания предполагать, что оно номинирует здесь два лингвистических концепта. По всей видимости, огнь здесь было использовано как самостоятельное наименование лихорадки, что подтверждается продолжением рассказа в следующих стихах:

> καὶ ἀφῆκεν αὐτὴν ὁ πυρετός· – ι оставн ѩ огнь Мф 8:15 Зогр, Мар, Ас, Остр;
> καὶ ἀφῆκεν αὐτὴν ὁ πυρετὸς [εὐθέως] – ι оставн ѩ огнь Мк 1:31 Зогр – ι оставн ѩ абне огнь Мар.

inslav

Наше предположение о том, что словосочетание огнь̑мь жегома в стихах Мф 8:14 и Мк 1:30 номинирует два лингвистических концепта, подтверждается, как кажется, и изменением текста в стихе Мф 8:14 в Саввиной книге, где вместо словосочетания огнь̑мь жегома используется словосочетание болѧщи огнь̑мь:

вндѣ тъщѫ емоу лежѧщѫ и болѧщѫ огнемь . […] и остави ѩ огнь . Мф 8:14 – Мф 8:15 Сав.

В синоптическом Евангелии от Луки теща не жегома, а одрьжима огнь̑мь, в соответствии с греч. *συνεχομένη πυρετῷ*:

πενθερὰ δὲ τοῦ Σίμωνος ἦν συνεχομένη πυρετῷ μεγάλῳ· καὶ ἠρώτησαν αὐτὸν περὶ αὐτῆς. – тъшта же снмонѣ бѣ . одрьжима огнь̑емь вельемь і молиша і о неі Лк 4:38 Зогр, Мар.

Подтверждение тому, что наименование огнь̑ могло самостоятельно номинировать какую-то лихорадку, находим и в тексте Апостола: в Деяниях рассказывается, что отец Публия болел огнь̑мь наряду с дизентерией (или каким-то другим тяжелым кишечным заболеванием):

Ἐγένετο δὲ τὸν πατέρα τοῦ Ποπλίου πυρετοῖς καὶ δυσεντερίᾳ συνεχόμενον κατακεῖσθαι· – бъіс̅ же оц̅ю Ꙗопановоу огньмь и чревъмь болѧщю сълежати . Деян 28:8 Христ, Струм, Шиш.

С другой стороны, жещи мог не только огнь̑, но и какая-нибудь другая тяжелая болезнь:

і нждени із него […] в'сѩ ѩзѩ жегѫщѩѩ пльть его . Евх 29b 21.

Вместе с тем в Слове Иоанна Златоуста за Воскресение Христово встречается рассказ о больных, номинированных как жегомни огнь̑мь:

касааше сѧ жъгомъінмъ огнь̑емъ . и хладни бъіваахѫ . Супр 476,17 (греческий текст не найден).

В данном случае наименование жегомъін огнь̑мь номинирует уже один лингвистический концепт, одно понятие о человеке, заболевшем лихорадкой.

Различие между старославянской лексической единицей и словосочетанием, номинирующим два лингвистических концепта, иногда

inslav

трудно уловимо. Так, например, в старославянских текстах многократно встречается наименование свонма очима. Большой Пражский словарь фиксирует его как словосочетание со значением ‘собственными глазами’ (SJS II: 530). Старославянский словарь 1994 г. также его фиксирует, но за знаком, который обозначает словосочетание, «не связанное с определенным значением» (Словарь 1994: 52, 409). В старославянских текстах наименование свонма очима переводит как греческие однословные наименования, номинирующие один лингвистический концепт, так и словосочетания. Так, например, в Житии Павла и Юлиании оно переводит наречие αὐτοψεί:

> οὐδεὶς γὰρ ἠδύνατο αὐτοψεὶ θεὸν ἰδεῖν· – ннк҃тоже бо можааше свонма очима б҃а бесплътъна видѣти . Супр 11,1.

Отметим, что наречие αὐτοψεί многозначно. Если в приведенном примере его значение можно определить как ‘собственными глазами’, то в другом месте Жития Павла и Юлиании оно имеет, видимо, значение ‘наяву, в действительности’ и переведено адвербиализованной предложно-падежной формой въ лице[15]:

> Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Παῦλος εἶπεν· “Τοῦτον τὸν Δία, ὃν λέγεις εἶναι θεόν, ἄνθρωπος ἦν υἱὸς τῶν ἀποστάτων [...] θεωρῶν τὰς τῶν ἀνθρώπων περικαλλεῖς γυναίκας καὶ θυγατέρας τούτων ὁρῶν καὶ αὐτοψεὶ ὁμιλῶν αὐταῖς καὶ συμμιγνύμενος...” – ст҃ъи же паоулъ отъвѣштавъ рече . сего дню . югоже мѣнишн богоу бъіти . чловѣкъ бѣ оученикъ со-тонинъ . [...] винда чловѣчьскъі доброъіа женъі . и дьштери . тѣмъ похота и въ лице бесѣдоуа имъ . и съвъкоуплѣа са сь нимин . Супр 7,20.

Возможно, калькой αὐτοψεί было наречие самовидьнѣ, однословное наименование, созданное славянскими книжниками в качестве возможно более точного соответствия греческому, встречающееся в Супрасльской рукописи в Житии Анина:

---

[15] Старославянский словарь 1994 г. квалифицирует въ лице как словосочетание со значением ‘лицом к лицу’ (Словарь 1994: 308), что, однако, вызывает сомнения. Ср. известные значения наречия αὐτοψεί: ‘with one’s own eyes’, ‘manifestly’ (Lampe 1961: 273), значение сущ. αὐτοψία: ‘supernatural manifestation, vision’ (Liddell-Scott 1996: 284, в словарной статье на αὐτοψεί).

inslav

наѹа самовндѣ . рѫцѣ опакꙑ сꙑвазоуѧ сн . н на облнуеные наѹатню неуьстнꙗ своюго сꙑвраштатн сѧ . Супр 560,5.

Однако греческий оригинал к этому житию, насколько нам известно, не найден, а Ф. Миклошич считал, что наречие самовндьнѣ ошибочно употреблено здесь вместо самовольнѣ (Miklosich 1862–1865: 819), что, однако, не отрицает наличия наречия самовндьнѣ в старославянском лексическом инвентаре.

В Толковании на книгу пророка Иезекииля словосочетание свонма оунма также используется для перевода однословного наименования — сущ. αὐτόπτης в форме вин. п. мн. ч.:

ὑμᾶς ποῶν αὐτόπτας τῆς ἀληθείας τῶν λόγων. – вꙑ̀ самы сътво́рѧ своѝма ѻ҆у҆̃нма· да вндите и҆стнн҃ѫ словє̑· ТК Иез 12:25 по F.I.461 л. 249а 7.

С другой стороны, наименование свонма оунма (оунма свонма) используется и для перевода греческих словосочетаний, номинирующих, видимо, два лингвистических концепта. Например, в Житии Иоанна Молчаливого:

καὶ ἐξῄτει αὐταῖς ὄψεσιν ἰδεῖν εἰ οὕτως ἔχει – н хотѣаше свонма оунма вндѣтн аште то ѥстъ тако . Супр 296,11;

или, например, в переводе книги пророка Иезекииля:

καὶ εἶπεν πρός με υἱὲ ἀνθρώπου ἀνάβλεψον τοῖς ὀφθαλμοῖς σου πρὸς βορρᾶν – и҆ реуе къ мнѣ, сн҃е ч҃лвче· възрѝ ѡ҆у҆̃нма своѝма на сѣверъ· Иез 8:5 по F.I.461 л. 241а 12.

Возвращаясь к примерам Ягича, обратим внимание также на перевод κληροδοτεῖν – по жрѣбию раздѣлити. Пример взят Ягичем, очевидно, из Псалтыри:

καὶ ἐκληροδότησεν αὐτοὺς ἐν σχοινίῳ κληροδοσίας – і по жрѣбію раздѣлн імъ землѧ҃ . ѫжемь дѣломѣрьнꙑімъ . Пс 77:55 Син.

Как кажется, при том, что κληροδοτεῖν в греческом номинирует, видимо, один концепт, перевод по жрѣбію раздѣлнтн «распадается» на номинацию двух концептов: т. е. лингвистический концепт «раздела», сема которого присутствует во втором компоненте греческого композита (как присутствует она и в глаголе δίδωμι — ср. δοτήρ не

inslav

только ‘податель, даритель’, но и ‘распределитель’), реализуется в глаголе ꙗздѣлнтн, и — отдельно — представлен атрибут по жрѣбію (т. е. «как разделить?»). Надо полагать, что в этом случае авторов большого Пражского словаря интуиция не подвела: словосочетание по жрѣбію ꙗздѣлнтн не фиксируется ни в словарной статье на жрѣбнн, ни в статье на ꙗздѣлнтн.

Для сравнения можно привести номинацию с почти тем же, различающимся только по виду, глаголом ꙗздѣлѭтн: *μερίζεσθαι τὸν λογισμόν* – ꙗздѣлѭтн (свон) оумъ, употребленную в Зографских листах:

> Εἶτα τοῖς μὲν ἐπιδημοῦσι τῶν ἀδελφῶν πολλὴν ἀμφιβολίαν συμβαίνει γίνεσθαι καὶ δυσκολίαν ἀντὶ ἀναπαύσεως, <u>μεριζομένοις τὸν λογισμὸν</u> πρὸς τίνας χρὴ καταχθῆναι. – таѵе прнходѧштен братнн много невѣрьство събываетъ сѧ бывати н тѧгость въ покоѭ мѣсто , <u>ꙗздѣлѭѭштемъ оумъ свон</u> къ конмъ естъ лѣпо прнбланжати сѧ . Зогр-лл IIб 3.

Несколькословное наименование *μερίζεσθαι τὸν λογισμόν* ‘сомневаться, колебаться’ идиоматично и номинирует только один лингвистический концепт. Надо полагать, что пословно калькирующее его старославянское наименование переносит в старославянский язык и его идиоматичность и, следовательно, также номинирует только один концепт, т. е. является лексической единицей.

ИСТОЧНИКИ

Ас — Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J.* Evangeliář Assemanův. Praha, 1955.

Бол — Болонская псалтырь, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: Болонски псалтир: Български книжовен паметник от XIII век. София, 1968.

Григ — Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII в.; изд.: *Рибарова Зд., Хауптова З.* Григоровичев паримејник. Скопје, 1998.

Евх — Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Nahtigal R.* Euchologium Sinaiticum. Ljubljana, 1942. D. 2.

Зах — Захариинский паремейник, древнерусская рукопись 1271 г.

Зогр — Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V.* Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

inslav

Зогр-лл — Зографские листки, древнеболгарская рукопись XI в.; изд.: *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслеци. София, 1978. С. 39–44.

Лоб — Лобковская псалтырь, глаголическая хорватская рукопись XIV в.; изд.: *Vajs J.* Psalterium palaeoslovenicum croatico-glagoliticum. Pragae, 1916.

Лобк — Лобковский паремейник, среднеболгарская рукопись XIII/XIV в.

Мар — Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И. В.* Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.

Норов — Норовская псалтырь, среднеболгарская рукопись XIV в.; изд.: Норовская псалтырь: Среднеболгарская рукопись XIV в. / Изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. София, 1989.

Остр — Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.; изд.: Остромирово евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное *А. Востоковым* / Monumenta linguae slavicae. Wiesbaden, 1964. Т. I.

Пар — Парижская псалтырь, глаголическая хорватская рукопись XIV в.; изд.: Vajs J. Psalterium palaeoslovenicum croatico-glagoliticum. Pragae, 1916.

Перфир 1378 — Перфирьевский паремейник, древнерусская рукопись 1378 г.

Пог — Погодинская псалтырь, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Jagić V.* Psalterium Bononiense. Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1907.

Сав — Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века / Изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999. Ч. I.

Син — Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.

СинН — Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв. (новооткрытая часть); изд.: Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N) / Sub red. F. Mareš. Wien, 1997.

Струм — Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Блахова Е., Хауптова З.* Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990.

Супр — Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *S. Severjanov*. Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti. Vol. I–II. Graz, 1956; *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1. София, 1982; Т. 2. София, 1983.

Христ — Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.; изд.: *Kałużniacki E.* Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopolitani. Vindebonae, 1896.

Шиш — Шишатовацкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: *Stefanović D. E.* Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Wien, 1989.

inslav

F.I.461 — среднеболгарская рукопись конца XIV в.; изд.: Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николовой. Т. 1. София, 1998; Т. 2. София, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев 2002 — *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2002.

Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., 2005.

Григорьев 2006 — *Григорьев А. В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006.

Ефимова 2015 — *Ефимова В. С.* К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 352–367.

Ефимова 2017 — Греческий суперлатив в старославянском переводе // Славяноведение. 2017. № 4. С. 76–88.

Ефимова, Желязкова 2014 — *Ефимова В. С.*, *Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica. 2014. № 3. С. 33–48.

Залевская 2005 — *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования: Слово. Текст. М., 2005.

Краткий словарь 1996 — *Кубрякова Е. С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кубрякова 2000 — *Кубрякова Е. С.* О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Katowice, 2000. С. 24–31.

Кубрякова 2012 — *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка. М., 2012.

Николов 2003 — *Николов Н.* Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетения в старобългарския език // Преславска книжовна школа. Шумен, 2003. Т. 7. С. 232–254.

Словарь 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

СтБР — Старобългарски речник. Т. I. София, 1999; Т. II. София, 2009.

Aleksiejewa, Ostapczuk 2013 — *Aleksiejewa M., Ostapczuk O.* Многокомпонентные термины в научном дискурсе и в информационной системе славянского языкознания iSybislaw (на материале русского и польского языков) // Slavia orientalis. 2013. T. LXII. № 2. S. 275–284.

Bally 1921 — *Bally Ch.* Traité de stylistique française. 2-e ed. Heidelberg, 1921.

inslav

Booij 2009 — *Booij G*. Phrasal names: A constructionist analysis // Special issue on Words and Phrases: Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2. P. 219–240.

Jagić 1898 — *Jagić V*. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 538–550.

Lampe 1961 — *Lampe G. W. H*. A patristic Greek lexicon. Oxford, 1961.

Liddell-Scott 1996 — *Liddell H. G., Scott R*. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.

Masini 2009 — *Masini F*. Phrasal lexemes, compounds and phrases: A constructionist perspective // Special issue on Words and Phrases: Word Structure. 2009. Vol. 2. № 2. P. 254–271.

Miklosich 1862–1865 — *Miklosich F*. Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997. T. I–IV.

Sprenger 2003 — *Sprenger S. A.* Fixed expressions and the production of idioms. Nijmegen, 2003.

Wray 2002 — *Wray A*. Formulaic language and the lexicon. Cambridge, 2002.

Wray 2008 — *Wray A*. Formulaic language: Pushing the boundaries. Oxford, 2008.

inslav

ВЕСЕЛКА ЖЕЛЯЗКОВА
Кирилло-Мефодиевский научный центр
Болгарской академии наук (БАН), София

FIGURA ETYMOLOGICA В ДРЕВНЕЙШЕМ СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ КНИГИ ИСХОД*

Общепринято, что figura etymologica, определяемая как повторение семантически эквивалентных существительного и глагола от одного и того же корня[1], является характерным стилистическим приемом фольклора, эпоса и песенной поэзии древних народов. Поэтому неудивительно, что она встречается очень часто и в древнееврейском оригинале Ветхого Завета (Ewal 1879: 162; Golka 1988: 415–424). В ветхозаветных текстах figura etymologica выполняет очень существенную роль — она является показателем торжественно-церемониального стиля, ее употребление повышает интенсивность глагольного действия, подчеркивает достоверность и полноту происходящего. Особенно часто figura etymologica встречается в законодательных текстах. Употребляя данный риторический прием, ветхозаветный автор стремится придать больший авторитет сказанному Богом и подчеркнуть категоричность и обязательность правовой нормы.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда «Устойчивое развитие Болгарии».

[1] Исследователи рассматривают figura etymologica в более узком и в более широком смысле. В узком смысле под figura etymologica понимается сочетание глагола и этимологически связанного с ним существительного, которое является его внутренним объектом (в современной лингвистике чаще употребляются термины cognate object или cognate accusative). Подобные конструкции встречаются во многих языках (например, *игры играть*, *сън сънувам*, *sing a song*). В более широком смысле за figura etymologica принимается любая связь этимологически родственных слов, которые относятся к другим классам слов и осуществляют дополнительные синтаксические функции вне внутренних объектов в структуре предложения. В настоящей работе принят второй подход.

inslav

Figura etymologica является характерным приемом и для древнегреческого языка[2]. Неудивительно поэтому, что в Септуагинте переводчики следовали еврейскому оригиналу и последовательно сохраняли этот стилистический прием. Вопрос о том, как передается figura etymologica в древнейшем славянском переводе Ветхого Завета, неисследован. Нам известны всего несколько работ, специально посвященных анализу figura etymologica — в древнеболгарских евангельских текстах (Eckert-Kostov 1986; Костов 2009), в переводе Номоканона Иоанна Схоластика (Keipert 1988), в юридических эксцерптах из Ветхого Завета (Цибранска-Костова 2011; Цибранска-Костова 2016). Интересные наблюдения об употреблении этого приема в поэтических богослужебных произведениях содержаться в статье М. И. Чернышевой (Чернышева 2012).

Цель предлагаемой работы — рассмотреть употребление figura etymologica в древнеболгарском четьем переводе Книги Исход в сопоставлении с древнегреческим текстом и таким образом выяснить некоторые особенности перевода. Этот перевод осуществлен в X в., во время правления болгарского царя Симеона, но дошел до нас только в поздних списках, главным образом XV–XVI вв. Исследование опирается на все сохранившиеся южнославянские списки и на десять русских списков, представителей разных групп. Примеры в тексте работы приводятся по рукописи № 3 из собрания Е. Барсова (ГИМ, Москва). Примеры из других рукописей приводятся только при наличии разночтений. Греческий текст цитируется по Septuaginta (Wevers 1991), использована и программа Bible Works.

Итак, в древнейшем славянском переводе книги Исход figura etymologica встречается довольно часто — нами отмечены свыше тридцати употреблений, большая часть из них в законодательных частях книги. Примеры можно разделить на три группы: 1) случаи, в которых переводчик успешно воспроизводит употребление figura etymologica в греческом тексте, копируя его на лексико-семантическом и стилистическом уровнях; 2) случаи, в которых figura etymologica в

[2] Сравнительно недавно, в 2009 г., в Корнельском университете была защищена диссертация об употреблении figura etymologica в эпической поэзии Гомера (Clary Tod 2009). Автор установил, что в среднем figura etymologica употребляется на каждые 100 строк в Илиаде и на каждые 50 в Одиссее.

inslav

греческом тексте не воспроизводится в славянском; и 3) примеры, в которых в славянском тексте имеется figura etymologica, но она не имеет аналога в греческом тексте.

В рамках первой группы можно выделить три подгруппы. К первой относятся следующие примеры:

(1) Исх. 3:16, 19 посѣщенїе посѣтн ва (в русских списках прнсѣщенїемь прнсѣтнхъ ва[3])

ἐπισκοπῇ ἐπέσκεμμαι ὑμᾶς

(2) Исх. 13:19 клѧтвоѫ бо ꙁаклѧл бѣ

ὅρκῳ γὰρ ὥρκισεν

(3) Исх. 17:14 пагꙋбоѫ погоубѧ

Ἀλοιφῇ ἐξαλείψω

(4) Исх. 18:18 расыпанїемь расыплет сѧ

φθορᾷ καταφθαρήσῃ

(5) Исх. 19:5 послꙋшанїемь послꙋшаете

ἀκοῇ ἀκούσητε

(6) Исх. 21:12, 15; Исх. 31:14, 15 съмртїѫ да оумрет

θανάτῳ θανατούσθω / θανατωθήσεται

(7) Исх. 22:16 (15) ѡбрѫченїемь, да ѡбрѫчн ѧ (в русских списках вѣно да ю вѣнн[4])

φερνῇ φερνιεῖ αὐτὴν

(8) Исх. 21:22 лѣꙋбоѫ да лѣкоуѫ (в русских списках жлѣдбою да жьлѣде и желѣннюмъ да желѣютъ[5])

ἐπιζήμιον ζημιωθήσεται

(9) Исх. 22:23 (22); Исх. 23:22 слоухѡ оуслышѫ

ἀκοῇ εἰσακούσομαι

(10) Исх. 27:11 посребрена сребрѡ; Исх. 27:17 посребренн сребромь

περιηργυρωμέναι ἀργύρῳ / κατηργυρωμένοι ἀργυρίῳ

---

[3] Текст дается по рукописи № 44 из собрания Троице-Сергиевой лавры.

[4] Текст дается по рукописи № 44 из собрания Троице-Сергиевой лавры

[5] Текст дается по рукописи № 1 из собрания Е. Барсова в ГИМ и рукописи № 1 из собрания Троице-Сергиевой лавры.

inslav

(11) Исх. 26:29 да позлатнши златоⷨ; Исх. 26:37 позлатнши н҃ златѡ҃

καταχρυσώσεις χρυσίῳ / χρυσώσεις αὐτοὺς χρυσίῳ

(12) Исх. 29:9 н поашеши н҃ поасы (в русских списках ѡпоюшї а поюсы[6])

καὶ ζώσεις αὐτοὺς ταῖς ζώναις

Это самая распростаненная модель figura etymologica. Она представляет собой сочетание существительного в творительном падеже и однокоренного глагола. Этой конструкции в греческом тексте, как правило, соответствует конструкция «существительное в дательном падеже и глагол». Только в (8) древнеболгарский творительный падеж соответствует греческому винительному. Существительное может находиться как перед глаголом (примеры (1) – (9)), так и после него (примеры (10) – (12)). Оно не обозначает объект, при помощи которого осуществляется действие, а его значение уже содержится в значении глагола (в греческом так наз. internal dative). В сущности, именно это соотношение значений существительного и глагола является самым характерным для figura etymologica. В перечисленных примерах в большинстве случаев глагол находится в императиве, реже в аористе (1) или плюсквамперфекте (2).

Чаще всего в тексте Исхода встречается фигура смⷬтїѫ да оумрет҃, которой заканчивается часть правил в 21 и 31 главе, где Господь велит предать смерти того, кто ударил человека и он умер, или того, кто ударил отца или мать, а также тех, кто не соблюдает субботу. Эта фигура, которая точно воспроизводит греч. *θανάτῳ θανατούσθω / θανατωθήσεται*, очень популярна в средневековой книжности. Она употребляется и в других ветхозаветных книгах — например, в Левит 20:10, а также в рукописях, содержащих эксцерпты из Ветхого Завета (Цибранска-Костова 2011: 64), встречается и в Новом завете. Например, в Мф 15:4 н бо заповѣда г҃лѧ. чьтн от҃ца н матерь. ι нже зълословнтъ от҃ца ли матерь. смрътью оумьреть (аналогичный контекст в Мк 7:10). Подобный казус описан в Исх. 21:16 — Господь велит предать смерти того, кто украл человека и продал его. В данном случае, однако, в греческом тексте нет figura etymologica. Вместо

[6] Текст дается по рукописи № 1 из собрания Е. Барсова в ГИМ.

inslav

глагола θανατόω ‘предать смерти’ употреблен глагол τελευτάω ‘умереть’. Соответственно, в славянском тексте читаем **съмрьтїѫ да скончаѥт сѧ.** Это показывает, что переводчик очень строго придерживается греческого текста и старается точно воспроизвести смысл оригинала.

Заслуживают внимания примеры (7) и (8), в которых наблюдаются существенные разночтения между южнославянскими и русскими списками Исхода. Так в Исх. 22:16 говорится о том, что если мужчина совратит необрученную девушку, то он должен выплатить за нее выкуп и взять ее в жены. Греческому φερνῇ φερνιεῖ αὐτὴν αὐτῷ γυναῖκα более точно соответствует чтение в русских списках: **вѣно҃ да ю вѣнн҇ себѣ женѣ**, которое, по всей вероятности, является исконным. Лексема **вѣно** ‘плата за невесту’ является старым латинизмом (vēnus ‘продажа’), усвоенным некнижным путем в славянских языках (Срезн I: 487). В классическом древнеболгарском корпусе она отсутствует, но употребляется в переведенной в Преславе в начале X в. Синтагме из 14 титулов и в других юридических текстах (Цибранска-Костова 2011: 67). В значении ‘приданое’ она и до сих пор употребляется в болгарских диалектах (БЕР I: 134) Глагол **вѣнитн** в значении ‘продавать’ известен еще древнеболгарским глаголическим евангелиям (СтбР I: 322), а в Исх. 22:16 он развивает контекстуальное значение ‘дать деньги, выкуп при помолвке’. В южнославянских списках Исхода текст, видимо, переосмыслен. В них читается **ѡбрѫчениїемь, да ѡбрѫчн҇ ѧ женѫ себѣ,** т. е. здесь не идет речь о том, что виновный мужчина должен заплатить за невесту, а что он должен предложить девушке помолвку. В данном случае интересно, что несмотря на тот факт, что южнославянский книжник переосмысливает текст, используя совершенно разные лексемы, он сохраняет figura etymologica, что показывает, что для него она имела важное значение — в данном случае при помощи этого приема более категорично подчеркивается наказание и его обязательный характер. Подобный пример показывает, что употребление этого стилистического приема обусловливается не только греческим оригиналом, он был характерен и для живого языка.

Аналогичные выводы можно сделать и из примера (8). В Исх. 21:22 рассматривается следующий казус: если мужчины во время драки заденут беременную женщину, и у нее будет выкидыш, но она

inslav

не умрет, виновный должен заплатить за выкидыш — столько, сколько назначит муж этой женщины. В этом стихе русские и южнославянские списки существенно различаются. В русских списках встречаются варианты жлѣдьбою да жьлѣдѣ, желѣннемь да желѣеть, жлѣдьбнною да жлѣдѣюеть. Все эти слова довольно редкие в средневековой славянской письменности. В словаре Срезневского они приведены соответственно со значениями ‘пеня’ и ‘выплачивать пеню’ именно с этим примером из книги Исход (Срезн I: 853, 854, 881). Южнославянские списки, видимо, содержат вторичное и толковательное чтение: лѣчьбоѫ да лѣкоуѫ, которое меняет смысл текста, т. е. виновный должен оплатить лечение пострадавшей. В некоторых юридических текстах, в которых находится этот казус, а также и в Елисаветинской библии читаем тъщетою да отщетнт сѧ. Со значением ‘вред’, ‘наносить вред’ лексемы тъщета и отъщетнтн зафиксированы в нескольких древнеболгарских рукописях (СтбР II: 163, 989). Подобные разночтения показывают, что, возможно, термин ἐπιζήμιον был не очень понятен славянскому книжнику, и он искал разные способы его передачи. Для нас, однако, имеет значение факт, что у него было осознание употребленной фигуры речи, и во всех случаях он сохранял ее присутствие в славянском тексте.

Следующая модель figura etymologica представлена в примерах:

(13) Исх. 22:26 (25) ꙁалогь ꙁаложншн рнꙁѫ дроуга своюго
ἐνεχύρασμα ἐνεχυράσῃς τὸ ἱμάτιον τοῦ πλησίον
(14) Исх. 29:24, 26 н нарѣшн ѧ нарѡкь прѣ гмь
καὶ ἀφοριεῖς αὐτοὺς ἀφόρισμα ἔναντι κυρίου
(15) Исх. 30:9 н пролїанїе, да не пролѣете на н
καὶ σπονδὴν οὐ σπείσεις ἐπ᾽ αὐτοῦ
(16) Исх. 32:30, 31 съгрѣшнсте / съгрѣшншѧ грѣ велн
ἡμαρτήκατε / ἡμάρτηκεν ἁμαρτίαν μεγάλην
(17) Исх. 34:12, 15 ꙁавѣщаешн ꙁавѣ
θῇς διαθήκην
(18) Исх. 20:16 не лъжесвѣтель бѫдн на дроуга своє. свѣдѣнїа лъжнаа (в русских списках не послушствун лжа на друга своюго. послушства ложна[7])
οὐ ψευδομαρτυρήσεις κατὰ τοῦ πλησίον σου μαρτυρίαν ψευδῆ

[7] Текст дается по рукописи № 1 из собрания Е. Барсова в ГИМ.

inslav

Эта модель представляет собой сочетание существительного в винительном падеже и однокоренного глагола. В данном случае винительный падеж не обозначает объект, над которым производится действие, а лишь в форме существительного повторяет действие глагола (так наз. винительный внутреннего содержания). Во всех случаях славянский текст копирует греческую конструкцию, даже в отношении порядка слов.

В (13) и (14) употреблен двойной винительный падеж, т. е. глагол управляет винительным падежом как внутреннего, так и внешнего объекта[8]. На подобный случай употребления винительного падежа в Зографском и Мариинском евангелиях обращает внимание К. Костов (Костов 2009). Заслуживает внимания и пример (4), в котором внутренний объект в figura etymologica сопровождается прилагательным, что является дополнительным средством привлечения ударения во фразе.

В примере (18) наблюдается интересное разночтение между южнославянскими и русскими списками. Какое из этих чтений первично и какое появилось в результате редакции неясно, но в данном случае важен факт, что в обоих случаях славянский книжник соблюдает повтор лексем.

Другая модель figura etymologica — сочетание глагола и существительного в дательном падеже, обозначающего адресата действия — представлена только в одном примере:

(19) Исх. 23:22 възражѫ врагѡ вашн. и съпротивѧ сѧ съпротивникѡ вашн

ἐχθρεύσω τοῖς ἐχθροῖς σου καὶ ἀντικείσομαι τοῖς ἀντικειμένοις σοι

В данном случае повтор и аллитерация выполняют важную смысловую и стилистическую функцию, которая очень хорошо была понята и передана в славянском тексте.

Ко второй группе относятся случаи, когда figura etymologica в греческом тексте не воспроизводится в славянском:

---

[8] Такое употребление винительного падежа в рамках figura etymologica характерно для современного болгарского языка, ср. в народном творчестве сочетание *люти ги клетви кълнеше*.

inslav

(20) Исх. 2:10, 22 н нарѣ нма емоу мωѵсн
ἐπωνόμασεν δὲ τὸ ὄνομα αὐτοῦ Μωυσῆν
(21) Исх. 12:14 поунтанте его праzнн гнь (в русских списках утете праzнкъ гоу[9])
ἑορτάσετε αὐτὴν ἑορτὴν κυρίῳ
(22) Исх. 21:20 съ сѫдωм да ѿмъстнт сѧ емоу (в русских списках соудомь да сѧ мьстнть[10])
δίκῃ ἐκδικηθήτω
(23) Исх. 21:28 каменїемь да сѧ побнѣ воль
λίθοις λιθοβοληθήσεται ὁ ταῦρος
(24) Исх. 22:23 (22) zлобоѫ врѣднте
κακίᾳ κακώσητε
(25) Исх. 23:24 ѡунщенїемь разорншн ѧ
καθαιρέσει καθελεῖς
(26) Исх. 27:6 поковано мѣднѫ
περιχαλκώσεις αὐτοὺς χαλκῷ
(27) Исх. 30:7, 8 н да кадн аарѡ ѳїмїань
καὶ θυμιάσει ἐπ᾽ αὐτοῦ Ααρων θυμίαμα

Не этимологизируется, например, греческое сочетание λίθοις λιθοβοληθήσεται (23), которое служит для обозначения вида смертной казни, применявшегося древними иудеями, а именно побиение камнями. Причина этого, вероятно, в том, что в славянских языках не существует соответствующего глагола, при помощи которого можно образовать figura etymologica.

В остальных случаях, однако, книжник, видимо, не счел нужным употребить в своем переводе figura etymologica. Так в Исх. 2:10 греческое сочетание ἐπωνόμασεν δὲ τὸ ὄνομα αὐτοῦ Μωυσῆν (20) в паримейном переводе звучит как їменова монсн. нма емоу[11], т. е. figura

[9] Текст дается по рукописи № 1 из собрания Барсова.

[10] Текст дается по рукописи № 1 из собрания Барсова.

[11] Текст дается по Григоровичеву паримейнику. Но в аналогичном контексте в Исх. 2:22 figura etymologica не соблюдена ни в четьем, ни в паримейном переводе. Следует отметить, что все примеры, содержащие figura etymologica (за исключением Исх. 2:10, 22) находятся в непаримейных частях книги, т. е. материал не позволяет делать выводы о том, как передается этот стилистический прием в паримейном и четьем переводе книги Исход.

inslav

etymologica соблюдена. Обратим внимание на сочетание περιχαλκώσεις αὐτοὺς χαλκῷ (26), которое в большинстве списков передается как поковано мѣдн҃ѫ. Figura etymologica соблюдена только в Лаврском пятикнижии — помѣднши мѣдью. Учитывая факт, что эта рукопись списана с очень древнего оригинала (Славова 1999: 64), не исключено, что в первоначальном переводе figura etymologica все же присутствовала.

В примерах (22) и (24) греч. δίκῃ ἐκδικηθήτω и κακίᾳ κακώσητε не этимологизируются, эти же сочетания, однако, в юридической компиляции Nomos Mosaicos переведены соответственно как мьстню ѿмьстнт се и ѕлобою ѡѕлобнте, т. е. с сохранением стилистического приема оригинала. Заслуживает внимания и пример (27), в переводе которого оставлен грецизм ѳїмїань и таким образом нарушена figura etymologica. Если бы переводчик хотел сохранить эту фигуру, он мог бы использовать славянское слово кадниво, тем более, что для четьего перевода Книги Исход грецизмы довольно последовательно заменяются славянскими словами (Желязкова 2006: 335–338).

К третьей группе относятся случаи, в которых в славянском тексте употреблена figura etymologica, но она не имеет аналога в греческом тексте. Поскольку все примеры в этой группе имеют свои особенности, проанализируем их в отдельности.

В Исх. 19:13 говорится о том, что каждый, кто прикоснется к горе, на которую сошел Господь, должен быть предан смерти, т. е. что его надо убить камнем или стрелой.

(28) Исх. 19:13 да не каменїемь побнет сѧ. нлн стрѣлоѫ оустрѣлнт сѧ
ἐν γὰρ λίθοις λιθοβοληθήσεται ἢ βολίδι κατατοξευθήσεται

Выше уже шла речь о том, что греч. λίθοις λιθοβοληθήσεται в славянских текстах никогда не этимологизируется — вероятно, из-за того, что в славянских языках не существует глагола, при помощи которого можно образовать figura etymologica. Как будто компенсируя ее отсутствие, славянский книжник включает в текст другую фигуру — для выражения «убить стрелами». В данном случае интересно то, что в еврейском тексте в этом стихе тоже присутствует figura etymologica — yaró yiyyáre (корень yara ‘стрелять’)[12]. Нет оснований, однако, счи-

[12] Выражаю благодарность А. Грищенко, который во время Первых Палеославистических чтений в Институте славяноведения РАН обратил мое внимание на этот факт.

inslav

тать, что чтение в славянских списках возникло под влиянием еврейского текста, скорее всего это случайное совпадение.

В пятой главе книги Исход говорится о том, что Фараон решил ужесточить условия работы для израильтян и нашел им дополнительное занятие — «чтоб они работали и не занимались пустыми речами». В древнейшем славянском переводе книги Исход это звучит так:

(29) Исх. 5:9 да не мысл҃ѧ / не помѣислѧть мыслѣмн свонмн
μὴ μεριμνάτωσαν ἐν λόγοις κενοῖς

В данном случае перевод свободный, стоит далеко от греческого текста. При этом в славянских рукописях, с которыми мы работали, не содержатся разночтения, следовательно данное чтение можно отнести к первоначальному переводу. Однако в более позднем переводе в Елисаветинской библии читается н не помыслѧтъ ѡ словесѣхъ сѹетныхъ, что точно следует греческому тексту.

В следующих примерах figura etymologica встречается только в южнославянских списках валахо-молдавского происхождения.

(30) Исх.13:15 аз҃ жрѣтвѫ пожрѫ гн҃ѹ
ἐγὼ θύω τῷ κυρίῳ
(31) Исх. 16:18 не мѣрншѫ мѣрѫ
καὶ μετρήσαντες τῷ γομορ

В западно-болгарских и русских списках в этих случаях читается соответственно аѕъ требу покладаю / положѫ гн҃ѹ и не мѣрн гоморъ. Учитывая факт, что эти чтения преобладают и что в списках книги Исход валахо-молдовского происхождения немало иноваций, можно предположить, что в первоначальном переводе в этих стихах figura etymologica не было. Поскольку антиграфом этих списков, без сомнения, является среднеболгарская рукопись тырновского происхождения (Zhelyazkova 2016: 108), можно предположить, что figura etymologica в последних двух примерах является результатом работы тырновских книжников.

* * *

Приведенные в настоящей работе примеры ясно показывают, что figura etymologica является характерной особенностью древнеболгар-

inslav

ского перевода Книги Исход. Славянский текст следует греческим стилистико-синтаксическим особенностям, грамматические формы и синтаксические модели в языке перевода адекватны грамматическим формам и синтаксическим моделям в языке оригинала. В то же самое время ясно, что переводчик, включая figura etymologica в свой текст, опирался и на нормы древнеболгарского языка, т. е. figura etymologica была живым явлением в славянской речи того времени.

* * *

Интересно провести параллель с современными болгарскими и русскими переводами Книги Исход, несмотря на то, что, как известно, они сделаны с еврейского языка и не связаны с древнеболгарским переводом ветхозаветных книг[13]. В этих переводах figura etymologica, как правило, употребляется очень редко. Можно указать всего на несколько случаев, в которых употреблена figura etymologica. Так, Исх. 13:19 в Цареградской библии звучит как *защото той беше заклел с клетва Израилевите синове*, а в русской синодальной как *ибо клятвою заклял сынов израилевых.* В некоторых переводах, однако, без figura etymologica: *защото той беше строго заклел израилтяните* (болгарская протестантская библия) и *взял с сынов израилевых клятву* (новый русский перевод). Также в Исх. 30:7 — *да кади благовонно кадиво; всяка сутрин, кога приготвя кандилцата, да кади с кадивото* (болгарская синодальная библия), *Аарон будет курить благовонным курением* (русская синодальная библия). В других переводах без figura etymologica: *ще кади Аарон над него благовонен темян всяка заран* (Цареградская библия), *пусть Аарон воскуряет на этом жертвеннике благовония* (новый русский перевод). В Исх. 13:19 figura etymologica присутствует только в русском синодальном переводе: *ибо клятвою заклял сынов израилевых*.

В большинстве случаев в современных переводах figura etymologica остается непереведенной. Это можно объяснить тем фактом, что, видимо, она вносит в текст сильную архаизацию, и поэтому избегается. В болгарских переводах существует стремление передать смысл, который несет figura etymologica, другими лексическими средствами.

[13] В этом плане интересно исследование И. Найденова об употреблении figura etymologica в современном переводе книги Ионы (Найденов 1999: 93–99).

inslav

Поэтому очень часто вместо figura etymologica употребляются слова, подчеркивающие обязательность нормы, полноту, достоверность действия: *непременно*, *наистина*, *строго*, *съвсем*. Например, Исх. 22:16: *н е п р е м е н н о да се даде вено за нея*; Исх. 21:12: *н е п р е м е н н о да се умъртви*; Исх. 19:5: *ако н а и с т и н а ще слушате гласа ми*; Исх. 13:19: *той беше с т р о г о заклел израилтяните*; Исх. 17:14 *ще излича с ъ в с е м спомена* и т. д.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ РУКОПИСИ

Южнославянские

ГИМ, собрание Барсова, № 3, XV в.
Румынская академия наук, № 85, XV в.
РГБ, Румянцевское собрание, ф. 256, № 29, 1537 г.
РГБ, собрание Севастьянова, ф. 270, № 1/М, XV в.
РГБ, собрание Григоровича, ф. 87, № 1/М 1684, 1523–1543 гг.
Церковно-исторический архив и музей (София), № 351, XVI в.
Библиотека Хорватской академии наук и искуств (Загреб), № IIIc17, XVI в.

Русские

РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, ф. 304.I, № 1, XIV в. (Лаврское пятикнижие)
РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, ф. 304.I, № 44, XV в.
РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, ф. 304.I, № 45, XVI в.
РГБ, Румянцевское собрание, ф. 256, № 27, XV в.
РГБ, собрание Ундольского, ф. 310, № 1, XVI в.
ГИМ, собрание Барсова, № 1, XV в.
ГИМ, собрание Барсова, № 2, XV в.
ГИМ, собрание Уварова, № 1, XVI в.
РГАДА, МГАМИД, ф. 181, № 279/658, XV в.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков / Сост. Т. Л. Вилкул. М., 2015.
Григоровичев паримејник / Сост. З. Рибарова, З. Хауптова. Скопје, 1998.
Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.
Bible Works. Bible concordance and morphological analysis program. Version 7: www. bibleworks.com

inslav

Wevers 1991 — Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum / Ed. J. W. Wevers. Göttingen, 1991. Vol. 2. 1. Exodus.

ЛИТЕРАТУРА

БЕР — Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, С. Илчев. София, 1962. Т. I.

Желязкова 2006 — *Желязкова В.* Наблюдения върху лексиката на среднобългарските преписи на Книга Изход // Преславска книжовна школа. Шумен, 2006. Т. 9.

Костов 2009 — *Костов К.* Още веднъж за етимологичната фигура и синтактичните ѝ особености в български език // Български език. 2009. Г. 15. № 3.

Найденов 1999 — *Найденов И.* Етимологическата фигура като изразно средство при старозаветните писатели и по-конкретно в Книгата на пророк Йона // Богословска мисъл. 1999. № 3–4.

Славова 1999 — *Славова Т.* Най-ранният препис на Мойсеевото Петокнижие // Старобългарска литература. 1999. Кн. 31.

Срезн — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I–III.

СтбР — Старобългарски речник / Отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. I. София, 1999; Т. II. София, 2009.

Цибранска-Костова 2011 — *Цибранска-Костова М.* Етимологическата фигура в славянски юридически ексцерпти от Стария завет // Български език. 2011. Г. 58. № 1.

Цибранска-Костова 2016 — *Цибранска-Костова М.* Старият завет като юридически източник. Наблюдения върху славянската ръкописна традиция. София, 2016.

Чернышева 2012 — *Чернышева М. И.* Этимологические опыты в древнерусской книжности // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.

Golka 1988 — *Golka F. W.* Die Figura etymologica im Alten Testament // Wünschet Jerusalem Frieden. Collected Communications to the XIIth Congress of the International Organization for the Study of the Old Testament. Jerusalem 1986. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris, 1988.

Eckert-Kostov 1986 — *Eckert R., Kostov K.* Zur Figura etymologica im Bulgarischen // Palaeobulgarica. 1986. Г. 10. № 3.

Ewal 1879 — *Ewal G. H.* Syntax of the Hebrew language of the Old Testament / Transl. J. Kennedy. Edinburgh, 1879.

Keipert 1988 — *Keipert H.* Doppelübesetzung und Figura etymologica in methodianischem «Nomokanon» // Christianity among the Slavs. The Heritage of

inslav

Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh Century of the Death of St. Methodius. Rome, October 8.11.1985 / Ed. E. G. Farrugia, R. F. Taft, G. K. Piovesanna (Orientalia Christiana Analecta. T. 231). Roma: Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1988.

Tod 2009 — *Tod Cl.* Rhetoric and reptition: the figura etymologica in Homeric epic: A dissertation presented to the Faculty of the Graduate school of Cornell university. 2009.

Zhelyazkova 2016 — *Zhelyazkova V.* The Headings in South Slavonic Copies of the Book of Exodus // The Bible in Slavic Tradition / Ed. A. Kulik, C.-M. MacRobert and C. Vakareliyska. Leiden; Boston, 2016.

inslav

О. Ф. ЖОЛОБОВ
Приволжский федеральный университет, Казань

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ПРЕТЕРИТАХ*

1. 1. В палеославистике немало нерешенных проблем. Одна из наиболее серьезных — неполнота данных, которыми располагают исследователи. Бóльшая часть рукописных источников не изучена с необходимой полнотой или вовсе не описана. Распространение новых цифровых и интернет-технологий позволяет эту проблему решить, но только отчасти, поскольку издание цифровых копий рукописей не дает возможности их компьютерной обработки, применения модулей поиска форм и создания онлайн-указателей. Необходимо создание наборных, так называемых машиночитаемых версий текстов. Идеальным типом издания является совмещение цифровых копий рукописей и их наборной, машиночитаемой версии. Подобные интернет-издания могут постоянно сверяться с цифровой копией и при необходимости легко редактироваться. Этот принцип используется в ряде случаев в Казанской коллекции интернет-изданий славяно-русских рукописей XII–XIV вв. (см. в списке источников «Казанская коллекция»). Кроме того, на основе интернет-изданий возможно создание книжных бумажных публикаций. Интернет-издания постоянно доступны для редактирования и помогают избежать ошибок бумажных изданий. Ср. девять страниц исправлений к I тому во II томе издания «Славяно-русского Пролога по древнейшим спискам» (Пролог 2011: 6–14).

2. 1. В палеославистике существуют и проблемы необычного, можно сказать, парадоксального толка. Так, ряд исторических явлений и фактов, характер которых считался уже установленным, при ближайшем рассмотрении таковым не оказался. В этом можно убедиться при знакомстве с монографиями, посвященными двойственному числу, числительным, презенсу без флективного *-ть* (Жолобов 1997; Жолобов, Крысько 2001; Жолобов 2006; Жолобов 2016а). По-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00283).

inslav

хожая ситуация сложилась при рассмотрении так называемого перфективного имперфекта. Вслед за Ю. С. Масловым (Маслов 1954: 137), на выводы которого опирался и А. А. Зализняк (Зализняк 2008: 98), было принято считать, что в старославянском языке перфективный имперфект как отчетливо выраженное явление отсутствовал, а значит — его не было и в языке-предке. Однако перепроверка этого вывода показала, что перфективный имперфект со значением многократных завершенных действий был представлен в старославянской Супрасльской рукописи (17 случаев), в Симеоновом изборнике в древнерусском списке 1073 г. (9 случаев), в древнерусском списке Синайского патерика конца XI в. (22 случая) (см. Жолобов 2016б). См. также в древнерусском списке 13 Слов Григория Богослова XI в., где встречаются глаголические буквы или их рефлексы (см. диграф ѿу: ешуе ГБ XI, 322г; имѫшуе 236г; отъвѣшуа 65в и др.): бѫдѣахѫ ГБ XI, 26а; расмощрѭаше 255а; съглаголаше 311а; съдрьжааше 264г. Кроме того, как выяснилось, значение многократности у перфективного имперфекта в некоторых случаях мотивировалось дистрибутивным характером действия, распространенного по отдельности на плюральный субъект или объект действия.

2. 2. Безусловно, нельзя отрицать потенциального влияния старославянских или древнеболгарских памятников на употребление перфективного имперфекта в древнерусских источниках разных стилей. См. отрывок с необычно большой концентрацией форм перфективного имперфекта в Изб 1073 и в заимствованном из него экзегетическом Изб XIII_1, где имперфект обозначает хабитуальное, регулярно совершаемое ритуальное действие (другие надстрочные знаки, кроме титла, опущены):

да ѥгда оубо хотѧше · свѧтителя
въпрашати ба о коѥи любо рѣчи ·
приѩзаше ѥ на рамѣници
посредоу прьсии и подъложаше
роуцѣ подъ не · и испростьрѧше
сѧ на дланиѭ · акы дъска · и
зьрѧ на ѥфѹдъ въпрашаше ба · о
въпросѣ · и аште боудѧше боу
годѣ въпросъ тоу абиѥ въсиѭаше

да ѥгда оубо хотѧше ст҃ла
въпрашати бга ѡ коѥ любо рѣчи·
при·ѩзаше ѥ на рамѣници
посредоу пьрсии· и подъложаше
роукоу под не· и испростьрѧшесѧ
на дланью акы дъска· и зрѧ на
ефудъ· въпрашаше бга ѡ
въпросѣ· и аще боудѧше бг҃оу
годѣ въпросъ· тоу абиѥ въсиѭаше

inslav

адамасъ · и свѣтома блискааше
сѧ · аште ли не бѣаше годьно ·
прѣбъıваашє въ своюмь чиноу ·
камъıкъ · аште ли хотѧше бъ на
меуь прѣдати люди · боудѧше
кръвавъ · аште ли съмрьть
наити хотѧше урьнъ Изб 1073,
151в28–151г21.

адаманитъ· съı свѣтъмь блиска-
шесѧ· аще ли не бѧше годно·
пребъıваше въ своюмь чиноу
камъıкъ· аще ли хотѧше бъ на
меуь предати люди· боудѧше
кръвавъ· аще ли смьрть наити
хотѧше· урьнъ боудѧше Изб XIII$_1$,
150–150 об.

В Изб XIII$_1$ добавлена, по сравнению с Изб 1073, еще одна форма перфективного имперфекта *будяше*. Высокая концентрация перфективных имперфектов (6 и 7) в столь небольшом по объему тексте доказывает связь их употребления с дискурсивно-прагматической природой текстового пассажа.

Перфективный имперфект ранних источников совмещает семантику совершенного вида глагольной основы и грамматическое имперфектное значение повторяемости в своем особом значении, что доказывает развитие категории вида уже в праславянский период.

2. 3. В Выголексинском сборнике конца XII в. соседствуют Житие Нифонта Констанцского (далее — ЖНК к. XII), которое является краткой версией пространного древнеболгарского перевода, и Житие Феодора Студита (далее — ЖФС к. XII), которое, согласно А. А. Пичхадзе, переведено двумя древнерусскими переводчиками (Пичхадзе 1998: 480–481; Пичхадзе 2011: 37–38). В обоих Житиях встречаются перфективные имперфекты — в ЖНК к. XII семь форм, а в ЖФС к. XII — одиннадцать, при том что объемы текстов значительно расходятся: ЖНК к. XII занимает л. 1–33, а ЖФС к. XII — л. 33 об.– 171. (см. Жолобов 2016д). Ср. перфективные формы в полной версии Жития Нифонта, переписанной в северо-восточной Руси в 1222 г.: наудѧшесѧ ЖНК 1222, 15г; станѧше 15г, 44б, 69г, 115г; нанесѧше 46б и др. Совмещение в Выголексинском сборнике южнославянского и восточнославянского переводов могло подразумевать и южнославянское влияние. Однако перфективные имперфекты в оригинальных древнерусских источниках свидетельствуют о том, что данные формы являются общим праславянским наследием.

В Слове «О расслабленном» Кирилла Туровского (по СбТ XIII$_2$), как и в гомилии, посвященной этому же евангельскому чтению в

inslav

старославянской Супрасльской рукописи (далее — Супр), встречаются формы перфективного имперфекта, в отличие от самого евангельского чтения, однако они связаны с разными глаголами. В то же время весьма показательно, что сама по себе дискурсивно-прагматическая природа этого пассажа способствовала включению в него имперфектов от перфективных основ. Ср. (надстрочные знаки, кроме титла, опущены):

сьнидѣаше тамо реуе ангелъ и възмѫшталаше водѫ · и иже би вьлѣзлъ по възмѫштениї водѣ · наслаждалаше сѧ ицѣленью · сниде ангельскїи владїка въ їѡрданьскїѩ водї · и свѧтивъ водьною естьство власѫ вселенѫѭ исцѣлилъ · сего ради · тамо оубо · иже снидѣаше по правѣ·ѣмъ · оуже не ицѣлѣаше Супр 248 об.

егоже и крауеве небрѣгома створиша· егоже презрѧхоу въмѣтающеи въ купѣль· егда бо възмоутѧшетьсѧ вода· власи ѡ батїихъ пекоущесѧ· здравии сего ѿрѣюхоу СбТ XIII$_2$, 16 об.; англъ бо г҃на приходѧ възмоущаше водоу· и по возмоущении первоѥ вьлѣзїи цѣлъ бїваше· Си же бѣ ѡбразъ ст҃го кр҃щениѧ· понеже не всегда ицѣлѧше· нъ егда ѥ англъ възмутѧше СбТ XIII$_2$, 17

Оригинальный характер перфективных имперфектов в Слове Кирилла Туровского подчеркивается употреблением основы без чередования с дополнительным окончанием -тьс: възмоутѧшетьсѧ, възмутѧше. Рядом выше употребляется и ожидаемая форма с чередованием при глаголе възмоутити: възмоущаше. Очевидно, именно имперфект и стал основным источником имперфективных основ с чередованием, которые, таким образом, сохраняют двоякую соотнесенность — с исходным перфективным глаголом и новым имперфективным (ср.: наслаждалаше сѧ, ицѣлѧше).

Полная самостоятельность Кирилла Туровского при употреблении имперфекта проявляется и в другом: у него находим имперфект с полногласием полокахоу при разъяснении гебраизма вифезда, которое является уникальным в древнеславянской письменности: того ради при мнозѣ приде народѣ· къ соломони вододьрьжи· иже нарицаютьсѧ вифезда· си рѣуь ѡбьуа коупѣль· понеже тоу полокахоу жартвьнїихъ ѻвеца оутробїи СбТ XIII$_2$, 17.

inslav

Употребляется перфективный имперфект со вторым полногласием и со значением завершенного дистрибутивно-кратного действия: нъ жидове не оумѫлъкнѫху глѭе· кто ѥсть ищѣливъи тѧ въ соуботоу СбТ XIII$_2$, 21 об.

Как и в других древнерусских оригинальных текстах, в Словах Кирилла Туровского употребляются формы имперфекта на -тѣ, не ограниченных какими-либо особыми морфосинтаксическими условиями: ѥгоже сномь бивмь нарицѧхуть книжьници СбТ XIII$_2$, 8 об.; ѥже нбса повѣдахоуть зв҃ѣздою 31 об.; Имѣѭшеть же съ собою г҃а 35 об. и др.

2. 4. В таких ранних оригинальных источниках, как Житие Феодосия Печерского или Повесть временных лет, обнаруживается рекордная частотность перфективных форм: 44 к 380, 56 к 650 (см. Зализняк 2008: 97). Житие Феодосия Печерского также подтверждает, что перфективный имперфект прежде всего употреблялся при рассказе о хабитуальных ситуациях, когда действия совершаются раз за разом по заведенному порядку ритуального или квазиритуального характера.

Строгая функциональная направленность данных форм в то же время означает принадлежность живому языку имперфекта в целом. Ср. имперфект доконьцѧху с дистрибутивно-перфективным значением в берестяной грамоте 136 (XIV в.):

се доконьцѧху мѫ҃словѣ дѣтѣ
труфане з҃ братьею давати
оуспокъ ·ѕ҃· коробеи ржи да коробь=
ѧ пшеници ·г· солоду · дару ·г· ку=
ници · да пудъ меду · дѣтемъ · по бѣ=
лки ·г· і ·г· горсти лену ·
боранъ оу новину
(Зализняк 2004: 594–595).

2. 5. Безусловно, трудно всерьез рассматривать гипотезу Г. А. Хабургаева об изначальном отсутствии имперфекта в древнерусском языке (Хабургаев 1991) в силу того, что древнерусский имперфект морфонологически противопоставлен старославянскому, отличается от его употребления в старославянских образцах, перфективные формы обладают гораздо большей частотностью, широко распространены

inslav

формы 3-го лица с первичным по происхождению окончанием -тѣ. Именно имперфект стал источником образования имперфективных основ и эпицентром становления категории аспектуальности.

Формы с дополнительным окончанием являются праславянским наследием, о чем свидетельствуют примеры данных форм в южнославянских источниках, начиная со старославянских Мариинского евангелия (кѫшнѣѧшетѣ Лк 1:21) и Саввиной книги (ꙁапрѣщѧшетѣ Мк 7:36) (см. Жолобов 2015: 32–33). Имперфект с дополнительным окончанием употребляется в македонском Радомировом евангелии середины XIII в., вероятно, под влиянием древнерусского полного апракоса: имѣхѫтѣ 154b, молѣѧтѣ (sic) 119d, кѫпрашахѫтѣ 120b, ꙁовѣхѫтѣ 125c, биѭхѫтѣ 180c, хоулѣхѫтѣ 189a, наряду с инновациями под влиянием аориста: оужасахѧ сѧ 124a, дивлѭахѧ сѧ 124a, бѣхѧ 66b. Однако в болгарской Орбельской триоди второй половины XIII в. древнерусское влияние не предполагается: бѣпиѭхѫт 183a (см. Макаријоска, Црвенковска 2012: 47; Пентковский 2000: 61).

Житие Феодосия Печерского, согласно А. А. Шахматову, было написано между 1078 и 1088 гг. (Шахматов 1896: 47–48). По подсчетам О. Б. Страховой (2011: 256) из 74 форм имперфекта на -тѣ в Успенском сборнике XII–XIII вв. 52 формы находятся в Житии Феодосия Печерского (далее — ЖФП XII). Это 70,2% всех форм, что подчеркивает особый характер древнерусского имперфекта. ЖФП XII было создано в конце XI в. и демонстрирует исконный тип употребления имперфектных форм, а не позднейший результат расширенного распространения форм на -тѣ (вопреки О. Б. Страховой). В списках евангелий представлен не исходный тип форм на -тѣ, а редуцированный, максимально ограниченный принцип их употребления (это контексты типа нарицахоутѣ и), при том что и в евангелиях, главном литургическом тексте, он не соблюдается полностью.

А. А. Шахматов (Шахматов 1896) указал на текстуальную зависимость Жития Феодосия Печерского от Жития Саввы Освященного, переведенного в Болгарии и известного на Руси второй половины XI в. В контекстах с имперфектом такая зависимость проявилась лишь в двух случаях, когда в них повторяются имперфекты древнеболгарского перевода (Житие Саввы Освященного цитируется по статье А. А. Шахматова):

inslav

Житие Саввы Освященного	**Житие Феодосия Печерского**
поверже ꙗвлѣꙗко на ѕемли. своима **попираше** ногама. попираꙗ и с нимь и помѣꙗслъ 21;	и бжиѥю по|мощию съвръже одежю съ се|бе · и своима ногама **попи|рашеть** ю въ калѣ · попира|ꙗ съ тѣми и ѕлѣꙗ помѣꙗслѣꙗ 34б29–34в1;
ꙗкоже въ власѣхъ искоушенѣꙗхъ бѣꙗхъ. **оуѵаше и казаше** стати крѣпѣцѣ. противоу диꙗволемъ къзнемъ 77	по всꙗ дни не престаꙗ и|хъ **наказаше** · и аще па|кѣꙗ **слѣꙗшаше** ѿ братиꙗ| комоу же соущю ѿ мѣуьтании бѣсовьскѣꙗихъ · то сиꙗ приѕъвакъ и ꙗко| въ власѣхъ искоушениихъ| бѣꙗхъ · **оуѵаше и нака|ѕаше** стати крѣпѣцѣ про|тивоу диꙗволемъ къзнѣмъ 43г24–31

В ЖФП XII образы текста-источника переработаны и представлены в более развернутом виде, при том что их и в целом совсем не много. Особенно это заметно во втором фрагменте, где используется, кроме прочего, осложненная приставкой форма имперфекта. Во всех других случаях существенная переработка исходного текста сопровождается также изменением грамматической структуры, появлением форм имперфекта при их отсутствии в Житии Саввы Освященного. В частности, имперфект употребляется вместо причастий, что ведет к четкому предикативному структурированию текста и усилению динамичности повествования. См.:

Житие Саввы Освященного	**Житие Феодосия Печерского**
оц҃ь нашь сава. вся сѧ пода бо҃у. и ꙗже имѧше о своихъ ѥмоу. прѣда к роуцѣ игоуменоу. и **подвижесѧ** на троудѣꙗ. дѣломь телеснѣꙗмь вьсь дьнь. **бъдѧ** же всѧ нощи. въ славлѣньихъ бо҃ихъ 37;	оц҃ь же на|шь ѳеѡдосии предавъ сѧ| бо҃у и прпдбьноуоумоу анто|нию · и ѿтолѣ **подаꙗше сѧ**| на троудѣꙗ телесьнѣꙗꙗ · и **бъ|дꙗше** по всꙗ нощи въ славосло|влении бж҃ии 31в20–26;

inslav

многы же печалї **прии҆ѧ** въ мѣстѣ томь ѿ бѣсъ 119;	многоу же скъ\рбь и мьчатание [так] зъли доу\си **творѧхоуть** ѥмоу въ пе\щерѣ тои 37г32–38а2; сице же по многы дни и но\щи **творѧхоуть** ѥмоу зъли\ доуси 38б32–38в2; гл҃ѧ ·\ ꙗко многоу ми пакость\ **творѧхоу** въ келии зъли\ бѣси 44б14–17;
преже бѣхъ въ цр҃кьь **приходѧ.** и послѣже бѣхъ **излазѧ** 37;	и въ цр҃кви же пре\же бѣсѣхъ **обрѣтаѭ сѧ** · и послѣже бѣсѣхъ **излазѧ** 42г14–16; и тако преже бѣхъ **обрѣта\ше сѧ** въ цр҃кви · и ставъ на своѥмь мѣстѣ непостоу\пьнъ сы · ни мѧтъи сѧ оу\мъмь бж҃ствьноѥ славосло\виѥ съвръшаше · ти тако па\кы и–цр҃кве послѣже бѣсѣхъ\ **излажаа\ше** 36в2–10;
и многы на би҃и разоумъ **наводѧща** 373 (о Савве и Феодосии);	и мъногы на божии разоумъ\ **наводѧше** · и къ нб҃сьно\моу цр҃ствию **напраѧвлѧше** 50б10–14;
ꙗже до нѧинѧшнѧго. въ горѣ ѥ҆леондстѣи҆. черноризеуьскыми добротами **цвьтоущи** 285 (об Анастасии);	**оумножахоу во сѧ** ѿтолѣ\ братиѧ и\ **цвьтѧше** мѣсто\ то добрыими нравы 36г21–22;

inslav

ѝзидоша ѿтоудоу. ѵл҃бѵдскомѧ гл҃сомѧ **вѫпиѭще.** о ноужа ѿ тебе сако 123 (о бесах).

сѫ| гнѣвомѧ великомѧ **вѫпи|ѭ-аше** · о ноуже старьцѧ сего| ꙗко имѣи сн҃а моѥго и сѫ|крѫвѣѭ и вѫ пещерѣ не рачитѧ ми ѥго ꙗвити 32в8–13.

Конечно, нельзя забывать и о том, что общее количество имперфектов в ЖФП XII, как указывалось выше, насчитывает около 380 случаев, так что о зависимости от Жития Саввы Освященного здесь говорить не приходится.

3. 1. Именно имперфект стал главным движителем развития категории вида в древнеславянских языках. Достаточно редкие на общем фоне формы перфективного имперфекта с особыми значениями завершенной многократности или дистрибутивности только подчеркивают собственно видовое значение имперфекта. Старославянские формы имперфекта предстают в русифицированной форме уже в самых ранних источниках древнерусского письма.

В этом отношении имперфект коренным образом отличается от простого аориста, по происхождению восходящего к индоевропейскому имперфекту или инъюнктиву. Простой аорист встречается в древнерусских списках, связанных исключительно с южнославянскими протографами, которые в свою очередь отражали влияние кирилло-мефодиевской традиции. В оригинальных текстах простого аориста нет, хотя древнерусским переписчикам и авторам он был, несомненно, знаком. В некоторых древнерусских списках простой аорист составляет существенную величину. Так, в позднедревнерусском Захариинском паримейнике 1271 г. обнаруживается 16 простых аористов, восходящих к кирилло-мефодиевскому переводу (издание рукописи впервые представлено в Казанской электронной коллекции), при том что некоторые из них отсутствуют в среднеболгарском Григоровичевом паримейнике XII–XIII в., который считается наиболее архаичным, что, по-видимому, не вполне соответствует реальному положению вещей (Zholobov 2016: 163–164).

inslav

Захариинский паримейник	**Григоровичев паримейник**
и҆ не ѡ҆брѣтоу водꙗ| да бꙗша пили Зах 1271, 10г3–5	не ѡбрѣтошѧ Григ XII/XIII, 7, 5
вꙗ|здвигоу же сѧ ѿ| ꙗлима. и҆ прии҆доу въ вдсь сꙗнд|мъ снбъ и҆злбъ Зах 1271, 11б11–15	Въздвигнѫ же сѧ ѿ Ѥлима·:· и придѫ въ снемъ сновъ і҆злевъ Григ XII/XIII, 7, 20–21
сꙗ|нꙗ родихъ и҆ възнесохъ · ти же| сѧ ѿвдргоу ме|не Зах 1271, 27г9–13	ти же ѿвръгохѫ сѧ мене Григ XII/XIII, 14, 3–4[1]; в разночтениях: сѧ ѿвръгошѧ (Лоб 1294–1320), ѿвергошасѧ

В издании Р. Ф. Брандта утраты листов в Григоровичевом паримейнике восполнены по среднеболгарскому Лобковскому паримейнику 1294–1320 гг., в котором простой аорист вовсе отсутствует:

дѣрзаи҆те| скоти польсти|и҆ · ꙗко прозѧвоу полѧ поустꙗ|нднаꙗ Зах 1271, 22г1–14	прозѧвошѧ Лоб 1294–1320, 15 об., 10

Ср. также формы трех списков — древнерусских Захариинского, Троицкого (XIV в.) и среднеболгарского Лобковского паримейника:

и҆ ѿ всехъ гадъ соущи|хъ по земли · дꙗ|ка дъва · вани|доу въ ноѥви въ ковчегъ · моу|жьскъ полъ и҆ же|нскъ Зах 1271, 81а8–15	і҆ ѿ всѣхъ гадъ сущи|хъ по земли внидош^а^ к ноѥви в ковчегъ ·| мужескъ полъ да| женьскъ Тр XIV, 34в14–19	и ѿ всѣхъ гадъ сѫщꙗхъ по земи. двоѫ| двоѫ внидошѫ к ноевꙗ в ковчегъ.| мѫжеска полъ и жьнъскъ Лоб 1294–1320, 54, 10–12

В Захариинском паримейнике обнаруживаются и сигматические аористы от основ на согласный[2]. Так, атематический глагол ꙗсти и приставочные образования от него в аористе наблюдаются только в словоформах древнего сигматического типа: и҆ сънидѐ ѡ҆гнь ѿ г҆а съ нбсе · и҆ поꙗст[-] ѡ҆лъ каоу҆томатꙗ Зах 1271, 17а16–19; и҆ въздамъ

[1] Новая форма с окончанием имперфекта.

[2] Однако уже с обобщением чередований в суффиксе -с- // -х- // -ш-.

inslav

ка|мъ за лѣта ꙗже| поѣша проузи и҆ хроустовѣ 23а14–17; и съ|нѣсте · и҆ ѿкръзостасѧ ѡ҆чи ѡ҆бѣма 46б17–19; ѿ дрѣ|ва ꙗгоже заповѣ|дахъ ти · того ѥ҆ди|ного не ꙗсти · ѿ того сънѣста 47б15–19; и҆ въне́се| ми и ꙗхъ 141г7–8; и҆ сънѣхъ и҆ 183а1; понеже сънѣ|ша ѿ пшениѹѧ ѿ плода землі · и к томоу не| бѧше снмъ и҆|злобъмъ · мана|нꙑ 196а1–7.

В Григоровичевом паримейнике в этих случаях может наблюдаться сигматический аорист с тематическим гласным:

си ми| дасть ѿ дрѣва и҆ сънѣхъ Зах 1271, 46г13–15; и҆ ре҃ жена змиѧ мѧ| прѣлъсти · и҆ снѣ|хъ 46г17–47а1	снѣхъ Тр XIV, 15а4; снѣхъ15а7	снѣдохъ Григ XII/XIII, 22, 1; снѣдохъ 22, 3

В Григоровичевом паримейнике и в более поздних источниках в случаях с нетематическими формами, в отличие от Захариинского паримейника, также обнаруживается новосигматический аорист:

бесь дн҃ь| разврѣшасѧ вси| и҆стоуници безда|нꙑ · и҆ хлаби нбсь|скꙑѧ ѿврѣшасѧ · и҆ бꙑ҃ дъжгь на| землі ·м҃· днии · и҆ м҃ нощий Зах 1271, 84а7–14	бесь| дн҃ь разверзошас҃ водꙑ і хлѧби нб҃ниі · и҆ бꙑ҃ дожда великъ на| земли ·м҃· дниі ·м҃·| нощиі Тр XIV, 36б1–6	бесъ дн҃ъ разъврь|зошѧ сѧ вси ї҆стоуніци безда́нꙑѧ ·:· и҆ хлѧби не|беснꙑѧ ѿврьзошѧ сѧ ·:· И бꙑ҃ дъждъ на землї ·:·| :м҃·:· днеи ·:· и ·:·м҃: нощеи Григ XII/XIII, 35, 5–8

Архаичные формы сигматического и простого аориста встречаются в древнерусском списке 13 Слов Григория Богослова XI в., переписанного, вероятно, с глаголического первоисточника. См. формы 1 л. ед. ч., 3 л. дв. ч., 2 л. мн. ч. глаголов изнемощи, истрьгнѫти, навести, наѹчти, рещи:

и колѣнѣ мои изнеможете постомь ГБ XI, 22б; се же и створѭ · и аще малъмь бꙑше наѹчсѧ 144а; и не показахъ · мѧкъчаишими краѹеваниими навѣсъ 301в; и дѣлъ егоже не одъждихъ исъше · и рѣсте · мѫжаимъ сѧ · навѣсъ на бꙑ градъ · девѧтѫю ꙗзвѫ показаѧ […] и жита башѧ побихъ · и зъловꙑ башеѧ не истрьгъ 302а.

inslav

Г. А. Мольков недавно установил новые факты хорошего знакомства древнерусских писцов с простым аористом в ранний период: в Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. — 124 формы (!). Это полностью опровергает устоявшуюся точку зрения о чрезвычайной редкости форм простого аориста в славяно-русской письменности (Мольков 2017).

Отсутствие в оригинальных текстах простого аориста и сигматического аориста от основ на носовой гласный и согласный (исключая формы типа *рѣхъ*) обусловлено их ранней утратой в разговорной речи либо их изначальным диалектно ограниченным характером, а широкое использование других типов аориста и русифицированных форм имперфекта можно объяснить только их сохранением в разговорном языке по крайней мере в раннедревнерусский период.

3. 2. Славянский имперфект, как и аорист, является индоевропейским архаизмом, с той разницей, что он не выступает непосредственным продолжением индоевропейского имперфекта, а отражает структурный тип отношений в индоевропейском. Имперфект в индоевропейском является вторичным претеритом, образованным на основе презенса и осложненным вторичными окончаниями и препозиционным аугментом: *bhéuge-ti ‘бежит’ vs. *(é)-bhugé-t ‘бежал’ > *bhéuge-ti : *(é)-bhéuge-t : *(é)-bhugé-t (см. Семереньи 1980: 322–323). Источником развития вторичного претерита стал перенос значения текущего действия презенса в прошедшее время, что нашло непосредственное отражение в формальном плане преобразований, указанных выше. Внешняя реальная темпоральность презенса в имперфекте должна была трансформироваться во внутреннюю характеристику длящегося, текущего действия, т. е. в значение несовершенного вида. Безаугментный имперфект употреблялся в индоевропейском как инъюнктив или императив, а в праславянском совпал с нулевым презенсом или простым аористом, поскольку новый вторичный претерит с основой презенса на ступени долготы *ē или *ā после палатальных согласных получил суффиксальный претеритальный показатель *s//*x//š. Основа на *ē или *ā существовала и в аористе, так что возникали новые условия смешения имперфекта и аориста. Новому разграничению имперфекта и аориста способствовало сохранение в имперфекте тематического спряжения, а также обобщение *ā в суффиксальном показателе.

inslav

Смешение несуффиксальных форм аориста и имперфекта было представлено еще в индоевропейском. Как отмечает О. Семереньи: «Если же окончание является вторичным, тогда ответ на вопрос, имперфект это или аорист, зависит от того, возможны ли в языке формы с первичными окончаниями» (Семереньи 1980: 351).

В отличие от имперфекта, аорист у славян не был последовательно связан с видовой семантикой. По подсчетам Р. Вечерки в старославянских источниках более 40% аористов — это глагольные формы от имперфективных основ, в то время как имперфект образуется от перфективных основ только в 1% случаев (Večerka 1993: 157). Если имперфект, наряду с временным, выражал морфологически видовое значение, то для аориста это было иначе. Таким образом, являясь ключевой формой в развитии вида, имперфект оказывался в наиболее уязвимом положении. Его двойная функциональность отягощала коммуникацию, что отражалось и на аористе, являвшемся ему зачастую видовым коррелятом или противовесом. На этом фоне со всей очевидностью выступают коммуникативные преимущества перфекта, который мог образовываться от любого типа основы и был тесно связан с коммуникативными категориями субъектности, эвиденциальности, инференциальности (см. ниже). Сохранение всего набора древних форм в болгарском, как можно предположить, было обусловлено развитием пересказывательного наклонения на основе причастий на *-л*, противопоставленного изъявительному наклонению (см. ниже).

4. 1. Большое внимание при рассмотрении эволюции глагольных категорий и форм вполне закономерно отводится истории так называемого перфекта (см. Жолобов 2008: 69; Жолобов 2016в; Зализняк 2004: 171–175; Зализняк 2008: 81–82 и др.; Крысько 2011: 829; Кузнецов 2013; Кузнецов 2014; Петрухин 2003; Петрухин 2004а; Петрухин 2004б; Пичхадзе 2011: 327–330; Шевелёва 2015 и др.). Внимание исследователей прежде всего привлекают функционирование и превращение так называемого перфекта в универсальный претерит.

Обоснованность введения термина «перфект» в палеославистические исследования вызывает большие сомнения. А. М. Кузнецов в своих двух недавних статьях указал на источник традиции использования термина. Он установил, что термин был введен Францем Миклошичем. «Первым сложную форму *есмь* + *-лъ* назвал латинским

inslav

термином перфект параллельно с составным *прошедшее совершенное действие* (среди описательных глагольных форм) Франц Миклошич в своей *Vergleichende Grammatik der slavische Sprachen* (1852–1874)» (Кузнецов 2013: 54). «Однако Миклошич никаких доказательств в пользу такого определения не привел» (Кузнецов 2014: 274). Это создало в то же время некую иллюзию родства понятия с особым явлением индоевропейского грамматического строя, хотя хорошо известно, что индоевропейский перфект у славян не сохранился, за исключением единственной медиально-перфектной формы вѣдѣ ‘я знаю’ (см. Žolobov 2016: 308–310). Перфект — яркий пример того, когда сам термин диктует, навязывает понимание, обусловленное его «инобытием», поэтому, как отмечает А. М. Кузнецов, неудивительно, что «против использования названия *перфект*, равно как и *прошедшее совершенное* по отношению к древней славянской форме *пришьлъ есмь*, выступал А. А. Потебня […]. Во-первых, определение *совершенное* ассоциировалось со славянским совершенным видом, а во-вторых, на первом (дописьменном) этапе существования форм типа *пришьлъ есмь* в них “изображалось событие прошедшее (прич.) по отношению к настоящему (глаг.)”, то есть А. А. Потебня видел в этой форме просто преднастоящее» (Кузнецов 2014: 275). Ср. с более точной болгарской терминологией: «минало неопределено» — т. е. прошедшее неопределенное, а также показательные названия аориста и имперфекта в болгарской грамматике — прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное.

В то же время современные определения славянского так называемого перфекта сейчас воспроизводят его понимание в индоевропеистике. Так, согласно О. Семереньи, в индоевропейском «перфект первоначально обозначал являющееся результатом предшествующего действия *состояние в настоящем*; ср. и.-е. *woida ‘я выяснил и теперь я знаю это’…» (Семереньи 1980: 313). Ср. о древнеславянском употреблении: «Для перфекта исходным было значение состояния, возникшего в результате некоторого действия или события; в нормальном случае имеется в виду состояние, существующее в момент речи. Это исходное значение ясно выступает в примерах типа *литва въстала на корѣлоу*…» ГрБ 590 (XI) (Зализняк 2004: 175). Славянская форма обозначает событие в прошлом, о котором сообщается в акте речи. Так называемый перфект отчетливо связан с ком-

inslav

муникативной функцией. Автору записи из каких-то источников стало известно о данном событии, и он об этом сообщает. Перфект указывает на то, что у автора сообщения были какие-то источники, а скорее всего он был непосредственным свидетелем события, т. е. здесь подразумевается «вѣдѣ, т. е. я знаю, потому что видел, или слышал, или мне сказали: «литва въстала на корѣлоу — ‘литва пошла войной на карел’».

«Каноническим» значением перфекта называется обозначение действия в прошлом, «результаты которого сохраняются в момент речи» (Петрухин 2003: 12–13). Здесь указание на состояние отсутствует. Наряду с этим, однако, тот же автор отмечает, что «древнейшее значение перфекта — значение достигнутого состояния» (Петрухин 2004а: 81). Свернутое обозначение результативности в перфекте — введение значения достигнутого состояния — также восходит к исследованиям по индоевропеистике, где оно, однако, признается вторичным по отношению к первоначальному классу глаголов perfecta tantum, которые обозначали виды чувственного восприятия, психического состояния, акты говорения и звукопроизводства, являлись моделью для медиопассивных образований (Перельмутер 1965: 100–101; Перельмутер 1969: 21).

Таким образом, перфект первоначально был тесно связан с коммуникативной категорией субъектности. Именно поэтому семантика перфекта быстро эволюционирует в сторону повествовательного времени, а неустойчивость форм ведет к большому числу инноваций (Kuryłowicz 1964: 25, 56).

Нельзя не признать парадоксальным наделение древнеславянских перифрастических, описательных форм типа *есмь* +-*лъ* значениями индоевропейского синтетического перфекта, поскольку в формально-грамматическом отношении между ними мало общего. Более того, в состав данных форм входит элевое причастие, которое является универсальным компонентом целого ряда аналитических образований — плюсквамперфекта, будущего II, сослагательного наклонения. Значение их определяется комбинаторикой причастий и вспомогательных глаголов, в качестве которых выступают видо-временные разновидности глагола существования *быти*. Тем не менее существует преемственность между исходным типом перфекта и его позднейшими модификациями, поскольку данная инновация является общей

inslav

для ряда индоевропейских языков, и ее допустимо связывать с позднеиндоевропейским наследием. Ср. в немецком аналогичные славянским формы перфекта с *en*- или *t*-причастиями и связочными глаголами в презенсе *haben* ‘иметь’ или *sein* ‘быть’. В немецком перфект не связан со значением завершенности или результативности. Он используется в разговорной речи, в коммуникации в отличие от простых форм прошедшего времени, которые употребляются в повествовании.

4. 2. Древнеславянский так называемый перфект только в очень небольшой степени коррелирует с греческим синтетическим перфектом. В Мариинском четвероевангелии такое соответствие наблюдается лишь в 15 случаях, в то время как в 65 случаях славянский перфект заменяет греческий аорист, еще в 5 случаях — греческий презенс. В то же время бóльшая часть греческих перфектов в древнеславянском переводе передана аористами (Кузнецов 2014: 277–279). А. М. Кузнецов вслед за А. А. Потебней и И. К. Буниной и вразрез с устоявшейся традицией рассматривает древнеславянский перфект как относительное преднастоящее время, отрицая его сугубую функциональную направленность на выражение значений результативности или акциональности (выделенности действия, актуального для настоящего) (Кузнецов 2013: 55) (ср. Маслов 1990).

М. О. Новак (Новак 2016) рассмотрела греко-славянские претеритальные параллели в разновременных списках древнеславянского перевода Паренесиса Ефрема Сирина на примере более, чем 200 контекстов. Ею были засвидетельствованы следующие греко-славянские параллели:

а) греческий аорист — славянский перфект: наиболее распространенная корреляция — 162 случая, чаще всего указанная корреляция реализуется в формах 2 лица ед. ч. — в 112 контекстах из 162;
б) греческий перфект — славянский аорист: 22 случая;
в) греческий перфект — славянский перфект: 16 случаев;
г) греческий перфект — славянский презенс: 9 случаев.

Эти количественные данные, как и подсчеты А. М. Кузнецова, подтверждают независимость в распределении древнеславянских претеритальных форм, а также очевидную соотнесенность перфекта с диалогической речью, коммуникативной функцией. Связывать замену греческого аориста 2 л. на древнеславянский перфект со стремлением

inslav

преодолеть омонимию аористных форм 2 и 3 л. ед. ч. будет вряд ли правильно, поскольку значение 2 л. легко устанавливается в контексте при употреблении зват. п. или личного местоимения.

4. 3. С формальной и генетической точек зрения перфект тождествен составному именному сказуемому со связкой — презенсом глагола *быть*. Пропуск связки в 3 л. ед. ч. в составном именном сказуемом был исконно возможен и только сближает структуру составного именного сказуемого и перфекта. Именные сказуемые связывают с двумя типами предложений — предложениями «сущности» и предложениями «существования» (см. Степанов 1990: 393). В древнегреческом в предложениях «сущности» выступала энклитическая форма глагола-связки, а в предложениях «существования» — полноударная. Энклитическая форма *е* 3 л. ед. и мн. ч. употребляется и в древнеславянских источниках прежде всего в удостоверительных вопросительных предложениях ‘это ли есть?’ ‘так ли есть?’ или собственно сущностных ‘что это есть?’ (см. Жолобов 2016г: 120 и др.):

> ѵто **е** нама и тебѣ сноу бжи Сав 37 об., 11; ѵто **е** дѣло се 47 об., 5; ѵто **ѥ** слово · ѵто ковардство · ѵто **ѥ** мѫсла сванитию ѥго Супр 230, 20–21; и гла ѥи годѣ ли ти **ѥ** СП к. XI, 91, 1; добрѣ ли **ѥ** оуе · аще идемъ нѣ къ комоу 112 об., 17–18; мѫі же не вѣдоуштеи коѥ **ѥ** десница · коѥ ли шоуица ПА XI, 177b; и рѣхъ къ ѥгемоу съдравъ ли **ѥ** лавъ 113, 19–20; се ли **сѵ** болѣзни ЕС 1269–1289, 115б13–14; дерзновано гли намъ . ѵто ти **ѥ** дѣло поѵто проданъ ѥси 299а12–15 и под.

См. также в составе перфекта в разных типах предложений:

> въ истинѫ ли страдавъшии вьскресьшии тъ же **ѥ пришълъ** Супр 251 об., 26–27; аще ти **е** въ мои **повелѣлъ** погоубити мѧ · да приимоу съ благодарениѥмь ва моѥго повелѣниѥ ЖНК к. XII, 6 об., 9–12 и др.

Таким образом, связочный глагол в перфекте не только указывает на соотнесенность предикативного признака, обозначенного причастием, с настоящим временем, а значит — моментом речи, но и содержит оценку сообщаемой информации с точки зрения достоверности — сущностной характеристики или факта существования. Естественным следствием этого является то, что перфект использу-

inslav

ется в древности почти исключительно в прямой речи, в непосредственной диалогической ситуации или скрытом диалоге. Перфект в итоге обслуживал своеобразный вариант категории эвиденциальности или инференции, имея значение удостоверительности, (прямого или косвенного) свидетельствования или подтверждения. Безусловно, весьма показателен тот факт, что единственный реликт индоевропейского перфекта у славян вѣдѣ ‘я знаю’ связан именно с данной функцией. Этот глагол — одна из центральных лексико-грамматических единиц категории эвиденциальности — эксплицитного или полуэксплицитного указания на источник информации.

В известной берестяной грамоте № 605 рядом встречаются формы аориста розгнѣвасѧ (2 л. ед. ч., с восточнославянской приставкой), имперфекта мълвлѧше (2 л. ед. ч., в восточнославянской огласовке) и перфекта не поустиле (3 л. ед. ч., без связки после подлежащего игоумене, с новгородским окончанием), прашалъсѧ (1 л. ед. ч., без связки после личного местоимения 1 л. ед. ч. ѧ), посълалъ (3 л. ед. ч., без связки), пришьла есвѣ (1 л. дв. ч.), зъвонили (3 л. мн. ч., без связки):

покланѧние ѿ ефрѣма къ братоу моемоу исоухиѣ
не распрашавъ розгнѣвасѧ мене игоумене не поу-
стиле а ѧ прашалъсѧ нъ посълалъ съ
асафъмь къ посадьникоу медоу дѣлѧ а при-
шьла есвѣ оли зъвонили а уемоу сѧ гнѣваеши
а ѧ васьгда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо
мълвлѧше и покланѧю ти сѧ братьуе мои
то си хотѧ мълви тъі еси мои а ѧ твои
ГрБ 605 (конец XI – 1-я треть XII вв.).

Хотя А. А. Зализняк допускал наличие аориста и имперфекта в живой речи данного периода, он считает их формы в данной грамоте данью книжному стилю, в то время как в формах перфекта видит уже универсальные формы прошедшего времени (Зализняк 2004: 174, 271). Между тем нужно заметить, что формы 2 л. ед. ч. аориста и имперфекта являются большой редкостью в книжном языке и употребляются обычно с личным местоимением или после обращения (Кузнецов 2014: 281). Употребление аориста и имперфекта в грамоте, таким образом, не вполне соответствует книжному канону, как и

inslav

ее синтаксическая структура. Кроме того, хорошо заметно, что формы аориста и имперфекта, с одной стороны, и формы перфекта — с другой, несут разную дискурсивно-прагматическую нагрузку. Они оформляют разные сюжетные линии эпистолы. Аорист и имперфект образуют сюжетную канву, связанную с действиями адресата послания, в то время как перфекты от первого лица описывают действия автора. Они имеют удостоверительное значение, свидетельствуют о реальном ходе событий в прошлом.

В берестяных грамотах в целом как документах прямой речи или ее трансформаций трудно было бы ожидать каких-то иных форм помимо перфектов. Напротив, в текстах, опирающихся на нарративный тип дискурса, перфекты употребляются сравнительно редко. Тем не менее и в летописи перфекты долгое время употребляются лишь вне нарративной линии. А. А. Зализняк отмечает, что первый пример нарративного употребления в Новгородской первой летописи датируется записью 1333 г., а в Лаврентьевской летописи — 1285 г. (Зализняк 2004: 173). Именно это время имело бы смысл считать точкой отсчета в развитии перфекта как универсальной претеритальной формы. Видеть в употреблении перфектов универсальные формы претеритов в более ранних записях было бы ошибкой. Так, перфекты традиционно включены в речь от первого лица в рассказе об охоте из поучения Владимира Мономаха и имеют удостоверительное, подтвердительное значение, а вовсе не значение нового универсального прошедшего (ср. Шевелёва 2015: 565). См.:

> [...] со ѡц҃мь ловилъ ѥсмъ всѧкъ зв҃ѣрь· а се в Ѵернигов҃ѣ дѣѩлъ ѥсмъ· конь дикиѩ своима рукама свѧзалъ ѥсмь [...] ималъ ѥсмъ своима рукама т҃ѣ же кони дикиѣ· тура мѧ ·в҃· метала на розѣѩ и с конемъ· ѡлень мѧ ѡдинъ болъ· а ·в҃· лоси ѡдинъ ногами топталъ· а другыи рогома болъ· вепрь ми на бедрѣ меуь ѿтѧлъ· медв҃ѣдь ми у колѣна подъклада оукусилъ· лютыи зв҃ѣрь скоуилъ ко мнѣ на бедры· и конь со мною повержѐ· и Бъ некрежена мѧ съблюде· и с конѧ пада· голову си розбиѩ дважды· и руцѣ и нозѣ свои береди· въ оуности своеи береди не блюда живота своюго· ни щадѧ головы своеи ЛЛ 82 об.–83 (под 1096 г.).

Перерыв перфектной цепочки нейтральными формами абсолютного прошедшего — аористами — не означает равенства претеритальных

inslav

форм, а является ключом перехода к новому топосу, новой тематической линии в прямой речи рассказчика (см.: повержє, съблюдє, пада҃, розбий҃, вєреди҃).

Ретроспективный перфект, согласно П. В. Петрухину, исключительная принадлежность самого летописного текста. Этому противоречит факт употребления подобных перфектных форм в оригинальных источниках иного типа — в агиографии и гомилетике (см., в частности, Житие Феодосия Печерского и Слова Кирилла Туровского). Разграничение подобного типа перфекта и плюсквамперфекта он соотносит прежде всего с их дискурсивно-прагматическими и коммуникативными характеристиками: если перфект передает известное знание, то плюсквамперфект — новое; если перфект имплицитно предполагает двусторонние отношения рассказчика и читателя с апелляцией к их знаниям, то плюсквамперфект связан с чистым планом истории (Петрухин 2003: 15). Полагаем, что, по крайней мере, отмечаемая в указанном исследовании связь с передачей известного знания и диалоговый характер перфекта отчетливо коррелируют с указанными выше исконными значениями перфекта — удостоверительным, свидетельствования, подтвердительным, которые прочно ассоциированы с актом речи.

На семантику древнего перфекта проливают свет данные болгарского языка, в котором каждой форме индикатива соответствует форма пересказывательного наклонения, выражающегося причастными образованиями на *-л* от аористных и презентно-имперфектных основ (см. Маслов 1956: 250–255). Пересказывательные формы, противопоставленные аористу, отличаются от перфекта только отсутствием глагола-связки в 3 л., однако и в самом перфекте пропуск тоже возможен, поэтому границы между индикативным перфектом и перфектом пересказа довольно зыбкие. Известно, что бессвязочный перфект 3 л. употреблялся издревле. Более отчетливо противопоставлены индикативные и пересказывательные формы в плюсквамперфекте, где последние имеют вспомогательный глагол в форме причастия на *-л* и, таким образом, совпадают с так называемым русским плюсквамперфектом *бил взел* и т. д. Это вместе с тем подчеркивает особую роль именно *л*-причастий в развитии пересказывательного наклонения.

Ю. С. Маслов (Маслов 1956: 255) выделил 4 основных типа текстов, где распространен пересказывательный тип:

inslav

а) в беллетрестической литературе, где присутствует рассказчик;
б) в исторической литературе, в том числе научной, стремящейся к наибольшей достоверности и документальности;
в) в сказках как жанре фольклора пересказывательное наклонение является приметой стиля;
г) в народной поэзии формы индикатива и пересказа употребляются недодифференцированно, попеременно.

Нет сомнений в том, что все *л*-формы должны были иметь общий источник — перфект, одна из важных сем которого была выделена в особый тип. Судя по всему, это основная исходная сема перфекта — удостоверение сущности или существования при опоре на источниковое знание — прежде всего субъектно-личное, в том числе тайнозрительное, сакральное. Ср., в частности, в ЖФП XII, где встречается лишь 13 форм перфекта во всем объемном тексте:

(1–2) онъ же съ клѧтво|ю изъвѣща сѧ · ꙗко и ѥще свѣ|тѣ ꙁатвореномъ соущемъ| воротомъ и ѿтолѣ нѣсмь и хъ ѿбраꙁалъ и никтоже| приходилъ къ нимъ 45б4–9;
(3) Въ чьто се клименте ѥ|же обѣща ми сѧ да|ти · и нѣси ми далъ · нъ се нынѣ глю ти ·| потъщи сѧ съкарьши|ти ѡбѣщаниѥ своѥ 48а7–12;
(4) гла томꙋ| блаженыи пьрьвѣѥ| брате клименте изне|си си стоѥ еуангелиѥ· ѥ|же имаши въ пазоусѣ| своѥи · и ѥже обѣщалъ| ѥси дати стѣи бци · ти тогда сѧдемъ · се слы|шавъ онъ оужасе сѧ ѡ проповѣдании прп^ньа|наго · не бѣ бо никомꙋ|же о томь възвѣстилъ 48б5–16;
(5) то| же нѣсмь тако сладъка| брашьна въкоушалъ · ꙗкоже нынѣ сьде 48в10–18;
(6) тѣмь же по вь|сѧ нощи молѧше сѧ къ| боу глю ·:· Ꙗко ты нынѣ ѥси владко| съвъкоупилъ въ мѣсто се ·| и аще годѣ ти ѥсть жити| намъ въ ѥмь · боуди| намъ помощьникъ и| податель вьсѣмъ благы|имъ 55б31–55в5;
(7) глю вѣдѣ| оуе ꙗко стъ ѥси и се врѣ|мѧ приспѣло ѥсть · по|тъщи сѧ молѧ владкоу| нбсьнаго · и да изъбавить мѧ ѿ напасти сеѧ 65б10–15 и под.

inslav

В ранних источниках свидетельствующая семантика перфекта в первую очередь соотносится с актами речи — прямой речью. Вне прямой речи выступают косвенные формы диалога, благодаря фигуре рассказчика:

(8) Тъгда же оуже| повелѣ събарати вьсю| братию · и юже въ селѣ|хъ ѝли на иноу коую по|трѣбоу шьли 62а25–29;
(9) И се по съмотрению бжию| пошьлачило сѧ нбо и съ|ниде дъжда 64в31–64г1;
(10) и юще же и въ селѣхъ| тѣхъ бѣсть говино ·| и въ скотѣхъ же при|плодъкъ · якоже нѣ|сть бѣло николиже 64г21–25.

4. 4. Собственно и прямая речь скорее выступает не сама по себе, а как композиционный инструмент рассказчика, с той разницей, что в нем дублируются реальные формы прямой речи. Таким образом, перфект является предикацией в речевом акте сущности-существования в плане прошлого. Перфект предполагает субъектно-личностное отношение к достоверности информации, к ее источникам. В этом проявляется связь перфекта с категорией эвиденциальности, определяющей отсылку к источнику информации, или инференциальности, определяющий дедуктивный, гипостазированный (самоисточниковый) характер информации. Эвиденциальность включает в себя отношение говорящего к правдивости сообщения и, таким образом, составляет одну из важных содержательных сторон перфекта.

В отличие от традицонных грамматик, В. А. Фридман заявляет, отталкиваясь от языковых данных: «I would propose that omission of the auxiliary in the third person of the Bulgarian indefinite past is not the marker of a separate evidential paradigm but rather part of the process of total auxiliary loss in the third person. This process is well attested in numerous Slavic languages and dialects» (Friedmann 1986: 176). «The data do not appear to support such a distinction, but the question of the semantics and degree of systematicity of third person auxiliary loss in Bulgarian is in need of a special study which has yet to be undertaken» (Friedmann 1986: 177). Если в перфекте без связки эвиденциальность выступает как основное контекстуальное значение, то в новом перфекте со связкой на *-л* оно становится уже регулярным грамматическим инвариантом. В. А. Фридман не находит другого объяснения

inslav

этому, кроме диахронического: в новом плюсквамперфекте с *л*-связкой преодолевается историческая амбивалентность перфектных форм.

ИСТОЧНИКИ

ГБ XI — *Будилович А*. XIII Слов Григория Богослова, в древнеславянском переводе, по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI в. СПб., 1875.

ГрБ (+ номер грамоты) — Новгородские грамоты на бересте. Изд.: Зализняк 2004.

Григ XII/XIII — Григоровичев паримейник XII–XIII вв. РГБ, Григ. 2. 104 л. Изд.: Брандт 1894; Брандт 1900; Брандт 1901; Рибарова, Хауптова 1998.

ЕС 1269–1289 — Паренесис Ефрема Сирина (1269–1289 гг.), РНБ, Погод. 71а, 328 л. Интернет-издание подг. О. Ф. Жолобов, Л. А. Москалева, при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

ЖНК к. XII — Житие Нифонта Констанцского, конец XII в. Изд.: Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко / Под ред. С. И. Коткова. М., 1977. С. 69–133.

ЖНК 1222 — Житие Нифонта Концстанцского, 1222 г. Изд.: Матеріяли з історії візантійско-слов'янської литератури та мови / Підг. А. В. Ристенко. Одеса, 1928. С. 239–383.

ЖФП XII — Житие Феодосия Печерского. Изд: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. Л. 26а–67в.

ЖФС к. XII — Житие Феодора Студита, конец XII в. Изд: Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко; под ред. С. И. Коткова. М., 1977. С. 134–409. С. 69–133.

Зах 1271 — Захариинский паримейник 1271 г. РНБ, Q. п. I. 13. 264 л. Интернет-издание Захариинского паримейника 1271 г. подг. О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

Изб 1073 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.

Изб XIII_1 — Изборник, первой половины XIII в. РНБ, Q. п. I. 18. Интернет-издание подг. Э. Х. Шаяхметова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

inslav

Казанская коллекция — Коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54).

ЛЛ 1377 — Лаврентьевская летопись (1377 г.) // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.

Лоб 1294–1320 — Лобковский паримейник 1294–1320 гг. (в разночтениях к Григ XII/XIII).

ПА XI — *Popovski J.* The Pandects of Antiochus: Slavic text in transcription // Полата кънигописьная. 1989. № 23–24.

Сав — Саввина книга (XI, XI–XII, XIII вв.). РГАДА, Тип. 14. 166 л.

СбТ XIII_2 — Толстовский сборник, второй половины XIII в. РНБ, F. п. I. 39. 184 л.

Супр — *Заимов Й., М. Капалдо*. Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.

СП к. XI — Синайский патерик (конец XI в.). ГИМ, Син. 551, 184 л. Изд.: Синайский патерик / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Брандт 1894 — *Брандт Р. Ф.* Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // ЧОИДР. 1894. Кн. 1, 3.

Брандт 1900 — *Брандт Р. Ф.* Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // ЧОИДР. 1900. Кн. 2.

Брандт 1901 — *Брандт Р. Ф.* Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками // ЧОИДР. 1901. Кн. 2.

Жолобов 1997 — *Жолобов О. Ф.* Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997.

Жолобов 2006 — *Жолобов О. Ф.* Числительные. М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV).

Жолобов 2008 — *Жолобов О. Ф.* Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов / XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). М., 2008. С. 51–73.

Жолобов 2015 — *Жолобов О. Ф.* О древнерусском имперфекте // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 28–35.

Жолобов 2016а — *Жолобов О. Ф.* Древнерусский глагол: К истории презенса. Казань, 2016.

inslav

Жолобов 2016б — *Жолобов О. Ф.* От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.

Жолобов 2016в — *Жолобов О. Ф.* Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 5. С. 1234–1245.

Жолобов 2016г — *Жолобов О. Ф.* Заметки о словоформе *е* ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // Slověne. 2016. № 1. С. 114–125.

Жолобов 2016д — *Жолобов О. Ф.* Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 91–99.

Жолобов, Крысько 2001 — *Жолобов О. Ф., Крысько В. Б.* Двойственное число. М., 2011 (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II).

Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008.

Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Исследования / Изд. подг. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011. С. 798–837.

Кузнецов 2013 — *Кузнецов А.* Перфект в Лаврентьевской летописи // VALODA – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. Daugavpils, 2013. С. 53–62.

Кузнецов 2014 — *Кузнецов А. М.* Перфект и другие претериты в прямой речи на материале Мариинского евангелия // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии XVI. Антропоцентризм в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2014. С. 273–284.

Макаријоска, Црвенковска 2012 — *Макаријоска Л., Црвенковска Е.* Глаголските форми во македонските црковнословенски текстови од XII до XIV век // Контекст 10: Списание за компаративна книжевност и културолошко истражување. Скопје, 2012. С. 39–60.

Маслов 1954 — *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.

Маслов 1956 — *Маслов Ю. С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маслов 1990 — *Маслов Ю. С.* Перфект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 372.

inslav

Мольков 2017 — *Мольков Г. А.* Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. 2017 (в печати).

Новак 2016 — *Новак М. О.* Формы перфекта в древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы международной конференции (Казань, 31 октября – 3 ноября 2016 г.) / Под ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань, 2016. Т. 1. С. 262–267.

Пентковский 2000 — *Пентковский А. М. Ривифъ* и *сланоутъкъ* в памятниках славянской письменности XI–XIV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000. С. 59–70.

Перельмутер 1965 — *Перельмутер И. А.* О первоначальной функции индоевропейского перфекта // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 92–100.

Перельмутер 1969 — *Перельмутер И. А.* Становление категории времени в системе индоевропейского глагола // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 11–21.

Петрухин 2003 — *Петрухин П. В.* Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании. Автореферат канд. дисс. М., 2003.

Петрухин 2004а — *Петрухин П. В.* Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность / Под ред. Ю. А. Ландера, В. А. Плунгяна, А. Ю. Урманчиевой. М., 2004. С. 313–329.

Петрухин 2004б — *Петрухин П. В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. 28 (1). С. 73–107.

Пичхадзе 1998 — *Пичхадзе А. А.* Книга «Исход» в славянском паримейнике // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. 1998. Вып. 4. С. 5–60.

Пичхадзе 2011 — *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.

Пролог 2011 — Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь – февраль. Т. II: Исследования / Изд. подг. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011.

Рибарова, Хауптова 1998 — *Рибарова З., Хауптова З.* Григоровичев паримејник. I. Текст со критички апарат. Скопје, 1998.

Семереньи 1980 — *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

inslav

Степанов 1990 — *Степанов Ю. С.* Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 393–394.

Страхова 2011 — *Страхова О. Б.* Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // Palaeoslavica. 2011. XIX (2). С. 240–293.

Хабургаев 1991 — *Хабургаев Г. А.* Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991. С. 42–54.

Шахматов 1896 — *Шахматов А. А.* Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 46–65.

Шевелёва 2015 — *Шевелёва М. Н.* О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. 2015. № 1. С. 564–577.

Kuryłowicz 1964 — *Kyrułowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Friedmann 1986 — *Friedmann V. A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian // Evidentially: The Linguistic Coding of Epistemology / Ed. W. Chafe, J. Nikols. Norwood; New Jersey, 1986. P. 68–87.

Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Vol. II: Die innere Satzstruktur. Freiburg, 1993.

Žolobov 2016 — *Žolobov O.* Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // Zeitschrift für Slawistik. 2016. 61 (2). S. 305–321.

Zholobov 2016 — *Zholobov O.* Synthetic Indicative in Cyril and Methodius' sources (to the Paroemiarion Zacharianum of 1271 internet-edition) // Russian Linguistics. 2016. 40 (2). P. 153–172.

inslav

И. И. МАКЕЕВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

«СЛОВО О СНЯТИИ ТЕЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО*

«Слово о снятии тела Христова с креста, и о мироносицах от сказания евангельского, и похвала Иосифу» (таково полное название произведения) Кирилла Туровского входит в число восьми Слов, принадлежность которых древнерусскому писателю обычно не подвергается сомнению.

В отличие от других риторических сочинений Кирилла Туровского, оно имеет сюжет: когда Богородица оплакивает распятого Христа, это слышит Иосиф Аримафейский; он отправляется к Пилату и просит у него тело Иисуса, а затем, получив, погребает его. Произведение четко структурировано: небольшое вступление, плач Марии, монолог (речь к Пилату и плач) Иосифа, рассказ о мироносицах и похвала Иосифу Аримафейскому. Заключением служит просьба о заступничестве и помощи, адресованная Иосифу. Первоначально произведение, имеющее рассказ о мироносицах, было приурочено к неделе третьей по Пасхе, то есть к неделе мироносиц.

При создании риторических произведений святитель Кирилл пользовался, как было принято в эпоху Средневековья, трудами наиболее авторитетных предшественников. Еще в начале XX в. преподаватель Московской духовной академии В. П. Виноградов очень подробно рассмотрел источники Слов Кирилла Туровского, в том числе и «Слова о снятии тела Христова с креста», приводя многочисленные прямые заимствования (Виноградов 1915: 117–136)[1]. Одним из источников

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».

[1] В. П. Виноградов называет его *Словом на неделю мироносиц*, хотя в старшем списке XIII в. и в более поздних первым в самоназвании следует «о снятии тела Христова с креста», а приурочено оно «в неделю мироносиц».

inslav

стало Слово Епифания Кипрского с начальными словами «Что днесь безмолвие много на земли…», из которого взята идея плача Иосифа и некоторые конкретные реализации.

Структура и широкая тематика «Слова о снятии тела Христова с креста» способствовали появлению нескольких редакций произведения в русской письменности XV–XVII вв. Шесть редакций Слова выделил и кратко описал И. П. Еремин (Еремин 1955: 352–358)[2]. Из них первая (основная) редакция представляет собой полный текст, принадлежащий Кириллу Туровскому, а остальные пять — разные части произведения, в том числе дополненные посторонними фрагментами.

Наиболее интересной и часто встречающейся в русских рукописях оказывается четвертая редакция, которая в XVI–XVII вв. нередко входила в Златоусты. Хотя О. В. Творогов не считал Слова Кирилла Туровского обязательными для этого памятника, в перечне произведений, традиционно входивших в состав Златоуста, ученый сделал примечание: «Часто добавлено Слово на погребение Христово и о плаче св. Богородицы (Возлюбленные, кто возглаголет силы…)» (Творогов 1985: 282).

Именно такое самоназвание имела в русской письменности четвертая редакция Слова, списки которой, как считал И. П. Еремин, должны быть разделены на две группы: начинающиеся словами «Возлюбленные, кто возглаголет силы…» соответствуют первой группе, а списки с начальными словами «Чудеса господня и силы…» составляют вторую группу. Обычно оба новых текста приурочены к совершенно другому времени — вечеру пятницы Страстной недели.

Из оригинального произведения Кирилла Туровского создатель четвертой редакции извлек и использовал плач Марии и монолог Иосифа, сохранив эту часть текста древнерусского писателя почти в том же виде, но изменил вступление. Место остальной части первой (основной) редакции «Слова о снятии тела Христова» заняла вставка, как ее определил И. П. Еремин. На самом деле это не вставка, поскольку добавленный пассаж не вклинивается в оригинальный текст Кирилла Туровского, а заменяет его. Во второй группе вставкой стал фрагмент из Слова Епифания Кипрского с начальными словами «Что

[2] Седьмую редакцию, находящуюся в списке из собрания Попова № 58 (РГБ), добавила Т. А. Алексеева. См. (Алексеева 1985: 47).

inslav

днесь безмолвие много на земли…». В первой группе появилась другая вставка — апокрифическая, как определил ее И. П. Еремин вслед за Х. Лопаревым (Лопарев 1893), а остальная часть произведения сокращена.

Подробное изучение списков четвертой редакции показало, что следует внести ряд уточнений, касающихся первой и второй групп, выделить еще две группы — третью и четвертую, а также обратиться к их литературному контексту.

Непосредственно с четвертой редакцией связаны, кроме упомянутого Слова Епифания Кипрского, четыре произведения, бытовавшие в русской письменности:

– «Слово о распятии Господа нашего Иисуса Христа, иже прия страсть вольную за весь мир» (начало «Тако бо и сам Господь повеле пети…»);

– «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» (начало «Что се безмолвие много на земли и что молчание много, яко царь спит…»);

– «Слово Григория Антиохийского на погребение Христово и на святое воскресение» (начало «Похвален церковный сей закон…»);

– Слово Епифания Кипрского с начальными словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет…».

Бо́льшая часть «Слова Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» представляет собой значительный по объему находящийся в начале фрагмент Слова Епифания Кипрского с начальными словами «Что днесь безмолвие много на земли…». Иногда соответствие точное, иногда встречаются мелкие переделки и добавления, чаще имеются пропуски:

– **нощїю х҃с въ виѳлеемѣ ражаетсѧ. нощїю же пакы въскр҃съ из мр҃твы, поражаетсѧ в сїѡнѣ. вертепъ каменъ, идѣже х҃с родисѧ, вертепъ каменъ идѣже х҃с (распя)тсѧ[3]. пелены бо въ ржтво прїатъ, пеленами и зе повиваетсѧ. смирнꙋ ро сѧ прїатъ, смирнꙋ же и в погребенїи и аллои прїатъ. тамо ѡсифъ безмꙋжныи мꙋжъ мр҃їинъ,**

[3] При цитировании текста по этой рукописи в скобках приведено правильное чтение в соответствии с поздней правкой в рукописи.

inslav

ꙁ҃е же ѥосїфъ иже ѿ аримаѳеа *Слово Епифания Кипрского* Унд-1249 л. 145 – **нощїю бо х҃с въ вифлеѡмѣ рѡ҃дисѧ. нощїю же пакы изъ мр҃твыхъ въста. пелены въ рж҃тво прїѩтъ. таѩко и в погребенїе повїетсѧ. анг҃лъ мр҃їи** // **рж҃тво повѣда. анг҃лъ же паки и воскрнїе его бл҃гостоуетъ въ рж҃тво его. ѡсиѳъ бѣ ѡбрꙋченикъ. а ꙁдѣ ѡсиѳ иже ѿ аримаѳеа** *Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)* Унд-533 л. 186–186 об.;

– **дажь ми сего страннаго каа ти полꙁа ѿ тѣла сего страннаго. дажь ми сего наꙁореа страннаго. ѿ дал(ьнїя) бо страны прїиде ꙁ҃е да сп҃сеть страннаго. дажь ми сего страннаго… дажь ми сего страннаго наꙁореа емꙋжь рж҃тва не свѣмы страннїи. даи же ми сего волнаго страннаго не имꙋщаго нигде главы поклонити** *Слово Епифания Кипрского* Унд-1249 л. 146 об. – **каѩ бо бѣ полꙁа ѿ тѣла страннаго. сего даижь ми** // **тѣло волею страннаго. иже не имать гдѣ главы пѡклонити** *Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)* Унд-533 л. 186 об.–187.

Слово Григория Антиохийского следует Слову Епифания Кипрского до момента, когда Пилат велит дать Иосифу Аримафейскому тело Христа: **повелѣ пилатъ дати тѣло і҃сво. ѡсиѳъ же и никодимъ. снемше и съ кр҃та погребоста** Унд-533 л. 187. Далее в «Слове Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» находится фрагмент на сюжет предсказанного Иисусом Христом собственного воскресения «по трех днех», восходящий к «Слову Иоанна Златоуста о страсти Христове и о положении во гробе от сказания евангельского еже от Матфея» (начало **наоутриѩ же еже по пѧтце**…)[4] или / и к «Слову Григория Антиохийского на погребение Христово и на святое воскресение».

[4] Никиф-437 л. 154 об.

inslav

«Слово о положении Христове во гроб(е)» с начальными словами «Что се безмолвие много на земли и что молчание много, яко царь спит…» приписано Григорию Антиохийскому, возможно, в момент его создания. В русской письменности иногда встречается «Слово Григория Антиохийского на погребение Христово и на святое воскресение» (начало «Похвален церковный сей закон…»), вероятно, послужившее отправной точкой для создания нового произведения на материале Слова Епифания Кипрского. Их сходство (содержательное и структурное, но не текстологическое) даже при краткости первого произведения местами очевидно[5]:

– **ѡсифь моужь етеръ добра рода, и богатъ. ѿ арима҃ѳеискїа веси сыи. пропѧтаго бывъ оучнкъ. послѣднюю въз҃аа оучтлю чть. прїиде к пилатоу. молѧ и глѧ ѡ мртвѣмъ. сїю творѧ молбоу. ѳклеветанꙋ бывшꙋ ѿ ꙗудеи. ѡставленоу же ѿ дрѫговъ на крестѣ. ѡ мртвѣмъ молю. не имꙋща емꙋ ни з҃лата ни сребра. ни дрѫгъ. ни воинъ. ни пособникъ. токмо мтрь нищꙋ. ѡбогащьшоусѧ ржтвѡ его. ѡ мртве молю, волею пострадавше…** *Слово Григория Антиохийского на погребение Христово и на святое воскресение* Пог-199 л. 309;

– **прїиде члкъ бога имене ѡсиѳъ ѿ арима҃ѳеа. во истиноу бога тѣло гне прїатъ. бесцѣннаго бисера. творца всеа твари […] никодимъ бо з҃мирнꙋ и алгꙋ. кꙋпи тѣлꙋ хвоу. а ѡсиѳъ ѡ дерзновенїи к пилатоу похваленъ. вше бо бе-страха премдро нача просити тѣла іса. а невелики прилагаꙗ рѣчи. да не въ гнѣвъ соуию приведеть. и прошенїа не оулꙋчить. вше глѧ. ѡ пилате мала просѧ прїидохъ к тебѣ. даи ми тѣло мртво в погребенїе. ѿ тебе ѡсꙋжена. іса назарѧнина. нага на древѣ висѧща всѣми небрегома. каꙗ бо бѣ полза ѿ тѣла страннаго. сего даи ми // тѣло волею страннаго. иже не има гдѣ главы пѡклонити. даи ми страннаго сего иже не има**

[5] Детальное изучение этих произведений и их взаимоотношений является особой задачей.

inslav

града. ни веси ни храма. ни ѡбители ни рода ни дрꙋгъ пособни(к)**. но единоу токмо мт҃рь. ѡ мр҃твемъ молю тѧ иже ѿ оучнкъ проданъ. ѿ братїа изгнанъ. ѿ своихъ рабъ заоушенъ. ѿ оучнкъ ѡставленъ. ѿ своеа мт҃ре лишенъ.** […] **нѣ**(с)**бо семоу ѡц҃а на земли. ни друга кого ни оужикъ ни оучнка. ни погребоущаго. но оуединенъ есть**… *Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)* Унд-533 л. 186 об.–187.

Изредка «Слово о положении Христове во гроб(е)» может быть атрибутировано не Григорию Антиохийскому, а, как и должно быть, Епифанию Кипрскому; см. Увар-57 л. 129 об.

Второе произведение из литературного конвоя четвертой редакции, начинающееся словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет…», атрибутировано в рукописных источниках Епифанию Кипрскому и представляет собой большую заключительную часть все того же Слова (нисшествие Христа в ад). Несколько вступительных фраз были добавлены[6], а начиная примерно со слов **идеже бесл҃ичнаѧ преомраннаѧ**(ч) **врата** связь произведений очевидна (с учетом некоторых изменений и пропусков, как изложено выше):

ї҆де(ж) **бесл҃ичнаѧ преомраннаѧ**(ч) **врата. жилища ї҆ вертепы. в нихъ**(ж) **скровенїї заключенїи**(ч) **оумр҃шїи бѧхꙋ. пришествꙋетъ бо гаврї**(л) **а҆рхистратигъ**(к) **ѧже пе́рвие ра́до**(д)**сть бл҃гвщенїе приноситьчл҃ко**(м)**. гл҃ть крѣпко противны**(м) **силаѣ**(м)**. возмѣтѣ врата кн҃зи ваши. с ниже**(м) **въпие**(т) **михаи**(л)… Тр-648 л. 389 об.

– **и ꙗко ꙋбо врата бесл҃ичнаа**(з) **и премрачнаа адꙋ жилища. жилища**(ж) **и темница и скровища же и вертепы, бж҃їе**(х) **посѣщенїе свѣтло его постиже. варѧе**(т) **же всѣ**(х) **архїстрагъ гаврїилъ. ꙗко**(ж) **по ѡбычаю ꙗко**(ж)

[6] Ср. в «Слове Иоанна Златоуста о страсти Христове и о положении во гробе от сказания евангельского еже от Матфея»: **Въсюдоу прелесть сама сѧ ѡслеплѧетъ и не хотѧщи истиннѣ помагаетъ**… Никиф-437 л. 154 об.

inslav

ѡбыченъ сыи, радости блговѣщенїе приносити чл҃ко. и гл҃ъ нѣкїи крѣпокъ, и архаггльскы и воевоскы свѣтелъ и левьскы. къ противны сила велїимъ гласо гл҃е, възмѣте врата кнѧзи ваши. с ниже въпїеть и михаилъ… *Слово Епифания Кипрского* Унд-1249 л. 151 об.

Таким образом, в двух текстах из литературного конвоя четвертой редакции — в «Слове Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» и в Слове Епифания Кипрского — по схожим принципам (некоторые переделки, редкие добавления и частые пропуски) — воспроизведены начало и конец большого многосюжетного Слова Епифания Кипрского[7].

Третье произведение из литературного конвоя четвертой редакции — «Слово о распятии Господа нашего Иисуса Христа, иже прия страсть вольную за весь мир» — вероятно, апокриф.

В текст второй группы четвертой редакции из оригинального «Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского вошел плач Марии и монолог Иосифа при измененном вступлении. Остальная часть произведения древнерусского писателя заменена вставкой из уже упоминавшегося Слова Епифания Кипрского (начало «Что днесь безмолвие много на земли…»). Она представляет собой середину Слова Епифания, когда-то использованного самим Кириллом Туровским в качестве источника. Вставка начинается чуть дальше того места, где кончается изложение текста Епифания в «Слове Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)». То есть она содержит монолог (плач) Иосифа после снятия тела Христова с креста, что соответствует самоназванию произведения, и прославление Иосифа («Блажу…»), что обусловливает связь со «Словом на снятие тела Христова с креста» древнерусского писателя, где также есть аналогичный пас-

---

[7] Ср. самоназвание произведения, отражающее его многосюжетность: **иже во ст҃ыхъ оц҃а нашего епифанїѧ кипрскаго. слово во ст҃ую и великꙋю сꙋботꙋ. ѡ погребенїи тѣла гда нашего іса хрта і ѻ иосифѣ иже ѿ арималѳеѧ і ѻ никодимѣ. і ѻ ꙋспенїи гда нашего іса хрта и гробнем положенїи по спсенѣи стрти дивнѣ бывши востанѧи** Унд-1249 л. 143 (лист вставной, написан другим почерком; чтение последней правленой словоформы предположительное).

inslav

саж[8]. Таким образом, во второй группе четвертой редакции монолог (плач) Иосифа включает и фрагмент из оригинального текста Кирилла Туровского, и фрагмент из Слова Епифания Кипрского.

Самоназвание текста второй группы соответствует его приуроченности к пятнице Страстной недели: «Слово о снятии Господни с креста и о плаче св. Богородицы»[9]. Однако в Писк-125 по заклеенному написано *в субботу*[10]. Поскольку среди изученных рукописей с четвертой редакцией это произведение оказалось редким (всего 3 списка), трудно сделать вывод о том, сохранялось ли имя Кирилла Туровского как его автора. Во всяком случае, в двух рукописях оно присутствует: **въ ст҃ую и великую суботу слово бл҃жнаго кирила, о снѧтїи гн҃и съ кр҃та. и о плачи пр҃тѣ бц҃и** Писк-125 л. 467 об.; **во ст҃ыи великыи пѧтокъ. слово бл҃женаго кирила мниха. ѡ снѧтїи съ крѣста гн҃ѧго телеси и о плачи бц҃а** Титов-2140 л. 230.

У текстов первой группы четвертой редакции, помимо другой вставки, изменилось самоназвание. Во-первых, в нем отражена новая тема: теперь это повествование не о снятии с креста, а о погребении. В этом отношении списки одинаковы. Во-вторых, в некоторых рукописях присутствуют слова *от евангельских сказаний*, что отсылает к самоназванию оригинального сочинения Кирилла Туровского: **слово ѡ сказанїи еуг҃альскы х слове. во ст҃ы и великы и пѧто. к на погребенїе хв҃о. и ѡ плачи ст҃їи бц҃и** Унд-533 л. 182; **въ ст҃ы велики пѧкъ т вечеръ. слово**

---

[8] В. П. Виноградов писал, что Кирилл Туровский заимствовал у Епифания идею «ублажений», но форму изменил: вместо «блажу (части тела)» у древнерусского писателя появилось «блажен еси», и только один раз осталось «блажу руцѣ твои» (Виноградов 1915: 118). В четвертой редакции во вставке, целиком взятой из Слова Епифания Кипрского, это несоответствие отсутствует.

[9] В старшем списке Барс-1415 второй половины XV в. произошла подмена этого самоназвания на самоназвание «Слова Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)».

[10] Есть два возможных объяснения чтения в субботу: такова приуроченность текста Епифания Кипрского, из которого взята вставка, и в этот день читается «страстная» часть слова, соответствующая второй редакции, находящейся в Синаксаре. К субботе иногда отнесены также тексты других групп четвертой редакции.

inslav

на погребение хво. и ѡ плачи ст҃ии б҃ци ѿ еуальски [так!] **сказании** Тр-142 л. 187 об.; **в великиї пѧто. сказание вечеръ на погребение хв҃о, и ѡ плачи ст҃ыѧ б҃ца** Никиф-480 л. 184 об.; **во ст҃жю великжю пѧтницѫ вечеръ на погребение хво ѻ пла ст҃ыа б҃ца** Барс-1426 л. 43; **в пѧто великїи на погребенїе хв҃о. ѿ сказанїи еуальскихъ і ѻ плачи ст҃ыа б҃ца** Сол-1056 л. 437об.

Оригинальный текст Кирилла Туровского, вошедший во вторую группу, в списках первой группы подвергся сокращению при сохранении общей структуры. Один из примеров сокращения из плача Богородицы привел И. П. Еремин; см.: (Еремин 1955: 355). В нем опущены отдельные слова и словосочетания, а за счет изменения порядка слов расхождение кажется более значительным. Наиболее значительные пропуски сделаны в речи Иосифа к Пилату, от которой в итоге осталось менее половины. В первую очередь устраняются отсылки к Священному Писанию (ветхозаветные пророчества), а также цитаты из него, которых больше всего в речи Иосифа.

Заключительной частью четвертой редакции стал плач Марии у гроба Иисуса Христа. И. П. Еремин писал, что в четвертой редакции переставлены отдельные эпизоды: « […] плач богородицы разбит на две части, одна читается в начале слова, вторая в конце, над гробом Иисуса» (Еремин 1955: 357). То, что Еремин посчитал первой частью, соответствует всему плачу Богородицы у креста из оригинального сочинения Кирилла Туровского. Текст плача у гроба принадлежит, видимо, создателю четвертой редакции и, как показал В. П. Виноградов, основан (как и плач у креста) на каноне Симеона Логофета о распятии. «В каноне плач Богоматери у гроба разделяется на две части: с 4 песни по 7 включительно идет плач над телом, еще не положенным во гроб; с 8 песни — плач над телом, уже погребенным во гробе…» (Виноградов 1915: 130). Рассматривая изданное Х. Лопаревым Слово (то есть текст первой группы четвертой редакции) и считая его также принадлежащим Кириллу Туровскому[11], В. П. Виноградов, предваряя

[11] В. П. Виноградов считал, что сначала Кирилл Туровский создал краткую редакцию, то есть текст, соответствующий первой группе четвертой редакции (вторая группа осталась исследователю неизвестной), а затем расши-

inslav

подробное сопоставление канона и Слова, писал: «Самый этот плач построен так же, как и плач у креста. Большая часть его состоит из выдержек из 8 – 9 песен канона с добавлениями и изменениями автора слова; […] при изображении плача у погребенного тела берутся некоторые выражения из раннейшего плача у непогребенного тела» (Виноградов 1915: 131).

Создатель второй группы четвертой редакции учитывал, что произведения, использованные Кириллом Туровским в качестве источников, «положены на великий пяток и субботу» (В. П. Виноградов). Поэтому приспосабливая Слово древнерусского писателя к Страстной неделе вместо первоначального чтения в неделю мироносиц, он прежде всего обратился к этим произведениям, соответствующим по тематике его замыслу.

Дальнейшая работа над четвертой редакцией привела к появлению текста третьей группы. Он представляет собой контаминацию списков первой и второй групп четвертой редакции. Самоназвание и начало, где текст обеих групп мало различается, соответствуют второй группе, далее он близок к первой группе, а вставка и конец опять даны по второй группе[12]. Вероятнее всего, в основе третьей группы лежит протограф первой группы, наиболее распространенной в русской письменности[13].

Создатель контаминации еще сократил текст, и без того уже сильно отличавшийся от оригинального сочинения Кирилла Туровского. Сокращение представляет собой исключение фрагментов или отдельных слов, которое сделано в разных местах произведения.

рил ее до полного варианта. Поэтому, по его мнению, оба плача Богородицы принадлежат древнерусскому писателю.

[12] Именно из-за сходства самоназвания, начала и вставки И. П. Еремин рассматривал этот текст как относящийся ко второй группе. Сейчас списков третьей группы известно шесть: Барс-1396 конца XV в., Барс-1425 XV–XVI вв. и относящиеся к XVI столетию Тр-648, Пог-957, Увар-57, Увар-348. В рукописи БАН 33.11.12 XVII в., как нередко бывает в источниках этого периода, находится сложная вторичная контаминация текста третьей группы (как основного) и второй.

[13] Говорить о протографе приходится в связи с тем, что в первой группе имеется текст двух видов, каждый из которых имеет свои чтения, не повторяющиеся в третьей группе. Подробнее см. (Макеева 2016).

inslav

Отдельные появившиеся в третьей группе чтения позволяют предполагать, что автор этого текста обращался ко второй группе (не исключено, что и к аутентичному Слову Кирилла Туровского) и, возможно, к «Слову Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)».

Была осуществлена также небольшая лексическая правка, которая служит показателем текста третьей группы: **горко оутаѕвлѧюсѧ** *1 группа* Унд-533 л. 182 об. — **лютѣ оутаѕвлѧюсѧ** *3 группа* Барс-1396 л. 22 об.; **изнемогаю. и горко тѹжю** *1 группа* Унд-533 л. 182 об. — **лютѣ изнемогаю и тѹжю** *3 группа* Барс-1396 л. 22 об.; **дары с вонѧ**ми **персїистїи цр҃и принесоша** *1 группа* Унд-533 л. 184 об. — **дары и ливанъ и мѵро в҃лъсви принесоша** *3 группа* Барс-1396 л. 24; **серафими поютъ** *1 группа* Унд-533 л. 184 об. — **серафими беспрестани славѧ** *3 группа* Барс-1396 л. 24.

Три группы текстов четвертой редакции близки хронологически. Старший известный сейчас список Барс-1415 второй группы датируется второй половиной XV в. Старшие списки Барс-1426 и Увар-151 первой группы относятся к рубежу XV–XVI вв. К концу XV в. принадлежит старший список третьей группы Барс-1396. Очевидно, что работа над этими группами четвертой редакции началась в середине — 2-ой половине XV в., а закончилась к концу того же столетия. Сначала появился текст второй группы, содержащий часть оригинального Слова Кирилла Туровского, посвященную снятию тела Христова с креста, что отражено в соответствующем самоназвании. Он занял место чтения в вечер Страстной пятницы. Затем был создан текст первой группы, тема которого изменилась со снятия на погребение тела Христова. В нем появилась другая вставка, соответствующая новой теме. Сделанные преобразования: устранение отсылок к Ветхому завету, замена большой книжной вставки из Слова Епифания Кипрского, добавления в плаче Марии у гроба, — все это, будучи стилистически едино, несколько упростило текст. Новое произведение, также приуроченное к вечеру пятницы Страстной недели, «конкурировало» с текстом второй группы. Несмотря на это была предпринята попытка создать еще одно аналогичное сочинение — текст

inslav

третьей группы, теперь уже используя обе существовавших версии четвертой редакции. Как кажется, необходимости в этом не было, поскольку третье произведение в значительной степени дублирует текст второй группы: у них одинаковая тема и самоназвание, одна и та же вставка, и читается оно в тот же вечер пятницы Страстной недели.

В XVI–XVII вв. появились списки Слова, которые следует относить к четвертой группе. Сюда входят Погод-1002 XVI в., Увар-111 XVI в., Увар-595 XVI в., Никиф-483 второй половины XVI в., Ег-95 1600 г., Ег-270 XVII в., Титов-3009 XVII в.

И. П. Еремин, которому были известны два списка — Погод-1002 и Титов-3009, относил их ко второй группе и заметил, что они «перебиты неорганической вставкой из Слова в великую субботу Иоанна Златоуста». На самом деле здесь соединены текст третьей группы и «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» из литературного конвоя четвертой редакции, которое в некоторых из названных списков имеет самоназвание с упоминанием имени Иоанна Златоуста: **во ст҃ую великую суботу. слово ꙗоанна ѕлатаꙋ҃таго и ст҃аго григорїѧ анѵ҃тїохїискаго еп҃па. о положенїи гн҃и во гробѣ** Ег-270 л. 240. Вероятно, изначально имела место перебивка листов, из-за чего образовалась «неорганическая вставка». То есть лист из первого произведения попал во второе, а из второго — в первое.

Текст четвертой редакции сохраняет самоназвание **во ст҃ыи великїи. пѧ҃. вечеръ. слово о снѧтїи гн҃и съ кр҃та. і о плачи ст҃еи бц҃ы** Ег-270 л. 235[14]. Плач Марии заканчивается на середине фразы словами **како терьнїемъ вѣнчаша тѧ, и желчи с оц҃то напоиши мѧ** [*так в Ег-270; в других списках верное чтение* **тѧ**], а затем после «неорганической вставки» продолжается со слов **нага на кр҃тѣ висѧща. иже на водахъ тꙋ исперва основалъ еси. и слѣпца м҃нога просвѣти и слово мертвыѧ воставивъ. твоего бж҃тва сїлою прїидѣте вси видѣти бж҃їа таины смотренїе. како всѣхъ жївотъ оуморенъ бысть.**

[14] Перед названием киноварное же указание **чти по рѧдꙋ**.

inslav

сїи ꙗосїѳъ слышавъ… до конца произведения. Большой отсутствующий в четвертой редакции пассаж из плача Марии обнаруживается в виде вставки в Слове Иоанна Златоуста и Григория Антиохийского, причем ее начало и конец точно соответствуют обрыву текста четвертой редакции: **и ребра и ти копїемъ прободоша** […] **оувы мнѣ ісе любимыи како ѕемля стои видѧщи тѧ** Ег-270 лл. 241об.– 242об. С текстологической точки зрения это Слово соответствует третьей группе.

«Неорганическая вставка» в четвертой редакции состоит из двух частей. Первая — маленький фрагмент, написанный по мотивам разных произведений: Слов Григория Антиохийского, Епифания Кипрского, Кирилла Туровского: **и та всѧ слышавъ ꙗосиѳъ ѡ мт҃ре его мр҃їи. і абїе оумїливсѧ и вниде к҃ пилатꙋ со т҃щанїемъ. и гл҃юще емꙋ тихо со оумиленїемъ. да некогда прогнѣваетъ его словесы. гл҃юще к пилатꙋ**. За ней следует большая вторая часть «неорганической вставки» из Слова Григория Антиохийского и Иоанна Златоуста: **даждь ми сего волею стран҃наго. иже не имѣѧ гдѣ главы поклонити даи же ми сего стран҃наго иже не имѣѧ ни градъ ни веси ни храма. ни ѡбители нї рода ни пособнїкъ. ни дрꙋговъ. но единꙋ токмо мт҃рь. ѡ мерт҃вемъ // молю тѧ пилате. иже ѿ оучн҃ка си предана ѿ братїи изгнанъ ѿ своих рабъ ѕаоушенъ. ѿ оучн҃къ ѡставленъ ѿ своеѧ мт҃ри лишенъ. ѿ прїим҃ши ѿ него пищꙋ оц҃та и желчи напоенъ. ѿ исцелѣвши ѿ него ꙗѕвꙋ прїѧтъ. молю тѧ ѡ пилате ѡ висѧще на древѣ. нѣ бо семꙋ ѿц҃а на ѕелі. ни дрꙋга кого ни оучн҃ка ни оужнїка ни погребателѧ. но единъ есть всемꙋ миръ бг҃ъ. даи же ми влкѡ да погребꙋ тѣло создавшаго всѧческаѧ г҃а. и повелѣ пилатъ дати тѣло іс҃ово. ꙗосиѳъ и никодимъ снеше его со крта и погребоста, наурїа же в сꙋботꙋ собрашасѧ архїереи, и ѳарисеи к҃ пилатꙋ гл҃юще. помѧнꙋхо ꙗко лстецъ ѡнъ еще живъ сыи. гл҃а по тре дн҃ехъ востанꙋ повели его оутвердити до трежго дн҃е. егда како пришеше оучн҃цы его нощїю**

inslav

оукрадꙋ. и рекꙋтъ людє ꙗко воста из мр҃твы. и бꙋдє послѣдꙗ // прелесть горши первыѧ. ре же имъ пилатъ. аще противника злꙋ законꙋ и лестьца его творите. то почто боитесѧ его. а оуже оумре и погребенъ есть имате стражи. имате воины ꙗко хощете тако творите. желѣзы ли обложите гробъ печатлѣете ли. ꙗко годѣ є да послѣди не ре аще не бы ти пилатъ возбранилъ намъ не быхо погꙋбили мр҃твеца. і ꙗкоже свѣсте ли шеше оутвердите гробъ. і аще кто его оучнкъ прїидє сострелѧите ли рассѣцете ли. они же шеше желѣзы оутвердиша гробъ. и стража многа оустроиша. и неражахꙋ в сꙋботꙋ зло творѧща. пронырливїи окаѧннїи и мнѧще тѣмъ оудержати неоудержимаго творца и бг҃а всѣхъ. ѡ законопрестꙋпницы и лестьцы злїи жидове что гл҃ите лестьцем г҃а. тои бо многи свободи ѿ дꙋхъ злы. лестець ли бѣ и о безаконии // васъ прекормивыи .м҃. лѣтъ в пꙋстыни и манны вамъ даровавыи. и водꙋ ис камени источи Ег-270 лл. 235об.–237. Вторая часть обрывается в конце предложения перед новой фразой **лестець бѣ**… В отличие от четвертой редакции первое место разрыва текста Слова Григория Антиохийского и Иоанна Златоуста не стыкуется: **даждь ми мертва в погребенїе. иже ѿ тебе осꙋжденнаго іс҃а назорєѧ. іс҃а нищаго, іс҃а на древѣ висѧщаго всѣми небрегома. каѧ бо вы полза ѿ тѣла страннаго сего** (Ег-270 л. 241об.) **и та всѧ слышавъ іосифъ ѡ мт҃ре его мр҃їи. і абїе оумиїливсѧ и вниде к пилатꙋ**… (Ег-270 л. 235об.). Вероятно, изначально первой части «неорганической вставки» не было. При ее отсутствии части текста стыкуются, что также свидетельствует в пользу перебивки листов: **даждь ми мертва в погре-бенїе. иже ѿ тебе осꙋжденнаго іс҃а назорєѧ. іс҃а нищаго, іс҃а на древѣ висѧщаго всѣми небрегома. каѧ бо вы полза ѿ тѣла страннаго сего** (Ег-270 241 об.) **даждь ми сего волею страннаго. иже не имѣѧ гдѣ главы**

inslav

сего поклонити даи же ми страннаго иже не имѣѧ ни градъ… (Ег-270 л. 235об.). Второе место соединения больше соответствует версии перебивки листов: **и манны вамъ даровавыи. и видꙋ ис камени источи** (Ег-270 л. 237) **исьтощивыи. льстець ли бѣ. ..҃є. напитавыи, є҃ю хлѣбы**… (Ег-270 л. 242об.). Таким образом, весьма вероятным кажется случайное происхождение еще одного текста четвертой редакции, который тем не менее должен быть выделен в отдельную — четвертую — группу.

Слово Григория Антиохийского и Иоанна Златоуста в составе Ег-270 и других списков группы должно быть рассмотрено с текстологической точки зрения. На первый взгляд, оно имеет добавления из Слова Епифания Кипрского и отличается, например, от того же Слова Григория Антиохийского в Унд-533. Поэтому неслучайно в его самоназвании появилось имя Иоанна Златоуста.

Преднамеренное объединение четвертой редакции и «Слова Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» представлено в Погод-957 XVI в. В этой рукописи к тексту третьей группы, в котором отброшена заключительная часть (плач Марии при гробе Иисуса Христа), присоединено Слово Григория Антиохийского (без начала), ставшее, таким образом, продолжением и заключением произведения. Тексты соединены словами **Всеми владоущаго ї҃с х҃а бг҃а: сего иѡсифъ и никодимъ вълагаеть в гробъ. поюще ст҃ыи бж҃е** // **Всеми владоущаго ї҃с х҃а бг҃а приде же никодимъ приходивыи к і҃сови нощїю два потаенаа оучника иѡсифъ и никодимъ. скрыти прїидоста ї҃са въ гробѣ потаеннаго и въ плоти бг҃а**… Погод-957 лл. 544г–545а[15]. Если обратиться к «Слову Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» как к самостоятельному произведению и как к составной части четвертой группы четвертой редакции, то окажется, что текстологически близки части в Погод-957 и Ег-270 (и других рукописях группы)[16]:

[15] Следует отметить, что Слово Григория Антиохийского начинается на новом листе.

[16] Понятно, что для полноты картины и для окончательного вывода нужно иметь текстологию Слова Григория Антиохийского, которой, кажется, пока

inslav

– **а҃нглъ же г҃нь съше҃с н҃бсе оубꙋди//въ ꙗ, камень ѿ гроба ѿвали. и седѣ на немъ роугаꙗсѧ железнымъ печатемъ. и ре҃ к нимъ. ѡ стражїе что оужасни есте. зрите и видите гдѣ е҃ [17] стрегомыи вами въсталъ оубо. ꙗко живъ сы реклъ есть смотрите ти не сбылосѧ реченїе его, зрите кто есть оукраденаа и его блюдете. ваши бо ереи лѣстьцемь его нарекли** Погод-957 л. 545г–546а;

– **а҃ггелъ же г҃нь сшедъ с н҃бсе оубꙋдивсѧ. камень ѿ гроба ѿвали и сѣде на не рꙋгаѧсѧ желѣзны печатемъ и ре҃ к нимъ ѡ стражїе что оужаснї есте зрите и видите гдѣ есть сьгомыи[18] вами восталъ оубо ꙗко живъ есть и реклъ. смотрите не збылосѧ ли речённое его зрите кто есть оукратыи егоже блюдете. ваши бо ієреи лестемъ его нарекли** Ег-270 л. 243;

– **а҃нглъ сше҃съ н҃бси. оубоу҃ди стража. камень ѿваль ѿ гроба сѣде на не. рꙋгаꙗсѧ желѣзны печате. и рече имъ ѡ стражїе гдѣ есть стрегомыи вами. въста оубо ꙗко г҃ла живъ сыи. зрите кто оукрадаꙗи есть. ваши бо ієреи лестцемъ его нарекоша** *Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)* Унд-533 л. 188.

Добавление к тексту четвертой редакции пассажа именно из Слова Григория Антиохийского довольно примечательно: это произведение, восходящее к сочинению Епифания Кипрского, из которого взята вставка во вторую группу четвертой редакции (перешедшая затем в третью и четвертую группы), входило в литературный конвой четвертой редакции.

не существует. Но даже в таком предварительном виде совпадения показательны. Необходимо добавить, что в Погод-957 представлена мена начальных *у – в*, что позволяет связывать список с западом восточнославянской территории.

[17] Слова **гдѣ е҃** пропущены и вписаны над строкой.

[18] Слово поздним почерком исправлено на **сьрґомыи**.

inslav

По-видимому, формирование более или менее устойчивого конвоя начинается с появлением текста первой группы, поскольку редкий входящий в сборники текст второй группы имеет разнообразное окружение.

Текст первой группы (именно о нем О. В. Творогов говорил как о часто добавляемом в Златоусты) обычно находится после приуроченного к четвергу Страстной недели «Слова Иоанна Златоуста о святом комкании» (начало «Царь который или князь…») или «Слова св. Евсевия о сошествии Иоанна Предтечи в ад»[19]. После текста первой группы (иногда будучи отделено другим произведением; см. Никиф-480, 33.9.9, Сол-1056) следует «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)», которое читалось в субботу страстной недели (на заутрени), а за ним следует «Слово Иоанна Златоуста на воскресение Христово» (начало «Воста в третий день Господь…»):

– *1 группа 4 редакции* «Слово (от сказаний евангельских) в святой великий пяток вечер на погребение Христово и о плаче св. Богородицы» (нач. «Возлюбленные, кто возглаголет силы…»);

– «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» (начало «Что се безмолвие много на земли и что молчание много, яко царь спит…»).

Тексту третьей группы предшествуют те же сочинения (с варьированием их чтения в четверг или в пятницу или одновременно в четверг). В число последующих добавилось новое произведение — часть Слова Епифания Кипрского:

– *3 группа 4 редакции* «Слово о снятии Господни с креста и о плаче св. Богородицы» (начало «Чудеса господня и силы…»);

– «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» (начало «Что се безмолвие много на земли и что молчание много, яко царь спит…»)[20];

---

[19] «Слово св. Евсевия о сошествии Иоанна Предтечи в ад» может быть приурочено к пятнице Страстной недели (см. Погод-187 и Погод-943), и тогда на этот день приходятся два произведения: Слово св. Евсевия и «Слово на погребение Христово и о плаче св. Богородицы» (т. е. первая группа четвертой редакции).

[20] По поводу Погод-957 в связи с литературным конвоем следует отметить, что Слово Григория Антиохийского находится в рукописи раньше,

inslav

– Слово Епифания Кипрского с начальными словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет…».

Литературный конвой четвертой группы четвертой редакции, основанной на тексте третьей группы, воспроизводит (по составу) ее же окружение, которое дополнено еще одним, теперь уже предшествующим произведением:

– «Слово о распятии Господа нашего Иисуса Христа, иже прия страсть вольную за весь мир» (нач. «Тако бо и сам Господь повеле пети…»);

– *4 группа 4 редакции* «Слово о снятии Господни с креста и о плаче св. Богородицы» (начало «Чудеса господня и силы…»);

– «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» (начало «Что се безмолвие много на земли и что молчание много, яко царь спит…»)[21];

– Слово Епифания Кипрского с начальными словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет…».

«Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» из литературного конвоя четвертой редакции воспроизводит начало Слова Епифания Кипрского, вставка во второй, третьей и четвертой группах этой редакции — его середину, а текст с начальными словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет…» — конец.

Четвертая редакция «Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского оказывается одним из самых интересных произведений, пока оставляя без ответа ряд вопросов. Во второй группе оригинальный текст древнерусского писателя составляет около двух третей произведения. В двух списках из трех присутствует его имя. Автор второй группы обращается к тем же сочинениям, которые использовал как свои источники Кирилл Туровский: к Слову Епифания Кипрского и канону Симеона Логофета. Первое не столь удивительно, поскольку Слово Епифания нередко встречается в сборниках, в том числе тех же, где есть Слова Кирилла Туровского. Поэтому, имея хорошую начитанность и литературные способности, можно

перед Словом Иоанна Златоуста о святом комкании (начало «Царь который или князь…» л. 537).

[21] В Увар-111 находятся два Слова Григория Антиохийского: второе в целом близко обычному тексту из литературного конвоя четвертой группы четвертой редакции, первое имеет сокращения.

inslav

было обнаружить параллели в двух часто встречающихся произведениях. А вот обращение к канону Симеона Логофета при создании плача Марии при гробе (если только, вопреки мнению В. П. Виноградова, здесь не использован готовый текст), кажется удивительным. Автор четвертой редакции не только знал, что Кирилл Туровский использовал канон Симеона Логофета, но и продолжил работу в стиле древнерусского писателя. Недоумение не возникает, если считать, как В. П. Виноградов, автором обеих редакций Кирилла Туровского. Критически эту позицию рассмотрел еще И. П. Еремин. Кроме того, «русский Златоуст» не использовал чужие тексты дословно, то есть он не включил бы в свое произведение большую вставку из Слова Епифания Кипрского без изменений, сохранив даже свойственный этому автору прием повтора слов: **се бо къ востокꙋ ꙗко мр҃тва погрѣбаеши і҃са. въстока въстокомъ и своима прьстома ꙗко мертвоу ꙁатворѧеши ѡчи** Барс-1396 л. 24.

Начало работе по созданию четвертой редакции в середине — второй половине XV в. положил текст второй группы, еще близкий к оригинальному «Слову о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского в заимствованной из этого произведения части. Судя по небольшому количеству списков, он оказался промежуточным вариантом. Восходящий к нему текст первой группы, имеющий сокращения и другую вставку, становится одним из основных чтений в вечер пятницы Страстной недели. Оба текста используются для создания нового произведения — текста третьей группы, а он, в свою очередь, положен в основу четвертой группы. Два произведения из литературного конвоя четвертой редакции — «Слово Григория Антиохийского о положении Христове во гроб(е)» и Слово Епифания Кипрского с начальными словами «Всюду (пре)лесть сама с(еб)я ослепляет…» — представляют собой соответственно начало и конец большого Слова Епифания Кипрского с начальными словами «Что днесь безмолвие много на земли…», а вставка во второй, третьей и четвертой группах четвертой редакции — его середину. Это же произведение использовал Кирилл Туровский, когда создавал свое «Слово о снятии тела Христова с креста».

inslav

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Барс-1396 — ГИМ, собр. Барсова, № 1396, Сборник, конец XV в.
Барс-1415 — ГИМ, собр. Барсова, № 1415, Сборник, XV–XVI в.
Барс-1425 — ГИМ, собр. Барсова, № 1425, Сборник, XV–XVI в.
Барс-1426 — ГИМ, собр. Барсова, № 1426, Сборник, XV–XVI в.
Ег-95 — РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 95, Златоуст, 1600 г.
Ег-270 — РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 270, Златоуст, XVII в.
Никиф-437 — РГБ, собр. Никифорова (ф. 199), № 437, Сборник, XVI в.
Никиф-480 — РГБ, собр. Никифорова (ф. 199), № 480, Златоуст с Измарагдом, первая половина XVII в.
Никиф-483 — РГБ, собр. Никифорова (ф. 199), № 483, Златоуст, вторая половина XVII в.
Писк-125 — РГБ, собр. Пискарева (ф. 228), № 125, Сборник, XVI в.
Погод-187 — РНБ, собр. Погодина, № 187, Златоуст, XVI в.
Погод-199 — РНБ, собр. Погодина, № 199, Торжественник триодный, 1541 г.
Погод-943 — РНБ, собр. Погодина, № 943, Сборник, XVI в.
Погод-957 — РНБ, собр. Погодина, № 957, Сборник, XVI в.
Погод-1002 — РНБ, собр. Погодина, № 1002, Сборник, XVI в.
Сол-1056 — РНБ, собр. Соловецкое, № 1056 (362) (946), Златоуст, XVII в.
Титов-2140 — РНБ, собр. Титова, № 2140, Сборник, XVII в.
Титов-3009 — РНБ, собр. Титова, № 3009, Златоуст, XVII в.
Тр-142 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I), № 142, Златоуст, XVI в.
Тр-648 — РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304. I), № 648, Сборник, XVI в.
Увар-57 — ГИМ, собр. Уварова, № 57, 4°, Сборник (Златоуст), вторая треть XVI в.
Увар-111 — ГИМ, собр. Уварова, № 111, 1°, Златоуст, XVI в.
Увар-151 — ГИМ, собр. Уварова, № 151, 4°, Сборник, XV–XVI вв.
Увар-348 — ГИМ, собр. Уварова, № 348, 1°, Сборник, XVI в.
Увар-595 — ГИМ, собр. Уварова, № 595, 1°, Златоуст, XVI в.
Унд-533 — РГБ, собр. Ундольского (ф. 310), № 533, Златоуст, XVI в.
Унд-1249 — РГБ, собр. Ундольского (ф. 310), № 1249, Сборник, XVI в.
33.9.9. — БАН, ОР, № 33.9.9, Сборник, XVI–XVII вв.
33.11.12 — БАН, ОР, № 33.11.12, Сборник, XVII в.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 1985 — *Алексеева Т. А.* Лексика «Слов» Кирилла Туровского: Дисс. канд. филол. наук. М., 1975.

Виноградов 1915 — *Виноградов В. П.* Уставные чтения. Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915.

Еремин 1955 — *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1955. Т. 11. С. 342–367.

Лопарев 1893 — *Лопарев Х.* Слово в великую субботу, принадлежащее св. Кириллу Туровскому // Памятники древней письменности. № XCVII. 1893.

Макеева 2016 — *Макеева И. И.* Четвертая редакция «Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. Наследие святого Кирилла Туровского. История, культура и мысль Древней Руси. СПб., 2016. С. 220–237 (в печати).

Творогов 1985 — *Творогов О. В.* Описание и классификация списков сборника «Златоуст // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 278–284.

inslav

М. А. ПУЗИНА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

В ПОИСКЕ ГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДНЫХ СТИХИР: СЛОЖНОСТИ И ОШИБКИ

Для каждого исследователя переводных древнеславянских памятников аксиомой является то, что наличие оригинального текста, с которого сделан перевод, значительно облегчает работу с источником, поскольку зачастую без оригинального текста перевод остается совершенно непонятным. Это касается как прозаических произведений, так и гимнографии. Однако при том, что в настоящее время нам доступно достаточно большое количество источников в изданном, в том числе и в электронном, виде, проблема поиска оригиналов к переводным текстам по-прежнему имеет первостепенное значение. В последние годы нам пришлось вплотную заниматься поиском в рукописных хранилищах России и Западной Европы греческих оригиналов к стихирам славянского Минейного стихираря, отмеченным в списках XII в. Прежде всего необходимо было найти как в изданных книгах, так и в рукописных источниках, те стихиры, на которые есть ссылки у Э. Фоллиери (Follieri). Не все выпуски EPh или тома Орологиона (XVIII в. издания), на которые она ссылается, доступны. За прошедшие несколько лет нам пришлось работать в библиотеках Москвы и Петербурга, Парижа, Рима, Гроттаферраты, Ватикана, Салоник, Патмоса и Софии. Результатом стало обнаружение 40 ранее неопубликованных греческих гимнов и свыше двадцати стихир, опубликованных в редких изданиях. Было просмотрено порядка 200 различных рукописей стихираря и служебных миней на разные месяцы, датируемых X–XV веками. Тем не менее некоторые необходимые даже печатные материалы до сих пор не обнаружены ни в одной из библиотек.

В ходе работы нам пришлось столкнуться с известными трудностями, такими, например, как различия в славянском и греческом инципитах при полном совпадении остального текста или, напротив,

inslav

одинаковые инципиты с дальнейшим расхождением содержания. Многие исследователи, сталкивавшиеся с проблемой поиска греческих оригинальных текстов к переводной славянской гимнографии говорят о том, что нахождение нужного текста является скорее счастливой случайностью, нежели закономерностью, обусловленной длительной работой в архивах и рукописных хранилищах (Hannick 1972: 14; Кривко 2008: 44). Иногда, благодаря инципитарию Э. Фоллиери или инципитарию, опубликованному как дополнение к фототипическому изданию в серии ММВ стихираря БАН 34.7.6, известны зачала, которые следует искать. Однако, как правило, поиск основывается на обратном переводе со славянского на греческий, т. е. на предположениях о том, как гипотетически могли выглядеть первые слова той или иной стихиры. Таким образом, поиск бывает весьма затруднительным, когда эти первые слова не сответствуют тому, что гипотетически можно предположить, имея перед собой славянский текст.

В качестве иллюстрации приведу несколько таких примеров, обнаруженных в разных рукописях, иногда благодаря опубликованным в различных источниках зачалам, иногда по счастливой случайности, а также некоторые аналогичные случаи из опубликованных стихир (Follieri; MR).

Наиболее простые случаи касаются разночтений в начальных словах греческой стихиры по сравнению со славянским текстом, причем остальные слова, в том числе первое, совпадают. Само по себе наличие разночтений, в том числе в гимнографических рукописях, не является открытием. Это объективный факт для всех исследователей, занимающихся славянской переводной гимнографией (см., например, (Кривко 2012; Крысько 2008; Крысько 2014) и предшествующие статьи (Малыгина 2014)). Однако разночтение в начале стихиры может вызвать некоторые затруднения.

28.12 мчч. 2000 28.12 мчч. 2000 Никомидийских
Ак 93г
Любъвию оукрѣплѧеми христовою
Paris.gr. 1623 143: Τῷ πόθῳ πυρούμενοι Χριστοῦ

Глагол πυρεύω в переводе означает ‘жечь’, а не ‘укреплять’, т. е. страдательное причатие от него вовсе не **оукрѣплѧеми**, а **съжизаеми** или **съжагаеми**. Закономерно предположить, что существовал некий

inslav

греческий, пока не найденный текст, в котором было равносложное и равноударное разночтение κρατούμενοι.

29.08. Усекновение главы Иоанна Предтечи
Q 187v, Син279 153r
Благоуханиꙗ главы предтечꙗ памѧть сътворѧемъ
Reg.gr. 54 72v: Τῆς εὐωδεστάτης κεφαλῆς τοῦ Προδρόμου. τὰ θαυμάσια κηρύξομεν. Зачало опубликовано в EPh 47 (1948) 145*.

В качестве соответствия словосочетанию **памѧть сътворѧемъ** ожидалось бы ἡ μνήμη ἐκτελοῦμεν, а не τὰ θαυμάσια κηρύξομεν ‘чудеса провозглашаем’.

Аналогичные случаи можно наблюдать в опубликованных стихирах.

23.04. вмч. Георгия Победоносца
Ак 200r
Вѣньци главоу добротьнъыими оувѧзе
MR IV 366: Στέφανον δόξης ἐπὶ κεφαλῆς σου ἀνεδήσω.

Здесь мы видим замену гипотетического славянского ***славьнъыими** (в соответствии с греч. δόξης) на **добротьнъыими** (*κάλλεος). И дополнительно метатезу **главоу добротьнъыими** vs. δόξης ἐπὶ κεφαλῆς.

25.07. Успение прав. Анны, матери Пресвятой Богородицы
Син279 126r, Q 171r, Соф384 75r, Син572 161v, Тип145 25r
Грѧдеть вьсѧ тварь ꙁаконьнъыими пѣсньми
MR VI 216: Δεῦτε πᾶσα ἡ κτίσις, ἐν κυμβάλοις ψαλμικοῖς.

В данном случае в соответствии со славянским прил. **ꙁаконьнъыими** мы ожидали бы одну из форм τοῦ νόμου, ἔννομος или νομικός. Однако вместо этого в греческом находим ἐν κυμβάλοις ψαλμικοῖς (ср. в одной из стихир перевод ἐν κυμβάλοις как **въ боубънѣхъ**).

16.12. прор. Аггея
Ак 72r
Съсоудъ божествьнъыи ꙗвисѧ съ небесе
MR II 504: Σκεῦος ὤφθης τοῦ Πνεύματος, τὰς οὐρανόθεν

Несмотря на соответствие первого слова в греческом и славянском, идентифицировать зачала не так просто, поскольку вместо ожи-

inslav

даемого *θεῖος или *τοῦ Θεοῦ в греческом обнаруживается τοῦ Πνεύματος ‘духовный, Духа’.

Бóльшую трудность представляют тексты, в которых первое слово или слова отличаются от предполагаемого.

18.08. мчч. Флора и Лавра
Ак 192r, Син279 151v, Q 186r, Соф384 90v, Син572 189r, Син589 185r, Тип145 63v
Рьвьнителѧ свѧтаꙗ · самабрата христова · флоре и лаоуре · хвалами достоинами поуьтена боудета
Sin. gr. 1216 153v: Ἡ ξυνωρὶς ἡ ἁγία τῶν αὐταδέλφων Χριστοῦ. Φλόρος καὶ Λαύρος ἐν ὕμνοις. ἐπαξίως τιμάσθωσαν

Греч. Ἡ ξυνωρίς (συνωρίς) вовсе не означает **рьвьнитель** (ὁ ζηλωτής), от которого пошли всем известные зилоты, и при переводе скорее было бы передано как **дъвоица**. Хотя снова возможно наличие разночтения αἱ ζηλωταί. Однако в нашем случае это мало что меняет, поскольку найденная стихира все равно начинается со слова, не соответствующего славянскому тексту. Более того, видно, что славянская стихира довольно свободно передает греческий текст, что в целом нетипично для гимнографических произведений. Как правило, в таких случаях перевод буквальный и морфологически точный. Здесь же, при полном сохранении смысла, грамматика оригинала и перевода несколько отличается. Греч. Ἡ ξυνωρὶς ἡ ἁγία τῶν αὐταδέλφων Χριστοῦ дословно обозначает ‘святая пара братьев Христовых’, а славянский переводчик предпочел сделать однородные дополнения **Рьвьнителѧ свѧтаꙗ · самабрата христова**. Затем имена святых ошибочно поставлены в звательную форму, что не согласуется с формой славянского глагола в 3 л. дв. ч. и тем более с формой 3 л. ед. ч. императива в греческом. Греч. ἐν ὕμνοις в стихираре обычно переводится как **пѣсньми**, хотя один раз встретился перевод **похвалами** (такая же вариативность наблюдается и при переводе соответствующего глагола). Ἐπαξίως — это наречие «достоино», в то время, как в славянском это прилагательное, согласованное с **хвалами**. Хотя не исключено, что было морфологическое разночтение ἐπαξίοις.

inslav

08.09 Рождество Богородицы
Син279 28r, Син589 12r
Мирови оупъваниѥ ѥдина богородица
Laur H81 36v: Οἶκος ὁ τοῦ Θεοῦ ἡ μονὴ Θεοτόκος
Зачало в EPh 36 (1937) 15*.

Славянский текст отличается от греческого оригинала. Разница наблюдается уже в первых словах. В соответствии со славянским **мирови оупъваниѥ** ожидалось бы, согласно порядку слов в славянском, обнаружение греч. ἡ τοῦ κόσμου ἐλπίς. Однако в существующем греческом тексте мы находим совершенно иной вариант: Οἶκος ὁ τοῦ Θεοῦ ‘жилище Бога’. Вероятно, можно предположить наличие в греческих списках пока еще не обнаруженного разночтения ἐλπίς ἡ τοῦ κόσμου с метатезой слов в славянском, поскольку такая конструкция совпадает с существующим вариантом по количеству слогов и расположению слов, однако различается по месту ударения. Как показывает опыт, фактор места ударения, однако, не является решающим в греческих разночтениях в гимнографических произведениях. Далее славянский и греческий совпадают, за исключением последнего слова.

16.11 ап. Матфей
БАН 54v, Син279 60r, Q 72r
Христосовъı оученикъı · божьствьнъıихъ апостолъ · съучьтьникъ бъıвъ
Sin.gr. 1219 28r: Τῆς τοῦ Χριστοῦ δωδεκάδος. τῶν θείων Ἀποστόλων. συναρίθμιος γέγονας.

Проблемы в толковании начинаются уже с первой же фразы. Совершенно непонятно, в каком соотношении находятся слова **Христосовъı оученикъı божьствьнъıихъ апостолъ съучьтьникъ бъıвъ**. Загадка разъяснилась, когда в рукописи Sin.gr. 1219 практически случайно был найден греческий оригинал стихиры. Практически случайно потому, что греческое зачало не вполне адекватно зачалу славянскому: Τῆς τοῦ Χριστοῦ δωδεκάδος. τῶν θείων Ἀποστόλων. συναρίθμιος γέγονας. И греческий вполне разъясняет смысл первой фразы: ‘Христовой двунадесятицы божественных апостолов ты был сопричастником’, т. е. слушателю стихиры напоминают о том, что ап. Матфей был

inslav

избран вместо предателя Иуды и таким образом вошел в число двенадцати апостолов.

Аналогичные случаи можно увидеть и в уже опубликованных текстах.

Например:

21.05. равноапп. Константин и Елена
Ак 140v, Q 160r, Соф384 53v, Син572 128r, Син589 138v
MR V 145: **Цьсаремъ цьсарь и богъ богатыими даръми**
Ὁ τῶν Ἀνάκτων Ἄναξ καὶ Θεός, ὁ πλουσίαις δωρεαῖς.

Обычным соответствием для славянского **цьсарь** является греч. ὁ Βασιλεύς. Греч. ὁ Ἄναξ ‘владыка, повелитель’ в славянской гимнографии обычно соответствует **кънѧзь**. Хотя помимо этого, в частности в Стихираре, славянские переводчики употребляли **кънѧзь** и для передачи таких слов, как Βασιλεύς и Ἄρχων.

15.08. Успение Пресвятой Богородицы
Ак 183v, Син279 141v, Q 181v, Соф384 86r, Син572 180v, Син589 174v, Тип145 51r
MR VI 406: **Дивьныꙗ твоꙗ таинъı богородице**
Βαβαὶ τῶν σῶν μυστηρίων ἁγνή

В греческом вместо ожидаемого прил. θαυμαστός или, в крайнем случае, изредка встречающегося в таком переводе παράδοξος (две стихиры на Благовещение) оказывается междометие изумления Βαβαί ‘о!’

Нестандартно начинается и еще одна стихира на Успение:

Ак 188r, Син279 144r
Мъножьство оученикъ съберѣтесѧ
MR VI 404, 406, 439, 474: Δῆμος τῶν Μαθητῶν, ἀθροίζεται

В соответствии с **мъножьство** можно было бы ожидать обычное τὰ πλήθη или πληθύς, однако вместо этого стихира начинается с δῆμος ‘народ’.

Обнаружить следующие две стихиры при обычном поиске в рукописях было бы практически невозможно, поскольку в переводе обеих отсутствуют первые фразы, имеющиеся в греческом.

inslav

10.10 мчч. Евлампия и Евлампии
Ак 31v, Син279 35r, Q 42r, Син572 22v, Син589 32r, Тип152 15v
MR I 377: **Самобратьнаꙗ вьрста просвѣщьшисѧ**
Τῷ τῆς Τριάδος φωτί, ἡ αὐτάδελφος ξυνωρὶς λαμπρυνθεῖσα.

В славянском тексте выпущен объект высказывания. Законченное славянское предложение звучит следующим образом: **Самобратьнаꙗ вьрста · просвѣщьшисѧ · моучительскоѥ соуровьство отъложила ѥста.** Таким образом, непонятно, чем именно просветились мученики. В то время как греческая стихира начинается именно с этого: Τῷ τῆς Τριάδος φωτί, т. е. Тройческим светом, или светом Троицы.

25.03. Благовещение Пресвятой Богородицы
Ак 127v, Соф384 48v
Отъ вꙑшьниихъ мѣстъ гаврилъ бесплътьнꙑи въпиѥть
Anth II σξθ': Ὦ τοῦ παραδόξου θαύματος! ἀφ' ὑψίστου χορῶν Γαβριὴλ ἀσώματος ἀνακράζει

Данный контекст в греческом неожиданно начинается восклицанием Ὦ τοῦ παραδόξου θαύματος!, что подразумевает наличие в славянском конструкций типа **О/Оле дивьное чюдо**, **О/Оле преславьное чюдо**, которая, однако, отсутствует.

Несколько раз нам пришлось столкнуться с тем, что в изданных инципитариях греческий и славянский тексты соотнесены неверно. Такое явление можно объяснить тем, что при составлении обширных инципитариев исследователь, вероятно, не всегда в состоянии проверить содержание всей стихиры полностью и ориентируется только на начальные слова. Однако бывает, что при сходных зачалах последующее содержание резко отличается от славянского текста, с которым был идентифицирован указанный греческий. Практически полное совпадение зачал — достаточно частое явление в гимнографии. Иногда зачала разных стихир можно принять за банальное разночтение в тексте одного гимна, что будет ошибкой. Например, **Ꙗже по градомъ оузꙑ къто исповѣсть** – Τὰ κατὰ πόλιν δεσμὰ τὶς διηγήσεται и **Ꙗже по градомъ оузꙑ и скърби твоꙗ къто исповѣсть** – Τὰ κατὰ πόλιν δεσμὰ καὶ τὰς θλίψεις σου τὶς διηγήσεται — это две абсолютно разные стихиры на память апп. Петра и Павла, хотя зачала различаются наличием/отсутствием всего трех слов, пропуск которых можно было бы

inslav

счесть элементарной невнимательностью славянского переписчика. Аналогичным образом совершенно разные тексты представляют собой совершенно одинаково начинающиеся стихиры на Рождество Христово: **Предъпразднуимъ людие христово рожьство и възъмъше разумъ къ вифлеемоу възидемъ умъмь и оузьримъ дѣвоу** – Προεορτάσωμεν λαοί, Χριστοῦ τὰ Γενέθλια, καὶ ἐπάραντες τὸν νοῦν, ἐπὶ τὴν Βηθλεὲμ ἀναχθῶμεν τῇ διανοίᾳ, καὶ κατίδωμεν τὴν Παρθένον и **Прѣдъпразднуимъ людие христово рожьство и разумъ възъмъше къ вифлеемоу възидѣмъ умъмь и оузьримъ еже въ вьртьпѣ** – Προεορτάσωμεν λαοί, Χριστοῦ τὰ Γενέθλια καὶ ἐπάραντες τὸν νοῦν ἐπὶ τὴν Βηθλεὲμ ἀναχθῶμεν τῇ διανοίᾳ, καὶ κατίδωμεν τὸ ἐν Σπηλαίῳ. Одинаковые в славянском, но при этом разные в греческом зачала имеют две стихиры навечерия Богоявления: **Свѣтьлъ оубо прѣшьдъıи праздьникъ свѣтьлѣи** – Λαμπρὰ μὲν ἡ παρελθοῦσα Ἑορτή, λαμπροτέρα и **Свѣтьлъıи оубо прѣшьдъıи праздьникъ прѣславьнъ** – Φαιδρὰ μὲν ἡ παρελθοῦσα Ἑορτὴ, ἔνδοξος. Число таких примеров можно увеличивать многократно, если проанализировать крупные инципитарии (например, (Follieri; Stern)).

Две ошибки этого типа были обнаружены в фототипическом издании Стихираря БАН, выполненном Н. Шидловским. Так, например, в издании (SPP) к стихире на собор архангела Гавриила (26 марта) **Прѣстолоу прѣдъстоꙗ трьсълньıнаго божьства** дается взятая из Folliery параллель Τῷ θρόνῳ παρεστηκός, μακάριε, τῆς τρισηλίου. В самом инципитарии Folliery указывается, что данный текст можно найти в книге аббата монастыря Гроттаферрата Джузеппе Коцца-Луци (CSL), изданной в конце XIX в. и посвященной св. Савве (что удивительно уже само по себе). После долгих поисков книга была получена в Библиотеке Ватикана. Однако при сравнении со славянским выяснилось, что текст совершенно другой, мало того, относящийся — что логично, исходя из названия книги — к совершенно другому святому. Несколько похожи, и то не полностью, только зачала. Настоящая параллель — Τῷ θρόνῳ παριστάμενος τῆς τρισηλίου θεότητος — опубликована во II томе MR.

Еще одна ошибка Н. Шидловского касается стихиры на Преображение Господне (Ак 180v–181r **Преобразисѧ иисоусе на горѣ фаворьсцѣи · и неиздреченьнъıꙗ славъı твоеꙗ · поставилъ еси таибьникъı**). В инципитарии Н. Шидловский указал, что она находится в патмосской рукописи, и дал ее точный адрес: MS Patmos 218 (Aug. 6). Речь

inslav

идет о стихире БАН 180v–181r: **Преобразисѧ иисоусе на горѣ ѳаворьсцѣи · и неиздреченьнъıꙗ славы твоꙗ · поставилъ ѥси таиньникы.** Действительно, несколько похожих зачал (правда, с метатезой: Εἰς ὄρος ὑψηλὸν μετεμορφώθης Σωτήρ; Ἐπὶ τὸ ὄρος τὸ Θαβὸρ μετεμορφώθης Ἰησοῦ) было обнаружено в указанном списке. Более того, в том же хранилище в нескольких изданиях Орологиона XVIII в. было найдено еще несколько стихир с похожими зачалами. Однако при тщательной проверке выяснилось, что стихира совершенно другая, а совпадают исключительно зачала. Греческий текст к указанной стихире по-прежнему не найден.

И, конечно, бывает, что греческий текст не полностью соответствует имеющемуся славянскому. Случается, что в греческой и славянской стихирах различается одна или несколько фраз. Как правило, это относится к концовкам, которые и в славянском, и в греческом зачастую совсем опускаются (остается только начальное слово последней фразы или первые буквы начального слова), поскольку в основном они стандартны и каждый чтец или певчий на клиросе знает их наизусть. Наличие такого разночтения не меняет того, что весь предшествующий текст в стихире совпадает. И при работе с греческими рукописями достаточно легко найти необходимое разночтение, которое подтверждает имещийся славянский вариант. Например:

09.08 св. ап. Матфей
Ак 183г, Син279 140v, Q 181r, Соф384 84г, Син572 177v, Син589 173v, Тип145 45v
Матѳеа апостоле · ликъ · испълнилъ ѥси божьствьнъıи · отъ негоже иоуда · сребролюбиꙗ ради о[тъ]паде · и мълниꙗ божиꙗ вьсемоудрьıихъ словесъ твоихъ · идольскоую тьмоу отъгънналъ ѥси · и христа проповѣдалъ ѥси сына божиꙗ · соуща въ истиноу · и нынѣ · молисѧ · отъ бѣдъ избавитисѧ · ѹьтоущиимъ памѧть твою·∴
MR VI 363: Ματθία Ἀπόστολε χορόν, θεῖον ἀνεπλήρωσας, ἐξ οὗ Ἰούδας ἐκπέπτωκε, καὶ θείαις ἀστραπαῖς, τῶν σοφῶν σου λόγων, σκότος ἀπεδίωξας, τῆς εἰδωλομανίας ἐν Πνεύματι, καὶ νῦν ἱκέτευε, δωρηθῆναι ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν, τὴν εἰρήνην, καὶ τὸ μέγα ἔλεος.

Однако иногда стихира в греческом и славянская стихира имеют значительные различия, хотя по зачалу и концовке их можно идентифицировать как родственные и совпадающие в большей части.

inslav

19.12. мчч. Илии, Прова и Ареса

Ак 73v

Прома же и арєа · вѣрьнии · и божьствьнааго ѥугениа · съ страдальци почьтѣмъ · доврѣ пострадавъша · и коумирьскоую льсть · ѡтъгънавъшихъ · вѣньць отъ бога неоувѧдомъıи · побѣдьнъıи приимъше · и христови молѧщесѧ · избавити стадо своѥ·:

Paris gr. 1623 74: Πρόμον τε καὶ ἄρεα ἡλεὶ καὶ θεῖον εὐγένιον. σὺν τοῖς συνάθλοις τιμήσωμεν. καλῶς ἀθλήσαντας. ὑπὲρ εὐσεβείας τὸν Χριστὸν κηρύξαντες. καὶ αὐτὸν καθικετεύοντας. τοῦ ῥυσθῆναι κινδύνων τὴν ποίμνην αὐτῶν.

Зачало в EPh 40 (1941) 93*.

‘Прома же и Арея, Илию и божественного Евгения с сострадальцами почтим, славно пострадавших за благочестие, Христа проповедая, и умоляющих его избавить от опасностей стадо свое’.

Как видно, греческий и славянский тексты серьезно различаются. Как минимум половина текста в греческом отсутствует. Стихира посвящена мученикам Прому, Аресу, Илии и Евгению, однако в славянском имя мч. Илии пропущено. На его месте (ср. греч. ἡλεί) видим обращение **вѣрьнии** (*πιστοί). Далее в греческом видим причастие, которое отсутствует в славянском переводе. В следующем славянском словосочетании употреблена исконная форма вин. п. мн. ч. **пострадавъша**. Далее вместо **и коумирьскоую льсть · ѡтъгънавъшихъ · вѣньць отъ бога неоувѧдомъıи · побѣдьнъıи приимъше**, зафиксированного славянскими книжниками, в греческом находим: ὑπὲρ εὐσεβείας τὸν Χριστὸν κηρύξαντες ‘за благочестие, Христа проповедая’. И, наконец, в славянском **молѧщесѧ** согласовано в им. п. с однородным **приимъше**, в то время как в греческом это вин. п., относящийся к призыву τιμήσωμεν (**почьтѣмъ**). Ну, и, наконец, в славянском пропущен объект, от которого надо избавить стадо. В греческом — от бед, от напастей.

Кроме того, бывают случаи, когда славянский текст настолько испорчен, что вызывает сомнения, действительно ли он переведен с имеющегося греческого оригинала. Например:

25.01. свт. Григорий Богослов

Ак 113r, Соф384 37r, Син572 105r, Син589 116v, Тип152 84v

Сьрдьца вѣрьнъıихъ извѣстивъ григориѥ · дѣтельми въ истиноу ·

inslav

свѣтлостьми оцѣсти плодъ ихъ · тьрньнаго изметаниꙗ · истьрзалъ еси ис корениꙗ · и предаꙗ оумъмь оучищениꙗ тѣмьже приемлѧ наша похвалениꙗ · божиꙗ цѣвьнице · бъдроѥ око · пастъыремъ пастъырь · вълкомъ же ловьче · молисѧ прилѣжьно · богословьче о доушахъ нашихъ·∴

MR III 362: Τὰς καρδίας τῶν πιστῶν, γεηπονῶν τῇ γλώσσῃ σου Γρηγόριε, εὐσεβείας ἐν αὐταῖς, ἀειθαλεῖς ἐβλάστησας καρποὺς τῷ Θεῷ, τὰς ἀκανθώδεις αἱρέσεις πρόρριζον ἐκτεμών, καὶ κοσμῶν τοὺς λογισμοὺς καθαρότητι. Διὸ δεχόμενος ἡμῶν τὰ ἐγκώμια, ἡ θεία λύρα, ὁ γρήγορος ὀφθαλμός, τῶν ποιμένων ὁ Ποιμήν, ὁ τῶν λύκων ἀγρευτής, πρέσβευε ἐκτενῶς, Θεολόγε τῷ Λόγῳ, ὑπὲρ τῶν ψυχῶν ἡμῶν.

В совпадающей части небольшое отличие между греческим и славянским текстами есть только в самом конце. В славянском пропущен перевод τῷ Λόγῳ ‘Слову’. Подчеркнутый славянский имеет ряд грамматических нарушений, которые затрудняют и делают практически невозможным адекватное понимание текста, хотя, по всей вероятности, он все-таки опирается на имеющийся греческий. Однако порча слишком сильная. Симметричный греческий отрывок можно перевести как ‘[Сердца верных] возделывая своим языком, Григорий, благочестия в них неувядаемые ты возрастил плоды Богу, тернистые ереси с корнем срубая и украшая разум чистотой’.

Итак, мы обрисовали некоторую часть трудностей, с которыми встречается исследователь при работе с греческими рукописями. Поиски оригинальных текстов к славянским переводным стихирам продолжаются.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

а) Славянские

Ак — Стихирарь минейный XII в., БАН, 34.7.6.
Син279 — Стихирарь минейный XII в., ГИМ, Син. 279.
Син572 — Стихирарь минейный XII в., ГИМ, Син. 572.
Син589 — Стихирарь минейный 1158 г., ГИМ, Син. 589.
Соф384 — Стихирарь минейный 1156–1163 гг., РНБ, Соф. 384.
Т145 — Стихирарь минейный XII в., РГАДА, Тип. 145.
Т152 — Стихирарь минейный XII в., РГАДА. Тип. 152.
Q — Стихирарь минейный XII в., РНБ, Q.п.I., 15.

inslav

б) Греческие

Ватикан
Reg.gr. 54 — Минея служебная, декабрь–февраль, X в.
Париж
Paris.gr. 1623 — Минея служебная, декабрь, XIV в.
Афон[1]
Laur H81 — Минея служебная, XIV в.
София
Sin.gr. 1216 — Стихирарь, XIII в.
Sin.gr. 1219 — Стихирарь, XII–XIII в.

ИЗДАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Anth II — Ἀνθολόγιον…, II (Jan.-Apr.) Romae, curante Ph. Vitali, 1738.
CSL — *Cozza-Luzi J.* Historia et laudes ss. Sabae et Macariii iuniorum e Sicilia auctore Oreste patriarcha hierosolymitano. Romae, 1893.
EPh — Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ.
Follieri — *Follieri H.* Initia hymnorum Ecclesiae graecae. Vol. I–V (1/2) (= Studi e testi, 211–215 bis). Città del Vaticano, 1960–1966.
MR — Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901. Т. 1–6.
SPP — Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus / Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars principalis. Hauniae, 2000a; Pars suppletoria. Hauniae, 2000b.
Stern 2008 — Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts / Besorgt von D. Stern; hrsg. von H. Rothe Paderborn; München; Oien; Zürich, 2008. T. I: **Я–И**; T. II: **К–П**; T. III: **Р–Ѳ**.

ЛИТЕРАТУРА

Кривко 2010 — *Кривко Р. Н.* К лингвистическому источниковедению славянских служебных миней на август: данные афонских рукописей // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2006–2009. М., 2010. С. 38–57.

[1] По микрофильмам, хранящимся в библиотеке The Patriarchal Institute of Patristic Studies в Салониках. Датировки рукописей — по изд.: *Lampros S. P.* Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos. Cambridge: CUP, 1895–1905.

inslav

Кривко 2012 — *Кривко Р. Н.* Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII в. (РНБ, F.п. I 37) // Slověne. International Journal for Slavic Studies. 2012. Vol. 1/1. С. 145–221.

Крысько 2008 — *Крысько В. Б.* О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнерусских стихир на Борисов день // Miscellanea Slavica: Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 92–108.

Крысько 2014 — *Крысько В. Б.* Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М., 2014.

Малыгина 2014 — *Малыгина М. А.* Метод реконструкции гипотетических разночтений в греческих оригиналах славянских гимнографических произведений: быть или не быть? // Palaeobulgarica. 2014. Г. 38. № 1. С. 3–18.

Hannick 1972 — *Hannick Ch.* Studien zu den griechischen und slavischen liturgischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek (Byzantina Vindobonensia. 6). Wien; Köln; Graz, 1972.

inslav

СВЕТЛИНА НИКОЛОВА
Кирилло-Мефодиевский научный центр
Болгарской академии наук (БАН), София

БОЛГАРСКАЯ КАТЕНА XIII/XIV ВЕКА НА ПСАЛТЫРЬ И ЕЕ ИСТОЧНИКИ*

Псалтырь является самой распространенной ветхозаветной книгой в эпоху Средневековья в славянском мире. Однако мы пока не знаем общее число выявленных до сих пор славянских средневековых рукописей Псалтыри, как, например, это нам известно о списках Евангелия[1]. Неизвестно также, сколько списков Псалтыри сохранились до наших дней. Современные исследователи не сделали попытки ни обобщить уже опубликованные сведения, ни провести систематические поиски неизвестных списков в публичных и частных коллекциях, где хранятся славянские средневековые рукописи. Мы располагаем только приблизительными общими данными, которые сообщил выдающийся русский ученый Иван Евсеев более ста лет тому назад. В 1911 г. он обобщил результат своей работы, проведенной в течение одного года. Это был «весь предварительный материал, необходимый для исследования славянского ветхозаветного библейского текста, в виде инвентарного каталога более 4000 славянских рукописей всех доступных исследователю книгохранилищ русских и иностранных»[2]. Тогда он написал: «В 97 библиотеках России, южной и западной Европы и Азии мною исчислено и кратко описано 4145 рукописей XI–XVII вв. славянского библейского текста. Из них текстов богослужеб-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда «Устойчивое развитие Болгарии».

[1] М. Гардзанити собрал и обобщил сведения о них, он опубликовал также список этих кодексов (Garzaniti 2001).

[2] Цитирую данные по второй публикации этой работы И. Евсеева (Евсеев 1995: 9). Первую публикацию работы см. в: Христианское чтение. СПб., 1911. Т. 235. Ч. 2. С. 435–450, 644–660. Тот же текст был опубликован как отдельная брошюра в том же самом году (СПб., 1911, 32 с.)

inslav

ного типа 3431 рукопись (Паримийники, Триоди Постные и Цветные, Минеи месячные и общие, Трефологии и служебные Псалтири), текстов четьего типа и толковых 714, причем и здесь преимущественное количество (до 2/3) падает на Псалтири четьи (одновременно и служебные) и толковые. В ряду рукописей богослужебных стоят глаголические хорватские тексты в католических бревиариях и миссалах XIV–XV вв. Этих текстов мне известно 46. Недоступными для исследования оказались рукописи некоторых частных собраний — почетного члена СПб. Духовной Академии Е. В. Барсова в Москве, купца-старообрядца Е. Е. Егорова в Москве, а также некоторых небольших монастырских и общественных собраний, преимущественно в пределах Австрии. По приблизительному подсчету число неиспользованных рукописей не должно превосходить 100–150 номеров. Для полноты обзора введены в список и рукописи сгоревших собраний (мон. св. Павла в Афоне, Архангельской духовной семинарии), а также исчезнувшие по какой-либо причине, так как, помимо общего интереса располагать всеми возможными сведениями о существовавших рукописях этого рода, есть основания надеяться, что некоторые погоревшие рукописи со временем где-нибудь окажутся» (Евсеев 1995: 9–10). К сожалению, этот каталог не был опубликован в свое время, его судьба до сих пор неизвестна, но в 1999 г. А. А. Алексеев сообщил, что его черновой вариант находится в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук, и он утверждает, что из 4145 ветхозаветных славянских рукописей, указанных Евсеевым, 3750 содержат Псалтырь (Алексеев 1999: 132).

После Евсеева, однако, никто не осмелился даже подойти к подобным подсчетам. В 1983 г. Р. Матиесен опубликовал краткий и неполный список, содержащий 141 славянский ветхозаветный кодекс до 1600 г., не принимая во внимание богослужебные рукописи и, конечно, полные и толковые списки Псалтыри (Mathiesen 1983: 3–48)[3]. Это вполне закономерно, потому что, как хорошо известно, первый славянский перевод Псалтыри был среди первых славянских переводов, которые появились еще до поездки Кирилла и Мефодия в Ве-

[3] Об этом более подробно см. сс. 6, 8, 13. Этот список был опубликован в 1984 г. в отдельной брошюре вместе с другой статей автора с сохранением пагинации первых публикаций (Mathiesen 1984).

inslav

ликую Моравию, толковые тексты возникли в Болгарии около конца IX – начала X в., а до конца XV в. Псалтырь распространялась в виде самостоятельных кодексов, и ее текстовая традиция имеет самостоятельную историю.

Все-таки, основываясь на данных Евсеева, можно попытаться сделать некоторые, конечно, совсем приблизительные, выводы относительно числа средневековых славянских списков Псалтыри. Дальше в той же статье Евсеев объяснил, что он имеет в виду, говоря о 714 толковых и четьих текстов Псалтыри: «Вторая меньшая группа славянских библейских списков состоит из ряда толковых, т. е. библейских текстов с толкованиями, и сплошных текстов без толкований. Таких списков имеется свыше 700. По происхождению эта группа далеко не однородна: она составлялась из разновременных переводов, в ее образовании принимали участие разные лица, опиравшиеся на различные греческие оригиналы. В общем, следовательно, эта группа объединяется нами только условно, в противовес цельной, определенной богослужебной группе, как группа разносоставная, четья. Основной ее характер в нашей группировке — это сборный, не органически цельный состав ее текста, и назначение ее для частного, учительного или келейного, а не официально-богослужебного употребления. Ввиду постоянно раздельного в истории существования этих двух определенных груп — богослужебной и четьей — и ввиду несомненно резких указанных внутренних отличий их между собой, условное сведение различных исторических подразделений этих групп в большие отделы, думаем, не составит методической ошибки» (Евсеев 1995: 17). Принимая во внимание указание Евсеева, что в этой группе «преимущественное количество (до 2/3) падает на “Псалтыри четьи” (одновременно и служебные) и толковые», можно легко понять, что в нее входят не меньше 238 толковых рукописных Псалтырей, потому что, как указал сам Евсеев, Псалтырь «вся целиком входила в состав богослужения» (Евсеев 1995: 11), и полный ее текст использовался как в богослужении, так и для индивидуального чтения. К сожалению, он не привел никаких данных хотя бы о числе толковых псалтырей в своем списке, хотя известно, что их намного меньше, чем «псалтирей четьих».

Тексты древнейшего славянского перевода Псалтыри являются одними из наиболее подробно изученных текстов Кирилло-Мефодиев-

inslav

ских переводов во всех их разновидностях[4]. Их история выяснена уже во многих отношениях. Несмотря на этот факт, отсутствие достаточно полных сведений о рукописной традиции средневековых славянских списков толковых текстов, по этой причине реже привлекавших внимание современных исследователей, не способствовало, конечно, успешному их анализированию. Пока в научном обороте находятся около 60-ти списков Псалтыри[5], и их исследования основываются преимущественно на изучении псалтырного текста, даже если в кодекс включены и толкования. Самые подробные и основательные анализы толкований, как и выводы об их тексте, греческих соответствиях, а также и их издания являются результатом продолжительной работы только Ватрослава Ягича[6] и Валерия Погорелова[7], работавших в конце XIX и в начале XX вв. в книгохранилищах России со списками единственных известных даже до настоящего времени в славянской рукописной традиции толкований Феодорита Кирского (ок. 393 – ок. 458/466) и со списками толкований, приписываемых славянскими средневековыми книжниками Афанасию Александрийскому (ок. 295 – 393), принадлежащих, по мнению современных ученых, Исихию Иерусалимскому (2-я половина IVв. – ок. 451)[8].

---

[4] Обобщение результатов и важнейшую литературу до 2002 г. см., например, в (Карачорова 2003: 409–417).

[5] Например, наиболее активные современные исследователи Псалтыри 20-го века Мэри МакРоберт и Ивона Карачорова, которые опубликовали наиболее подробные и разносторонние исследования славянского псалтырного текста, опираются, по моим подсчетам, соответственно на около 55-ти списков (Мэри МакРоберт) и около 20-ти (Ивона Карачорова).

[6] См., например, (Jagić 1907; Jagić 1917).

[7] См., например, (Погорелов 1901; Погорелов 1910; Погорелов 1910а; Погорелов 1910б).

[8] Об этом и литературу см., например, в (Rondeau 1982: 137–143; Шиваров 1986: 12, 13, 49–61; Thomson 1998: 799–800; Ткачев 2011: 257–276). В статье (Ткачев 2011) на основании содержания толкований полагается спорным вопрос об авторстве Исихия краткого комментария (текста, использованного древнеболгарским переводчиком). Автор статьи считает, что Исихию принадлежат лишь некоторые схолии; отмечается, что христология текста имеет монофизитские черты, что «для сочинения характерен антииудейский полемический тон» и что, в отличие от подлинного комментария Исихия «О над-

inslav

В последнее десятилетие большое внимание толкованиям, приписываемым Афанасию Александрийскому, уделили Лиляна Макариоска и Мэри Цубалевска[9]. Но и до сих пор невозможно сказать, что существует общепринятое мнение хотя бы о времени возникновения древнейших славянских переводов этих двух толкований на Псалтырь. Мнения расходятся. Относительно комментария Псевдо-Афанасия указывается на довольно широкий интервал времени — от IX в., времени непосредственно после того, как ученики Кирилла и Мефодия приехали в Болгарию или даже еще до того, как они покинули Великую Моравию, — до XI в.[10]. При этом очень трудно принять крайнюю границу, имея в виду, что сохранились неполные русские кириллические списки XI и XI/XII вв.[11]. Хорошо известно, что почти все сохранившиеся до наших дней рукописи, возникшие в Древней Руси в этот период, содержат преимущественно тексты сугубо богослужебного употребления, древнейшие переводы которых возникли еще во время деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников в Болгарии, а в русских списках почти всех остальных переводных произведений содержатся древнеболгарские переводы конца IX – начала X вв.[12] (мне, например, неизвестен случай, когда древнеболгарский перевод XI в. был бы зафиксирован, хотя бы неполно, в древнерусских списках XI и XI/XII вв.). Что касается перевода толкований Феодорита Киррского, то пока нет аргументированных работ, в которых можно бы было наблюдать такой большой хронологический

писании псалмов» (De titulis psalmorum), «полностью отсутствует характерное мистико-аскетическое толкование и преобладает типологическое, относящее почти все пророчества Псалтири к евангельским событиям».

[9] См., например, (Цубалевска, Макаријоска 2013).

[10] Это мнение зафиксировано, например, в (Карачорова 2003: 412). Здесь принимается, что перевод этих толкований возник в «X–XI в.» в Болгарии.

[11] Их описание см. в (Сводный каталог 1984: 71–73 № 29, 30; Сводный каталог 1984: 86 № 47). См. также (Шеламанова 1966: 189, 190 № 29, 30, 44; Жуковская 1969: 67). К сожалению, в этих справочниках не отмечается, что рукописи содержат Толковую псалтырь Псевдо-Афанасия.

[12] Такой вывод можно сделать хотя бы только на основе описаний рукописей этого периода, хранящихся теперь в собраниях на территории бывшего Советского Союза, где находится бóльшая часть этих кодексов (см. Сводный каталог 1984: 27–89 № 1–50).

inslav

разрыв во мнениях о времени их перевода. В исследованиях обычно указывается на X в. и эпоху болгарского правителя Симеона (893–927) как на время перевода этого памятника. Это мнение появилось еще в начале XX в., когда В. А. Погорелов, после того как сравнил Толковую псалтырь Феодорита с группой возникших в ту эпоху древнеболгарских переводных памятников, пришел к заключению: «Все вышеприведенные соображения заставляют, мне думается, признать, что перевод Феодоритовой Толковой Псалтыри является памятником Болгарского языка времени царя Симеона, т. е. приблизительно X века» (Погорелов 1901: XXIX). До сих пор никто не привел никаких доказательств в опровержение этой датировки.

Подчеркну также, что толкования Феодорита сохранились также в русском списке XI в., хотя и неполном[13], что древнейшие списки толкований как Псевдо-Афанасия, так и Феодорита опубликованы в научных изданиях более ста лет тому назад, что сохранившийся до сих пор во многих рукописях полный текст толкований Псевдо-Афанасия публиковался не раз, а текст перевода толкований Феодорита, не очень широко распространявшийся среди православных славян, остался до настоящего времени неопубликованным целиком, и имеется издание только 40 псалмов, сохранившихся в древнейшем русском списке.

Кроме того, исследования и издания псалтырного текста строятся обычно на очень узком круге рукописей. Бóльшая часть их выявлена и введена в научный оборот еще в XIX в., очень редко появляются новые данные о рукописной традиции до XIV в., не привлекаются к исследованиям даже давно известные списки. Это наблюдение относится в наибольшей степени к толковым текстам, хотя в последние годы внимание исследователей к ним заметно усилилось. До сих пор не предпринята даже попытка собрать и опубликовать в одной публикации все имеющиеся сведения о многочисленных болгарских, сербских и русских списках Псалтыри, в которых присутствуют толкования Псевдо-Афанасия. Еще хуже обстоит дело с выявлением и введением в научный оборот сохранившихся немногочисленных

[13] Описание см. в (Сводный каталог 1984: 73–74 № 31). См. также (Шеламанова 1966: 190 № 31; Жуковская 1969: 67). Публикацию см. в (Погорелов 1910).

inslav

списков Толковой псалтыри Феодорита. Пока нет сведений ни об одном болгарском или сербском полном списке, написанном до XIV в. включительно, а также и в последующих веках. До сих пор кроме древнейшего неполного списка XI в. в научный оборот введены данные только о десяти русских списках, выявленных в начале XX в., которые перечислил и использовал в своих работах В. А. Погорелов.

1. ГИМ, Чуд. 177(7), рукопись начала XV в.[14], написанная в два столбца несколькими переписчиками (до 15 почерков), о которой ученый выразил мнение, что она напоминает «типы пергаменных рукописей конца XIV в.», и обнаружил в языке «особенности новгородского говора» и несколько древних начертаний букв (ъı, ѩ, ѥ); я добавила бы, например, употребления ѵ, особое ȝ с сильно изогнутой направо в поле между строками хастой после верхней части, доходящей до нижнего края строки, написание точек и над другими гласными, такими как и, ѧ, ю, что может свидетельствовать хотя бы о связи этого списка с каким-то древним антиграфом или о желании подражать его графическим чертам. Вероятно, именно эти особенности графики позже привели к сомнениям относительно датировки и заставили предположительно отнести рукопись к XIV в.[15]. Именно этот кодекс использован в издании древнейшего списка XI в. для заполнения лакун в сохранившемся тексте рукописи и для некоторых вариантов. Нужно отметить, что в этом списке, как и во всех остальных, текст Феодорита сохранился только до Пс 144:14, и, очевидно, у писца был дефектный антиграф, потому что текст прерывается на половине 2-го столбца листа, заметка переписчика находится на обороте того же листа, на чистой странице внизу, а потом где-то в XV в. (вероятно, во второй половине столетия, потому что на добавленных тетрадях находится филигрань типа 1464 г. и сохранился переплет XV в.) другие писцы пополнили текст, используя толкования Псевдо-Афанасия (Погорелов 1910а: 92–94). В конце текста Феодоритовой псалтыри сохранилось и имя писца в приписке, оставшейся, к сожалению, до сих пор не анализированной: сиѧ книгъı кончани бъıша. Na памѧть ст҃го ѡ҃ца нашего григорїѧ великиѧ армениѧ. Мц҃а семтѧбрѧ. въ .л҃. Гд҃и пѡмѡзи рабꙋ своему ѡ҃стафью дьѧ҃кꙋ списавшю сиѧ҃ книги ве-

[14] См. (Погорелов 1910а: 83–85; Протасьева 1980: 93–94).
[15] «Кон. XIV в. (?)» (Турилов 1986: 371 № 37).

inslav

ликомꙋ а҆́рхн҃глꙋ михаилꙋ въ ч҃ть и҆ въ славꙋ (Погорелов 1910а: 85). Для использования текста этой рукописи важно отметить, что переписчики текста Феодоритовой псалтыри писали одновременно, разделяя между собой тетради (Погорелов 1910а: 93), что все остальные известные рукописи содержат одну и ту же редакцию текста, имеют своим протографом именно эту рукопись, и этот протограф связан, но не непосредственно, с текстом древнейшего списка XI в., и что они тоже вносили, хотя и небольшие, изменения (Погорелов 1910а: 92–112).

2. ГИМ, Чуд. 178(8), рукопись конца XV в. (Погорелов 1910а: 85–86; Протасьева 1980: 94), или первой половины столетия, или без уточнения датировки (вероятно, на основе филиграней 1438–1459 гг.) (Турилов 1986: 148 № 1301). Об этой русской рукописи отмечено, что она содержит чтения, которые могли бы свидетельствовать, что это «список со среднеболгарского оригинала», но скорее они говорят об «искусственной архаизации письма, и архаизации, возникшей скорее всего на русской почве» (Погорелов 1910а: 85). На последнем листе есть очень интересная приписка, которая до сих пор не привлекла внимание исследователей: «на ꙁ҃. пѣ҃ чтⷭ҇е проло҃. Прело҃ ѡ҆ х҃сѣ ѹмиренъ сказанїе ст҃гѡ. є҃ѵалїа. сътворе҃ѥ костантинѡ҇ . и҆же и҆ прелѡ́жи сказанїе. .н. ев҃аглїи не҃лны҃х. Мл҃тва костантина философа. ствѡрена а҆ꙁбꙋкѡю҆ . нач. а҃. Азъ словѡ҇ молю сѧ бг҃оу...» (Погорелов 1910а: 86). Несомненно, здесь речь идет о *Азбучной молитве* Константина Преславского, причем, насколько мне известно, об этом списке никто до сих пор не сообщил, как и о том, что в приписке речь идет о чтении во время богослужения и поэтому она, несомненно, заслуживает как отдельного анализа, так и попытки объяснить ее присутствие в этой рукописи.

3. РНБ, Рум. 334, рукопись написана «в два столбца полууставом исхода XV в.» (Погорелов 1910а: 86; Востоков 1842: 471) или во второй половине XV в. (Турилов 1986: 216, № 2220). О ней известно, что она «отличается употреблением во многих местах буквы в вместо предлога оу или ꙋ, как у Малороссиян» (Востоков 1842: 471; Погорелов 1910а: 87), и что «изредка встречается ѫ » (Востоков 1842: 472; Погорелов 1910а: 87).

inslav

4. Рукопись 1472 г. собрания Хлудова, которая в 1910 г. не находилась в составе этой коллекции (Погорелов 1910а: 87–88) и, очевидно, она не была частью этой коллекции и между 1872 и 1875 гг., потому что не отмечена в описаниях этого времени (Попов 1872; Попов 1875). Можно здесь добавить, что, возможно, эта рукопись теперь находится в составе Барсовского собрания ГИМ'а, так как в предварительном списке рукописей XV в. присутствует Толковая псалтырь Феодорита Киррского 1471 г. — Барс. 97 (Турилов 1986: 70 № 202)[16].

5. ГИМ, Чуд. 180 (10), 1512 г. (Погорелов 1910а: 88; Протасьева 1980: 95–96). В конце рукописи запись писца с точными данными: В лѣто ҂ѕ҃ двацатаго м҃ца марта. въ .д. на память. прбнаго ѿца нашего герасима. и҆же на ї҆ѡрдани. начата бы҃ книга сїа писати, рекомыи ѱлтрь тол'ковыи, въ прчтыіе бгомтре ѡбители, чтнагѡ и славнаго є҆а ѕспѣнїа, на симанове, при дръжаве блговѣрнаго великаго кнѧ василїа ивановича всеа рѹсїи. и҆ при митрополите варлаамѣ. преложеніе же и҆ мыслїю дх҃внаго настоѧтела архїманрита касїѧна тоѧ же обители. а҆ кончана бысть книга сїа того же лѣта. м҃ца септеврїа. въ десатыи дн҃ь. рѹкою мнѡгогрѣшнаго дїака пала. того жаратыра (sic!) (Погорелов 1910а: 88). О ней отмечается, что Кассиан был игуменом в 1511–1514 гг., что в начале толкового текста находится «заставка балканского стиля в красках, искусной работы», что сохранился переплет XVI в. (Протасьева 1980: 95–96).

6. Августовский том Великих Четьих Миней митрополита Макария 1553 г. Московской Синодальной библиотеки (Погорелов 1910а: 88–89) — очевидно, здесь имеется в виду так называемый Успенский список Макариевских миней, рукопись ГИМ, Син. 997 (Протасьева 1970: 186–190).

7. ГИМ, Хлуд. 46, рукопись 1560 г. В конце рукописи точно указывается время, когда переписка окончена; приводятся и некоторые данные о правописании: «слава бгоу въ трцы. Аминь писана бы сїа книга в лѣ ѿ рожества ѕбавителя нашего ҂а҃. ф҃. ѕ҃. оу ѕемли прѧскїа. а доконаса м҃ца авгѹста ии дн҃ь. На столцѣ беркоу. Правописание русское.

[16] Недавно было отмечено, что эта рукопись происходит из Жировичского монастыря (Морозова 2014а: 214).

inslav

Юсы встречаются постоянно, но употребляются, по большей части, неправильно» (Погорелов 1910а: 89)[17].

8. РНБ, Q.I.37, рукопись XVI в., сильно поврежденная (Погорелов 1910а: 89–90).

9. РГБ, ф. 228 — Д. В. Пискарева, № 490, рукопись XVII–XVIII в., в которой текст толкований значительно сокращен, а в псалтырном тексте «замечаются значительные исправления, приближающие текст к 4-ой (исправленной) редакции» (Погорелов 1910а: 90–91).

10. «Рукопись Волынского древнехранилища, поступившая туда в числе рукописей Загоровского монастыря под № 23» (Погорелов 1910а: 91), которую, к сожалению, я не смогла идентифицировать.

Однако нужно указать, что в археографических справочниках в наше время все-таки появились, хотя и немногочисленные, данные о неизвестных списках Толковой Псалтыри Феодорита Киррского, которые остались незамеченными современными исследователями. В 1980 г. появились данные о неизвестной до тех пор рукописи Чудовского собрания № 179 (9) начала XV в., с переплетом XV в., последняя треть которой занята различными богослужебными текстами (Протасьева 1980: 94–95). Через несколько лет появились сомнения в датировке, и рукопись была включена в число рукописей XIVв. («Конец XIV–нач. XV (?) в.») (Турилов 1986: 373 № 67). В 1986 г. было указано также на одну неизвестную рукопись второй половины XV в. РГБ, Егор. 883 (Турилов 1986: 216 № 2219) и на одну давно описанную, но оставшуюся незамеченной исследователями рукопись конца XV – начала XVI в., — рукопись, содержащую текст Римского Патерика и Толковую псалтырь Феодорита (без конца), коллекции Библиотеки Академии наук Литвы в Вильнюсе (F.19, № 59), которая в 2008 г. была точно датирована как рукопись первой четверти XVI в. (Морозова 2008: 23) и была описана еще в 1882 г. (Добрянский 1882: 73–75). В описании 1882 г., как и в датировке 2008 г., однако, не обозначено, что в эту рукопись включена Толковая псалтырь Феодорита, этот факт не отмечается и в новейших публикациях, в которых упоминается кодекс (Морозова 2014: 190; Морозова 2014а: 190, 199, 207),

[17] О библейском тексте в этой рукописи см. (Карачорова 2012: 47–62).

inslav

и можно предполагать, что произошла какая-то ошибка в этих публикациях: либо в публикации 1986 г. неправильно указано местонахождение рукописи, потому что в эту коллекцию включена только одна рукопись толковой псалтыри того же времени (№ 49), но на л. 1 в описании приводится ее заглавие, в котором как автор указан Афанасий Александрийский, и в ней различное число листов (Добрянский 1882: 61–62), либо в описании 1882 г. не был замечен текст Феодорита. В 2012 г. была отмечена «молдавская» рукопись, описанная как содержащая толкования Иоанна Златоуста, однако, по мнению И. Карачоровой, этот кодекс фактически является списком Феодоритовой толковой псалтыри (Карачорова 2012: 49). Эта рукопись XVI в. теперь находится в собрании Музея Сербской православной церкви в Белграде № 90 (из бывшей коллекции монастыря Крушедол, Ж V 75) (Богдановић 1982: 98, 244, 278 № 1398; Петковић 1914: 54).

Конечно, систематические поиски новых текстов — довольно сложная задача. Но без такого предварительного выявления свидетельств о средневековой славянской рукописной традиции толковых псалтырей вряд ли можно ожидать категорических ответов на важные вопросы относительно времени переводов, истории текста толкований и соотношении между текстами обоих толкований (в отношении хронологии их перевода), не говоря уже о том, что не появились попытки исследовать вопрос, можно ли говорить о славянских переводах до XIV в. других византийских авторов толкований на Псалтырь.

В результате очевидной невозможности использовать в интенсивных исследованиях псалтырного текста, тем более в исследованиях толкований, даже все известные благодаря современным описаниям существующие коллекции списков Псалтыри, возникших до конца XIV – начала XV вв., современные ученые опираются на небольшое число рукописей, не больше 60-ти болгарских, сербских и русских списков, написанных, главным образом, до середины XV в., и на существующие в настоящее время их издания. Вероятной причиной выбора рукописей можно считать мнение, что эти списки отражают достаточно полно все характерные черты развития псалтырного текста до конца XIV в., как и развитие рукописной традиции толковых текстов, и на их основе можно делать вполне достоверные выводы. Вероятно также, что такое мнение, которое, конечно, основывается на весомом вкладе в изучение псалтырного текста и толкований

inslav

славистами, привело, по моему мнению, к тому, что поиски новых важных текстов в современной славистике практически прекратились.

Все-таки, однако, появлялись и некоторые новые данные. В 1996 г. К.-М. МакРоберт показала, что в славянской рукописной традиции XIV в. имеются заглавия псалмов, принадлежащих к так называемым Hypotheses Евсевия Кесарийского (PG 23: 57–72), — как в восточнославянских рукописях этого времени, так и в южнославянских рукописях, близких к ним в хронологическом отношении или возникших немного позднее (MacRobert 1996: 160, 164–168, 173).

В 2005 г. она уже проанализировала одну компилятивную катену на Псалтырь, которую обнаружила в трех восточнославянских рукописях XV и XVI вв. (MacRobert 2005: 213–238; MacRobert 2006: 373–396). Они хранятся: 1) в Региональном музее в Ярославле, рукопись начала XV в., «написанная восточнославянской орфографией, смешанной с новыми южнославянскими орфографическими нормами» (‘in a mixture of late fourteenth-century East Slavonic spelling and the newer South Slavonic orthographical norms’) (MacRobert 2005: 213); 2) рукопись № 96 собрания Е. В. Барсова Государственного исторического музея в Москве начала XV в., в которой «отсутствуют южнославянские орфографические элементы» (‘it lacks the South Slavonic orthographical elements’) (MacRobert 2005: 214); 3) рукопись Ms 1250 Саратовской университетской библиотеки, «датированной XVI в.» (‘attributed to the 16th century’), «в которой заглавия псалмов переведены с немецкого» (‘which has headings to the psalms translated from German’) (MacRobert 2005: 214). В заключении автор пишет: «it emerges from this analysis that the Jaroslavl’, Saratov and Barsov manuscripts contain a Church Slavonic catena consisting for the most part of materials translated from Greek but compiled somewhere in the East Slavonic, most likely the northern East Slavonic area. The allusion in the prefatory section of the Jaroslavl’ manuscript to the new monastery of the Holy Saviour in Vologda suggests that the composition of this catena can be regarded as yet another manifestation of the flowering of monastic and spiritual life in Russia in the course of the fourteenth and fifteenth centuries» (MacRobert 2005: 221).

В 2012 г. И. Карачорова сообщила, что обнаружила катену на Псалтырь в русской рукописи XVI в. собрания Хиландарского монастыря № 117, содержащую толкования начиная с псалма 77 до конца

inslav

Псалтыри (Карачорова 2013: 463–472). В 2014 г. она нашла еще две катены — одна из них находится в сербской рукописи XVI в. с русскими дополнениями XVIII в. собрания Национальной библиотеки в Софии № 13, а вторая — в русском кодексе XVI в., № 116 собрания Хиландарского монастыря — и установила, что этот Хиландарский список является первой частью рукописи № 117 и содержит толкования с начала Псалтыри до Пс. 76 включительно[18]. Она представила также состав Хиландарских списков, сравнила текст псалмов 77–84 с известными до сих пор редакциями псалтырного текста и указала, что Хиландарские списки следуют за так называемой «Киприановой» или, по другой терминологии, «четвертой» или «пятой» редакцией. Карачорова указала также, что замеченные ею изменения в псалтырном тексте катены не могут считаться доказательствами появления новой редакции текста Псалтыри. Она считает, что катена Хиландарских рукописей является переводом с греческого, и будет интересно исследовать отношения между толкованиями этих рукописей и славянским текстом комментариев Псевдо-Афанасия Александрийского и Феодорита Киррского, а также сравнить их комментарии с многочисленными греческими катенами на Псалтырь (Карачорова: 2015а: 55–71). В этих публикациях автор не говорит ничего о проблемах, касающихся времени и места появления этих катен в славянской рукописной традиции.

Таким образом, в настоящее время мы знаем очень немного о новонайденных текстах Псалтыри и почти ничего нового о тексте толкований на Псалтырь по сравнению с тем, что уже известно о славянских текстах толкований Псевдо-Афанасия Александрийского и Феодорита Киррского.

Кроме того, Мэри МакРоберт, ссылаясь на Ф. Томсона в краткой сноске, упомянула о существовании славянского перевода комментария на псалмы Никиты Ираклийского XIV в., имея в виду одну неиде-

[18] Информация была представлена на международной научной конференции «Библейският текст от Средновековието до Новото време (Функции. Рецепция. Интерпретации)», София, 9–10. 10. 2014 в докладе «Две новооткрити катени към Псалтира», опубликуванном на сайте cyrillomethodiana.uni-sofia.bg/mdocs/.../8-archive?...77... Опубликован в (Карачорова 2015: 171–179), доступный 17. 02. 2016 г.

inslav

нтифицированную рукопись Московской духовной академии № 18 (MacRobert 1996: 167, сноска 46). Говоря об известных ей славянских комментариях и подчеркивая их активное распространение среди восточных славян в XIV в. в связи с развитием, которое наблюдается в южнославянской афонской редакции, она отмечает возможное существование других неидентифицированных комментариев и указывает на устное сообщение Ф. Томсона: «Professor F. J. Thomson informs me that the commentary on the psalms by Nicetas of Heracleias, of wich a Church Slavonic translation is extant from the 14th century (Ms 18 in the Moscow Theological Academy), contains exerpts from *De Titulis psalmorum*».

Сам Ф. Томсон сообщил об этом два года спустя (Thomson 1998: 801). По его мнению, перевод — дело болгарского книжника. Он сообщает свое мнение по поводу изменений в тексте и в толкованиях Исихия Иерусалимского (Псевдо-Афанасия) и Феодорита Киррского, но не приводит никаких доказательств этого, ни каких-либо примеров, добавляя, что эта Catena in Psalmos Никиты Ираклийского переведена болгарином в XIV в., что эта рукопись содержит 54 псалма и что предисловие Никиты находится в рукописи Матвея Десятого XVI в. и в московских изданиях Псалтыри 1642 и 1645 г.: «The same applies to Nicetas of Heracleia's *Catena in Psalmos* by a Bulgarian in the 14th century». Это утверждение сопровождает следующая сноска (№ 937): «The earliest copy so far traced is *codex 18* in the collection of Moscow Theological Academy, a 14th century Bulgarian MS, which only contains Pss 1–54; on the codex see Shelamanova, *Spisok* no. 1294[19]. The preface and commentary on Ps 1 are found as one of the prefaces to the psalter in MSS from the 16th century on, including Matthew the Tenth's Bible, see Alekseyev, Sbornik 74. They are also found in some printed editions of the psalter, e. g. the 1642 and 1645 Moscow editions».

В 1999 г. А. А. Алексеев опубликовал несколько своих размышлений об этой рукописи (Алексеев 1999: 36). Публикуя перечень толковых библейских текстов в славянской рукописной традиции, он отмечает перевод Максима Грека под № 5: «Толкования на Псалтырь в переводе Максима Грека известно (sic! — *С. Н.*) по многим рукопи-

[19] Под этим номером в справочнике Шеламановой указан другой кодекс (Шеламанова 1966: 258).

inslav

сям XVI–XVIII вв. См. Библиографию: Синицына 1977, с. 65. О составе толкований см.: Описание, т. 2, с. 91–99; Андреев 1918. Вопрос о том, был ли Максим переводчиком готовых катен или сам составлял их и, если составлял, какова доля его авторского участия, не изучен». В конце этого текста Алексеев поместил указание для сноски № 3: «Толкования на Псалтырь Никиты Ираклийского, вероятно, не были переведены, но предисловие к ним известно в нескольких русских рукописях XVI в. РНБ, Соф. 1464, л. 200–217, РНБ, Соф.1465, л. 89–96; РГАДА, ф. 181, № 478, л. 97об.–116; РГБ, Унд. 53. Это предисловие, содержащее сведения о библейских переводчиках, цитирует архиеп. Геннадий в своем послании 1489 г. (Казакова, Лурье 1955, с. 319). В болгарской рукописи XIV в. РГБ, МДА, Фунд.18, как будто бы содержатся и толкования на псалмы 1–54. См. Леонид. Сведения о славянских пергаменных рукописях. М., 1887. С. 17–19. По-гречески издано только это предисловие при толкованиях на Псалтырь Кирилла Александрийского (PG t. 69, p. 699–714)».

Несмотря на эти данные, рукопись не обратила на себя внимания исследователей. Только в 2012 г. появилось утверждение, что, вероятно, введение Никиты Ираклийского к катене, а, может быть, и комментарии, переведены в Тырнове в XIV в. (Yovcheva, Taseva 2012: 299), однако этому тоже нет никаких доказательств: «Probably Trnovo is were the translation of the foreword by Nicetas of Heraclea to the catena on the Psalter was made and maybe of the commentaries themselves». В сноске к этому тексту отмечается только: «The Middle Bulgarian manuscript RGB Bogoslov. 18 contains a translation of this foreword and the commentaries: see Thomson 1998: 801; a different opinion — Алексеев 1999: 36, footnote 3».

К сожалению, авторы этих утверждений так и не дали себе труда увидеть сами эту рукопись, а их «маргинальные» заметки не вызвали никакого интереса со стороны ученых, и, по сути дела, оказалось, что она до сих пор осталась неизвестной, и никто не имеет ни малейшего представления о ее тексте и значении. Для меня неясные и противоречивые указания, опубликованные уже больше 15-ти лет тому назад, оказались очень интересными в связи с моими поисками источника толкования одной цитаты на Псалтырь в Пространном житии Константина-Кирилла. Поэтому я начала изучать детально эту рукопись, и постепенно она оказалась самостоятельной темой моих исследова-

inslav

ний. Первые результаты этой работы я представила на международной конференции, организованной Славянской библейской комиссией в 2016 г. в Польше, и текст уже опубликован (Николова 2016: 99–127). Поэтому здесь я не буду останавливаться на анализированных там вопросах. Коротко упомяну только результаты, которые важны для настоящей публикации, и выводы, которые можно сделать на их основе, а мое внимание будет сосредоточено на источниках катены.

Во-первых, нужно сказать, что сама рукопись теперь находится в собрании Московской духовной академии РГБ под шифром Ф.173.I, № 18[20].

Она составлена из двух разновременных частей. Начало болгарской рукописи середины XIV в. было утрачено и к концу XV – началу XVI в. заполнено русскими книжниками. Переплет не оригинальный, похоже, он был добавлен в XIX в., это нужно уточнить. В начале рукописи, в русском добавлении конца XV – начала XVI в., на л. 1 находится заглавие рукописи, где указано, что Никита Ираклийский собрал толкования на 150 псалмов «различных отцов и учителей» (рис. 1, л. 1). Дальше до л. 9об. тремя русскими книжниками написаны коричневыми и черными чернилами предисловие (до л. 7), где начинается «беседа о первом псалме» (7–7об.), начало Псалтыри небольшим киноварным инициалом и начало первого стиха, а до л. 9об. текст продолжается с комментариями на первые два стиха, оставляя последнюю половину страницы пустой. На л. 10, где начинается болгарская рукопись XIV в., первые две строки на листе являются концом комментария первой части третьего стиха первого псалма, после них находится последняя часть третьего стиха первого псалма с комментарием (рис. 2, л. 9об.; рис. 3, л. 10). Несмотря на то, что текст продолжается после наполовину пустой страницы, нет никакого пробела в тексте комментария между последними словами, написанными русским переписчиком, и первыми словами, написанными болгарским книжником, однако на л. 9 русским книжником представлен полный текст третьего стиха, и для нас остается неизвестным, ни какой был текст болгарского книжника, который повторил последнюю часть стиха (н въсѣ єлнка а҆ще творнтъ

[20] О ней см. (Леонид 1887: 17–19; Шеламанова 1966: 225 № 653; Рукописные собрания 1986: 106; Алексеев 1999: 36, сноска 3). Текст рукописи см. в: http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=5&manuscript=18

inslav

Рис. 1. Рукопись № 18, л. 1

inslav

Рис. 2. Рукопись № 18, л. 9об.

inslav

Рис. 3. Рукопись № 18, л. 10

inslav

поспѣѧ̑т сѧ•) с комментарием, ни как продолжался текст русского книжника, и существовало ли в нем такое повторение. Дальше следует комментированный текст псалмов до л. 157, где текст завершается неоконченным комментарием на стихе 12-ом 54-го псалма.

Таким образом, мы можем быть уверенными, что эта неоконченная рукопись попала на Русь довольно рано, что на Руси в XVI в. был восполнен первоначальный текст в начале, который либо уже был потерян, либо был в очень плохом состоянии, и по этой причине был устранен и заполнен русскими книжниками. Русский книжник заполнил также существующие в рукописи маленькие дырки на листах (с л. 67 по л. 76, в середине рукописи на строках 1–4, а дальше с л. 77 по л. 92 — по две косые дырки на нескольких строках, обычно с 1-ой по 7-ую строку и с 10-ой по 14-ую, уменьшающиеся после л. 86), аккуратно наклеив на них маленькие кусочки бумаги, на которых написал отсутствующий текст. Трудно определить, когда это было сделано, потому что эти кусочки очень маленькие (от одной буквы до одного слова, но чаще всего только несколько букв, и очень трудно определить, был ли это один из переписчиков (может быть, второй), пополнивших начало рукописи, или кто-то сделал это позднее, подражая им). Кроме того, мы располагаем точными данными, что в 1747 г. рукопись уже находилась в книгохранилище Святой Троицкой Сергиевой Лавры, потому что в 1887 г. архим. Леонид описал ее в числе рукописей, поступивших из Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии, которые во время описания находились уже в библиотеке Московской духовной академии.

Интересно отметить также факт, что текст болгарской рукописи на л. 157 кончается в середине страницы на слово нѫ, и переписчик даже не окончил предложение. Это не единственный случай в болгарской письменной традиции XIV в. (Николова 1990: 36–37, 39; Николова 1991: 119–120; Николова 1996: 145, 162–163, 172), и он вызывает различные предположения.

Структура катены состоит из нескольких частей. В начале короткое предисловие, называемое обычно бесѣда, но иногда тлъкованїе или сказанїе (в одном случае — събранїе), отсутствующее только в нескольких случаях. Фактически текст начинается первым стихом (иногда вместе с текстом второго) соответствующего псалма с комментарием. Потом следует отрывок следующего псалтырного текста,

inslav

иногда целый стих, иногда часть его, а потом следует толкование. Обычно после псалтырного текста имеется только одно толкование, однако бывают случаи, когда часть стиха повторяется, и за ней следует новое толкование этой части. Но имеется также немало случаев, когда появляется и второй комментарий, изредка — и третий. В случаях, когда появляется второй комментарий на соответствующий отрывок стиха, написанный после первого комментария, в некоторых случаях этот факт отмечен в тексте или на полях (например, нно, ї д҃роу, д҃роугое).

В тексте, за одним исключением, никогда не обозначены имена комментаторов.

Однако на полях, хотя и не очень часто, отмечены имена ряда выдающихся византийских экзегетов, главным образом эпохи византийской патристики[21] (рис. 4: л. 110об.; рис. 5, л. 111). Перечислю их в хронологическом порядке: Евсевий Кесарийский (260/265–339/340), чьи комментарии (Commentarii in Psalmos) написаны, вероятно, между 325 и 339 гг. (вероятнее всего, после 327 г.) и сохранились частично только в катенах и схолиях (Rondeau 1982: 64–75; Rondeau 1985: 169–195; Ястребов 2008: 252–267); Диодор, епископ Тарсийский (305/310–392/ 394), который составил комментарий (Interpretationes in Psalmos), вероятно, до 378 г. или даже до 372 г. (Rondeau 1982: 93–102; Зайцев 2007: 228–234); Василий Великий (329/330–379), которому принадлежат, по мнению современных исследователей, 15 аутентичных гомилий на Псалмы (Rondeau 1982: 107–112; Василий Великий 2004: 131–191); Григорий Богослов (325/330–389/390), который прямо назван, и отрывки сочинений которого встречаются в греческих рукописях, — однако, может быть, речь идет о Григории Нисском (331/335 – ок. 394),

[21] Литература о греческих текстах и рукописях патристических комментариев огромна. Здесь я указываю только на некоторые обобщающие работы, главным образом, последних десятилетий и на такие работы относительно упомянутых в рукописях греческих авторов, в которых можно проследить развитие исследований, наличные издания и богатую литературу о них: (Karo, Lietzmann 1902; Harl 1972 1, 2; Rondeau 1982, 1985; Dorival 1986, 1989, 1992, 1995; Шиваров 1986: 3–79). То же самое относится к цитированной здесь литературе о более поздних комментариях на Псалтырь и к новым обобщающим статьям об отдельных авторах.

inslav

Рис. 4. Рукопись № 18, л. 110об.

inslav

Рис. 5. Рукопись № 18, л. 111

inslav

которому принадлежит большое сочинение о надписании псалмов (In Inscriptiones Psalmorum), отдельная беседа на шестой псалом (In Sextum Psalmum), как и несколько гомилий, основанных на псалмах (Rondeau 1982: 112–116; Григорий 2006: 480–526; Grégoire de Nisse 2002; Григорий Богослов 2006: 668–712); Дидим Слепец (313 – ок. 398), которому принадлежит комментарий на псалмы (Exposotio in Psalmos), написанный, вероятно, между 367 и 387 гг., сохранившийся в катенах, известный также и под именем Диодора (Rondeau 1982: 116–121; Rondeau 1985: 223–274; 116–121; Михайлов 2006: 677–686); Кирилл Александрийский (ок. 375/376 – 444), написавший, по мнению исследователей, комментарии на все псалмы, однако они сохранились лишь частично, и их авторство пока не точно установлено (Rondeau 1982: 131–134); Феодорит Киррский (ок. 393 – ок. 458/466), которому принадлежит большой комментарий на все псалмы, написанный, как думают ученые, после 436 г. (Rondeau 1982: 134–137; Шиваров 1986: 22–53); Исидор Пелусиот (между 350 и 360 – между 435 и 440), который не писал специальные толкования на псалмы, но толкования Священного писания Ветхого и Нового Завета составляют основу его огромного епистолярного наследия, включающего около 2000 писем, отрывки из которых с некоторыми изменениями помещаются в экзегетические катены (Исидор Пелусиот 2011: 209–224); Максим Исповедник (ок. 580 – 662), который не комментировал систематически Псалтырь, но написал отдельное толкование на 59-й псалом, и чье имя упоминается в катенах (Rondeau 1982: 125, 264, 293; Сидоров 1993: 66); Арефа, архиепископ Кесарии Каппадокийской (ок. 850 – ок. 932), которому принадлежат схолии на Священное писание (И.В.Т. 2001: 216–217); Никифор Влеммид (1197/1198 – 1269/1272), который написал несколько комментариев на псалмы: краткий комментарий (Ψαλτήριον ἐξηγήμενον), который, как считается, очень близок к комментарию Евфимия Зигабена (ок. 1050 – после 1118), частично опубликованный комментарий Explicatio quorundam Psalmorum и собрание избранных псалмов, предназначенное для литургических нужд (Ἐκλογαὶ ἐκ τῆς βίβλιου τῶν Ψαλμῶν) (Nicéphore Blemmidès 2007: 83–84)[22]. Имя Никифора Влеммида является единственным случаем, когда имя катениста написано в тексте рукописи № 18: **влеммїдово**.

[22] О Никифоре Влеммиде в целом см. (Nicéphore Blemmidès 2007, 2013).

inslav

Конечно, присутствие этих имен нельзя считать достоверным свидетельством принадлежности соответствующих отрывков именно указанным на полях авторам. Из греческой рукописной традиции катен на Псалтырь хорошо известен факт, что указанные в рукописях имена не всегда обозначают действительных авторов текстов, даже если они прямо названы в самом тексте. В этом отношении рукопись № 18 не является исключением.

Здесь я приведу один показательный пример, который свидетельствует не только об этой характерной черте катены в этой рукописи:

ПСАЛОМ 40:10

Л. 125об.:

ѝбо чл҃къ мира моего на нь же ѹповахъ • ꙗдꙑн хлѣбы
моа възвеличилъ ѥстъ на ма ковь • сѐ акꙋ́ла и ѳеоу҃ ѡ҃
ꙗвестьвнѣ рекоша • и мѫжь мира моего, на негоже на
дѣах са • сꙋ́ммах жѐ си́це • нѫ и҆ чл҃къ и҆же съмирѣвааше са
мнѣ ѥмꙋже ѹповаахъ • не тъкмо бо врасн мои състроиша ми
съмр҃ъ, нѫ и҆ сѫи съ моа чл҃къ • и҆ приазнь и҆ миръ твора са
имѣти • ѥдинотрапе́зенъ сы́н мнѣ и҆ съꙗ́стьвенъ, а҆же и҆
ко́въ гл҃ет са нашеа бесѣдоа • по подобїю ѥже ѡ҆ скорости
подвизаащих са, и҆ пати ѥже съ нимъ текѫщаго прѣть
кнѧти въкꙋпѣ и҆ пасти оу҆хыщрѣащꙋ • сѐ и҆ і҆сава̀въ прѣль
щенъ ѡ҆ і҆аковва ре҆ • въ правдѫ нарече са и҆ма ѥго і҆аковъ, ѡ҆
бльсти бо ма сѐ второе • пръвороді́а ми възатъ • и҆ нинѣ вѣ҆за
бл҃вені́е моє •

inslav

PG, v. 80, col. 1165, 1168[23]:

«Καὶ γὰρ ὁ ἄνθρωπος τῆς εἰρήνης μου, ἐφ' ὃν ἤλπισα, ὁ ἐσθίων ἄρτους μου, ἐμεγάλυνεν ἐπ' ἐμὲ πτερνισμόν». Τοῦτο ὁ Ἀκύλας καὶ ὁ Θεοδοτίων σαφέστερον εἰρήκασι. Καί γε ἀνὴρ εἰρήνης μου, ᾧ ἐπεποίθησα. Ὁ δὲ Σύμμαχος οὕτος. Ἀλλὰ καὶ ἄνθρωπος ὃς εἰρήνευέ μοι, ᾧ ἐπεποίθειν. Οὐ γὰρ μόνον οἱ ἐχθροί μου κατεσκεύασάν μοι τὸν θάνατον, ἀλλὰ καὶ ὁ συνών μοι ἄνθρωπος, καὶ τὴν εὔνοιαν, καὶ τὴν εἰρήνην ὑποκρινόμενος, ὁμοτράπεζος ὤν μοι, καὶ σύσσιτος, ὃν εἶχε δόλον ἐγύμνοσε. Δόλον γὰρ τὴν πτέρναν ὠνόμασεν, ἐκ μεταφορᾶς τῶν περὶ τάχους ἀγωνιζομένων, καὶ τῇ πτέρνῃ τοὺς συνθέοντας πταίειν καὶ πίπτειν μηχανωμένων. Τοῦτο καὶ Ἡσαῦ ἀπατηθεὶς ὑπὸ τοῦ Ἰακὼβ, ἔφη «Δικαίως ἐκλήθη τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰακὼβ, ἐπτέρνικε γάρ με ἤδη δεύτερον τοῦτο· τάτε πρωτοτόκιά μου εἴληφε, καὶ τὴν εὐλογίαν μου».

---

[23] PG 80. Это издание основано на двух предыдущих — 1642 и 1769 гг. В нем отразился уровень знаний того времени как относительно рукописной традиции комментария Феодорита на псалмы, так и относительно способа публикации средневековых текстов. Использованные предыдущие издания подготовлены такими авторитетными знатоками рукописной традиции византийской и латинской экзегетики, как иезуит Жак Сирмонд (1559–1651, о нем и о его многочисленных публикациях см., например, Jacques Sirmond // IdRef – Le référential des autorités Sudoc, https://www.idref.fr/029001498). Они, однако, не отвечают ни современным нам знаниям о греческой рукописной традиции Толковой псалтыри Феодорита Киррского, ни современным требованиям о подготовке научных изданий, и поэтому фундаментальное издание французского священника Жака Поля Миня (1800–1875), которое основывается на этих изданиях, вызывает справедливые негативные комментарии (ср., например: «Для работы над изданием Минь нанимал всех, кто только соглашался помогать ему — среди его “сотрудников” были попы-расстриги, бродячие монахи и прочий странный люд. Издание Миня не было ни критическим, ни научным» (Мейендорф 1992: 12). К сожалению, слависты продолжают использовать его в качестве источника для сравнения славянских переводов с греческими текстами не только в тех случаях, когда нет опубликованных современных изданий соответствующих греческих текстов, как в случае с Толковой псалтырью Феодорита, что неизбежно, но также и тогда, когда это касается произведений, тексты которых уже опубликованы в современных научных изданиях.

inslav

Это толкование принадлежит Феодориту Киррскому, и можно констатировать, что болгарский текст следует довольно точно за греческим текстом. Если проследить текст толкований на все стихи сорокового псалма, оказывается, что после каждого псалтырного отрывка имеется только одно толкование. Можно констатировать также, что источником толкований всех 14 стихов являются толкования Феодорита Киррского (см. PG 80: 1161–1168). При этом текст не уклоняется от греческого текста даже в том случае, когда в греческом тексте имеется общее толкование на два стиха, как в случае со стихами 8/9 и 11/12. Однако толкование Феодорита на стих 1 в болгарской рукописи продолжено (л. 124об.) несколькими строками, которых нет в греческом тексте. В этом тексте отмечается, что можно расширить смысл псалма и на нового Спасителя, и продолжение не обозначено как новое толкование, а написано как часть толкования Феодорита. Автор этого текста не обозначен ни как маргинальное указание, ни в самом тексте.

Анализ текста толкований в рукописи № 18 показывает, что они принадлежат преимущественно именно Феодориту, хотя его имя упоминается только в двух местах и относится только к четырем стихам как маргинальное обозначение (на л. 53об. Пс. 13:3,4–5 и на л. 110об. Пс. 35:2,3). В первом случае в поле напротив текста 13:3 отмечены имена Диодора, Феодорита и Дидима, однако греческий текст Феодорита (PG 80: 952) не совпадает с текстом в № 18, и, может быть, здесь отмечен только факт, что существует его комментарий на этот текст. Во втором случае имя Феодорита написано на л. 53 в поле до стихов 4–5 13-го псалма, однако первые четыре строки комментария не находятся в греческом тексте, а дальше до конца толкования текст совпадает с опубликованным текстом Феодорита (PG 80: 952–953). В обоих случаях текст комментариев сплошной, и нет никакого указания, что в нем присутствует какой-то текст другого автора. На л. 110об. в поле, до текста 35:2б, написано имя Дидима, но в конце комментария на этот стих после большой красной точки добавлен комментарий Феодорита (PG 80: 1120–1121), и в поле напротив этой строки обозначено имя Феодорита. Особенно интересен последний, четвертый, случай на л. 110об. Там напротив текста псалма 35:3 в поле написано имя Дидима, но последнее предложение, написанное также после большой красной точки, обозначено напротив текста в

inslav

поле как принадлежащее Феодориту. В опубликованном греческом тексте (PG 80: 1121) этот комментарий Феодорита действительно опубликован, но перед ним включен в скобках из другой рукописи тот же самый текст, который находится перед текстом в рукописи № 18, однако атрибутированном переписчиком болгарской рукописи Дидиму (эти добавления в издании в скобках современные исследователи считают принадлежащими так называемой «длинной» редакции, которая присутствует в так называемой «палестинской катене» (Rondeau 1982: 135)). Во всех остальных случаях, когда в рукопись включены комментарии Феодорита, имя его не указывается ни как маргинальная заметка, ни в тексте. Обычно толкование Феодорита ставится на первом месте, а если имеются и тексты других авторов, они следуют за ним, но, как видно из анализированных случаев, существуют и случаи, когда оно находится в конце толкования. Между прочим, присутствие текста Феодорита как основного источника важно и по причине того, что до сих пор не было обнаружено ни одной болгарской рукописи с текстом его Толковой псалтыри, хотя еще в 1901 г. В. А. Погорелов опубликовал свое мнение об этом древнеболгарском переводе, а в 1910 г. опубликовал древнейшую рукопись этого перевода — неполный русский Чудовский кодекс XI в., и даже словарь к нему.

Атрибуцию всех включенных в катену комментариев предстоит, конечно, установить. Но даже в случаях, когда указанные имена не соответствуют уже установленному исследователями византийских катен действительному авторству, сам факт присутствия на полях имен византийских экзегетов является знаком, что болгарские средневековые книжники середины XIV в. знали хотя бы имена выдающихся византийских комментаторов Псалтыри. Но самое главное — они доказывают, что в это время книжники интересовались различными патристическими комментариями на такую важную книгу Священного писания, как Псалтырь, не ограничиваясь толкованиями, засвидетельствованными в болгарской рукописной традиции до этого времени, которые приписываются Псевдо-Афанасию Александрийскому (ок. 295–373) и которые обычно современные ученые считают трудом Исихия Иерусалимского (2-я половина IV в. – ок. 451) (Ткачев 2011: 257–276). Больше того, очевидно, что составитель катены был знаком также и с некоторыми более поздними комментаторами псалтырного текста.

inslav

Но если даже точно установить автора каждого отрывка, еще нужно предпринять попытку ответить на следующие вопросы: был ли копиист рукописи обычным переписчиком, или он сам составлял катену. Оба ответа приводят к новым вопросам. Если он сам составлял катену, на что он опирался: на какие тексты и как он относился к этим текстам; были ли его источником уже переведенные полные тексты, или греческие тексты, которые он сам выбирал и переводил. Если он прямо обращался к греческому тексту, использовал ли он так называемую директную традицию, или использовал существующую греческую катену. Если составитель имел в своих руках определенную греческую катену, вносил ли какие-либо изменения в ее состав и текст. А если был обычным переписчиком — откуда он мог ее взять, когда, и каким образом относился к ее тексту. Еще, конечно, в дальнейшей перспективе нужно попытаться дать ответ на вопрос о времени возникновения катены, что, конечно, требует детального анализа как лингвистических особенностей рукописной традиции славянских толковых псалтырей, так и ряда особенностей их содержания.

В этом плане сразу возникает вопрос: использовал ли болгарский книжник древнеболгарский перевод Толковой псалтыри Феодорита? Оказывается, на этот вопрос, на первый взгляд не очень сложный, непросто дать категорический ответ. Здесь я не могу входить в детали относительно взаимоотношений между структурой и текстом древнеболгарского перевода Толковой псалтыри Феодорита и структурой и текстом рассматриваемой катены. Отмечу только некоторые важные особенности. Во-первых, содержание используемых в катене текстов Феодорита, естественно, совпадает с текстами Чудовской псалтыри. Однако иногда появляются различия в том, что касается структурирования отдельных комментариев, и сами тексты появляются в различном языковом облике. В некоторых случаях тексты довольно близки в отношении языка и производят впечатление наличия языковой редакции в болгарской рукописи, в других случаях они отстоят довольно далеко друг от друга и производят впечатление, что в них представлены различные переводы, сделанные с тождественного греческого текста. Есть и случаи, когда трудно сказать, редактирован ли текст, или в нем засвидетельствован новый перевод. Я приведу только один пример, который, по моему мнению, показывает трудность

inslav

решения этого вопроса: текст предисловия к 3-му псалму по Чудовской рукописи, опубликованной В. А. Погореловым, и по болгарской рукописи № 18.

ПСАЛОМ 3 Предисловие
Чудовская псалтырь[24]

[сказанье третїаго ѿалма. ѱ҃ло. | дв҃в. егда бѣгаше ѿ лица авесало|мла сн҃а своє]
Прилѣжьникомъ оубо.| ꙗвѣ ѥсть повѣсть.| слабъихъ же дѣльма. | въкратцѣ ѩ рекѫ. |по съгоубѣѥмь томь| чрѣсьзаконии. вели| къи дв҃дъ. въ многъ| и различнъ бѣдъ| въпаде не тъчиѩ бо| сѫмеждьнъꙗ странъ| на рать въздвигоша| сѧ и на сѣчь нъ и самъ| домъ ѩсобицѫ приꙗ| и чрѣсъзаконие. чрѣ|съзаконие прѣꙗ. амнѡ|ново блоуждени|е авесаломово оубие|ние. и брата оубиѥни| (стр.18)е. въстание на оц҃а и| своихъ л҃юдии остѫ|пл҃ение. прѣдъстроꙗ|шти бо бж҃ии благодѣ|ти. ничьсо же отъ си|хъ прилѣпи сѧ дв҃дви. | нъ за бъвъшааго бе|законьꙗ. въмѣсти| сѧ зълоба и повѣсти|ѩ сътворила. и бѣдъ| многъ прозабнѫ. въ то оубо врѣма. оца| оукоривъшааго бѣга|ꙗ сн҃а. и сѫщиихъ съ| н'имъ. въплъчивъ| сѧ противѫ ѥмоу. сь | фалмъ написалъ. бо|жиѩ дх҃оу ꙗвѣ ѥсть| ꙗко и тъгда. съдѣла|въшоу. за бъвъша|аго имъ тепла покаа|ниꙗ÷...

Рукопись № 18, л. 13

тлъкованїе третїаго псалма. ѥгда оубѣже дв҃д. | ѿ лица авесаломлѣ сн҃а своєгѡ:
Ꙗвлена оубо прилежнымъ повѣсть. лѣнивѣишнхъ же| ра҃, въкратцѣ рекѫ сїѫ. по соугоубомоу ономоу за|конопрѣстѫпленїю великын дв҃дъ, въ многы и въ|сѣчьскы въпаде бѣды. не тъкмо бо близь живѫще|и азыци на ратованїе подвигоша и брань, нѫ и са|мын єгѡ домъ матежь приатъ. и законопрѣстѫпле|нїе прѣатъ. амнѡново съблѫженїе, авесалѡмово| оубїнство. и братоѹбненїе, еже на ѡц҃а въста́нїе, | и послѹшныхъ ѿстѫпленїе. промышлѣѧщи бѡ о҃| немъ бл҃гти, снхъ ни єдинно приближи сѧ дв҃доу. ѿ | онѣхъ же ради бывшаго законопрѣстѫпленїа ѿстѫ|пльши, мѣсто приатъ

[24] Л. 13б–13г (Погорелов 1910: 17–18). Текст передается без надстрочных знаков.

inslav

ꙁло́ба и҆ плачю достоннаа| л. 13об съдѣла • и҆ оу҆стръмленїе прорастн бѣдамъ• въ ѡ҆но́ же| врѣма ѿ ѡ҆цеоу҆бїнцѫ бѣгаѫ҆ сна҃, и҆ сѫщнмь съ нимъ| на нь въспрнѣ҆м҆шнмъ о҆плъченїе, снн҃ съпнса ѱлмъ•| бж҃твномоу дх҃оу ꙗ҆вѣ ꙗ҆ко и҆ въсемъ съдѣловавшю| ꙁа то́плое є҆гѡ бывшее покаанїе:~

Этот текст совпадает с греческим текстом в (PG 80: 884–885), однако там он опубликован как толкование на первый стих, как и в издании Погорелова. Согласно современному тексту Библии, это, конечно, предисловие, и относится только к названию псалма, потому что далее следует общее толкование на первый и второй стих, которое существует и в греческом тексте, однако нумерация стихов там включает и название, и, таким образом, в издании греческого текста для этих стихов нумерация соответственно — 2-й и 3-й стих.

На этом примере можно увидеть, что составитель катены не придерживался текста первоначального древнеболгарского перевода и, вероятнее всего, этот текст не был ему знаком, а если и был знаком, он не являлся источником его катены. По моему мнению, наиболее вероятно, что книжник использовал уже готовую катену, может быть, славянскую, а, может быть, греческую. Поэтому, может быть, те места катены, где текст Феодорита продолжен без всякого указания на то, что это продолжение заимствовано из текста другого автора, могут быть идентифицированы в греческой рукописной традиции его комментария.

К несчастью, издание 1860 г. комментария Феодорита в PG, т. 80 фактически было подготовлено еще в 1768 г. преимущественно на основе двух рукописей директной традиции (XII в. и неполный кодекс XV в.) и одной неполной рукописи XII в. «палестинской» катены (Пс. 9–50), при учете и издания 1642 г.[25] А рукописная традиция, как директная, так и катенная, в так называемой «палестинской» катене, богатая. Она сохранилась, по неполным данным исследователей XX в., в 57 списках директной традиции (по неполным данным), древнейшие три — IX в., около 30-ти — X, XI, XII и XIII вв., причем она очень богатая с IX в. по XII в., незначительная в XIII в., не обнаружена в XIV в., когда была вытеснена комментарием Евфимия Зигабена, снова активизируется в XV и XVI вв. (Rondeau 1982: 135).

[25] Об этом и литературу см. (Rondeau 1982: 134).

inslav

Она плохо изучена, к тому же в ней обнаружены две редакции — «краткая», где лучше отразился «антиохийский» подход самого Феодорита, и «длинная», о которой считается, что она возникла примерно на полстолетие позже «краткой» редакции, и в которой кто-то сознательно менял текст, чтобы следовать за актуальными требованиями христологии, богословия или стилистики своего времени, что значительно меняет характер самой экзегезы (Rondeau 1982 :135; Theodoret of Cyrrus 2000: 1–36; http://atbr.atf.org.au/atbr/images/review_theodoret_of_cyrus.pdf) – 15.02.2017). Уже установлено, однако, что вторая редакция существовала уже в VI веке и что Феодорит был знаком с сочинениями своих предшественников, особенно Евсевия Кесарийского (Rondeau 1982 : 135, 136–137). К тому же издатель текста Феодорита в PG, Ioan Ludov Schulze, положив в основу издания краткий текст, добавлял и отрывки из длинного текста, что, конечно, запутывает читателя. В этом море рукописных текстов, хранящихся в различных странах, конечно, для исследователя славянского текста вряд ли будет возможно найти соответствующие греческие тексты, даже если они в нем находятся. Можно рассчитывать только на результаты изучения этих текстов учеными, анализирующими греческую рукописную традицию этого комментария, и по их результатам попытаться найти уже самостоятельно параллели, потому что эти ученые даже не подозревают, что существует славянский перевод комментария Феодорита (им известны только армянский и грузинский переводы в византийском ареале (Rondeau 1982: 137)).

Несмотря на эти сложности, издание прямого текста все-таки существует, и его можно использовать. Однако вопрос о присутствии толкований Феодорита в катенной традиции еще сложнее. Во-первых, потому что, несмотря на многие иследования и издания греческих катен на Псалтырь с XVII в. по сей день, пока нет всеобъемлющего полного исследования греческой рукописной традиции и бесспорного и ясного, вполне убедительного представления о развитии катенной традиции в Византии до XIV в., что было бы подспорьем для изучения славянской традиции и дало бы более прочную основу для сопоставлений греческих и славянских текстов. Во-вторых, нужно сказать, что и до сих пор существуют неизданные тексты, а многие плохо опубликованы (Rondeau 1982: 17). Укажу также на факт, что наблюдается немало противоречий между мнениями исследователей,

inslav

как и существование ряда колеблющихся мнений. Несмотря на это, нужно отметить, что к настоящему времени опубликованы сотни исследований и изданий. Уже выявлено несколько десятков различных типов катен (пока исследователи говорят о существовании около пятидесяти различных катен на Псалтырь (Dorival 1986: 12), засвидетельствованных в сотнях списков (Dorival 1986: VII), появившихся с V по XVII вв., и уже известно, что катены на Псалтырь превышают по количеству катены на все другие книги Ветхого завета. Бесспорно также, что катены появились очень рано. Сам факт, что в одном из трех известных древнейших списков Септуагинты — Александрийском кодексе V в. уже присутствуют Hypotheses Евсевия Кесарийского, дает основания предположить, что сама катена Евсевия появилась еще в IV в. (Rondeau 1982: 197–198), потому что названия псалмов, очевидно, появились в результате появления систематической экзегезы. Дальнейшая история греческих катен, однако, так и не выяснена. Исследователи выявили состав различных типов катен; анализировали вопросы, связанные с указанными в них авторами, отмечая что нужно всегда проявлять осторожность, потому что не всегда это действительные авторы толкований, а их нужно устанавливать; выявляют источники катен, отмечая зависимости новопоявившихся катен от собрания предыдущих составителей, изменения текстов в течение составления новых компиляций, в которых присутствуют и некоторые оригинальные тексты, наличие комбинирования текстов различных авторов и парафразы авторских текстов; отмечают также плохую трансмиссию греческих экзегетических сочинений, но и факт, что, несмотря на значительные лакуны в катенной традиции, она очень богата и разнообразна в сохранившихся рукописях; подчеркивают факт, что составители катен черпали в ряде случаев тексты не только у предыдущих составителей, но и из прямой традиции комментариев эпохи патристики, периода, называемого ими «Золотой век комментариев» (Rondeau 1982: 19) на библейские тексты.

Сразу нужно подчеркнуть, однако, что в тексте Феодоритовых толкований в рукописи № 18 кроме добавлений, которые вероятнее всего имеют свой греческий источник, имеются добавления, которые отсутствуют в греческом тексте и, по моему мнению, совершенно очевидно являются добавлением книжника, составившего болгарскую катену (см., например, текст на л. 125об., где существование в

inslav

греческом тексте отсутствующего в нем объяснения слова **ковъ** невозможно):

40:10: καὶ γὰρ ὁ ἄνθρωπος τῆς εἰρήνης μου, ἐφ’ ὃν ἤλπισα,
ὁ ἐσθίων ἄρτους μου, ἐμεγάλυνεν ἐπ’ ἐμὲ πτερνισμόν
(Septuaginta 1979: 43)

(πτέρνα, ἡ – пятка).

л. 125: *възвелнчнлъ ѥстъ на ма ковь•*

комментарий:

не тъкмо бо вразн мон състронша мн съмр҃ъ, нѫ ѝ сѫн съ мноѧ чл҃къ• ѝ прнаѕнь ѝ мнръ творѧ сѧ ѝмѣтн• единотрапе́ѕенъ сы́н мнѣ ѝ́ съѩ́стьвенъ, ѧ҆же н ко́въ гл҃ет сѧ нашеѧ бесѣдоѧ•

Οὐ γὰρ μόνον οἱ ἐχθροί μου κατεσκεύασάν μοι τὸν θάνατον, ἀλλὰ καὶ ὁ συνών μοι ἄνθρωπος, καὶ τὴν εὔνοιαν, καὶ τὴν εἰρήνην ὑποκρινόμενος, ὁμοτράπεζος ὤν μοι, καὶ σύσσιτος, ὃν εἶχε δόλον ἐγύμνοσε. Δόλον γὰρ τὴν πτέρναν ὠνόμασεν

Слово **ковъ** в значении «злой умысел, заговор, козни» употребляется еще в таких древнейших глаголических и кирилических рукописях XI в., как, например, Мариинское евангелие, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Супрасльская рукопись, и даже в Клоцовом сборнике (Старославянский словарь 1994: 286; Старобългарски речник 1999: 730). В этих памятниках имеются различные греческие соответствия, но что касается псалтырного текста, там находится именно соответствие πτερνισμόν (Septuaginta 1979: 43). Пока никто из исследователей славянского текста Псалтыри, насколько мне известно, не обратил внимание на тот факт, что этот текст прямо цитируется в Евангелии от Иоанна 13:18: Ὁ τρώγων μου τὸν ἄρτον ἐπῆρεν ἐπ’ ἐμὲ τὴν πτέρναν αὐτοῦ (The Greek New Testament 1983: 385; Nestle-Aland 1993: 295). Кроме того, нельзя забывать, что текст Пс 40:10б–11 прямо указан как аллилуиарий на четверг Страстной недели в богослужении в Саввиной книге и в Енинском апостоле, хотя там нет слова **ковъ**, а процитированы только начало и конец текста (Гардзанити 2006: 58–90; Саввина книга 1999: 416)[26], и поэтому, конечно, он был хорошо знаком еще с древнейших славянских переводов. В последнем издании древнейшего славянского текста Евангелия от Иоанна,

[26] Об этом тексте см. (Гардзанити 2006: 67, 85).

inslav

в котором как основной текст принято Мариинское евангелие и считается, что «в какой-то мере оно служит реконструкции славянского архетипа», в этом месте использовано слово прѣльщение (Евангелие от Иоанна 1998: 39, 63). Указанные к нему варианты по представленным в издании выбранным рукописям (льсть, пѧта), которые находятся в позднейших редакциях Псалтыри, а не в рукописях первой, Кирилло-Мефодиевской, редакции, начиная с Синайской псалтыри, где находится именно слово ковъ, вызывают сомнения, что именно прѣльщение было использовано в Кирилло-Мефодиевском переводе. Если добавить, что ковъ присутствует в одной рукописи, которую издатели определили как часть ядра древнейшего текста (Добромирово евангелие XII в.) (Евангелие от Иоанна 1998: 9), как и факт, что первые переводы и Псалтыри, и Евангелия появились еще при жизни Кирилла и Мефодия, вряд ли можно сомневаться, что именно ковъ — первичное чтение в этом случае. При этом в древнейших славянских кодексах прѣльщение, помимо Супрасльского сборника, обнаружено только в Ин 13:18, и именно в Мариинском евангелии (Старославянский словарь 1994: 544; Старобългарски речник 2009: 502). Интересно упомянуть также, что ковъ используется точно с таким же значением и в Житии св. Мефодия, одном из древнейших славянских оригинальных письменных памятников, автором которого, несомненно, был ближайший ученик Мефодия. В главе 10, описывая причины, которые побудили моравян изгнать немецких клириков, автор утверждает, что они «ковъ коующе на на» (Климент Охридски 1973: 179, 190, 201)[27]. Слово ковъ в том же значении встречается и в других древнеболгарских переводах и оригинальных сочинениях древнеболгарских писателей Золотого века[28].

[27] Использование этого слова в Житии св. Мефодия отмечено и в (Христова 1994: 129).

[28] Например, Е. Мирчева указала на него среди архаичных форм ранней древнеболгарской эпохи перевода чуда о трех воеводах (Мирчева 2006: 128–130, 452, л. 99б), а И. И. Макеева упомянула, что этот перевод выполнен в Болгарии, и его русские списки сохранили архаичную лексику, в том числе и слово ковъ (Макеева 2012: 44). В этом отношении интересно упомянуть о использовании слова ковъ в Похвальном слове о воскресении Лазаря Климента Охридского в том же значении в древнейшем русском списке XII в.

inslav

Как видно из контекста слова ковъ в Пс. 40:10, а также и из объяснения в комментарии, первый переводчик Псалтыри в IX в. перевел текст не буквально, а по смыслу. Этот смысл разъясняется ясно в комментарии Феодорита, а добавление болгарского книжника свидетельствует не только о том, что смысл текста был ему совершенно ясен, но и что значение слова ковъ как «злой умысел, заговор, козни» сохранилось и использовалось в болгарском языке в XIV в. Этот факт наводит на мысль, что составитель катены, хотя и очень редко, давал себе свободу вмешиваться в текст и приводить свои разъяснения для читателей.

Я не буду затрагивать здесь вопрос о других источниках катены. Остановлюсь только на катене Никиты Ираклийского и на ее отношении к тексту рассматриваемой болгарской рукописи, потому что до сих пор, за одним исключением, ученые с большей или меньшей уверенностью считают, что именно он автор этой катены. Фактически еще в 1887 г. архим. Леонид указал на Никиту Ираклийского как на автора толкований в этой рукописи — конечно, на основе предисловия, включенного в начало русским копиистом в конце XV – начале XVI в., где можно прочитать имя Никиты. Он написал также, что «часть» рукописи «по знаку, относится к 1345 году, след. рукопись писана в XIV столетии». Эта датировка, по сути дела касающаяся только основной, болгарской части кодекса, подтвердилась впоследствии: что она кончается на Пс. 54, что «письмо юсовое», «по языку перевод древний, XII или XIII столетия», что «рукопись эта, сколько нам известно, единственный экз[емпляр] в наших книгохранилищах». Автор не обратил внимания на факт, что первые девять листов написаны более ста лет спустя русским книжником. Дальше все ученые, которые упоминали эту рукопись, повторяли его мнение о датировке рукописи и авторстве толкований[29], не ознакомившись с кодексом.

РНБ F.п.I.46: ꙁа то ли на нь ковы кочете, ѡ беꙁаконнн ; ковь ковасте на творьца своѥго (Климент Охридски 1970: 574) (некоторые наблюдения о процессе сохранения и устранения в позднейших болгарских, сербских и русских списках этого слова будут опубликованы в другой публикации). Использование слова ковъ не отмечено в этом произведении Климента, хотя и включено в словарь его слов в (Христова 1994).

[29] Кроме упомянутых исследователей см. также (Шеламанова 1966: 225, № 653; Жуковская 1969: 67).

inslav

Пока установлено, что катена Никиты Ираклийского (ок. 1050 – ок. 1120)[30] принадлежит к так называемым «первичным» катенам, которые составлены самостоятельно, а не скомпилированы на основе других катен, и что в огромной по своему объему греческой катенной традиции Никита является единственным автором катен, о котором можно утверждать с некоторой уверенностью, что именно он является ее составителем (Dorival 1986: 23; Dorival 1992: 494). Катена Никиты является самой большой по объему катеной на Псалтырь в истории этого экзегетического жанра, и многие из источников, которые он использовал, исчезли из директной традиции (Dorival 1992: 492–493). Считается, что она возникла до 1080 г. или около 1100 г., вероятнее всего, между 1080 и 1095 гг. (Dorival 1986: 19, 23; Dorival 1992: 562–563), в то время, когда он преподавал Псалтырь в патриаршеской школе, и была первой катеной, составленной Никитой очень быстро, в течение шести месяцев (Dorival 1992: 517, 561). Установлено также, что она опиралась не только на катены, на схолии и на гомилии, но и на директную традицию — например, на трактат In Inscriptiones Psalmorum Григория Нисского, 2/3 которого представлены в тексте этой катены (Grégoire de Nisse 2002: 133). К настоящему времени Ж. Дориваль установил, что в ней можно найти отрывки не меньше 60-ти сочинений, принадлежащих 30-ти авторам, причем не все авторы занимались прямым комментированием псалтырного текста (Dorival 1992: 556–557, 561–562), а также то, что она принадлежит к так называемой «смешанной» (mixte) константинопольской традиции. При этом считается, что Никита не только скомпилировал фрагменты других авторов, но и сам добавлял собственные маленькие отрывки. Катена Никиты является самой распространенной катеной: к настоящему времени обнаружено 30 ее списков (наиболее ранние тексты засвидетельствованы в рукописях XII в., а наиболее поздние написаны в XVIII в.)[31]. Интересно отметить, что пять из них до сих пор находятся в коллекциях афонских монастырей (Дионисиат, список XIII в., Григориу, список XVII в., Ватопед, два списка XV и XVI вв., Ксиропотам, список XVIII в.), еще два

[30] Биографические данные с критическим анализом различных мнений и анализ катены Никиты см. в (Dorival 1992: 492–565).

[31] О списках катены и работе Никиты см. (Dorival 1992: 496–526).

inslav

принадлежали в прошлом им: Taurinensis B.N. B I 5, XIII в., принадлежавший раньше Великой лавре, и единственный точно датированный, который написал Константин в 6783 г. (с сентября 1274 г. по июнь 1275 г., ГИМ, Синод. гр. 197), принадлежавший раньше Ивирону. Они распространялись в нескольких формах — в рукописной традиции засвидетельствованы прежде всего две из них: в одном кодексе (Пс. 1–150) — три рукописи XIII в., две — XIV в., одна — XV в. (или XVII в.?), одна — XV/XVI в., одна — XVI в. и две — XVII в.; в двух томах (Пс. 1–76, 77–150) — две рукописи XII в., одна — конца XII – начала XIII в., две — XIII в., одна — конца XIII – начала XIV в. и одна рукопись XIV в. (Dorival 1992: 513–516). Бóльшая часть их, однако, не содержит полного текста катены. Установлено, что только десять из них (три — XIII в., две — XIV в., одна — XV в. (или XVII в.?), две — XVI в. (одна из них — вероятно, XVII в.?) и две — XVII в.) в своем первоначальном состоянии содержали полный текст, но он дошёл до нас только в одной рукописи XIII в., в одной — XIV в. и в двух — XVI в. (Dorival 1992: 513). Обнаружено также несколько рукописей, в которых катена Никиты использовалась для создания новых компиляций. Замечательно, что почти половина из сохранившихся до сих пор списков возникли в XII и XIII вв. (14 из всех 30-ти списков). Исследователи считают, что этот факт свидетельствует об авторитете автора, и он подтверждается качеством использованных источников и его собственной работой (Dorival 1992: 563). Это подтверждается и фактами его биографии, а также присутствием других его сочинений в греческой и даже в славянской рукописной традиции эпохи Средневековья. В начале своей карьеры, до того, как стать дьяконом, он был учителем в патриаршеской школе, ок. 1080 г., может быть, стал директором одной присоединенной к ней школы в Халкопратии, потом его вызвали в Св. Софию в Константинополь, где он преподавал, о чем свидетельствуют его труды по грамматике и риторике. Потом он преподавал теологию, и его комментарии на Псалтырь, на Евангелие и на послания ап. Павла являются свидетельством того, что он преподавал именно об этих книгах Священного писания. Существуют многочисленные данные, что ему были присвоены также должности синкела и скевофилакса. Позднее он стал митрополитом Ираклии, и точно известно, что он им был в 1117 г. В некоторых рукописях прямо отмечено, что он был

inslav

племянником бывшего митрополита Сересса. Стоит отметить, что он был другом и корреспондентом Охридского архиепископа Феофилакта (ок. 1055 – ок. 1126). Интересно напомнить также факт, что его имя было широко известно в славянском православном мире благодаря двум болгарским версиям коллекции 16-ти слов Григория Назианзина с толкованиями Никиты Ираклийского, которые сохранились в более чем 120-ти рукописях XIV–XVII вв.[32]

Если поискать среди уже более или менее исследованных греческих рукописей какой-то кодекс, о котором можно думать, что он похож на болгарскую рукопись, сразу бросается в глаза рукопись коллекции Британской библиотеки Harley 5677[33]. В Британской библиотеке она значится как рукопись XVII в., однако в исследованиях греческих катен она датирована XV в. (Karo, Lietzmann 1902: 34 № 5; Dorival 1992: 501 № 16, 513 № 18). Теперь Британская библиотека описывает ее как рукопись конца XVII в., 163 листа, размером в лист (285 x 200), по 31 – 38 строк на странице, в которой находится список Катены Никиты Ираклийского (CPG C21), но содержит только псалм 54:20 и кончается текстом *εἰσακούσεται ὁ θεὸς καὶ ταπεινώσει αὐτούς, ὁ ὑπάρχων πρὸ τῶν αἰώ[νων]*. Она была приобретена в Смирне в 1724 г. Бернардом Моулдем (Bernard Mould) и куплена для библиотеки второго графа Оксфорда и Мортимера Эдуарда Харли (Eduard Harley, 1689–1741) 28-го июля 1725 г. для ценной коллекции, купленной его отцом Робертом Харли (1661–1724) в 1704 г., которую его сын постоянно увеличивал. В 1753 г. вся коллекция (7661 рукопись) была продана Британскому музею дочерью графа Маргарет Кавендиш Бентинк (Margaret Cavendish Bentinck), герцогиней Портланда, по заниженным ценам по Акту Парламента, основавшего тем же актом Британский музей. Таким образом, эта греческая рукопись оказалась среди ценнейших средневековых рукописей Британской библиотеки. Неудивительно, что она была приобретена в г. Смирна (с 1930 г. — Измир, в Юго-Западной Турции), в одном из древнейших городов Византийской империи, где в XVIII в. жило немало православных

[32] См. (Бруни 2004; Бруни 2010).

[33] Этот кодекс дигитализирован: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Harley_MS_5677&index=6. На сайте указана и основная литература о нем.

inslav

христиан. Поэтому неудивительно также, что эта рукопись оказалась в первом каталоге греческих катен как катена восьмого типа (катена Никиты Ираклийского), и она представлена в группе вместе с несколькими рукописями той же катены. Их девять, и они находятся теперь в различных коллекциях в разных странах — от Великобритании, Франции и Италии до афонских монастырей и Москвы. Интересно отметить, что среди них находится единственная известная до сих пор точно датированная рукопись (она находится в Москве (ГИМ, 80272, Синодальное греческое собрание 197, раньше принадлежала Ивирону), написана «рукой грешного Константина Синсе..у» до марта 6783 г. (1274/1275 г.)[34]), но так и оставшаяся до сих пор плохо исследованной. Она содержит псалмы 3–150. Еще в 1902 г. была обнаружена и вторая рукопись, в которой отмечено имя писца (она находится в Парижской национальной библиотеке, Paris. Gr. 171), которую написал в XVI в. Константин Палеокопас, но в ней содержатся только предисловие и часть комментария на Пс. 1 (Karo, Lietzmann 1902: 34 № 7; Dorival 1992: 504 № 21, 513 № 24). Все остальные известные теперь списки катены Никиты числом 21 введены в научный оборот позже. Но из всех 30-ти списков только об одной поздней рукописи последней четверти XVII в. существуют прямые данные о месте, где она переписана. Она принадлежала в 1713 г. монастырю Сен Жермен де Пре (Parisinus Suppl. gr. 1018, содержит предисловие Никиты и комментарий на Пс. 1) (Dorival 1992: 504–505 № 22, 513 № 28). Ее писал бенедиктинский монах Жан Гийо вместе с каким-то помощником, и отмечено, что книга написана в монастыре Гроттаферрата и списана с пергаменного кодекса этого монастыря, который был старше на 300 лет. Установлено, что моделью для этого кодекса была другая рукопись конца XIII в., возможно 1282 г. (Cryptoferratensis A γ II)[35], самая необычная среди всех, в которой представлены в паралельном тексте на греческом и на латинском Пс. 1–76, а с Пс. 77 до конца — только на латинском комментарии св. Иеронима. Имя писца находится также в самом позднем списке катены Никиты:

[34] О ней см. (Karo, Lietzmann 1902: 34 № 4, там опубликована и записка писца на л. 381; Dorival 1992: 503–504 № 20, 513 № 12).

[35] О ней см. (Karo, Lietzmann 1902: 35 № 9; Dorival 1992: 498–499 № 9, 513 № 13).

inslav

Митрофан Грегорас является переписчиком двух кодексов XVIII в. — Lesbous Gymn. Mitil. 19, где находится заметка Митрофана и текст Пс. 1–40[36], и его продолжение во втором томе того же писца Xeropotamou 184[37], в котором переписан текст Пс. 41–71, что интерпретируется как распределение текста Никиты в пяти томах в этом случае. Важно, что до сих пор на Афоне хранятся еще четыре списка катены Никиты. Древнейшая среди них — Dionisiou 114, рукопись XIII в., содержащая Пс. 9:4–150, однако в ней лакуна на месте Пс. 61:10 – 65:8, она содержит и конечную заметку Никиты о методе его работы[38]. Две рукописи хранятся в Ватопедском монастыре: Vatopedinus 240, в которой находятся предисловие и толкования на Пс. 58:2 и Пс. 59:1, XV или XVI в.[39]; Vatopedinus 528, XVI в., содержит Пс. 1–150, а в начале — заглавие с именем Никиты как автора и дарственную заметку неизвестного времени Дионисия иеромонаха протосингела[40]. Список Пс. 33–148 XVII в. имеется в монастыре Григориу (Gregoriou 5)[41]. Но еще одна древняя рукопись, XIII в., принадлежала афонскому монастырю: она находится в Национальной библиотеке Университета в Торине (Taurinensis B.N. B I 5), в ее заглавии указано имя Никиты как автора, содержатся предисловие автора, полностью комментарии на Пс. 1–150, кончается она в середине конечной заметки Никиты и принадлежала Великой лавре[42].

Из анализа известных данных о рукописной традиции катены Никиты Ираклийского ясно, что четверть рукописей (семь) прямо связана с афонскими монастырями. Но можно указать и на некоторые другие сведения, которые можно интерпретировать как косвенные указания на связи как этих кодексов, так и других рукописей, с различными текстовыми традициями, которые засвидетельствованы в известных рукописях[43].

---

[36] О ней см. (Dorival 1992: 500–501 № 15, 513 № 29).

[37] О ней см. (Dorival 1992: 498 № 7, 513 № 30).

[38] О ней см. (Dorival 1992: 497 № 3, 513 № 8).

[39] О ней см. (Dorival 1992: 497 № 5, 513 № 19).

[40] О ней см. (Dorival 1992: 498 № 6, 513 № 21).

[41] О ней см. (Karo, Lietzmann 1902: 34 №1; Dorival 1992: 497 № 4, 513 № 26).

[42] О ней см. (Dorival 1992: 509–510 № 26, 513 № 11).

[43] Я имею в виду рукописи катены Никиты, обработанные в обобщающих исследованиях, опубликованных до конца XX в. Несомненно, что отрывки

inslav

Как выглядит на этом фоне греческая рукопись Harley 5677, самая близкая к болгарской рукописи № 18 по составу псалмов, в нее включенных? Предполагается, что она является остатком полного текста катены Никиты, расположенного в одном томе, как большая часть экземпляров XV и XVI вв., содержащих комментарии на Пс. 1–150 (Dorival 1992: 501, 513). Полный комментарий Никиты в одном томе (или предполагается, что рукописи восходят к такой модели) известен в 10 списках (в том числе Harley 5677), хотя в некоторых из них есть лакуны в начале, в конце, в самом тексте, а одна из них, содержащая только несколько разрозненных псалмов, считается не обычным списком, а делом «эрудита» XVII в. Большая часть этих списков каким-то образом связана с афонскими монастырями. Три рукописи и до сих пор принадлежат афонским монастырям (Dionisiou 114, Vatopedinus 528 и Gregoriou 5), а две других раньше принадлежали Ивирону (ГИМ, 80272, Синод. гр. 197) и Великой лавре (Taurinensis B.N. B I 5, есть сомнения, что она списана с модели, в которой текст Никиты был трехтомный). Следует отметить, что рукописи Дионисиата, Ивирона и Великой лавры XIII в. являются древнейшими представителями полного текста катены Никиты, так как среди самых древних семи рукописей XII и конца XII – начала XIII в. нет ни одной такой рукописи, как и факт, что в таком виде она известна и позже. Известны две рукописи XIV в.: Venetus Marc. gr. 536[44] и Vaticanus 767[45], но пока не указаны никакие данные о их происхождении, а вторая являет какой-то до сих пор неясный выбор псалмов. Последний список этого типа Harley 5791, XV или XVI в. (а более вероятно XVII в.) является очень интересным случаем: в начале кодекса (первые 12 листов) находятся заглавие катены, предисловие и комментарий на Пс. 1 в переводе на латинский язык, датированный 1705 г. на л. 7, дальше следует полный текст катены на греческом, на л. 13 указывается, что рукопись принадлежала Константину

этой катены сохранились и в различных сборниках, а, возможно, появились новые данные о полных списках, однако мне неизвестна какая-либо обобщающая публикация о них.

[44] О ней см. (Karo, Lietzmann 1902: 34 № 6; Dorival 1992: 512 № 29, 513 № 17).

[45] О ней см. (Dorival 1992: 510–511 № 27, 513 № 16).

inslav

Кантакузину, чье имя появляется и в первой записке 26 января 1682 г. на последнем листе, на котором находится и вторая записка, сообщающая, что кодекс был написан для монастыря св. Саввы[46]. Несомненно, здесь идет речь об одной замечательной личности культурной и политической истории Валахии — стольнике Константине Кантакузине (ок. 1650 – Константинополь 1716)[47], ближайшем советнике до 1707 г. своего племянника и князя Валахии Константина Бранковеану (1654–1714, Константинополь, князь с 1688 г.), одного из выдающихся правителей Валахии, покровителя культуры, считавшегося основателем княжеской академии в Бухаресте в 1694 г. в сотрудничестве со стольником Константином Кантакузином. Это высшее учебное заведение в начале своего существования действовало в монастыре св. Саввы в Бухаресте, и занятия там велись на греческом языке. Сам Константин Кантакузин известен как один из самых образованных людей своей эпохи, представитель гуманистов. Он начал свое образование в Адрианополе (с 1369 г. — Эдирне, город на территории европейской части Турции) и Константинополе с 1663 г., а потом продолжил его в 1667–1668 гг. в Падуе, изучая античную греческую литературу и философию. Ему принадлежат важные исторические сочинения, он имел хорошие богословские знания и принимал участие также в издании Библии 1688 г. на румынском языке. Известно, что он знал греческий язык, латинский, итальянский и славянский и был собирателем книг. Поэтому неудивительно, что кодекс Harley 5791 принадлежал ему, как и то, что он был написан для монастыря св. Саввы. В современном описании этой рукописи, которое можно прочитать на сайте Британской библиотеки[48], утверждается, что рукопись написана в 1682 г. для Константина Кантакузина 26 января 1682 г. частично священником Николаосом ὁ Συνοπεύς в Бухарестком монастыре св. Саввы, а потом стала приобретением антиквара Эдмунда Чишалла (Edmund Chishull), который, вероятно, получил ее в Бухаресте в 1702 г., а потом добавил первые 13 листов,

[46] О нем см. (Dorival 1992: 501–502 № 17, 513 № 20).

[47] О нем существует богатая литература. См., например, (Istoria literaturii romîne 1964: 14, 346, 419–425, 433, 471, 559–568, 594, 769).

[48] См. http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Harley_MS_5791. Там можно увидеть и дигитальную копию рукописи.

inslav

датировав их 17.07.1705 г. Замечательно, что заглавие катены повторяет без изменений заглавие Vatopedinus 528 (пропущено только слово κυρίου), и можно предполагать, что рукопись каким-то образом тоже связана с афонской текстовой традицией.

Если судить по заглавию катены, нужно отметить, что оформляется группа кодексов XVI, XVII и XVIII вв., в которых повторяется, иногда без изменений (Vatopedinus 528, Harley 5677), иногда с некоторыми вариантами (Harley 5791, Lesbous Gymn. Mitil. 19) заглавие катены, и можно предполагать, что во всех отражается одна и та же текстовая традиция. Конечно, они не могли бы служить моделью для болгарской рукописи XIV в. Однако надо заметить, что то же самое заглавие обнаружено и в одной из древнейших рукописей катены Никиты — Vaticanus Palatinus gr. 247 конца XII – начала XIII в.[49], и поэтому можно считать, что она, вероятно, возникла на Афоне или связана с афонской текстовой традицией. Этот пергаменный кодекс содержит Пс. 1–76, но, к сожалению, в нем много лакун, и о нескольких псалмах установлено, что их текст поврежден по сравнению с другими рукописями. По крайней мере, однако, несомненно, что в нем представлен довольно ранний этап развития текста, и даже если он не возник на Афоне, то имел свое продолжение в афонской рукописной традиции. Конечно, эти данные не означают, что все эти рукописи переписаны в афонских монастырях, но мне думается, что это очень вероятно, хотя бы для некоторых из них.

Имя Никиты сохранилось и в двух других рукописях XIII и конца XIII – начала XIV вв.: Taurinensis B.N. B I 5 и Parisinus Coisl. 190[50]. В них представлено хотя и очень сходное заглавие, но в различном языковом оформлении (имя Никиты представлено в начале, и, кроме того, в нем не отмечено, что Никита «из Сереса»). Можно предполагать, что в них представлена и различная текстовая традиция. Еще несколько из анализированных кодексов имеют заглавие без данных об авторе катены, а в остальных потеряны начальные листы рукописей, или они не были доступны ученым. На основе всех этих данных

[49] О ней см. (Karo, Lietzmann 1902: 34 № 2; Dorival 1992: 511–512 № 28, 513 № 7).

[50] О ней см. (Karo, Lietzmann 1902: 34 № 3; Dorival 1992: 505–508 № 23, 513 № 14).

inslav

можно предполагать, что в афонских монастырях возникли хотя бы две текстовые традиции. Это утверждение можно поддержать также тем фактом, что конечная заметка Никиты о методе его работы сохранилась только в трех из известных рукописей, и они являются древнейшими, в которых указано имя Никиты как автора: Dionisiou 114 (полностью) XIII в.; Taurinensis B.N. B I 5 (заметка сохранилась до середины текста) XIII в.; Parisinus Coisl. 190 (полностью) конца XIII – начала XIV в. Первые две рукописи содержат полный набор комментариев в одном томе, можно предполагать, что и третья, в которой содержатся Пс. 80–150, имела какой-то несохранившийся первый том и была частью двухтомной коллекции. Начало Dionisiou 114 потеряно, однако можно предполагать, что и там было заглавие с именем Никиты. Очень вероятно также, что в Vaticanus Palatinus gr. 247 конца XII – начала XIII в., где переписаны Пс. 1–76 на пергамене и на бумаге (и даже имеются палимпсестные части какой-то другой катены, пока датированные X в.), тоже был частью двухтомной коллекции, второй том которой не сохранился. Таким образом, теперь по этим данным можно сказать только, что различные текстовые традиции распространялись на Афоне, исследователям греческой рукописной традиции еще предстоит установить, какие тексты были первичными (не говоря о том, что пока нет точной датировки всех списков), и, если текст катены болгарской рукописи был связан с этой катеной, какой текст мог бы быть в нем использован.

Обобщая известные сведения о греческих списках катены Никиты нужно подчеркнуть, что абсолютно полный текст катены (на Пс. 1–150) содержится только в двух ранних рукописях — одной XIII в. (Taurinensis B.N. B I 5) и одной XIV в. (Venetus Marc. gr. 536) — и в двух более поздних рукописях XVI в. (Vatopedinus 528) и XV или XVI в., но более вероятно, XVII в. (Harley 5791), и о трех из них имеются данные о какой-то связи с афонской рукописной традицией. Конечно, их исследование поможет установить, имеется ли какая-нибудь связь с болгарской катеной в рукописи № 18.

В конце этого обзора греческих текстов катены Никиты нужно подчеркнуть, что бóльшая часть рукописей содержит неполный текст или текст с лакунами, а также тот факт, что среди них находится еще одна рукопись, в которой в каком-то смысле можно увидеть некоторое сходство с болгарской рукописью: Veronensis. Bibl. Capit. 118,

inslav

XII в., негомогенный кодекс, в котором представлена так называемая Златоустово-Феодоритовая катена на Пс.1–43, 54:8–66, 71:16–150, а между ними включены толкования из катены Никиты на Пс. 44–54:7 и 67–71:17, которые предшествованы обозначением τοῦ Σερρὼν (Dorival 1992: 41, 512 № 30, 513 № 6; Rondeau 1982: 248–249). Так или иначе, полные или неполные тексты комментированных в болгарской рукописи псалмов с 1 по 54 находятся в 19 греческих кодексах с XII по XVIII вв.: XII в. (Alexandrunis 11[51]; Gothanus I, 81[52]; Veronensis Bibl. Capit.118), конца XII – начала XIII в. (Vaticanus Palatinus gr. 247), XIII в. (Dionisiou 114; Cryptoferratensis B α LVIII[53]; Taurinensis B.N. B I 5; ГИМ, 80272, Синод. гр. 197; Cryptoferratensis A γ II, конца столетия, возможно, 1282 г.), XIV в. (Venetus Marc. gr. 536; Vaticanus gr. 767), XV или XVII в. (Harley 5677), XVI в. (Vatopedinus 528; Paris. Gr. 171), XVI в., но более вероятно XVII в. (Harley 5791), XVII в. (Gregoriou 5, Leidensis Voss.Misc. 6[54], Parisinus Suppl. gr. 1018), XVIII в. (Lesbous Gymn. Mitil. 19). Хотя только 11 из них появились до XIV в., для поисков соответствующих текстов могут быть полезными и более поздние греческие рукописи, поскольку до сих пор взаимоотношения между текстами этих рукописей не выяснены, как и их источники.

Я не буду вдаваться теперь в вопрос о том, катену ли именно Никиты использовал книжник, написавший катену в рукописи № 18, и если да, в какой степени, и в какой именно рукописи можно искать ее источник, потому что выяснение этого вопроса требует в дальнейшем новых поисков среди сохранившегося греческого материала, так как пока текст катены Никиты не только еще не опубликован, но и самые детальные исследования ее греческой традиции пока изучены только на материале 20% текста (19 псалмов, выбранных по принципу случайности (Dorival 1986: XI)), а исследование полного текста может изменить общую картину его развития — как касательно его состава, так и самого текста. Вряд ли мы можем надеятся, что Катена Никиты будет опубликована в ближайшем будущем — по мнению

[51] О нем см. (Dorival 1992: 496–497 № 2, 513 № 1).
[52] О нем см. (Karo, Lietzmann 1902: 35 № 8; Dorival 1992: 500 № 13, 513 № 3).
[53] О нем см. (Dorival 1992: 499 № 10, 513 № 9).
[54] О нем см. (Dorival 1992: 500 № 14, 513 № 27).

inslav

одного из самых авторитних исследователей катен Жиля Дориваля, научное издание этой гигантской катены потребует около 2000 страниц (Dorival 1992: 494). Поскольку нет никаких признаков, что такое издание готовится, мы можем теперь попытаться, опираясь на уже опубликованные данные исследователей греческой рукописной традиции, высказать некоторые соображения о тексте болгарской катены.

По прологу, единственной части катены, чей греческий текст опубликован (PG 69: 699–714; PG 106: 1061–1074[55]), невозможно делать никаких заключений относительно болгарской катены, поскольку, как я показала, первые девять листов рукописи, где находится его текст, не принадлежат болгарскому тексту. Дальше мы можем констатировать некоторые схожие черты, как и различия. Несколько примеров. И катена Никиты, и катена в рукописи № 18 представляют собой первый вид катен — сплошной текст псалтырного текста и комментария, а не комментирование на полях в виде схолий. Среди 30-ти авторов, присутствующих в катене Никиты, находятся восемь, отмеченных на полях рукописи № 18: Евсевий Кесарийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Дидим Слепец, Кирилл Александрийский, Феодорит Киррский, Исидор Пелусиот, Максим Исповедник. У Никиты имена Диодора Тарсийского и Арефы Кесарийского не указаны (Dorival 1992: 556–557), однако они обозначены в № 18. В катене Никиты имена авторов обычно отмечены систематически как на полях, так и в самом тексте. В болгарской рукописи, кроме имени Никифора Влеммида, нет ни одного другого имени в тексте, а на полях они отмечаются нечасто. В катене Никиты присутствуют авторы, чьи катены на Псалтырь не сохранились в директной традиции, а сохранились только в катенах, среди них и такие, чьи имена отмечены и в болгарской рукописи: Кирилл Александрийский, Дидим, Евсевий (до Пс. 50) (Dorival 1986: 8; Dorival 1992: 556). Никита утверждает в своем послесловии, что не будет использовать в своем комментарии некоторых авторов (Аполинарий, Дидим и Теодор Мопсуестийский, частично Ориген), но практически в его комментарии обнаружены тексты этих авторов[56]. Дидим прямо указан в болгарской

[55] С некоторыми изменениями и без имени автора см. (Dorival 1992: 492).

[56] Греческий текст послесловия опубликован еще в 1902 г. (Karo, Lietzmann 1902: 34). См. также (Dorival 1992: 505–508, 513, 517–518, 553–562).

inslav

рукописи. Никита был великим компилятором, сочетал вместе фрагменты различных авторов, не указывая их имена. Иногда они составляют только несколько строк, и поэтому теперь очень трудно установить их авторов, а многие остались и до сих пор неидентифицированными[57]. О болгарской катене на этом этапе можно сказать, что в ней имеются некоторые добавления без соответствия с обнаруженными до сих пор греческими текстами, но их совсем немного.

Даже сказанное о соотношении катены Никиты Ираклийского с текстом болгарской рукописи показывает, что в ней не представлена катена Никиты. Чтобы подтвердить это мнение, я приведу несколько своих наблюдений о соотношении между частично опубликованным греческим текстом комментария на псалом 1[58] и текстом болгарской рукописи. Для этого издания были использованы тексты десяти рукописей: 1. Vaticanus Palatinus gr. 247, конца XII – начала XIII в., чье заглавие совпадает с заглавием первой группы заглавий, и, возможно, он — представитель первого тома двухтомной коллекции; 2. Taurinensis B.N. B I 5, XIII в., чье заглавие совпадает со второй группой заглавий и в которой сохранилась частично конечная заметка Никиты, — несомненный представитель полной однотомной коллекции, бывшая рукопись Великой лавры; 3. Cryptoferratensis A γ II, конца XIII в. (1282 г.?), в которой имеется заглавие, но оно отличается от заглавий в предыдущих группах, имя Никиты не упоминается в нем, — вероятный представитель двухтомной коллекции, причем в этой первой части рукописи, где находится первая часть катены Никиты, она написана в параллельных колонах на греческом и латинском

Рукопись Paris. Gr. Coasl. 190, чей текст послесловия опубликован, — очень интересный кодекс конца XIII – начала XIV в.: он содержит псалмы 80–150, в нем комбинированы пергаменные и бумажные листы испанской бумаги, использовавшейся регулярно в греческих рукописях Сицилии и Южной Италии в XII и XIII вв., и в нем можно увидеть также трудночитаемые палимпсестные страницы X в., тоже содержащие текст какой-то катены, не отвечающий известным до тех пор, в котором на одном листе были прочитаны имена Феодорита, Кирилла, Оригена, Дидима и Аполинария; в XVII в. она находилась, вероятно, в Греции или на Кипре.

[57] О методе работы и компилирования Никиты см. (Dorival 1992: 517–526).

[58] Принципы издания, издание текста комментария и комментарий к самому изданию см. в (Dorival 1992: 526–536).

inslav

языке; 4. Venetus Marc. gr. 536, XIV в., представитель полной коллекции в одном томе; 5. Vaticanus gr. 767, XIV в.; 6. Harley 5677, XV или XVII в., считавшаяся представителем однотомной коллекции с заглавием «первой» группы; 7. Harley 5791, XV или XVI в. (вероятно, XVII в.), представитель полного текста однотомной коллекции с заглавием «первой» группы с вариантами; 8. Vatopedinus 528, XVI в. — представитель полной однотомной коллекции с заглавием «первой» группы; 9. Parisinus Suppl. Gr. 1018, последней четверти XVII в., антиграфом которой была Cryptoferratensis A γ II; 10. Lesbous Gymn. Mitil. 19, XVIII в., считавшаяся первой частью пятитомной коллекции, с заглавием «первой» группы с вариантами. Из этих данных можно сделать заключение, что в этих кодексах, может быть, сохранились различные традиции как состава, так и текста комментариев на первый псалом. Издание имеет целью идентифицировать авторов комментария, и поэтому в нем не отмечено, имеются ли какие-то различия в составе комментария в различных рукописях, а также варианты текста (несколько раз указано, что источником был текст так называемой «первой» и «второй» палестинской катены и две сиглы разных авторов для идентичного текста в Taurinensis B.N. B I 5). Несмотря на это, данные об авторстве текстов комментария на Пс. 1 позволяют сделать некоторые выводы и об отношении комментария Никиты к комментарию на этот псалом в болгарской рукописи (1:3c–6, конец комментария первой части третьего стиха первого псалма и последняя часть третьего стиха первого псалма с комментарием до конца шестого псалма с комментариями).

В издании и комментариях к нему можно увидеть, что в комментарии Никиты использованы тексты Василия Великого, Григория Нисского, Феодорита Киррского, Афанасия Александрийского, Кирилла Александрийского, Евсевия Кесарийского и самого Никиты. На полях отмечены имена Григория Нисского, Василия Великого, Ефрема Сирина, Феодорита Киррского, Афанасия Александрийского, Кирилла Александрийского, Оригена, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, причем в нескольких случаях установлено, что это не действительные авторы отрывков. Установлено также, что в некоторых случаях тексты отмеченных сиглами авторов на полях не были обнаружены в их сочинениях (Василия, Ефрема, Григория Нисского, Максима, Оригена и Феодорита), а около десяти отрывков,

inslav

оставшихся без сиглов на полях, не были обнаружены в исследованных источниках Никиты и остались неидентифицированными. В полном контрасте этому составу, текст сохранившегося комментария болгарской рукописи на Пс. 1 состоит только из комментариев Феодорита. Никита использовал прямой комментарий Феодорита, прямой комментарий использован и в болгарской катене, однако у Никиты он находится среди вторичных источников (Dorival 1992: 517, 535), а в болгарской катене, как можно сказать на этом этапе исследования, он был основным источником не только для толкований на Пс. 1, но и для текста рукописи № 18 в целом.

Эти наблюдения, конечно, не означают, что болгарская катена представляет собой какое-то самостоятельное изобретение болгарского книжника. Но добавив к ним тот факт, что болгарский книжник не использовал известный до сих пор текст славянского перевода Толковой псалтыри Феодорита, можно предположить, что он черпал свой текст из какой-то греческой катены, потому что известные до сих пор данные свидетельствуют об использовании комментариев Феодорита почти во всех типах греческих катен. Он отмечен как автор отрывков, например, во всех 27-ми типах катен в исследовании (Karo, Lietzmann: 20–66). В самом детальном исследовании рукописной традиции греческих катен Ж. Дориваля отсутствие отрывков Феодорита можно заметить только в одной из так называемых «изолированных» «смешанных» константинопольских катен, созданных на основе использования многих «равноправных» авторов, возникшей, по мнению французского ученого, в Константинополе в последней трети IX или в самом начале X в., немного позже второго патриархата Фотия (977–886), на слова которого в нескольких случаях ссылается составитель катены, которому были доступны заметки патриарха по поводу нескольких текстов катены; эта катена сохранилась только в одном списке XIII в., возникшем в Южной Италии[59]. Следует заметить также, что во всех данных о наиболее рано появившихся в Палестине катенах (так называемые первая, вторая и третья палестинские катены, возникшие, по всей вероятности, до 700 годов, в чьих рукописных традициях присутствовали тексты Феодорита) не совсем ясно только то, присутствовали ли они в утраченной

[59] Об этой катене см. (Dorival 1986: 25–26; Dorival 1992: 254–265).

inslav

оригинальной первоначальной палестинской катене, оформленной ок. 540–550 годов (Dorival 1986: 116–117)[60]. В начале появления так называемых «константинопольских» катен, чья модель появилась около 700 годов, и так называемой «первой» константинопольской модели стоит так называемая «Златоустово-Феодоритова» коллекция, основа которой построена на гомилии Иоанна Златоуста, дополненной комментариями Феодорита, сохранившаяся в двух рукописях второй половины X и XIII вв. и возникшая не позже 900 годов, возможно между 750 и 850 гг. (Dorival 3: 5–24, 127; Dorival 1: 33–34). Именно из этой коллекции возникла так называемая Златоустово-Феодоритова катена (Dorival 3: 24–231; Caro, Leitzmann 1902: 48–52, тип XVII), и отдельная «Феодоритова» катена, в рукописной традиции которой обнаружены две ветви — так называемая «первая» и «вторая». Именно Златоустово-Феодоритова катена является самой распространенной, после катены Никиты Ираклийского, катеной на Псалтырь: известны 22 рукописи (Dorival 1992: 24–42), причем о древнейшей из них точно известно, что писец Иоанн закончил свою работу 30 августа 984 г., она до сих пор хранится на Афоне в Великой лавре св. Афанасия, где, по мнению исследователей, она, несомненно, написана, и на основе заметки в ней они определили, что писец был учеником самого основателя этого монастыря (Dorival 1992: 30–31). Можно также отметить, что в самой лавре находятся еще два списка этой катены — один X в., второй XIV в., пять списков находятся в других афонских монастырях (Дионисиат, 1037 г.; Есфигмен, XIII в.; два списка в Ивироне — один XI–XII в., один XIII в.; Кутлумуш, XI в.) и один XIV/XV в., находящийся теперь в Москве, раньше принадлежал Ивирону. Оказывается, что почти половина списков этой катены имеют афонское происхождение, бóльшая часть рукописной традиции катены возникла до XIV в. (после них появились только пять списков XVI в.), однако в ней присутствуют не только тексты Феодорита и Иоанна Златоуста, но и многих других авторов. Тексты Феодорита Киррского сохранились и во всех представителях так называемых «катен-схолий», возникших, по мнению Ж. Дориваля, между 700 и

[60] О палестинских катенах см. также (Caro, Leitzmann 1902: 25–28, 29–30, 38, тип III, VI, XI; Harl 1972: 1, 2; Rondeau 1982: 26–29, 57–61, 90–93, 203–204; Dorival 1986: 99–324; Dorival 1989: 2–4, 237–380).

inslav

900 годами, скорее ближе к 700 годам (Dorival 1989: 379–380). Они присутствуют и во всех видах так называемых «константинопольских» катен за одним исключением, указанном выше. Комментарий Никиты принадлежит к «константинопольской» модели катен, точнее, к так называемым «первичным Константинопольским катенам смешанного типа»[61], или, по другому определению, она является катеной восьмого типа[62] и в ней используются также тексты Феодорита. К этому нужно добавить, что все эти типы катен, конечно, не представлены в чистом виде в рукописной традиции. Больше того, сохранилось немалое число рукописей, где смешаны тексты не только различных типов катен, но и по причине потери части текста и его восполнения позже из различных неизвестных источников и в разное время, получается довольно пёстрая картина состава отрывков. Очень показательный пример в этом отношении рукопись Ватопедского монастыря 660[63] (рис. 6). Эта замечательная рукопись, несомненно, привлекала несколько веков внимание книжников. Она является одной из восьми афонских кодексов X, XI, XI/XII, XIII и XIV/XV вв. Великой лавры, Ивирона, Кутлумуша и Есфигмена, составленных в некоторых случаях из негомогенных по своему составу катен разного типа, а иногда и из разновременных частей, свидетельствующих, что даже самые древние рукописи дошли до нас с лакунами, заполненными

[61] О них см. (Dorival 1992: 243–567). Ж. Дориваль считает, что константинопольские катены «смешанного» типа появились около 750-х годов, но некоторые из них возникли и позже; он утверждает также, что они возникли после «палестинской» и «константинопольской» модели на основе смешения их текстов.

[62] Эта классификация используется в (Caro, Leitzmann 1902: 32–35; Rondeau 1982: 65, 131,133, 248–250, 274, 267, 276). Я хотела бы отметить, что использование различных классификаций греческих катен на Псалтырь создает дополнительные трудности для поисков греческих текстов, использованных в болгарской катене.

[63] О ней см. (Harl 1972, 1: 53, 54, 69; Rondeau 1982: 59, 61, 82, 222, 228, 240,249, 273, 279, 282, 290, 291, 294–296, 298, 299, pl. 22; Rondeau 1985: 15 ; Dorival 1986: 4, 6, 163, 165, 166, 167, 172, 173, 177–179, 180, 185, 186, 187, 196, 199, 223, 224, 240, 248, 252, 261, 269, 302–304, 305, 306, 307, 310, 311, 313, 314, 315, 316, 319, 320, 322, 323, 324; Dorival 1989: 75, 218, 354–380; Dorival 1992: 104, 106–107).

inslav

Рис. 6. Рукопись Ватопед 660, XI в., л. 101об.

inslav

позже, но также и о том, что у книжников были немалые возможности пользоваться различными источниками, как и об их стремлении предоставить следующим читателям возможно более полный текст. Почти все они — представители Златоустово-Феодоритовой катены, за исключением двух рукописей, одна из которых — именно Ватопедская рукопись 660, в которой эта катена представлена только текстом на десяти листах, написанных в XVII в., где отразилось ее последующее развитие в рукописях. Ватопедский кодекс является как негомогенным по своему составу, так и составлен частями, написанными в различное время. Основная часть этой пергаменной рукописи, в которой 177 листов, написана в X в., однако еще тогда отсутствовали первые четыре тетради. Они были заполнены тоже в X в., но по другому источнику, потом в XI в. был «отреставрирован» текст шести других отсутствующих тетрадей и, наконец, в XVII в. была заполнена одна отсутствующая тетрадь, но осталось и одно незаполненное место в тексте комментариев. В результате анализа текста Vatopedinus 660 было установлено, что в эту рукопись включено краткое извлечение из третьей палестинской катены (на основе первой палестинской катены и/или тоже и второй палестинской катены, дополненной после псалма 51 схолиями на Псалтырь Псевдо-Афанасия), она была определена как представитель древнейшего текста палестинской модели катен на Псалтырь, как свидетельство древнейшего разделения этой катены на три тома (Пс. 1–50, 51–100, 101–150) и возникновения палестинской модели катен в 700 годах.

В этой сложной схеме развития греческих катен на Псалтырь и при отсутствии изданий довольно трудно найти какой-то конкретный источник для болгарской катены. Исследования греческих катен этой, пока необозримой для славистов их рукописной традиции показывает, что на основе их данных теперь нет оснований говорить, что какая-то греческая рукопись является оригиналом для состава болгарской рукописи. В то же самое время на основе этих данных можно утверждать, что будущие поиски не могут ограничиваться только сравнениями с представителями катены Никиты Ираклийского, но в том, что касается состава отрывков, включенных в болгарскую рукопись, нужно принимать во внимание почти весь круг греческих катен. Исследование самого текста может оказаться еще сложнее, потому что для текстов самой греческой традиции такие исследования

inslav

очень редки. Пока не надо исключать и такую возможность, что эта болгарская катена была самостоятельно составлена на основе греческих источников.

По моим, конечно, совсем неполным наблюдениям, рассматриваемая здесь болгарская катена не связана с текстом толкований Максима Грека (1470–1556). Есть некоторые совпадающие по смыслу толкования (я обнаружила, например, такие тексты Феодорита Киррского, однако текст Максима не совпадает с текстом в № 18 и, несомненно, он не знал болгарскую рукопись, однако использовал известный в то время полный древнеболгарский перевод Толковой псалтыри Феодорита Киррского).

ПСАЛОМ 3 Предисловие

Чудовская псалтырь[64]

[сказанье третїаго ѿ палма. ѱ҃ло. | д҃вв. егда бѣгаше ѿ лица авесало|мла сна своє]

Прилѣжьникомъ оубо.| ꙗвѣ ѥсть повѣсть.| слабъихъ же дѣльма. | въкратцѣ ѩ рекѫ. по съгоубѣѥмь томь| чрѣсьзаконии. вели| къи д҃вдъ. въ многъı| и различъı бѣдъı| въпаде не тъчиѩ бо| сѫмеждьнъїа странъı| на рать въздвигоша| са и на сѣчь нъı и самъ| домъ ѩсобицѫ прїа| и чрѣ|сьзаконие. чрѣ|сьзаконие прѣїа. амнѡ|ново блоуждени|ѥ авесаломово оубиѥние. и брата оубиѥни| (стр.18)ѥ. въстание на ѻ҃ца и| своихъ л҃юдии остѫ|пление. прѣдъстроїа|шти бо б҃жии благодѣ|ти. ничьсо же отъ си|хъ прилѣпи са д҃вдви. | нъ за бъıвъшааго бе|законьїа. въмѣсти| са зълоба и повѣсти|ѩ сътворила. и бѣдъı| многъı прозабнѫ. въ то оубо врѣма. оца| оукоривъшааго бѣга|ꙗ сна. и сѫщиихъ съ| н'имъ. въплъчивъ| са противѫ ѥмоу. сь | фалмь написалъ. бо|жиѩ дх҃оу ꙗвѣ ѥсть| ꙗко и тъгда. съдѣла|въшоу. за бъıвъша|аго имъ тепла покаа|нїа ⁘..⸗

[64] (Погорелов 1910: 17–18, л. 13б–13г). Текст передается без надстрочных знаков.

inslav

Рукопись № 18, л. 13

тлъкованїе третїаго псалма̀ е҆гда оу҆бѣже дв҃д҃ | ѿ лица а҆весáломлѣ сн҃а своегѡ:~

Ꙗвлена оу҆бо прилежнымъ повѣсть. лѣнивѣ́шнх҄ же| ра҃, въкратцѣ рекѫ сїѭ• по соугоубомоу о҆но́моу за|конопрѣстѫпленїю великыи дв҃дъ, въ многы и въ|сѣчьскы въпаде бѣды• не тъкмо бо҃ блнзь живѫще|и а҆зыци на ратованїе подвигоша҃ и҆ брань, нѫ и҆ са|мын е҆гѡ домъ матежь прна́тъ• и҆ законопрѣстѫпле|нїе прѣа́тъ• а҆мно́ново съблѫ҃женїе, а҆весалѡмово| оу҆бїнство• и҆ братоѹбненїе, е҆же на҆ ѡ҃ца въстанїе, | и҆ послѹшныхъ ѿстѫпленїе• промышлѣащи бѡ о҆| немъ бл҃гти, снхъ ни е҆дино приближи сѧ дв҃доу• ѿ | о҆нѣх҄ же ради бывшаго законопрѣстѫпленїа ѿстѫ|пльши, мѣсто прна́тъ зло́ба и҆ плачю достоиноа| л. 13об. съдѣла • и҆ оу҆стръмленїе прорастн бѣ-дамъ• въ ѡ҆но́ же| врѣма ѿ ѡ҃цеоу҆бїнцѫ бѣгаѫ сн҃а, и҆ сѫщимь съ нимъ| на нь въспрне́м҄шимъ о҆плъченїе, сн҃ъ съписа ѱлмъ•| бж҃твномоу дх҃оу ꙗвѣ ꙗко и҆ въсемъ съдѣловавшю| за то́плое е҆гѡ бывшее покаанїе:~

ТОЛКОВАЯ ПСАЛТЫРЬ МАКСИМА ГРЕКА[65]

РГБ Ф.304.I.85, начало XVIII в., л. 36об.[66]

Сказанїе третїагѡ п҃алма. ѱалма. ѱалѡмъ дв҃вѡвъ егда бѣгаше ѿ лица абесалѡмла сына своего.

Прилежаникѡ҃ оубо ꙗвѣ есть повѣсть, слабых҄ же дѣльма. въкратцѣ ю рекоу, по сѹгѹбѣмь томь чрез҄закѡнїи. великїи дв҃дъ. во мнѡги и различны бѣды въпадъ. не точїю бо сѹмежныа, страны на ратъ воздвигошасѧ. и на сѣчѹ, но и самъ домъ оусобинѹ, (*прїа чрѣсьзаконие.*[67]) и[68]

[65] Сохранились многочисленные списки Псалтыри Максима Грека (см., например, (Иванов 1969: 40–43)). К сожалению, я не имела возможности проверить текст по более ранним спискам XVI в. и печатным изданиям. В новейшем обзоре литературы о Максиме Греке, который мне знаком (Журова 2005), не отмечено никакого исследования о его Толковой псалтыри.

[66] Текст передается без надстрочных знаков. См. рис. 5.

[67] Текст пропущен.

[68] Добавлено.

inslav

чрѣзъзаконие прїѧ. аминѡво блѹженїе. авесаломово оубїенїе. и братооубїение, востанїе на ѡца. и своихъ ѩюдеи ѿстѹпленїе, престоѧцїї (*бо*[69]) же бжїи блгти, ничесѡ (*же*[70]) ѿ сихъ прилѣпи сѧ двди. но забывше беззаконїе вмѣсти сѧ ѕлѡба, и повѣсть сотвори, и бѣды мнѡгы прозабнѹ. въ то оубо время. оца оукоршаго, бѣгаѧ сына и сѹщихъ съ нимъ вѡполчивса, противѹ емоу сеи фалѡмъ написа, бжїю дхѹ ѩвѣ есть. ѩкѡ и тогда содѣлавшѹ, за бывшаго имъ теплагѡ покаанїѧ.

Катена, обнаруженная И. Карачоровой, по своему обьему и составу указанных авторов никак не подходит к тексту болгарской рукописи XIV в. По устному сообщению Мэри МакРоберт на конференции в Лодзи 20-го мая 2016 г., в катене Хиландарских рукописей, обнаруженной И. Карачоровой, представлен именно текст Толковой псалтыри Максима Грека. Рукопись № 13 собрания Болгарской национальной библиотеки в Софии по сути дела не является катеной, потому что в ней отсутствуют комментарии на псалмы, а есть только короткие схолии на полях, которые относятся к немногим текстам псалмов. Относительно катены, обнаруженной М. МакРоберт, сама она сказала на упомянутой конференции, что компилятивная катена на Псалтырь, которую она обнаружила в трех восточнославянских рукописях XV и XVI вв., не совпадает по своему содержанию с катеной № 18, которую я представила на конференции в Польше.

Конечно, еще рано определять автора катены, которую перевел болгарский книжник, и время ее возникновения. В этой связи я хочу упомянуть, что, например, имя Арефы находится в катене XVII-ой по одной из классификаций катен[71] и terminus a quo для ее возникновения исследователи византийской традиции называют дату смерти

[69] Здесь «же» заменило «бо».

[70] Пропуск.

[71] Имя Арефы отмечено как имя автора, например, в катене XV (Karo, Lietzmann 1902: 43, три рукописи X в.), XVI (Karo, Lietzmann: 47, одна рукопись XI в. и одна XII в.), XVII (Karo, Lietzman 1902: 48, три рукописи X в., одна рукопись X/XI в., четыре рукописи XI в., одна рукопись XII в., одна XIV в., одна XIV/XV в., одна рукопись XV в. и одна XVI в.) и XVIII (Karo, Lietzmann: 53, одна рукопись XI в.). Рондо указала, что известны 25 рукописей XVII катены и связанных с ней рукописей (Rondeau 1982: 239).

inslav

Рис. 7. Рукопись РГБ, ф. 304.I.85, начала XVIII в., л. 36об.

inslav

Рис. 8. Рукопись РГБ, ф. 304.I.85, начала XVIII в., л. 37

inslav

Арефы (около 932 г.), a terminus ante quem — 984 и 994 гг., имея в виду даты, когда появились древнейшие списки этой катены (Rondeau 1982: 239). Наиболее подробный анализ присутствия имени и текстов Арефы в греческих катенах на Псалтырь показывает, что его имя обозначено в рукописной традиции так называемой Златоустово-Феодоритовой катены и является свидетельством оформления последнего этапа ее развития, что она оформлена, наиболее вероятно, недолгое время спустя после смерти Арефы близким другом Кесарийского архиепископа, интересовавшимся экзегезой, который хотел выразить свое почитание к нему, имел в своем распоряжении его комментарии и добавил к тексту первоначального состава Златоустово-Феодоритовой катены ок. 940 г. короткие глоссы, которые сам Арефа написал на полях своего экземпляра книги Псалмов и книги пророка Осии (Dorival 1986: 23, 31–32; Dorival 1992: 55, 74, 91, 96–99, 100, 103, 126–127, 128). Считается, что эта работа показывает также, что «le premier humanisme byzantin n'a pas ignoré le domaine des chaînes; il ne se caractérise pas seulement par un retour à la tradition classique, mais aussi par un retour aux Pères grecs et à leurs œuvres exégétiques» (Dorival 1992: 99). Возможно, что это утверждение в будущем окажется важным и для исследования перевода текста болгарской катены. Если будет установлено, что надо принять во внимание и катену Никиты Ираклийского, это отодвинет почти еще на столетие время возникновения болгарской катены. Имя Никифора Влеммида — если действительно отрывок принадлежит именно ему — указывает на появление катены не ранее первой половины XIII в. Интересно отметить, что его имя было обнаружено в тексте толкований на первый псалом шестого этапа развития катен-схолий (Dorival 1989: 122), в которых в каждом псалме есть основной автор, однако он не один и тот же в разных псалмах, и его толкования дополнены отрывками различного происхождения. Этот этап сохранился в двух рукописях X в., однако он начался, может быть, в первой половине IX в., когда составитель катены, который был знаком с использованием константинопольской стихометрики, и выразил свою неявную, сдержанную позицию в пользу иконопочитания, собрал палестинское наследие (Dorival 1989: 81–126). Единственный фрагмент с именем Никифора Влеммида, однако, был идентифицирован как принадлежащий «Псевдо-Никифору Влеммиду» и, очевидно, не был обнаружен в его сочинениях.

inslav

Мы не знаем, существовали ли какие-нибудь списки болгарской катены до рукописи № 18, является ли этот кодекс неоконченным переводом. Поскольку кодексы славянской рукописной традиции до XIV в. уже выявлены, и только очень редко появляются данные о неизвестных рукописях, очень мало вероятно выявить какой-то более ранний список. Но если окажется, что у этой рукописи нет никаких предшественников, такой факт, конечно, не означает, что в № 18 находится сам неоконченный перевод. Задача будущих исследований установить автора катены и точное время ее возникновения.

Возникает и вопрос: сохранились ли какие-нибудь более поздние списки этой катены? Установить это более сложно, потому что славянская рукописная традиция после XIV в. не так хорошо выявлена, и поиски в ней намного труднее. Все-таки упомяну, что существует один более поздний кодекс начала XV в., который содержит текст той же самой катены, которую обнаруживаем в рукописи № 18. Ему будет посвящена отдельная работа. Сейчас скажу только, что он, несомненно, тесно связан с текстом болгарской рукописи № 18. Этот кодекс хранится в собрании графа Уварова в Государственном историческом музее в Москве, № 75-4, и был кратко описан еще в 1893 г. как болгарская рукопись конца XIV или начала XV в. неполного текста толкований на Псалтырь, в конце которой было упомянуто присутствие одного отрывка из толкований на псалмы Никиты Ираклийского и отмечено, что более полная рукопись этого толкования содержится в рукописи Московской духовной академии 4/18 ((Леонид 1893: 82–83 № 131 (75)), т. е. фактически указана катена болгарской рукописи № 18. Рукопись № 75-4 была упомянута позже в нескольких справочниках: в 1966 г. как болгарский кодекс конца XIV – начала XV в. толкований на Псалтырь (Шеламанова 1966: 266 № 1402; Жуковская 1969: 67[72]), в 1993 г. в дополнениях к предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в. среди рукописей первой половины XV в. и XV в. без уточнения датировки (Дополнения 1993: 83 № 56). Несмотря на это, до сих никто не обратил внимания

[72] Здесь отмечено: «1402 имеет определение: “Толкование на псалтырь”». Это объяснение дано, вероятно, потому, что она включена в указатель под рубрикой, названной «Псалтырь толковая», и автор делал какое-то различие между двумя названиями.

inslav

на этот факт, и кодекс остался до сегодняшнего дня совершенно неизвестным исследователям Псалтыри.

После всего сказанного можно утверждать только, что рукопись № 18 является древнейшим славянским списком настоящей катены, а, может быть, и древнейшим славянским переводом такой катены на Псалтырь. Ее открытие для библеистов имеет значение и в общем плане изучения катен на Псалтырь, поскольку пока в науке говорится о существовании таких компиляций толкований только в других средневековых традициях, а, как очень часто бывает в библеистике, славянская традиция остается неизвестной для библеистов. Достаточно процитировать мнение одного из самых авторитетных исследователей греческих катен последних десятилетий двадцатого века о распространении катенных текстов в византийском ареале — Жиля Дориваля. Он писал в 1986 г.: «A partir du 6e siècle apparaît, dans l'église grecque de Palestine, une forme nouvelle d'interprétation de l'Ecriture. Peu à peu cette forme nouvelle se diffuse à travers l'ensemble du monde byzantin, et au-delà, dans les domaines latin, syriaque, arménien, copte, arabe et étiopien. Elle se montre d'une fécondité remarquable, puisqu'elle et attestée à l'heure actuelle par plusieurs centaines de manuscrits grecs. Elle reste productive jusqu' à la fin de l'Empire byzantin, et même plus tard dans l'Italie du 16e siècle et dans les monastères du Mont-Athos» (Dorival 1986: VII). И до сих пор исследователям греческих катен остается известным только то, что написал и опубликовал Ватрослав Ягич в 1917 г.[73] Поэтому текст рукописи № 18 поможет включить эту катену в описание общего развития жанра в средневековую эпоху, а этот процесс, несомненно, поможет также осветить лучше как все особенности текстов этой катены, так и ее место в распро-

[73] См. (Jagić 1917). Эта книга оказалась очень полезной для исследователей греческих катен, они использовали ее для идентифицирования некоторых незнакомых отрывков из других рукописей и включили опубликованную в ней рукопись в схемы взаимоотношений греческой рукописной традиции, которые они предложили, но не в связи со славянской традицией. См., например, (Harl 1972, 1: 34; Rondeau 1982: 82, 142–143, 217, 249, 255, 256, 262, 274, 279, 344; Dorival 1986: 1, 38, 83, 85; Dorival 1989: 83, 90, 91, 93, 106, 113,117,122; Dorival 1992: 3, 132, 133, 134, 135, 136, 147, 165, 166, 169, 243, 481, 482, 483, 490).

inslav

странении толковых текстов не только в болгарской книжности, но и в православном мире этого периода.

В заключение можно сказать, что предстоит большая работа по исследованию текста рукописи, который оказался очень важным и интересным в целом и заслуживает внимания ученых. Поэтому следует расценивать эту статью как один из первых шагов в этом направлении и предварительное сообщение о некоторых результатах моей работы над источниками текстов, включенных в рукопись этой, как оказывается, по сути дела никому неизвестной, болгарской катены.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1999 — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Богдановић 1982 — *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века). Београд, 1982.

Петковић 1914 — *Петковић С.* Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914.

Бруни 2004 — *Бруни А. М.* Θεολόγος: Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы. М.; СПб., 2004.

Бруни 2010 — *Бруни А. М.* Византийская традиция и старославянский перевод Слов Григория Назианзина. М., 2010. Т. 1.

Василий Великий 2004 — Василий Великий // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7.

Востоков 1842 — *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.

Гардзанити 2006 — *Гардзанити М.* Псалмы и их перевод в Евангелии и Апостоле (X–XI вв.) // Многократните преводи в Южнославянското средновековие. Доклади от международната конференция. София, 7–9 юли 2005 г. София, 2006.

Григорий 2006 — Григорий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12.

Григорий Богослов 2006 — Григорий Богослов // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12.

Добрянский 1882 — *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882.

Дополнения 1993 — Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986). М., 1993.

Евангелие от Иоанна 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998.

inslav

Евсеев 1995 — *Евсеев И. Е.* Рукописное предание славянской Библии // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1995. Вып. 1. (Первая публикация: Христианское чтение. СПб., 1911. Т. 235. Ч. 2. С. 435–450, 644–660; отдельная брошюра: СПб., 1911).

Жуковская 1969 — *Жуковская Л. П.* Памятники русской и славянской письменности XI–XIV вв. в книгохранилищах СССР // Советское славяноведение. 1969. № 1.

Зайцев 2007 — *Зайцев Д. В.* Диодор // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15.

Иванов 1969 — *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека: Характеристики, атрибуции, библиография. Л., 1969.

Исидор Пелусиот 2011 — Исидор Пелусиот // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27.

И.В.Т. 2001 – *И.В.Т.* Арефа // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3.

Журова 2005 — *Журова Л. И.* Максим Грек в филологической науке // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков. Тобольск, 2005.

Карачорова 2003 — *Карачорова И.* Псалтир // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3.

Карачорова 2012 — *Карачорова И.* Из лексиката на славянския Псалтир с тълкованията на Теодорит Кирски // Язык Библии: Лингвотекстологические исследования. М.; СПб., 2012.

Карачорова 2013 — *Карачорова И.* Новооткривена катена на Псалтиру у рукопису из Хилендарског манастира // Научни састанак слависта у Вукове дане. 42. 2013. № 2.

Карачорова 2015 — *Карачорова И.* Към изучаването на славянските библейски книги с тълкувания // Информатика, граматика, лексикография. Сборник доклади и материали от заключителната конференция. София, 29–30.06.2015 г. София, 2015.

Карачорова 2015а — *Карачорова И.* Новонайденная катена к Псалтыри в двух рукописях Хиландарского монастыря // Palaeobulgarica. 2015. Г. 39. № 1.

Климент Охридски 1970, 1973 — Климент Охридски: Събрани съчинения. Т. 1 / Обраб. Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970; Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий / Подг. за печат Б. Ст. Ангелов и Хр. Кодов. София, 1973.

Леонид 1887 — *Архим. Леонид.* Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Святой Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящейся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 2. Отд. II. № 4 (18).

inslav

Леонид 1893 — *Архим. Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова. М., 1893. Ч. I.

Макеева 2012 — *Макеева И. И.* Редкая лексика в Сказаниях о чудесах Николая Чудотворца // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.

Мейендорф 1992 — *Протоиерей Иоанн Мейендорф.* Введение в святоотеческое богословие: Конспекты лекций / Перевод с английского Ларисы Волохонской. Изд. 2-е, исправленное. Вильнюс; М., 1992.

Мирчева 2006 — *Мирчева Е.* Германов сборник от 1358/1359 г.: Изследване и издание на текста. София, 2006.

Михайлов 2006 — *Михайлов П. Б.* Дидим Слепец // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14.

Морозова 2008 — *Морозова Н. А.* Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог. Vilnius, 2008.

Морозова 2014 — *Морозова Н. А.* Библиотека Жировичского монастыря: история книжного собрания // Славянская письменность Великого княжества литовского: Характерные черты и специфические особенности. Вильнюс, 2014.

Морозова 2014а — *Морозова Н. А.* Предварительный список рукописей, принадлежавших библиотеке Жировичского монастыря // Славянская письменность Великого княжества литовского: Характерные черты и специфические особенности. Вильнюс, 2014.

Николова 1990 — *Николова С.* Повестта «Стефанит и Ихнилат» в българската средновековна литература и книжнина // Palaeobulgarica. 1990. Г. 14. № 3.

Николова 1991 — *Николова С.* За българския текст на повестта «Стефанит и Ихнилат» // Старобългарска литература. София, 1991. Т. 25/26.

Николова 1996 — Стефанит и Ихнилат: Старобългарска преводна повест от XIII век / Изд. подг. от *С. Николова.* София, 1996.

Николова 2016 — *Николова С.* Об одной незнакомой болгарской катене на Псалтырь в списке XIV века // Studia Ceranea. 2016. Т. 6.

Петковић 1914 — *Петковић С.* Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914.

Погорелов 1901 — *Погорелов В. А.* Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 3. Псалтыри. С приложением статьи «О редакциях славянского перевода Псалтыри» и четырех фототипических таблиц. М., 1901.

Погорелов 1910 — *Погорелов В. А.* Чудовская Псалтырь XI века: Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтирь в древнеболгарском пере-

inslav

воде: С приложением двух фототипических снимков. СПб., 1910 (Памятники старославянского языка. Т. 3. Вып. 1).

Погорелов 1910а — *Погорелов В. А.* Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе: Рассмотрение списков и исследование особенностей псалтырного текста. Варшава, 1910.

Погорелов 1910б — *Погорелов В. А.* Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910.

Попов 1872 — *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.

Попов 1875 — *Попов А. Н.* Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати А. И. Хлудова. М., 1875.

Протасьева 1970 — *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. I. № 577– 819.

Протасьева 1980 — *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. М., 1980.

Рукописные собрания 1986 — Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2.

Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.

Сидоров 1993 — *Сидоров А. И.* Преподобный Максим Исповедник: эпоха, жизнь, творчество // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты / Перевод, вступительная статья и комментарии А. И. Сидорова. М., 1993.

Саввина книга 1999 — Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. М., 1999.

Старославянский словарь 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

Старобългарски речник 1999, 2009 — Старобългарски речник. Т. I. София, 1999; Т. II. София, 2009.

Ткачев 2011 — *Ткачев Е. В.* Исихий Иерусалимский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27.

Турилов 1986 — *Турилов А. А.* Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.

Христова 1994 — *Христова И.* Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994.

Шеламанова 1966 — *Шеламанова Н. Б.* Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (Для Сводного ката-

inslav

лога рукописных книг, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966.

Цубалевска, Макаријоска 2013 — *Цубалевска М., Макаријоска Л.* Лексиката на коментарот кон Погодиновиот псалтир. Скопје, 2013.

Шиваров 1986 — *Шиваров Н. С.* Древни източни коментари на Псалтира и старобългарските им преводи // Годишник на Духовната академия «Св. Климент Охридски». 1986. (1978/1979). Т. 28 (54). № 1.

Ястребов 2008 — *Ястребов А.* Евсевий // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17.

Dorival 1986, 1989, 1992, 1995 — *Dorival G.* Les chaînes exégétiques grecques sur les psaumes: Contributions à l'étude d'une forme littéraire. Vol. 1. Leuven, 1986; Vol. 2. Leuven, 1989; Vol. 3. Leuven, 1992; Vol. 4. Leuven, 1995 (Spicilegium Sacrum Lovaniense: Études et documents. No 43, 44, 45, 46).

Garzaniti 2001 — *Garzaniti M.* Die altslavische Version der Evangelien: Forshungsgeschichte und zeitgenössische Forschung (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd. 33), Köln; Weimar; Wien, 2001.

Grégoire de Nisse 2002 — Grégoire de Nisse. Sur les titres des Psaumes: Introduction, texte critique, traduction, note et index / Par *Jean Reynard.* Paris, 2002 (Sources Chrétiennes. No 466).

The Greek New Testament 1983 — The Greek New Testament / Ed. K. Aland, M. Black, C. M. Martini, B. M. Metzger, A. Wikgren / Under the direction of K. Aland and B. Aland. 3-d ed. Stuttgart, 1983.

Harl 1972, 1, 2 — *Harl M.* La chaîne palestinienne sur le psaume 118 (Origène, Eusèbe, Didyme, Apollinaire, Athanase, Théodoret). Paris, 1972. Vol. I. Introduction, texte grec critique et traduction / Avec la collaboration de *Gilles Dorival* (Sources Chrétiennes. No 189); Vol. II. Catalogue des fragments, notes et indices (Sources Chrétiennes. No 190).

Istoria literaturii romîne 1964 — Istoria literaturii romîne. T. I. Folclorul, literatura romînă în perioada feudală (1400–1780). Bucureşti, 1964.

Jagić 1907 — Словѣньскаѩ псалътъıрь. Psalterium Bononiense: Interpretationem veterem slavicam cum aliis codicibus collatam, adnotacionibus ornatam, appendicibus auctam / Ed. V. Jagić. Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1907.

Jagić 1917 — Supplementum Psaltirii Bononiensis: Incerti auctoris explanation Psalmorum Graeca ad fidem / Ad fidem codicum ed. V. Jagić. Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1917.

Jacques Sirmond — Jacques Sirmond // IdRef – Le référential des autorités Sudoc, https://www.idref.fr/029001498).

Karo, Lietzmann 1902 — *Karo G., Lietzmann J.* Catenarum Graecarum Catalogus // Nachrichten von der königliche Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen,

inslav

Philologish.-historische Klasse. Göttingen, 1902. Pars I. Heft 1. S. 1–67 (О Псалтыри S. 20–66); Pars II. Heft 3. S. 299–350; Pars III. Heft 5. S. 559–620.

MacRobert 1996 — *MacRobert C. M.* The classificatory Importance of Headings and Liturgical Directions in Church Slavonic Psalters of the 11th–15th Centuries // Byzantinoslavica. 1996. T. 57. № 1.

MacRobert 2005 — *MacRobert C. M* .The compilatory Church Slavonic catena on the Psalms in three East Slavonic manuscripts of the fifteenth and sixteenth centuries // Slavia. 2005. Roč. 74. Seš. 2/3.

MacRobert 2006 — *MacRobert C. M.* The variable treatment of clitics in 14th-century South Slavonic psalter translations // Многократните преводи в Южнославянското Средновековие. Доклади от международната конференция. София, 7–9 юли 2005 г. София, 2006.

Mathiesen 1983, 1984 — *Mathiesen R.* Handlist of Manuscripts Containing Church Slavonic Translations from the Old Testament // Полата кънигописьнаꙗ. 7. 1983. S. 3–48 (то же самое в: *Mathiesen R.* Two Papers on Church Slavonic Old Testament Manuscripts. Providence, 1984. R. I. (1. *Mathiesen R.* Handlist of Manuscripts Containing Church Slavonic Translations from the Old Testament // Полата кънигописьнаꙗ. 7. (March 1983). S. 3–48. Nijmegen; *Mathiesen R.* 2. The Typology of Cyrillic Manuscripts (East Slavic vs. South Slavic Old Testament Manuscripts). American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. I: Linguistics. P. 193–202. Columbus, Ohio: Slavica, 1983).

Nestle-Aland 1993 — Novum Testamentum Graece post Eberhard et Erwin Nestle editione vicessima septima revista communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger. Apparatum criticum novis curis elaboraverunt Barbara et Kurt Aland una cum Instituto Studiorum Textus Novi Testamenti Monasterii Westphaliae. 27. revidierte Aufl. Stuttgart, 1993.

Nicéphore Blemmidès 2007, 2013 — *Nicéphore Blemmidès.* Œuvres théologiques. T. I. Introduction, texte critique, traduction et notes / Par M. Stavrou. Paris, 2007 (Sources Chrétiennes. No 517); T. II. Paris, 2013 (Sources Chrétiennes. No 558).

PG 80 — *Migne J.-P.* Patrologiae graecae cursus completus. (Theodoreti, Cyrensis episcopi, Opera omnia: post recensionem Jacobi Sirmond editit, Graeca e codicibus locupletavit, antiquiores editiones adhibuit, versionem Latinam recognovit, lectionum varietatem, amplissimos indices adjecit Joan. Ludov. Schulze (Hallae 1769 et ann. seqq.). Accessit auctarium Theodoreti quod olim adornavit Joan. Garnerius: accurante et denuo recognoscente J.-P. Migne. Tomus primus). Paris, 1860. T. 80.

inslav

Rondeau 1982, 1985 — *Rondeau M.-J.* Les commentaires patristiques du Psautier (III-e–V-e siècles). Vol. I. Les travaux des pères grecs et latins sur le Psautier. Recherches et bilan. Roma, 1982 (Orientalia christiana Analecta. 219); Vol. II. Exégèse prosopologique et théologie. Roma, 1985 (Orientalia christiana Analecta. 220).

Septuaginta 1979 — Septuaginta / Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Duo volumina in uno. Stuttgart, 1979. Vol. II. Libri poetici et prophetici.

Theodoret of Cyrrus 2000, 2017 — *Theodoret of Cyrrus*. Commentary on the Psalms. Psalms 1–72 / Translated by Robert C. Hill. Catholic University of America Press (The fathers of the Church, 101). Washington DC, 2000. Reviewer: Wendy Mayer. Centre for Early Christian Studies, Australian Catholic University (http://atbr.atf.org.au/atbr/images/review_theodoret_of_cyrus.pdf) – 15.02.2017.

Thomson 1998 — *Thomson F. J.* The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998.

Yovcheva, Taseva 2012 — *Yovcheva M., Taseva L.* Translated literature in the Bulgarian Middle Ages as a Social and cultural Phenomenon // Scripta & Scripta. 2012. Vol. 10/11.

inslav

ВИКТОР САВИЧ
Институт сербского языка САНУ,
Филологический факультет Белградского университета

ДИАЛЕКТ И КНИЖНАЯ НОРМА В МИХАНОВИЧЕВОМ ОТРЫВКЕ АПОСТОЛА: О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПАМЯТНИКА В СВЕТЕ БОЛЕЕ ШИРОКИХ СЕРБСКИХ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ

1. 1. Михановичев отрывок Апостола является остатком краткого глаголического праксапостола с перикопами из апостольских посланий, которые распределены по правилам Восточной православной церкви (Štefanić 1970: 39; Мошин 2000: 93; Jagić 1868: 12, 14). Это два листа, которые Павел Йозеф Шафарик первым заметил на обороте крышек переплета Иловицкого списка Номоканона святого Саввы 1262 г., представляя их в своих «Памятниках глаголической письменности» (Šafařík 1853). Как свидетельствует Валтазар Богишич, эти листы позже с переплета Иловицкой кормчей отклеил Франц Миклошич (Jagić 1868: 3). Судя по всему, австрийский дипломат Антун Миханович (1796–1861) приобрел Иловицкую кормчую вблизи города Скопле, куда она каким-то образом попала из монастыря Святого архангела Михаила в Иловице[1], где находилась резиденция зетских епископов (Mošin 1955: 50; Јанковић 1985: 163–165, 166–169, Равић 2016: 287). Объезжая пределы Печской патриархии, сербский патриарх Арсений IV Йованович Шакабента оставил две записи на данной книге в Скопле, в 1727 и 1729 гг. Самая ранняя запись из Скопле появилась чуть раньше — в 1724 г. Во второй половине XVIII в. книга оказалась в Марковом монастыре, о чем также свидетельствуют записи[2].

[1] Позже Михольский перешеек близ Тивата (нынешняя Черногория).

[2] Последняя запись игумена Кирилла Пейчиновича — 1807 года (о записях см. (Mošin 1955: 53–54)).

inslav

1. 2. Антун Миханович собирал только ценные рукописи, главным образом во время своих путешествий по Македонии и в бытность австрийским консулом в Салониках (Mošin 1955: 6). Вскоре после основания Югославянской академии наук (1866), ее покровитель, джаковско-сремский католический епископ Йосип Юрай Штроссмайер (1815–1905), выкупил собрание рукописей Михановича (их было 38) у какого-то его родственника. Об этом Джуро Даничич (1825–1882), секретарь Академии, уже в 1867 г. известил Ватрослава Ягича (1838–1923) (Mošin 1955: 6). Ягич вскоре подробно обработал и издал этот памятник (Jagić 1868). Руководствуясь ограниченными знаниями своего времени, тридцатилетний Ягич, в то время гимназический профессор в Загребе, в подзаголовке своего текста, не задумываясь, охарактеризовал памятник как «рукопись рода хорватского». Это случилось всего лишь год спустя после появления его сочинения «Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga» (Jagić 1867), в котором он рассматривает хорватскую и сербскую культуру средних веков в совокупности[3]. Со временем стало ясно, что Михановичев отрывок Апостола с более узкой точки зрения является частью сербского средневекового наследия (круга *Slavia Orthodoxa*). Сам Ягич к этому вопросу больше не возвращался, так как с его, более широкой точки зрения, для этого, конечно, и не было надобности. Однако сегодня это важно для более точного обозрения средневековых литературных явлений. В известной загребской «Энциклопедии Югославии» (*Enciklopedija Jugoslavije*), которую издавало известное Югославское лексикографическое издательство во главе с Миросла-

[3] Это был романтический период с растущей уверенностью, прежде всего в Габсбургской монархии, что сербы и хорваты «один народ с двумя именами», тем более, что среди сербов того времени еще было много римокатоликов. Одновременно сербский филолог Джуро Даничич переехал в 1866 г. по личным причинам из Белграда в Загреб, став сербокроатистом. Тогда он присваивает новое название языку на новоштокавской (восточно-герцеговинской) основе — «хорватский или сербский». Одновременно Даничич в своем новом доме, Югославянской академии наук, начнет работу над объемистым Словарем хорватского или сербского языка — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (T. I–XXIII, 1880–1976), самом «продолжительном символе» общности, который, вопреки многочисленным турбуленциям, был с успехом окончен почти столетие спустя.

inslav

вом Крлежей[4], под определением «Язык сербохорватский» (*Jezik srpsko-hrvatski*) Петар Джорджич, обрабатывая историю сербского литературного языка с ранних средних веков до эпохи Просвещения, определил Михановичев отрывок Апостола как выразительный памятник сербской редакции старославянского языка (Đorđić 1960: 512; Трифуновић 2001: 30–31).

1. 3. Ягич не мог понять, каким образом памятник, для которого из-за глаголического письма, упрощенной орфографии и даже языка вполне можно было ожидать его принадлежность к хорватским, мог принадлежать к типу книги, неизвестному на Западе, т. е. быть Апостолом-апракос — текстом, специально оформленным для потребностей православного обряда[5]. В шестидесятые годы XIX в. Ягич все еще оперировал лишь понятиями «болгарской и хорватской глаголицы» (Jagić 1868: 13–14). Ему было хорошо известно, что все глаголические памятники «po sadržini diele [...] u dvie vrsti: prva je vrst knjîgâ grčkoistočnoga obreda, druga knjîgâ rimskozapadnoga obreda», причем «spomenici roda bugarskoga» одновременно «i grčkoistočnoga obreda, a spomenici roda hrvatskoga da su obreda rimskozapadnoga». Как он отмечает дальше, это более всего отражалось в литургических книгах, причем без исключения; единственное исключение из данного правила составлял именно Михановичев отрывок (Jagić 1868: 13). Если даже и допустить, что данная богослужебная книга возникла где-то на просторах католической Сплитской архиепископии, рассуждал тогда Ягич, она, поскольку никак не совпадала с известными, привычными хорватскими памятниками («ни письмом, ни текстом»), могла быть лишь значительно старше их. Это означало бы, что книга должна была появится самое позднее в первой половине XII в. Однако она не старше конца XII в.! Если все же допустить, что Апостол написан где-то дальше к югу или к востоку, то вполне можно было бы ожидать его датировку концом XII, и даже началом XIII в. Учитывая переходный характер глаголицы в данном памятнике (от «круглой, болгарской», к «угловатой, хорватской»),

[4] Первое издание — 1955–1971 гг.; второе, дополненное и неоконченное — 1980–1990 гг.

[5] Хорваты принадлежат к тому церковно-культурному кругу, который через сто лет будет назван *Pax Slavia Latina*.

inslav

Ягич пришел к выводу, что данный памятник возник «na nekojem trećem kraju južnoga slovinstva». Исходя из места переписки Номоканона святого Саввы, Ягич предположил, на этот раз без доказательств, что и глаголическая книга, листы которой были использованы для оклейки оборотов крышек переплета кодекса, могла быть переписана «u staroj Zeti i Diokleciji» (Jagić 1868: 15).

1. 4. Сегодня ясно, что церковная организация на местах прямо связана с (единственно возможным) употреблением соответствующего типа богослужебных книг в церквях. Это обстоятельство решающе влияет и на вопрос о происхождении сохранившихся до наших дней средневековых литургических кодексов. Несмотря на специфику церковной ситуации в Хорватии и всей Даламции во второй половине IX века[6], ее гомогенизация под покровительством Римской церкви завершилась самое позднее в начале второй четверти X в. (Первый и Второй собор в г. Сплит, 925 и 928 гг.), а это почти на двести лет раньше создания Апостола Михановича, от которого сегодня сохранился лишь известный нам фрагмент. Это слишком большой промежуток времени для переписки книг восточного обряда на западной почве без реальной потребности в церкви. При этом, данная книга не служила для чтения («для нахождения места на полках»), а была предназначена для богослужения. Даже и чуть восточнее и южнее, среди сербов, почти на всем пространстве бывшей провинции Далмации, местные церковные организации были включены в западный порядок (приморские княжества, среди которых и Дукля, и Босния). Лишь гораздо дальше от хорватов на восток, в рамках византийской церковной организации, которую сегодня принято называть «Охридской архиепископией» (исторически «Архиепископия Болгарии»), продержавшейся среди сербов до начала XIII в. (недолго после разгрома Византийской империи крестоносцами), начинался мир *Slavia Orthodoxa*. Судя по всему, возможным местом создания бывшего Апостола Михановича остается только территория Охридской архиепископии. Отпадают Далмация и то, что Ягич особо выделил — Дукля (позже Зета). После выделения из Драчской митрополии, до конца XI в., Дукля подчинялась католической Дубровницкой архиепископии вплоть до создания собственной католической архиепископии в 1199 г. и учреждения православной

[6] О коротком эпизоде с князем Здеславом см. (Коматина 2014: 258–259).

inslav

епископии в 1219 г.[7] О том, что в Охридской архиепископии надолго задержалась глаголица, свидетельствует, например, недавнее открытие А. А. Турилова, что знаменитый Охридский апостол, написанный кириллицей и глаголицей, достоверно датируется 1225–1227 годами (время архиепископа Дмитрия Хоматиана, последнего, кстати, охридского архиепископа для сербов!) (Турилов 2016). Сохранившиеся листы Михановичева Апостола также показывают интерференцию двух азбук; в глаголицу местами внесены отдельные кириллические буквы — регулярно ѡ (глаголическое ⰾⰾ остается в лигатурах) и время от времени и наряду с ⰻ и ⰹ (Jagić 1868: 4; Štefanić 1970: 39). Этим хорошо иллюстрируются актуальные обстоятельства в дистрибуции славянских писем на микропространстве, связанном с появлением книги: кириллица доминирует в живом употреблении, глаголица в передаче старых текстов, особенно в литургической практике. На периферии Охридской архиепископии, где жили сербы и пользовались своим языком для литургии, глаголические книги могли задерживаться и дольше, чем в главных центрах епархии[8].

2. 1. Самое краткое, точное описание языковых особенностей данного памятника дал Векослав Штефанич в каталоге глаголических рукописей Югославской академии наук, констатируя, что новшества (по отношении к старославянской норме) существуют только в плане фонетики, что «носовые [...] превращены в чистые звуки *е* и *у*, еры в *и*, редуцированные слились в один — передний», и хотя редуцированный «слишком употребляется и там где ему не место, все же ни разу не был прояснен гласными *а* или *е*» (Štefanić 1970: 39).

2. 2. Из-за двух важных черт, которые редакционно отделяют западно-южнославянские памятники от восточно-южнославянских, «болгарских» (специфическая судьба носовых и редуцированных), но и более старых, старославянских, Ягич не задумываясь поместил этот фрагмент в западный корпус, в хорватские памятники (Jagić 1868: 13, 30). И действительно, данное отношение хорошо иллюстрирует пример Джорджича из «Энциклопедии Югославии», в котором

[7] Обе этих епископии Дукля получила при Неманичах — Вукане и Савве (Равић 2016: 132, 137, 222, 281–282).

[8] Ср. Иерусалимский палимпсест того же времени, с остатком глаголических букв из оригинала в основном кириллическом тексте (Иванова 1994: 28).

inslav

противопоставляются кусок из Михановичева апостола в подлинном виде и в нормализированной старославянской глаголической орфографии (в кириллической транслитерации):

Не боудѣте безоумьни нь разоумѣюще чьто есть вола божиѣ, не оупиваите се виномь вь немьже есть бьлоудь	не бѫдѣте безоумьни нъ разоумѣѭште чьто есть волѣ божиѣ, не оупиваите сѧ виномь въ нѣмьже естъ блѫдъ

Послание к ефесянам 5:17–18 (Đorđić 1960: 512)

Одновременно хорошо видна восточно-южнославянская старославянская основа данного текста, больше всего отраженная в рефлексах праславянских йотированных зубных **tj*, *dj* > щ /*шт*/, жд. Весьма ясно, что в такой структуре главные перечисленные черты отвечают именно норме сербской редакции старославянского языка[9].

2. 3. Деназализация и унификация редуцированных являются общими характеристиками как сербской, так и хорватской редакции, и обе они опираются на родственные диалектные основы, под давлением которых во время их создания совершалось преобразование произношения старославянского языка. Сербская редакция является приспособлением к штокавскому, а хорватская — к чакавскому диалекту (Ивић 1990: 89), и по мере взаимной близости этих двух диалектов, были близки и континуанты старославянского языка на их территориях. Однако и здесь существуют различия, среди которых важнейшим является судьба носовых переднего ряда после небных согласных в чакавском диалекте, а тем самым и в хорватской редакции: *ę* + *j*, *č*, *ž* > *a*. Поэтому выбранные Ягичем примеры с прямой и косвенной деназализацией говорят (в таких случаях) именно в пользу сербской, а не хорватской редакции: причестие 2б’’$_{20}$, {{раз}}лючаеть се 1б’’$_{18}$ — по отношению к ст.-слав. причѧстие, разлѫчаеть се (Jagić 1868: 30). В отличие от сербской редакции, в хорватской уже в древнейших памятниках, хотя и факультативно, встречаются и рефлексы унифицированного редуцированного *а* и *е*, что в сербской редакции в первых веках является истинной редкостью, так что Ягич и здесь замечает различие по отношению к памятникам с Запада. В отрывке Михановича нигде нет субституции редуцированного; в нем даже

[9] О норме см. (Јерковић 1984: 56–62).

inslav

засвидетельствована и форма ѡьчь 2б’$_{11}$ (Jagić 1868: 31), типичный сербизм[10]. В данном памятнике последовательно устранена графема *ы*, что, естественно, соответствует ее судьбе, известной в хорватском корпусе (Jagić 1868: 31). Что же касается сербской языковой среды, долго считалось, что она несколько запаздывала с субституцией *ы* : *и*, прежде всего из-за неточного чтения самых старых источников, хотя давно было ясно, что по структурно-историческим причинам устранение *ы* соответствует первому большому периоду в истории сербского языка (X–XI вв.), в составе общего устранения оппозиции *передние* : *непередние гласные* (Ивић 1990: 64). Например, по поводу Мирославова евангелия в литературе долго передавалось замечание Любомира Стояновича, что *ы* регулярно устранено только после заднеязычных смычных *к*, *г*, *х* (Стојановић 2004: 92). С. М. Кульбакин изменил такую установку, замечая, что этого звука больше и нет в системе данного памятника и что он по традиционным причинам пишется в большинстве исторических позиций, кроме трех перечисленных (Куљбакин 1925: 97; 112). Как результат ограничений произношения, греческое φ субституировано в хорватской редакции славянским п. Например, в отрывке Берчича находим *Paraona* по отношению к греческому Φαραώ, как непоследовательно находим и в отрывке Михановича: єписѣи и єфисѣи по отношению к греческому Ἐφέσιος (Jagić 1868: 32). Когда два с половиной десятилетия спустя Ягич обрабатывал отрывок Апостола Гршковича, тогда уже и ему было известно, что и в сербской редакции существует эта черта, например в Шишатовацком Апостоле 1324 г. и Типике архиепископа Никодима 1319 г., которые оба происходят из окрестностей Печи в Метохии (Jagić 1893: 101). На самом деле, с течением времени число таких примеров в сербской редакции уменьшалось, но отрывок Михановича принадлежит к старшей стадии, когда их концентрация все еще была большой. Иван Попович доказал, что субституция φ : *п*

[10] Данная штокавская инновация полностью перекрыла штокавскую территорию, частично проникая и на чакавскую, но в большинстве чакавских говоров ситуация такая же, как в кайкавском диалекте, словенском, болгарском и остальных славянских языках, с самым старым подтверждением в старославянском: ѡєчь (Skok II: 345–346). То же самое ожидается и в хорватских памятниках (Jagić 1868: 31; Hamm 1963: 59).

inslav

в средних веках была регулярна на сербской территории, и что она совершалась до начала Нового времени (Поповић 1955: 128, 130, 144–145).

2. 4. Как хорошо известно, основным средством при выделении отдельных редакций является фонологический анализ памятника, так как в плане фонологии (благодаря различным традициям произношения) они проявляются самым полным и самым выразительным образом (см. Грковић-Мејџор 2011: 46; Јерковић 1984; Младеновић 1977). Это прежде всего относится к основной, литургической части корпуса, который более или менее общий для всех славянских церковнославянских традиций (за исключением западных), а в меньшей мере к самобытным частям корпуса (прежде всего местное литературное творчество). Показанная выше языковая картина Михановичева отрывка Апостола несомненно говорит о его сербском происхождении. Это можно показать и на примере таблицы:

	ъ = ь		ѫ	ѧ		ы	шт		жд	
	серб-хорв. *ə*		серб-хорв. *ѫ* > *u*	серб. *ѧ* > *e*	хорв. *ѧ* > *e*, под опр. условиями *a*	серб-хорв. *ы* > *i*	серб. *št*	хорв. *ć*, *šć*, редко *št*	серб. *žd*	хорв. *j*
	серб. обык. ь	хорв. обык. ъ иногда *a*								
Михан. отрыв. Апост.	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-

Итак, в отношении редакционных особенностей Апостол Михановича не отличается от остальных сербских памятников XII и раннего XIII вв. (Јерковић 1984).

2. 5. В плане морфологии Ягич в свое время сделал вывод, что грамматические формы не только без исключения правильны, но что среди них существуют и те, которые задержались из более глубокой старины: помогъ 1а’$_{10}$ 1 л. ед. ч. асигматического аориста, {{о чє}}сомь 1а’$_{14}$ твор. п. ед. ч. местоименного склонения, вьскрѣшь 2б’’$_{3}$ им. п. ед. ч. прич. прош. вр. м. р., исьпльнающюмоу 2б’’$_{15–16}$ дат. п. ед. ч. прич. наст. вр. м. р., дьниє 2а’$_{1}$ им. п. мн. ч., редоу 2б’’$_{20}$ и мироу 2б’$_{4}$ род. п. ед. ч. (Jagić 1868: 33). Штефанич пришел к выводу, что формы старого

inslav

славянского перевода хорошо сохранились (Štefanić 1969: 39). Также подробным анализом было доказано, что в отрывке сохранился древний апостольский текст, очень часто совпадающий с соответственным в Шишатовацком апостоле, а в некоторых местах текст отрывка является еще более старым (Jagić 1868: 25–30).

3. 1. Ягич идентифицировал и два примера замены *ѣ* : *е* в повелительном наклонении множественного числа: не боудеиь 2а’$_{21–22}$, пьриилете 2б’$_{11}$, на которых надо задержаться отдельно. Речь идет о настоящем экавизме восточно-штокавского типа, вне привычных литературных категорий! Учитывая хронологические рамки, эта черта появляется сравнительно часто (2 раза) и неожиданно в таком небольшом тексте, гораздо раньше ее более частого присутствия в остальных сербских памятниках. В большинстве современных штокавских и чакавских говоров во всех случаях распространено повелительное наклонение множественного числа с тематической гласной *-и-* в окончании (*-имо*, *-ите*). Только юго-восточные сербские говоры имеют обобщенную модель *-ете*, а современная граница проходит через центральное Косово, примерно между селом Янево и городком Гнилане (Ивић 2009: 188). Примеры из Михановичева отрывка не являются следствием морфологического отстранения «*ятя*» из окончания (так как им невозможно предоставить морфологическую опору, посредством которой можно было бы осуществить аналогию), а свидетельствуют о реальном экавском произношении писца серба. На рубеже XII–XIII вв. трудно говорить о подтверждении литературного произношения, лишь позднее типичного для сербской редакции в государстве Неманичей[11]. Считаем, что в данное время экавизм был территориально ограничен Рашкой в узком смысле слова, до расширения сербской власти на юг и перенесения новых импульсов с рашского (позже косовско-ресавского) диалекта на остаток генетически ему близкого и в данный момент по отношению к нему периферийного, призренско-тимочского диалекта (было бы трудно доказать противоположное). Итак, здесь мы имеем дело с перенесением норм живой народной речи на книжную категорию в литературном тексте. В местной речи ее уже мог заменить единый тематический гласный для императива множественного числа (*-и-*).

[11] Насчет «ятя» см. (Јерковић 1984: 59).

inslav

3. 2. Второй характерной диалектной чертой могло бы быть окончание -ніє в им. ед. согласных основ м. р.: д(ь)ніє 2а’$_1$[12]. И этим наш памятник выделяется из привычной картины в хорватских памятниках, что для Ягича являлось сигналом более глубокой старины (Jagić 1868: 33). Разумеется, эта черта чаще присутствует в памятниках сербской редакции, но появляется непоследовательно, из-за чего она не получила нормативного статуса (Јерковић 1984: 63). Однако в случае с сербским языком она является не только старославянизмом, но и диалектизмом, засвидетельствована в призренско-тимочской диалектной зоне. Ее ареал, судя по всему, со временем уменьшался, и на сегодняшний день сохранился на территории тимочско-лужничского диалекта и крайних запланьских говоров: там все еще можно услышать *црвије*, *д н и ј е* и т. п. (Белић 2006: 164–165; Белић 1999: 236–237).

Первая из упомянутых черт помогает нам ближе определить место происхождения бывшего Михановичева Апостола. Если наложить ее возможную дистрибуцию на рубеже XII–XIII вв. на территорию под юрисдикцией Охридской архиепископии того же времени, то это северо-западная окраина диоцеза. Вторая черта, насколько мы представляем хронологию напластования и перекрещивания отдельных языковых моделей на восток сербской территории, может свидетельствовать о южном направлении, откуда пришел ближайший или отдаленный подлинник этой богослужебной книги.

4. 1. Статус редуцированного в этом памятнике, помимо факта, что он унифицирован и представлен знаком ь, все же отклоняется двумя способами от ситуации в большинстве известных памятников; проще сказать, он присутствует в гораздо большей степени, чем это можно было бы ожидать. С одной стороны, в отрывке вообще нет так называемых «постоянных македонизмов», а последовательно употребляются формы, которые, независимо от их литературного или же народного происхождения, корреспондируют со штокавским речевым чутьем (т. е. записываются так, как их произнес бы штокавец): {{не}}вѣрьнь 1б’$_3$, тькыло 2б’’$_9$, вьзьльше 2б’$_5$, оупвание 2б’$_{25}$. Однако дело тут не только во внутреннем строгом контроле штокавского диалекта, так как тем же чутьем обладают и другие писцы, но они

[12] В старославянскую эпоху здесь и у *ŏ*/*jŏ*-основ (Николић 1978: 118, 123).

inslav

все же вносят различные книжные черты, которые сопротивляются их собственной речевой норме[13]. Речь идет об отношении к литературно-языковой культуре, продиктованном реальным знакомством с книжной нормой. Это означает, что из таких подтверждений проглядывает одна более старая сербская книжная традиция, существующая в чутье литературного языка у писца Михановичева Апостола. В этом смысле отрывок Михановича не является совсем одиноким, так как его таким же способом подтверждают некоторые эпиграфические памятники: ктиторская надпись князя Мирослава на церкви в городе Бело Поле 1161/1162 г. (например, црькьвь), Благайская надпись, датируемая по правлению Стефана Немани между 1168 и 1196 годами (например, {{ц}}рькьвь). Среди рукописей, однако, он не имеет себе равного, но во время его написания все еще замечается это литературно-языковое течение, хотя оно и нарушено, контаминировано со вступлениями с юга. Примером может послужить Мирославово Евангелие, в котором находим подтверждение обоих явлений (например, сьтникь, лакьть, опрѣсньк҃ь, ꙁачєтьк҃ь, тьк҃мо, любьвь, црькьвь, напротив сдоковьница, любовь, црьковь, наєдникь, достоєнь и т д.). Итак, в отрывке Михановича нет разнобоя в народном и литературном произношении редуцированного, точнее, в его лексической дистрибуции, независимо от того, принадлежит ли эта лексика народному или книжному фонду. С этой точки зрения Апостол Михановича является самым своеобразным из сохранившихся рукописным памятником сербской редакции.

4. 2. С другой стороны, несмотря на то, идет ли речь о кульминации данной тенденции сверх реальных возможностей в основе произношения, или же она является продолжением какой-либо иной традиции, в памятнике на целом ряде примеров замечается записывание лишнего, «фиктивного» редуцированного: вьрѣме 1а’$_{8}$, пьриєтьно 1а’$_{8}$, посьлоушахъ 1а’$_{9}$, сь{{лоугы}} 1а’$_{19}$, очисьтиль 1б’’$_{1}$, ськвьрьни 1б’’$_{2}$, ськотоль 1б’’$_{8–9}$, сьл[а]ва 1б’’$_{14}$, бьлоудь 2а’$_{6}$, сьтрастьми 2а’$_{18}$, пьрилагаель 2а’$_{20–21}$, дьроугь 2а’$_{22–23}$, пьриꙁивающе 2а’$_{23–24}$, кьротость 2а’’$_{1}$, дьрьжавѣ 2а’’$_{8}$, вь{{л}}астель 2а’’$_{16–17}$, сьтанѣте 2а’’$_{28–29}$, чьрѣсьла 2а’’$_{30}$, пьравьдѣ 2б’$_{2}$

[13] Всюду в сербских памятниках можно было бы ожидать литературные транскрипты произносимых форм типа *тькмо*, *љубьв*, *цркьв*, *бисьр*, *сьздати*, вместо распространенных токьмо, любовь, црьковь, бисерь, соꙁдати.

inslav

и т. д. (ср. Jagić 1868: 31–32). Тот же самый «странный обычай» написания ь без этимологической основы Ягич заметил в редких кириллических грамотах XII и XIII веков[14], так же как он встречается и в некоторых памятниках с македонской территории (Мошин 1954: 23). Однако никогда не бывает так широко но всегда спорадично. Мы видим и более широкий контекст и, может быть, исходную точку этого явления, и можем прийти к выводу, что она не целиком механически перенесена из оригинала. Если принять во внимание и сам характер почерка писца — небрежный и вполне профессиональный, мы увидим, что речь идет о человеке в зрелом возрасте, со значительным стажем переписчика. Очевидно, что писец очень уверенно и легко продвигался в своей работе, опираясь на собственный опыт и способность запоминания. Это, по всей вероятности, со временем и привело к экспансии таких особенных форм; так возникла его собственная орфографическая манера.

5. 1. Итак, в отрывке Михановича, помимо отражения в нем более древней литургической традиции, поддерживаемой в славянских церквях в рамках византийской Охридской архиепископии, и сам язык архаичен в двух смыслах. Если оставить в стороне редакционную «произносительную глазурь», его морфология, как это подчеркнул Ягич, очень консервативна. На фонологическом же уровне в данном тексте мы видим след, или даже остаток, первоначальной письменности сербской редакции периода ее формирования. Это вторая половина X в., предшествующая усиленному влиянию церковнославянской письменности из центра новой архиепископии на юге[15]. Преобразование молодой архиепископии в византийскую церковную организацию с центром в Охриде (постепенно после 1018/1019 гг., особенно же после 1037 г.), с нарастающим значением греческого как главного богослужебного языка, предоставило на ином плане, из-за ослабевшего внимания или же меньшей заинтересованности ведущих церковных структур вопросом славянских обстоятельств, возможность более глубокого регионального расслоения

[14] Примеры см. в (Jagić 1868: 33).

[15] Сербская редакция, как хорошо известно, «приблизительная ровесница Охридской и Преславской школы» (Грицкат 1975: 36–37), т. е. и сама посвоему старая.

inslav

славянского богослужебного языка. Именно в данный период формируются, либо свое формирование завершают болгарско-македонская и сербская редакции старославянского языка (XI–XII вв.). Отрывок Михановича свидетельствует о том, что скрипторий, в котором он возник, т. е. место, где обучался его писец, весьма нерегулярно освежался рукописями из церковного центра (охридско-преспанский регион). Отсюда происходит и его запаздывание в языковом развитии (т. е. задержка на немного более старших сербских традициях). Было уже сказано, что по диалектным причинам возникновение Михановичева отрывка должно быть связано с северо-западной окраиной Охридской архиепископии, где совершалась служба на сербско-славянском языке в православной церкви. Это более к северо-западу от центрального Косово, где находится Янево, т. е. на территории Рашки в более узком смысле слова. В Расе находилась резиденция местного епископа, что обеспечивало прочную связь этого (небольшого) края с архиепископом в Охриде. Культурное и духовное пространство, в которое можно поместить возникновение несохранившегося целиком Апостола Михановича находится именно на окраине Охридской архиепископии. Это может быть Полимле, где, кстати, для потребностей нового церковного центра в 1161/1162 гг. было переписано и Мирославово евангелие, по языку близкое нашему памятнику (церковь Св. Петра в Белом Поле)[16]. Полимле и в более глубоком прошлом жило активной церковной жизнью. Известна триконховая церковь Св. Иоанна в селе Затон (между Белым Полем и Беранами) IX–X вв., построенная по той же архитектурной модели и современная «задужбинам» св. Климента и Наума в Охриде (Ђурић 1994: 233–234).

5. 2. Невозможно определить обстоятельства, при которых Иловицкая кормчая попала на север современной Македонии, а так как и сами фрагменты не должны были быть наклеены на крышки ее переплета в 1262 г., они могли отсутствовать на книге и в тот момент, когда она была принесена в свой конечный монастырский пункт бытования. Достоверен лишь факт, что они уже находились на переплете в тот момент, когда ее держал в своих руках патриарх Арсений IV, оставивший на ней запись на латыни (*miserere cordia* вместо

[16] Новую датировку см. (Марковић 2012).

inslav

misericordia), а также и на самой книге в 1729 г. (ср. Štefanić 1970: 40). Описывая Иловицкую кормчую, Мошин, кстати, признал, что эти листы могли быть использованы в качестве оклейки книжных крышек и в XIII в., и в другое время (Mošin 1955: 50)[17], что для нас означает — где бы эта книга не находилась во время ее переплетения, либо позднее. Это дополнительно делает условной и без того произвольную связь между отрывком Михановича и Зетой (прежде всего, как местом возникновения глаголической рукописи). Однако, если даже глаголические листы были включены в книгу при ее первом переплетении, это не было бы аргументом против того, что мы сказали раньше: что глаголический Апостол происходит из Полимля, т. е. откуда-то, где кончалась Рашская область на западе. Уже упомянутый Затон являлся в средних веках жупой, которая была метохом Сербской архиепископии с центром в Жиче, со времен ее основания[18]. Легко представить место, в котором сходились книги, принадлежавшие одной епископии (Зетская епископия на Михольском перешейке) и одному метоху (например, Затон на реке Лим) одной и той же Сербской архиепископии. Оба исходных пункта находятся, в сущности, недалеко друг от друга, в нынешней Черногории, только на ее противоположных концах (крайний юго-

[17] Мошин не совсем уверен в датировке переплетения Иловицкой кормчей, хотя подчеркивает, что использованы «ornamentalni motivi starijeg tipa tipični za uveze XIII. – prve pol. XIV. vijeka»; его формулировка гласит, что они лишь «stvaraju utisak, da je uvez suvremen rukopisu». Про отрывок Михановича он говорит, что «nije isključeno, da je [...] bio umetnut kasnije, pri jednoj restauraciji uveza», так как теперь «više ne može provjeriti način, kako je bio spojen s blokom pergamene». Однако, поскольку он считал, что глаголица в XIII в. уже не употреблялась в Зете, и что тем самым и глаголические тексты, подобные Апостолу Михановича «bili nerazumljivi» (?), ему казалось возможным, что и глаголические рукописи, бывшие в хорошем состоянии (которые не распадались) могли быть использованы для переплетения новых кириллических книг (Mošin 1955: 50). Ягич же в свое время — когда писал свое исследование — обращался к специалистам из венской дворцовой библиотеки, которые высказали мнение, что переплет относится к концу XV в. (Jagić 1868: 3).

[18] По поводу текста Первой жичской дарственной грамоты Стефана Неманича 1219/1220 гг. см. (Синдик 2011: 91, № 14, *l.* 11).

inslav

запад на море — северо-восток в горах, на дороге к обоим ранним архиепископическим центрам, Жичи и Печи).

ЛИТЕРАТУРА

Белић 1999 — *Белић А.* Дијалекти источне и јужне Србије // Изабрана дела А. Белића. IX / Прир. Д. Петровић. Београд, 1999 [1905].

Белић 2006 — *Белић А.* Историја српског језика. Фонетика. Речи са деклинацијом. Речи са конјугацијом // Изабрана дела А. Белића. IV / Прир. А. Младеновић. Београд, 2006 [1960; 1962].

Грицкат 1975 — *Грицкат И.* Српска редакција црквенословенског језика // Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975. С. 27–39.

Грковић-Мејџор 2011 — *Грковић-Мејџор Ј.* О формирању српске редакције старословенског језика // Ђурђеви ступови и Будимљанска епархија. Зборник радова. Беране; Београд, 2011. С. 43–51.

Ђурић 1994 — *Ђурић В. Ј.* Почеци уметности код Срба // Историја српског народа. Књ. 1. Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). Београд, 1994 [1981]. С. 230–248.

Иванова 1994 — *Иванова К.* За един ръкопис с палимпсест от библиотеката на Йерусалимската патриаршия // Palaeobulgarica. 1994. Г. XVIII. № 2. С. 3–31.

Ивић 1990 — *Ивић П.* О језику некадашњем и садашњем. Приштина, 1990.

Ивић 2009 — *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација / Прир. С. Реметић. Сремски Карловци; Нови Сад, 2009 [1998–2001].

Јанковић 1985 — *Јанковић М.* Епископије и митрополије Српске цркве у средњем веку. Београд, 1985.

Јерковић 1984 — *Јерковић В.* Српскословенска норма у гласовном и морфолошком систему // Jugoslovenski seminar za strane slaviste 33–34. Zadar, 1984. С. 55–66.

Коматина 2014 — *Коматина П.* Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија I. Београд, 2014.

Куљбакин 1925 — *Куљбакин С. М.* Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци, 1925.

Марковић 2012 — *Марковић М.* О ктиторском натпису кнеза Мирослава у цркви Светог Петра на Лиму // Зограф. 36. Београд, 2012. С. 21–46.

Младеновић 1977 — *Младеновић А.* Напомене о српскословенском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1977. XX/2. С. 1–20.

inslav

Мошин 1954 — *Мошин В.* Македонско евангелие на поп Јована. Скопје, 1954.

Мошин 2000 — *Мошин В.* Словенска палеографија / Прир. С. Голабовски. Скопје, 2000.

Николић 1978 — *Николић С.* Старословенски језик. I. Правопис. Гласови. Облици. Београд, 1978.

Поповић 1955 — *Поповић И.* Грчко-српске лингвистичке студије. III // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1955. Т. 3. С. 117–157.

Равић 2016 — *Равић И.* Црква и држава у српским земљама од XI до XIII века. Београд, 2016.

Синдик 2011 — Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника. Књ. 1. 1186–1321 / Прир. В. Мошин, С. Ћирковић, Д. Синдик / Ред. Д. Синдик. Београд, 2011.

Стојановић 2004 — Љубомир Стојановић о Мирослављевом јеванђељу / Прир. †Н. Родић [Ђ. Трифуновић, В. Савић]. Горњи Милановац, 2004 [1893, 1897].

Трифуновић 2001 — *Трифуновић Ђ.* Ка почецима српске писмености. Београд, 2001.

Турилов 2016 — *Турилов А. А.* «Незамеченная» дата в южнославянских кириллической и глаголической палеографиях (к вопросу о времени написания Охридского апостола) // Славяноведение. 2016. № 2. С. 21–28.

Đorđić 1960 — *Đorđić P.* Jezik srpskohrvatski. II. Književni jezik. A) Književni jezik na osnovi staroslavenskog jezika. a) U srpskoj književnosti do Dositeja // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, MCMLX. T. 4. C. 511–514.

Jagić 1867 — *Jagić V.* Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga. Knj. prva. Staro doba. Zagreb, 1867.

Jagić 1868 – *Jagić V.* Gradja za glagolsku paleografiju. I. Mihanovićev odlomak apostolara glagolskoga; rukopis roda hrvatskoga // Rad JAZU II. Zagreb, 1868. S. 1–35.

Jagić 1893 — *Jagić V.* Grškovićev odlomak glagolskog apostola // Starine JAZU. Zagreb, 1893. T. XXVI. S. 33–161 + VIII.

Mošin 1955 — *Mošin V.* Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I. dio. Opis rukopisa. Zagreb, 1955.

Skok 1972 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1972. Knj. II: K–poni[1].

Šafařík 1853 — *Šafařík P. J.* Památky hlaholského písemnictví. Praha, MDCCCLIII.

Štefanić 1970 — *Štefanić V.* Mihanovićev odlomak apostola. XII st. // Glagoljski rukopisi Jugoslavenske akademije. Zagreb, 1970. Dio II. S. 39–40.

inslav

РОСТИСЛАВ СТАНКОВ
Софийский университет им. Климента Охридского

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ПЕРЕВОДА ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА: НЕКОТОРЫЕ РЕДКИЕ СЛОВА

По своему объему древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола (далее ХГА) насчитывает несколько тысяч словарных единиц. То, что исследовано на сегодняшний день, лишь малая толика огромного словарного состава хроники. Цель настоящей статьи — добавить описание нескольких редких слов, использованных в переводе ХГА.

БОГОМАТЕРЬНИЦА: (1) въ Костантинъ градъ принесена и Влахерне (влахернѣ ПЕ[2]) положена, идеже ц҃рь, ц҃рквь съзьдавъ б҃омт҃рьницѧ (бг҃о- ПЕ[2]) и ковчегъ ѿ ꙁлата и сребра оустроивъ 406,5–7 – ἐκ Κωνσταντινουπόλει διακομισθεῖσα ἐν Βλαχέρναις ἀπετέθη, ἔνθα ὁ βασιλεὺς ναὸν οἰκοδομήσας τῆς θεομήτορος καὶ σορὸν ἐκ χρυσοῦ καὶ ἀργύρου κατασκευάσας Б. 617,7–10[1].

Отметим сначала одну грамматическую деталь. В комментариях к этому месту В. А. Матвеенко и Л. И. Щеголева пишут: «не исключена

[1] Здесь и далее славянский текст цитируется по изданию В. М. Истрина (Истрин I); первое число обозначает номер страницы в издании, последующие числа — номера строк. В круглых скобках приводятся варианты по другим спискам ХГА, при этом сохраняется обозначение списков в издании В. М. Истрина; S означает сумму всех списков. Отдельные разночтения приводятся и по списку Е[2] (краткие сведения о древнерусских списках с их обозначениями, которые использованы и в настоящей работе, см. в (Матвеенко, Щеголева I/1: 32–38; Станков 2008: 47–48); более подробные сведения см. в (Анисимова 2009). Греческий текст цитируется по изданию К. де Боора (de Boor) с указанием страницы и строки и сопровождается буквой Б.; текст продолжения цитируется по Ватиканскому списку № 153 (Истрин II: 3–65) и сопровождается буквой В.

inslav

потеря начального в (въ) топонима после предлога: въ Влахернѣ → въ Лахернѣ, как отмечено, например, в этом рассказе о положении ризы св. Богородицы в древнерус[ском] Прологе» (Матвеенко, Щеголева I/2: 258, примеч. 18 к с. 619). Не знаем, какой список Пролога имели в виду авторы, но искать утерянный предлог здесь нет смысла, так как это, бесспорно, беспредложный локатив; ср. сходный, но отличный, текст в Станиславовом Прологе 1330 г.: (2) н положена бы҃ вь Влахернѣ л. 320а, 20–21 (СтПр: 338).

В Троицком списке (Тр) после създа заметна точка (л. 269б 13, у Истрина — л. 261б), это отражено и в издании Матвеенко и Щеголевой (Матвеенко, Щеголева I/1: 619). Рассматриваемое слово пока известно только по ХГА. В своем переводе Тр Матвеенко и Щеголева не комментировали чтение издания създа. въ: «царь церковь Богоматери построил» (Матвеенко, Щеголева 2000: 325).

Следуя за греческим текстом, богоматерьнца означает ‘Богоматерь’, но в его словообразовательной структуре есть элемент, который может видоизменить семантику слова на ‘храм Богоматери’. На первый взгляд слово образовано от богоматерьнъ посредством суффикса -нц-а, но существование прилагательного проблематично — только Ф. Миклошич отмечает его, однако без указания текста (Miklosich: 36). При наличии зафиксированных прилагательных матерь҃ и матерьнь҃ со значением ‘материнский’ это, возможно, окказиональная калька с греческого при неполном соответствии морфемных структур в обоих языках — в славянском слове есть дополнительный суффикс -нц-а или -ьнц-а. Богоматерьнца входит в один ряд со словами ж. р. со значением лица блѫдьнца, грѣшьнца, которые можно рассматривать как образования от соответствующих слов м. р. или от прилагательных блѫдьнъ, грѣшьнъ.

Вариант в Тр говорит о том, что причастная форма създавъ (*οἰκοδομήσας*) была переосмыслена в аористную в сочетании с предлогом въ. В таком случае получается новое чтение въ во҃мт҃рьнцн, которое уже имеет значение места — ‘храм Богоматери’, так как суффикс -нц-а (-ьнц-а) исключительно продуктивен в древнеболгарском как при образовании слов со значением лица ж. р., так и при образовании слов со значением ‘вместилище, помещение’ (Ефимова 2006: 96–106). При этом нужно отметить различие в функциональной нагрузке суффикса *-nic(a)*: в восточно- и западнославянских языках это преимуще-

inslav

ственно суффикс предметности, в то время как в южнославянских языках — суффикс места или предметности и места (Вендина 1988: 150). Иными словами, это переосмысление произошло на болгарской почве ввиду того, что книжник в этом слове уловил суффикс -ьнц-а со значением места.

БРЪNНСТЬЦЬ ‘воин в броне, латник’: (3) .ѯа҃. моужь броннстець (бръ-нїстець П, брънистець Е[2]) въ едїномь оужн желѣзнѣ н шлѣмн (шеломы SE[2], шеломн П[2]) мѣдаин на главѣ нхъ 203,19–20 – χιλίους ἄνδρας τεθωρακισμένους ἐν ἀλυσιδωτοῖς, καὶ περικεφαλαῖαι χαλκαῖ ἐπὶ τὰς κεφαλὰς αὐτῶν Б. 291,14–15.

Ф. П. Сороколетов указывает, что слово встречается еще в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия из русского исторического сборника XV в. (Сороколетов 1970: 109), в то время как И. И. Срезневский цитирует «Древности» Иосифа Флавия из того же самого сборника (Срезневский I: 182–183). Однако в словоуказателе к изданию «Истории Иудейской войны» искомое слово не значится (ИИВ I: 728). Отметим, что цитата из Иосифа Флавия у Срезневского совпадает с текстом в ХГА. В этой форме слово известно еще из Слова Исидора Пилусийского в Сборнике слов и поучений XII–XIII вв. (№ 12 Троице-Сергиевой лавры):

(4) нна́ко прнѥмлѥть ѩзвоу брънистець. н нна́ко наръін тѣломь 180об. 22–23[3].

В несколько иной огласовке брънистьць отмечено в Ипатьевской летописи под 1146 г.: (5) Пришедшю же Стославоу в Колтескъ. городокъ. н тоу прнсла емоу Гюргнн. в помочь тъісачю Бренндьець (вар. берннстець) (ПСРЛ II/1908: 338).

В более раннем издании летописи указано, что форма бренндьець является исправлением первоначального чтения бренн. . .ць (ПСРЛ II/1843: 29, примеч. *а*).

В свое время В. М. Истрин считал это слово русизмом без какой бы то ни было аргументации; для него брънистьць — воинский термин,

---

[2] В тех случаях, когда приводится чтение Погодинского списка (П), это означает, что в издании Истрина разночтение не указано.

[3] Рукопись доступна на сайте Троице-Сергиевой лавры (http://stsl.ru); см. также: СДЯ I: 320–321.

inslav

который сближает перевод ХГА с летописями и памятниками русского происхождения — такими, как «История Иудейской войны», а переводчику ХГА «очевидно, была хорошо известна обычная тогда русская воинская терминология» (Истрин II: 296). Как было сказано выше, слово неизвестно «Истории Иудейской войны». Мнение В. М. Истрина повторяет Ф. П. Сороколетов, который на основе этого сделал такое заключение: «А если это так, то следует признать, что этот термин возник на русской почве, и, по-видимому, мог употребляться наравне с другими терминами воинского характера. Конечно, нельзя утверждать с полной достоверностью, что это слово в форме *бронистьць* не было известно другим языкам. Но тот факт, что оно не встретилось ни разу в памятниках западно- или южнославянских (о чем свидетельствует хотя бы Словарь Миклошича), а в памятниках русских употребляется, хотя и в единичном случае, заставляет искать подтверждения именно этого предположения» (Сороколетов 1970: 110).

Это заключение страдает двумя недостатками: во-первых, оно основано на ошибочном разделении словарей Миклошича и Срезневского, согласно которому первый отражает безусловно только лексику южнославянских памятников, а второй — лексику восточнославянских памятников; во-вторых, первый недостаток ведет к тому, что отдельные памятники объявляются русскими без доказательств, или же доказательством их русского происхождения считается лексика, которая, на основании указанного деления, определяется как русская. Мнение о русском происхождении слова брънѩстьць попало в этимологический словарь А. Е. Аникина со ссылкой на Ф. П. Сороколетова (Аникин 4: 198).

Между тем рассматриваемое слово заслуживает более пристального внимания, оно интересно в словообразовательном отношении, так как восходит к незафиксированному прилагательному с суффиксом -нст-ъ *брънѩстъ: брънѩ > брънѩстъ > брънѩстьць. По причине того, что в классических древнеболгарских памятниках нет слов с суффиксом -нст-ъ, последний остался за пределами описаний словообразовательной системы древнеболгарского языка. Между тем суффикс со значением ‘обладающий тем, что выражено мотивирующей основой’ был известен древнеболгарскому языку, о чем можно судить по словам врьвнстъ, грълнстъ, пръснстъ, плечнстъ (< плещнстъ) из книги V «Хроники Иоанна Малалы», сохранившейся в Архивском

inslav

Хронографе (лл. 201d 22, 202a 1, 202a 37, 202a 24, 202b 6, 202c 31)[4], и рѣчистъ из той же хроники (Срезневский III: 223). Некоторые слова с суффиксом *-ist-* отнесены к праславянскому периоду: **brъvistъjь*, **kamenistъ(jь)*, **lěsistъjь*, **męsistъjь* (ЭССЯ 3: 61–62; ЭССЯ 9: 131; ЭССЯ 14: 239; ЭССЯ 19: 7)[5].

По поводу варианта бренидьець в Ипатьевской летописи Ф. П. Сороколетов пишет: «Форма *бренидьць* — явно западнославянского происхождения, ибо из *брънидьць* в древнерусском должно было бы быть *бронидьць*. Это не должно вызывать недоумения, даже если ни один западнославянский памятник не отразил этого слова» (Сороколетов 1970: 109). В этом высказывании ингорирован тот факт, что чтение бренидьець явно вторичного (неясно какого) происхождения, а по поводу варианта бернистець ничего не сказано. Чередование в орфографии в списках Ипатьевской летописи говорит о заимствовании брънистьць в древнерусский язык из древнеболгарского, поскольку древнерусский книжник ассоциировал слово с группой **tьrt* (по типу връхъ, врьхъ > вьрхъ, верхъ; пръвъ, прьвъ > пьрвъ, первъ) и русифицировал слово в соответствии с этим; ср. бронистець в Тр. Если допустить, что первоначально в одном из списков Ипатьевской летописи стояла форма бреністьць, то она восходит к форме брьнистьць. Видимо, неслучайно опорное слово брънѧ, заимствованное из германских языков (ЭССЯ 4: 55), попало в Азбуковник как *неудобь познаваемое* слово с пояснением *пансырь* (Азбуковник: 148). Иными словами, у нас нет оснований сомневаться в принадлежности брънистьць к древнеболгарскому лексикону.

---

[4] Электронное издание текста Архивского Хронографа (РГАДА, ф. 181, № 279/658) доступно на сайте: http://histdict.uni-sofia.bg

[5] SP не включает в состав праславянской лексики слово **brъvistъjь*, про остальные слова пока нет данных. Современный болгарский язык в этом значении предпочитает суффикс *-ест*, который всегда находится в безударной позиции: *веждест*, *гърдест*, *плещест* и т. д.; суффикс *-ист* характеризует особенности местностей или цвета, и ударение всегда падает на нем: *блатист*, *горист*, *каменист*, *хълмист*, *златист*, *сребрист*. На наш взгляд, есть основания полагать, что суффикс *-ест* в болгарском — вариация более древнего суффикса *-ист*, произошедшая в результате переноса ударения, который сопровождался компенсаторной долготой.

inslav

БЪТАРЬ ‘бочка, большой сосуд’: (6) не точью бо нарочитыхъ четъръ нꙁложеніе въ собѣ събра, иꙁъ и .е. и .ѕ. временъ сихъ, въ Іерихонъ пришедъ, въ ѥдинъ ѿ берта (ѡ̆ бьрта П, ὀ бьрта E[2]) тыи вложи 312,10–12 – οὐ μόνον γὰρ τὰς ἐπισήμους δ᾽ ἐκδόσεις κατὰ ταὐτὸν συνήγαγεν, ἀλλὰ καὶ πέντε καὶ ἓξ κατὰ τοὺς χρόνους τούτους ἐν Ἰεριχῷ περιτυχὼν ἔν τινι πιθῷ ταύταις συνέταξεν Б. 456,8–11.

Срезневский приводит еще один пример из ХГА, но нам не удалось локализовать эту цитату в первом переводе хроники: (7) Древомъ питати са и въ бьтари ꙁатворити са (Срезневский I: 199).

В отличие от двух уже рассмотренных слов, это несколько более употребительно в средневековой славянской книжности, но встречается преимущественно в текстах конфессионального толка: Ефремовской Кормчей, Пандектах Никона Черногорца, XVI Словах Григория Богослова по списку XIV в., Прологе, Житии Василия Нового (Срезневский I: 199; СДЯ I: 331; СлРЯ 1: 302; Miklosich: 49).

М. Фасмер считает, что в древнерусский язык бътарь попало из древнеболгарского (церковнославянского, по его терминологии), а в самом древнеболгарском заимствовано из незафиксированного нар.-лат. **butarium* (< *bu(t)tis* ‘бочка’) (Фасмер I: 225). О. Н. Трубачев возводит слово к праславянскому периоду при всем том, что оно известно только из указанных выше текстов (ЭССЯ 3: 140, **bъtarь I*). Кроме того, в ЭССЯ присутствует статья **bъtъ I* ‘боченок’, которая является недоразумением, так как она основана на словаре Срезневского (ЭССЯ 3: 141). Дело в том, что в указанном словаре чтение берта в (6) со знаком вопроса реконструировано в бъта, откуда появилась словарная статья бътъ (Срезневский I: 199), приведшая к этому недоразумению. А. Е. Аникин с основанием считает, что данных для праславянской реконструкции мало, и указывает на серб. *батар* (Аникин 4: 115). Серб. *бàтар* означает ‘большая плетеная корзина’, то же самое означает и слово ж. р. *бàтара 2* (РСХКНЈ I: 328–329; РСХКЈ I: 147), которое в словаре П. Скока предположительно связывается с венгерским языком (Skok I: 122). Авторы нового этимологического словаря сербского языка считают происхождение серб. *бàтар* неясным, т. е. возможна связь как с **bъtarь II*, так и с **bъtarь I* (ЕСРЈ 2: 239–240). Имеют ли сербские слова отношение к бътарь, трудно сказать. Так или иначе, но бътарь из древнеболгарского языка через переводы попало в древнерусскую письменность.

inslav

Привлекает внимание использование въторь в Толкованиях Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова, где оно поясняет слово дьлъı: (8) в делвн жнваше (Диоген, в толк. во втарн, πιθών) (Срезневский I: 199). Слово дьлъı (длъı, дьлн, дел(ъ)ва, делъвн, делъвь, дьлвь, дьлвнꙗ, дьлвннꙗ), переводящее чаще всего греч. πίθος ‘большой глиняный сосуд’, в словарях обычно толкуется как ‘бочка’ (Срезневский I: 651, 767; SJS I: 538; СлРЯ 4: 205; Miklosich: 158, 163; СДЯ III: 131), почти всегда в сопровождении лат. *dōlium* ‘бочка’, которое тоже связано с гончарным делом. Значение ‘бочка’ для дьлъı вошло и в этимологические словари (Фасмер I: 496; ЭССЯ 5: 210; SP 5: 214). Возможно, основанием для такого толкования послужили некоторые русские лексикографические источники, где *делва* семантизируется как *бочка* (Азбуковник: 153; САР II: 575). Поскольку данное слово известно только болгарскому языку в значении ‘глиняный сосуд с двумя ручками’, О. Н. Трубачев высказывает предположние, что слово имеет древнеболгарское происхождение[6]. В то же время Трубачев настаивает на древности данного слова, относя его к исконной лексике праславянского периода и восстанавливая для него праформу **dьly*, **dely*. Связь с индоевропейским также не вызывает у Трубачева сомнения (в и.-е. **del-* сочетаются гончарная (**dьly*) и текстильная (**kǫdelь*) терминологии, при этом отвергается толкование Й. Хубшмида слова как ‘бочка из дерева’ (Трубачев III: 624–625).

Лишь Е. Боев высказывает предположение, что болг. *делва* является булгарским словом аланского происхождения, с указанием на перс. *dälv* ‘ведро’ (Боев 1965: 14)[7].

Оставляя в стороне вопрос о древности и заимствовании дьлъı, которое, несомненно, является древнеболгарским словом, сосредоточим свое внимание на значении его в средневековых славянских рукописях. Толкование ‘бочка’ уводит нас в сторону, так как бочка делается из дерева. Вслед за Трубачевым, учитывая также значения греч. πίθος и болг. *делва*, представляется, что дьлъı связано с гончарным делом и обозначением большого глиняного сосуда; в средневековых текстах оно является буквальным переводом греческого слова.

[6] «Вполне возможно, что приведенный выше церковнославянский лексический элемент происходит из древнеболгарского» (Трубачев III: 622–623).

[7] Гипотезу Е. Боева цитируют в БЕР (I: 336) и в SP (5: 214–215).

inslav

Греч. πίθος иногда может сопровождаться определением, уточняющим его значение: πίθοι ξύλινοι ‘деревянные бочки’ (Liddell, Scott: 1403); ср. также пример из XIII Слов Григория Богослова: (9) Въ дьльвн глнньнѣ оучнтн сѧ 191c 15–17 (ἐν πίθῳ τὴν κεραμίαν μανθάνειν) (Corpus)[8].

Диоген, о котором идет речь в (8), действительно жил в очень большом глиняном пифосе, но именно подобные контексты привели, на наш взгляд, к тому, что дьлъı стало ассоциироваться с бочкой, сделанной из дерева. Ср. еще пример из Ефрема Сирина: (10) Дьлъвн вннѧ (Срезневский I: 76). Поэтому в Толкованиях Никиты Ираклийского (среднеболгарский перевод, сделанный, как полагают, на Афоне в XIII в.[9]), дьлъı поясненяется словом бъторь, означающем бочку из дерева. Это измененное представление о дьлъı зафиксировано в Азбуковнике, откуда, по всей вероятности, перекочевало и в САР.

ВАРНВО ‘вареное кушанье; похлебка’: (11) н, сварнвъ (сварн S) варнво н раздробнвъ (раздробн S) хлѣбы (хлѣбъ ПСЛУвУнЧ) въ корытѣ 190,20 – καὶ ἤψησεν ἕψημα καὶ ἐνέθρυψεν ἄρτους εἰς σκάφην Б. 273,16.

Тр, как это часто бывает, и в этом случае дает вторичное чтение (сварнвъ, раздробнвъ). В. А. Матвеенко и Л. И. Щеголева отметили это обстоятельство (Матвеенко, Щеголева I/2: 119, примеч. 9 и 10), но их перевод на русский язык отражает текст Тр: «сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо» (Матвеенко, Щеголева 2000: 164).

Кроме ХГА, слово зафиксировано еще в нескольких памятниках: Студийском Уставе XII–XIII вв., Пандектах Никона Черногорца, Житии Андрея Юродивого, XVI Словах Григория Богослова и др. (Срезневский I: 227–228; СДЯ I: 373).

Слово известно современному болгарскому языку: *вариво* обозначает горох, бобы, чечевицу и фасоль, а также блюдо, чаще всего в виде похлебки, из этих бобовых растений. Русское соответствие имеет несколько иной облик: *ва́рево* ‘вареное (обычно жидкое) кушанье’. Варнво образовано при помощи непродуктивного суффикса *-ivo*, который в русском языке на определенном этапе (трудно определить на каком) изменился в *-ево*: ср. диал. *прядиво* и диал. *прядево*, *курево* ‘испарения?’ (XVI в.) (Варбот 1969: 85–86), а также *кружево* при

[8] Греческий текст цитируется по (Срезневский I: 767).

[9] (Христов, Спасова 2016: 355, примеч. 38).

inslav

др.-рус. кроужнво, которое можно встретить и как кроушево (Срезневский I: 1334, 1338); или: *пéчево*, *мáрево*, *зáрево*, *жáрево*, *мéлево* при *месиво*, *молозиво*, *огниво*, *чтиво*. Ж. Ж. Варбот в цитированной работе считает, что структура *вариво* двусмысленна: слово образовано при помощи присоединения суффикса *-ivo* к корню или суффикса *-vo* к глагольной основе на *-i-* (*варити*). Суффикс *-vo* представлен еще в **pivo* (Варбот 1969: 77; БЕР V: 228)[10]. Ряд болгарских слов следует отнести к этой двусмысленной структуре: *горúво*, *градúво*, *палúво*, *садúво*, *сóчиво*, *сýшиво*, т. е. суффикс приобретает вид *-(i)vo*, как это указано в ряде случаев в ЭССЯ. Болгарскому языку известны еще слова: *млúвó*, *огнúво*, *печúво*, *пúво*, *плетивó*, *сетивó*, *сóчиво*, *топлúво*, *четивó*, *ядúво*[11].

Бесспорно то, что большинство слов с суффиксом *-ivo* древнего происхождения, хотя к праславянскому периоду отнесена лишь часть этих слов: **gorivo*, **mlivo*, **měsivo* (ЭССЯ 7: 46; ЭССЯ 18: 201; ЭССЯ 19: 69), **palivo*, **pletivo*, **sěčivo*, **sočivo* (БЕР V: 26, 346; БЕР VI: 627; БЕР VII: 378). Судя по данным, можно заключить, что некоторые слова с суффиксом *-ivo* имели диалектный характер в праславянском.

Это дает нам основание, во-первых, реконструировать псл. **varivo*, а во-вторых, отнести варнво в ХГА и других текстах в этом виде к лексикону древнеболгарского языка. Основания эти усиливаются тем, что текст в (11) — цитата из Книги Даниила (14:33), где в более поздних переводах Библии вместо варнво читается вареннє: (12) сварн҃

[10] Правда, Ж. Ж. Варбот высказывает предположение, что *-v-* может быть не суффиксом имени, а элементом глагольной основы, и приводит глагол *пивати*. На наш взгляд, глагол является вторичным образованием от **pivo*.

[11] Отнесение **kladivo* к образованиям на *-ivo* остается спорным (ЭССЯ 9: 177–178; Фасмер II: 243). В болгарском есть еще слово *млéво*, равное по своему значению *млúвó*, но мнения о его происхождении расходятся: О. Н. Трубачев относит его к **mlivo* (ЭССЯ 19: 69), авторы БЕР — к **melvo* (БЕР IV: 164). В первом случае получается вариант суффикса *-ivo*, но это выглядит сомнительно из-за позиции ударения. Вторая версия выглядит более убедительной: гласный под ударением отходит к корню, а суффикс приобретает вид *-vo*, что, как уже было сказано, возможно, так как сам О. Н. Трубачев указывает на необязательность первого гласного в *-(i)vo*, например, при слове **gorivo*.

inslav

варенїе ѝ въдробнв хлѣбы в ноцвы Острожская Библия (ОБ); сварѝ варе-нїе ѝ вдробѝ хлѣбы въ нѡцвы Елизаветинская Библия (ЕБ).

ВЕРНЖНЦА ‘цепочка, ожерелье’: (13) кроуглаꙗ свѣтилна и вернжнце (вернжнцѣ ПЕ[2]) сребреннкы сковавъ (сковавь П) 362,10–11 – σκαπάνας γὰρ καὶ ἅμμας ἀργυρᾶς κατασκευάσας Б. 543,18–19.

Славянский текст не совсем ясен, так как один за другим следуют два вин. падежа. Греческий текст рассказывает эпизод из «Церковной истории» Феодорита Киррского (кн. 3, гл. 20), который звучит так: «Говорят, что и лопаты, и ведра, и корзины у иудеев были сделаны из серебра»[12]. Заметно, что Георгий Амартол несколько иначе передает эту историю. Русский перевод этого места не соответствует ни славянскому, ни греческому тексту: «Круглые светильники и пояса серебряные сковав» (Матвеенко, Щеголева 2000: 290).

Слово вернжнца не может означать ‘пояс’, а сребреннкы не является прилагательным, чтобы переводить его словом *серебряный*. Последнее может относиться к греч. ἀργυροῦς, которое как прилагательное означает ‘серебряный’, ‘состоящий из серебра’, но как существительное означает ‘серебряная монета’ (Liddell, Scott: 236). Все это наводит на мысль об испорченности текста славянского перевода. Реконструированный текст представляется в виде: вернжнца (вин. мн.) сьребрьннкъ (род. мн.) нсковавъ, где вернжнца означает ‘цепочка, ожерелье’, а сребрьннкъ — ‘серебряная монета’, т. е. «цепочки (ожерелья) из серебряных монет сковав». Как видно, переводчик принял греч. ἀργυροῦς за существительное и в соответствии с этим перевел его словом сьребрьннкъ. Это слово заставило его употребить вернжнца при переводе греч. ἄμμα, которое имеет сходные значения: ‘завязка, узел, петля’ и ‘перевязь, пояс’. Искажение текста перевода получилось в результате того, что буква н, принадлежащая глаголу нсковатн, при переписке была присоединена к предыдущему слову в виде ı как часть буквы ъı, ы. Это тем более вероятно, что в письменности известны два близких по звучанию и смыслу глагола: нсковатн и сковатн (Срезневский I: 1116; Срезневский III: 718; SJS I: 791; Miklosich: 261, 928).

В слове вернжнца суффикс -нц-а реализует свое значение деминутивности (Вайан 1952: 233; Граматика 1991: 185). В СДЯ семантика

[12] Цитировано по (Матвеенко, Щеголева 2000: 466, *светильники*).

inslav

деминутивности опущена, так как значение слова сформулировано в виде ‘цепь, ожерелье’ (СДЯ I: 394). В южнославянских языках суффикс *-ic-a* сохранил продуктивность в этом плане и является одним из основных суффиксов, передающих значение деминутивности (SP I: 98; Вендина 1988: 149). Можно заключить, что вернжнца принадлежит исключительно древнеболгарскому лексикону. Ввиду единичности слова и того, что современный болгарский предпочитает в этом смысле слово *верижка* ‘цепочка’, вернжнца представляется окказиональным образованием; ср. новообразование *веригица* без палатализации *г* (БЕР I: 135).

ВРАТНЛО ‘навой в ткацком станке’[13]: (14) а древо копьꙗ ѥго ꙗко <u>вратнло</u> (<u>вратнло</u>м П) <u>ткущнмъ</u> (текущн Пб, ткоущн СлУн, ткоущее Сп, тысѹщнм Ув) 125,24–25 – καὶ τὸ ξύλον τοῦ δόρατος αὐτοῦ ὡς <u>ἀντίον</u> ὑφαινόντον Б. 167,5–6;

(15) се оубн моужа снлна Хетѣаннна, ѥгоже копьнще копню ѥго ꙗко <u>вратнло</u> тъкоущнмъ (копїа SE[2]) 131,15–16 – οὗτος ἀνεῖλεν ἄνδρα δυνατὸν Χετταῖον, οὗ ἦν τὸ ξύλον τοῦ δόρατος ὡς <u>ἀντίον</u> ὑφαινόντων Б. 176,16–17.

Эпизод в (15) является неточной передачей 2 Цар 21:19[14], он заимствован и в Толковой Палее 1406 г., где вратнло русифицировано: (16) сн оубн мужа снлна хетѣаннна. ѥгоже копнѥ ꙗко воротнло тъкущнхъ л. 202б 14–16[15]. Необходимо отметить, что русифицирована также и конструкция приименного дательного (dativus adnominalis) (вратнло тъкоущнмъ), при котором управление зависит от существительного и который считается специфической особенностью древнеболгарского языка (Минчева 1964: 50; см. также: Вайан 1952: 215).

В переводах Библии в указанном контексте (2 Цар 21:19) вратнло отсутствует, но присутствует в другом месте (1 Пар 11:23), причем в Геннадиевской Библии книги Паралипоменон переведены с Вульгаты:

(17) καὶ τὸ ξύλον τοῦ δόρατος αὐτοῦ ὡς <u>ἀντίον</u> ὑφαινόντων – ѝ дре́во ко́пїꙗ є҆́го бы́сть вели́ко ѕѣ́ло (ОБ); ѝ дре́во копїа̀ є҆гѡ̀ бы́сть а҆́кн <u>наво́й</u> ткѹ́щнхъ (2 Цар. 21:19) (ЕБ);

[13] Обычно дают сложное определение значения слова: ‘шест, на котором наворачивается ткань при тканье’ (Срезневский I: 314; СДЯ I: 476, 484).

[14] «Гефянина, у которого древко копья было, как навой у ткачей».

[15] Рукопись доступна на сайте Троице-Сергиевой Лавры: http://stsl.ru

inslav

(18) et habebat lanceam ut liciatorium texentium – имѣаше сулицу ꙗко вратило ткущихъ[16]; и҆мѣ́аше сѹ́лицꙋ є҆гѵ́птѧнинъ се́й ꙗ҆́ко врати́ло тка́щихъ (1 Паралип. 11:23) (ОБ).

Однако текст Паралипоменон в Елизаветинской Библии 1751 г. согласен с Септуагинтой:

(19) καὶ ἐν χειρὶ τοῦ Αἰγυπτίου δόρυ ὡς ἀντίον ὑφαινόντων – и҆ въ рꙋцѣ̀ єгѵ́птѧнина копїе ꙗ҆́кѡ вратѝло ткꙋ́щихъ (ЕБ).

В значении ‘шест’ вратило зафиксировано в 19-й Беседе Иоанна Златоуста к антиохийскому народу по списку XVI в.: (20) и҆́же вратѝло на тѣ̀мене носаще, а҆́кѝ дꙋ́бъ вкорене́нъ на ѕемлѝ (Горский, Невоструев 1859: 116) – (οἱ κοντὸν ἐπὶ τοῦ μετώπου βαστάζοντες, καθάπερ δένδρον ἐῤῥιζωμένον ἐπὶ τῆς γῆς) (PG 49: 196). По мнению авторов описания рукописей Синодальной библиотеки, перевод Бесед Златоуста древний (Горский, Невоструев 1859: 113).

Современному болгарскому языку слово известно в первом значении: *вра́тило* ‘навой на ткацком станке’ (Геров I: 154; БЕР I: 182). Поэтому нельзя согласиться с О. Н. Трубачевым, согласно которому **vorotidlo* характерно только для западной группы южнославянских языков (Геров I: 154; БЕР I: 182). Из восточнославянских языков слово известно украинскому (Гринченко I: 256; ЕСУМ I: 359)[17]. Кроме значения ‘навой на ткацком станке’, зафиксированного только в словаре Б. Д. Гринченко, укр. *вороти́ло* имеет и такие значения, которые сближают его с рус. *вороти́ло* ‘большой рычаг; мельничный хвост, рычаг, бревно, которым ворочают мельницу на ветру’ (Даль I: 250)[18]; ср. также рус. диал. *вороти́ло* ‘шест с сучками на конце, с помощью которого подхватываются веревки невода’ (СРНГ 5: 120, *вороти́ло 2*). В. И. Даль приводит еще слово *врати́ло* ‘вал в кроснах в ткацком стану, навой, на котором навита основа’, но слово в этой форме и в этом значении несвойственно русскому языку, так как относится к переводу Библии (I Пар 11:23) и в лексикографии впервые отмечено П. Берындой (вратѝло ткꙋ́щихъ: воротѝло тка́цкое, наво́н

[16] Геннадиевская Библия 1499 г. (СлРЯ 3: 101).

[17] О. Н. Трубачев указывает, что слово известно не только закарпатским диалектам украинского языка.

[18] Ср.: «2. ‘длинное бревно, которым поворачивают мельницу’» (Гринченко I: 256).

inslav

ткáцкїн), откуда перешло и в последующие словари (Берында[1]: ꙁ҃ı; Берында[2]: 27; САР I: 882). Как известно, часть библейских книг при составлении Геннадиевского свода была переведена с латинской Вульгаты (Горский, Невоструев 1855: 44–45). Согласно сохранившимся сведениям, перевод этих книг приписывают некоему доминиканцу Вениамину. На основе некоторых слов и беспредложного дательного при глаголах движения, определенных как сербские особенности, А. И. Соболевский высказал мнение, что Вениамин был хорватом-глаголяшем (Соболевский 1903: 254–259). Оставляя в стороне вопрос о национальности Вениамина[19], можно сказать, что вратнло в

[19] Словарный материал в этом случае недостаточен. Беспредложный дательный при глаголах движения встречается в эпоху древнеболгарского языка (Граматика 1991: 461), неясно, однако, сохранилась ли эта особенность в последующие века, так как внимание исследователей болгарского языка направлено преимущественно на разрушение падежной системы. Сомнения вызывает также конструкция, называемая условно «романским перфектом», вннденъ есмь (ingressus sum), которая А. И. Соболевскому показалась просто выдумкой. Подобные пассивные конструкции вместо обычных активных считаются балканским явлением. Выделяют три типа таких конструкций: (1) *casus sum*; (2) *casum habeo*; (3) *factum habeo* (Vasilev 1968: 215). Они характерны для греческого, арумынского, албанского и болгарского языков (Асенова 2002: 242–245). Что касается болгарского языка, то явление это распространено на территории современной Македонии, а также на территории некоторых фракийских и странджанских говоров (Дуриданов, Младенов 2008: 182–183, карта № 17 на с. 196; Младенов 2008: 152). Ср. примеры из народных песен, изданных братьями Миладиновыми: *яс… сум дойдена* ‘я пришла’, *си дойдена* ‘ты пришла’, *сум падната* ‘я упала’ (Георгиев 1985: 294); или *имам дойдено* ‘я пришел’, *имам видено* ‘я видел’. Правда, В. Георгиев считает, что это результат влияния арумынского, но, на наш взгляд, это сомнительно из-за кочевого образа жизни арумынов, т. е. как раз наоборот: в арумынском эти конструкции появились под влиянием греческого и болгарского языков.

Конструкция вннденъ есмь относится к типу (1). Что касается сербского языка, то для него характерны конструкции типа *habeo* + страд. прич. прош. вр., согласующееся по роду и числу с объектом. Такие конструкции обособляются в подтип (3а), например, болг. *книга имам написана* ‘я написал книгу’ (Vasilev 1968: 216). Этот подтип распространен почти во всех славянских языках, в том числе в сербском и хорватском: *gdigod imaš posađeno voće*

inslav

переводе Геннадиевской Библии является иноязычным вкраплением. По этой причине оно попало в лексикон Берынды. В переводе ХГА вратнло ‘навой’ мог употребить только древнеболгарский переводчик.

ВРАТЬЦА МАЛАЯ мн. ч. ‘калитка, боковая дверь, потайная дверь’: (21) н нощню малымн вратцн прнше̂ протовестнарневы Мнханлн 543,3-4 – καὶ νυκτὸς διὰ παραπυλίδος εἰσελθὼν τοῦ πρωτοβεστιαρίου Μιχαήλ, B. 40,30–31.

Зафиксировано еще в Чудесах Дмитрия Солунского: (22) предъ полунощною стѣною града, на нен же бѧхꙋ малаа вратца (ВМЧ: 1937).

Вратьца — деминутив к врата, поэтому малаꙗ вратьца — плеонастическое сочетание. Слово сохранилось в болгарском языке: *вратцá* ‘боковая дверь, калитка’ (Геров I: 154; БЕР I: 182); ср. рус. *ворóтца*, *ворóтка* ‘калитка, дверцы для пешеходов в воротах или при них’ (Даль I: 249), *ворóтца* и *ворóтцы* ‘ворота при въезде в селение, на околице’ (СРНГ 5: 124).

Подведем итоги. Рассмотрено всего семь слов, которых можно отнести к категории сравнительно редких в древней славянской письменности. При всей недостаточности лексического критерия для локализации древних славянских переводов с греческого, о чем мы писали не раз, именно редкие слова могут быть показательны в этом отношении. Поэтому рассмотренные слова, наряду с другими доказательствами[20], являются аргументом в пользу древнеболгарского происхождения первого перевода ХГА.

ЛИТЕРАТУРА

Азбуковник — Азбуковник и сказание неудобь познаваемых речах // *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II. С. 135–191.

Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007–2011. Т. 1–7.

(XVIII в.), *je imao lično zabeleženu građu*, *imamo plaćen račun* (Vasilev 1968: 218–219). Дополнительную литературу можно найти в указанных работах.

[20] См. (Станков 1994; Станков 2003а; Станков 2003б; Станков 2004а; Станков 2004б; Станков 2006; Станков 2010; Станков 2010–2011; Станков 2012а; Станков 2012б; Станков 2013а; Станков 2013б; Станков 2014а; Станков 2014б; Станков 2015; Станков 2016; Пеев 2012).

inslav

Анисимова 2009 — *Анисимова Т. В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.

Асенова 2002 — *Асенова П.* Балканско езикознание: Основни проблеми на балканския езиков съюз. Велико Търново, 2002.

БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971–2011. Т. I–VII.

Берында[1] — **Леѯїконъ, славенорѡ́ссїй. Ѝменъ толъкова́нїе. Всечє́стны҃й ѿцє́мъ Кѵ҃: Па́мвою Беры́ндою... Ꙁгрома́женый... Въ лѣ́то: ѿ Рж҃тва̀ Хва, ҂ахнг** (1653).

Берында[2] — Лексикон славенороссий, составленный всечестным отцем кир Памвою Берындою // *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II. С. 5–118.

Боев 1965 — *Боев Е.* За предтурското влияние в българския език — още няколко прабългарски думи // Български език. 1965. Г. XV. № 1. С. 3–17.

Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Варбот 1969 — *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969.

Вендина 1988 — *Вендина Т. И.* К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравненнии с другими славянскими языками) // ОЛА: Материалы и исследования. 1984. М., 1988. С. 130–158.

ВМЧ — Великие Минеи Четии. Октябрь 19–31. СПб., 1880.

Георгиев 1961/1985 — *Георгиев В.* Езикът на «Българските народни песни» от братя Миладинови // Български език. 1961. Г. XI. № 5/6. С. 385–401; переизд.: *Георгиев В.* Проблеми на българския език. София, 1985. С. 283–297.

Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1895–1908. Т. I–VI.

Горский, Невоструев 1855 — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. М., 1855.

Горский, Невоструев 1859 — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел второй. Писания святых отцев. М., 1859. Ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные.

Граматика — Граматика на старобългарския език / Под ред. И. Дуриданов. София, 1991.

Гринченко — *Грінченко Б.* Словарь української мови. Київ, 1907–1909. Т. I–IV.

Даль — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. I–IV (репринт 2-го издания).

Дуриданов, Младенов 2008: *Дуриданов И., Младенов М.* Дистрибуция на балканизмите в българските диалекти // *Младенов М.* Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. София, 2008. С. 164–197.

ЕБ — Елизаветинская Библия 1751 г.; http://come.to/sbible; http://adventist.kz/bible_rus.htm.

inslav

ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика. Београд, 2003–2008. Св. 1–3.
ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Київ, 1982–2012. Т. I–VI.
Ефимова 2006 — *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
Истрин — *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Текст, исследование и словарь. Т. I. Текст. Пг., 1920; Т. II. Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование. Л., 1922; Т. III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л.,1930.
ИИВ — «История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. I–II.
Матвеенко, Щеголева 2000 — *Матвеенко В., Щеголева Л.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола): Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000.
Матвеенко, Щеголева I/1–2 — *Матвеенко В., Щеголева Л.* Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1. Ч. 1–2.
Минчева 1964 — *Минчева А.* Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964.
Младенов 2008 — *Младенов М.* Резултатите от най-новите български диалектологични изследвания в светлината на балканистиката // *Младенов М.* Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. София, 2008. С.141–155.
ОБ — Острожская Библия. Фототипическое издание Библии 1581 г. М.; Л., 1988.
Пеев 2012 — *Пеев Д. П.* Новые данные о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола // Летописи и хроники: Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб, 2012. С. 13–38.
ПСРЛ II/1843 — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатиевская летопись. СПб., 1843.
ПСРЛ II/1908 — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
РСХКЈ — Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад; Загреб 1967–1976. Т. I–VI.
РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–1989. Т. I–XIV.
САР — Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. I–VI.
СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2013. Т. I–X.
СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1974–2011. Вып 1–29.

inslav

Соболевский 1903 — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков // СбОРЯС. 1903. Т. LXXIV. № 1.

Сороколетов 1970 — *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970 (репринт: М., 2009).

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб, 1965–2013. Вып. 1–46.

Станков 1994 — *Станков Р.* Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина // Palaeobulgarica. 1994. Г. XVIII. № 1. С. 74–88.

Станков 2003а — *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Slavia Orthodoxa: Език и култура. Сб. в чест на Р. Павлова. София, 2003. С. 380–389.

Станков 2003б — *Станков Р.* Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Славистиката в началото на XXI век: Традиции и очаквания. София, 2003. С. 273–279.

Станков 2004а: *Станков Р.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа: Изследвания в памет на проф. Ив. Гълъбов. София; Шумен, 2004. Т. 7. С. 57–72.

Станков 2004б — *Станков Р.* Из наблюденията върху лексиката на ранния славянски превод на Хрониката на Георги Амартол // Црквене студије. 2004. Год. 1. С. 197–203.

Станков 2006 — *Станков Р.* О критериях локализации древних славянских переводов с греческого // Диалог и духовност. Т. 1. Сборник в чест на Румяна Златанова. София, 2006. С. 63–95.

Станков 2007 — *Станков Р.* Некоторые редкие слова в древнейшем славянском переводе Хроники Георгия Амартола // Кирило-Методиевски студии. София, 2007. Кн. 17: Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век. С. 664–672.

Станков 2008 — *Станков Р.* Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола в древнерусской письменной традиции // Старобългарска литература. 2008. Кн. 39/40. С. 45–103.

Станков 2010 — *Станков Р.* Глоссы в раннем славянском переводе Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Шумен, 2010. Т. 11. С. 152–175.

Станков 2010–2011 — *Станков Р.* Проблемы текстологии древнеболгарского перевода *Хроники* Георгия Амартола // Старобългарска литература. 2010–2011. Кн. 43/44. С. 38–95.

inslav

Станков 2012а — *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой раннего славянского перевода *Хроники* Георгия Амартола: ѻрь ‘жеребец’ // Русистика: язык, культура, перевод. София, 2012. С. 441–447.

Станков 2012б — *Станков Р.* Древнеболгарский перевод *Хроники* Георгия Амартола и *Хронограф по Великому изложению* // Преславска книжовна школа. Шумен, 2012. Т. 12. С. 191–209.

Станков 2013а — *Станков Р.* Из наблюдений над языком древнеболгарского перевода *Хроники* Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Шумен, 2013. Т. 13. С. 209–225.

Станков 2013б — *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода Хроники Георгия Амартола: ѻбразьникъ, ѻбразьница // ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΟ: Юбилеен сборник в чест на проф. д. фил. н. Христо Трендафилов. Шумен, 2013. С. 327–332.

Станков 2014а — *Станков Р.* Из наблюдений над языком древнеболгарского перевода *Хроники* Георгия Амартола: некоторые названия с суффиксом -ѣне/-ѥне // Актуални проблеми на балканистиката и славистиката: Доклади от Втората международна конференция, проведена на 9 и 10 октомври 2012 г. във Великотърновския университет «Св.св. Кирил и Методий». Велико Търново, 2014. С. 88–94

Станков 2014б — *Станков Р.* Древнеболгарский перевод *Хроники* Георгия Амартола и Архивский Хронограф // Преславска книжовна школа. Шумен, 2014. Т. 14. С. 298–318.

Станков 2015: *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода *Хроники* Георгия Амартола: мнимые русизмы // Преславска книжовна школа. Шумен, 2015. Т. 15. С. 93–106.

Станков 2016 — *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода Хроники Георгия Амартола: гѻндь, гѻнднтн // QUADRIVIUM: Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на проф. д-р Веселин Панайотов. Шумен, 2016. С. 233–236.

СтПр — Станиславов (Лесновски) Пролог от 1330 г. / *Павлова Р.* Увод и научно разчитане на текста; *Желязкова В.* Научно разчитане на текста. Велико Търново, 1999.

Трубачев I–IV — *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М., 2004–2009. Т. I–IV.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. I–IV.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–2014. Вып. 1–39.

inslav

de Boor — *de Boor C.* Georgii Monachi Chronicon / In Aedibus B. G. Teubneri. Lipsiae, 1904. Bd. I–II.

Corpus — Corpus of Old Slavic Texts from the XIth Century, Sofia – Trondheim. http://rosa.hf.ntnu.no/hf/slavic_corpus.

Liddell, Scott — *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon / Revised and augmented by Sir H. S. Jones, with a revised supplement. Oxford, 1996.

Miklosich — *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindobonae, 1862–1865.

PG — *Migne J.-P.* Patrologiae graece et latinae cursus completus. Seria Graeca. Paris, 1862. T. 49.

Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Knj. I–IV.

SP — Słownik prasłoviański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001. T. 1–8.

Vasilev 1968 — *Vasilev Ch.* Der romanische Perfekttyp im Slavischen // Slavistisches Studien zum VI. internationalen Slavistkongress in Prag / Hrsg. von E. Koschmieder und M. Braun. München, 1968. S. 215–230.

inslav

ПЕТРА СТАНКОВСКА
Люблянский университет

ПЕРГАМЕНТНЫЙ ФРАГМЕНТ КИРИЛЛИЧЕСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ-АПРАКОС В ОЛЬШТЫНЕ

Зоя Ярошевич-Переславцев[1] заметила кириллический текст, написанный уставом на пергаментном листе, в переплете конволюта XVII в., хранящегося под шифром DP 232 в библиотеке Высшей Духовной семинарии Варминской Метрополии Госианум в городе Ольштын в Польше (Jaroszewicz-Pieresławcew 2015: 33).

Пергаментный лист размером 29,5 × 24 см по палеографическим особенностям можно датировать концом XIV или началом XV века, но не позже 1420-х гг. (Остапчук 2017). По следованию евангельских чтений (с одной стороны Мф 8:23–37 и Мф 9:14–17, а с другой стороны Мф 7:1–8 и Мф 4:18–23), читаемых последовательно от второго четверга до второго воскресения по Пятидесятнице, фрагмент является частью полного Евангелия-апракос. По данным орфографии, местом его написания следует считать Смоленско-Полоцкие территории, для которых характерны чокание / цокание и смешение ѹ- и вѣ- (то и другое встречается в фрагменте). Правописание памятника восточнославянское, одноюсовое (только ѧ) и двуеровое (Остапчук 2017).

Несмотря на фрагментарность прочитанного текста из фолио[2], мы попытаемся указать на некоторые его особенности и обсудить интересные варианты не только в сопоставлении с остальными памятниками старославянской и церковнославянской традиций перевода Евангелия, но и с другой славянской переводной традицией — старочеш-

---

[1] Благодарю Зою Ярошевич-Переславцев за информацию об этом отрывке и Е. Остапчука за присылку переписанного текста фрагмента и своей пока не опубликованной статьи.

[2] Работаем по изданию Е. Остапчука и фотографиям, которые будут опубликованы там же (Остапчук 2017).

inslav

ской, а именно традицией перевода целой Библии, которая начинается в 60-х годах XIV века (Kyas 1997: 41).

Текст написан в двух столбцах, но потому, что фрагмент не был изъят из переплета конволюта, и потому, что на внешней стороне текст стерт, на некоторых местах трудно читается. На внутренней части листа находятся чтения Мф 7:1–8 (вторая суббота после Пятидесятницы) и Мф 4:18–22 (второе воскресенье после Пятидесятницы), причем в первой части не хватает конца четвертого и всего пятого стиха, что следует отнести к ошибке переписчика. На внешней части листа стихи Мф 7:23; Мф 8:23–27 (второй четверг после Пятидесятницы) и Мф 9:14–17 (вторая пятница после Пятидесятницы). На листе сохранились также следы надписи киноварью, которые указывают на следующую перикопу.

Сравнение такого маленького текстового фрагмента с изданием Евангелия от Матфея, подготовленным под редакцией А. А. Алексеева (Алексеев 2005), не дает, конечно, много новой информации, как заметил уже Е. Остапчук (Остапчук 2017), но оно показало, что в этом отрывке текста имеются некоторые интересные разночтения, которые не находятся в издании Алексеева[3], и мы постараемся рассмотреть их поближе и дополнительно провести сравнение с другими доступными славянскими материалами, а именно с древнейшими средневековыми памятниками старочешского перевода Библии[4] и Евангелиария,[5] потому что в течение предыдущих исследований были обнаружены некоторые интересные сходства, или, лучше сказать, парал-

[3] Остапчук (Остапчук 2017) указал на добавление частицы тоже в конце текста Мф 8:26 и использование существительного сѣть вместе мрѣжа в Мф 4:20. Также он прокомментировал преславские лексемы алъкати, женаи са (Мф 9:14–17), находящиеся в этом фрагменте вместо постити са, женихъ. Ради систематичности описания приводим эти разночтения ниже и в данной статье.

[4] Сравниваем с текстом древнейших памятников старочешской Библии — Дрезденской и Оломоуцкой по изданию В. Киаса (Kyas 1981). Для текста Дрезденской библии употребляется транскрипция.

[5] Для текста старочешского евангелиария пользуемся изданием Й. Винтра (Vintr 1977). Конечно, со старочешским евангелиарием сравниваем только чтение Мф 8:23–27, которое читается в четвертое воскресенье по Епифании, и Мф 4:18–22, которое читается на праздник св. Андрея.

inslav

лели в старочешском тексте Евангелия от Матфея и старославянском переводе того же Евангелия (Vintr 1987; Станковска 2015). Кроме того, мы обратим внимание на сходство текста фрагмента с вариантами, которые, судя по изданию Алексеева, являются весьма редкими, потому что такие варианты могут указывать на близость текста с отдельными текстологическими версиями, заключеными в разных памятниках разных редакций, в том числе и в нашем фрагменте. Наконец, еще дополнительно сопоставим некоторые разночтения, более интересные для старочешского, чем для церковнославянского текста.

Варианты, которые отличаются от текстов церковнославянской евангельской традиции, — по данным издания Евангелия от Матфея А. А. Алексеева (Алексеев 2005).

Мф 4:18 въмєтающа мрєжа оу морѣ Frag – [...] въ морє Aleks
púščějíce sieti u moře Dr Ev *púštiechu sieti u moře* Ol

Предлог оу совпадает, конечно, с фонетическими характеристиками фрагмента (смешение оу- и въ-, см. (Остапчук 2017)), и тот же предлог как единственный вариант находим в старочешских текстах, что для чешских текстов того времени не является необыкновенным, потому что предлог «*u*» в значении «*v*» (по-чешски также *do*) встречается довольно часто (Vokabulář webový — http://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx — 18. 1. 2017).

Мф 4:20 ѡна же абиѥ ѡставльша сѣти Frag – мрѣжа/ж҃ Aleks
(прим. Мф 4:21: ина два брата ѩкова зѣведѣова и і҃ѡа брата ѥго [...] заваѕающа мрѣжа Frag)
ona inhed ostavše sieti Dr Ol /add. *i lodi* / Ev
(Мф 4:21: ... *tvrdiece sieti své* Dr / *ani skládáchu své sieti* Ol/ *dospievajíce sítě své* Ev)

Лексема сѣть в значении «сеть для ловли рыбы» зафиксирована в чешском, словацком, верхнелужицком, нижнелужицком, польском, белорусском, украинском и древнерусском языках. И, напротив, в старопольском зафиксирована в том же значении «сеть для ловли рыбы или птицы» лексема мрѣжа (ср. в ESJS словарные статьи на сѣть и мрѣжа), причем в старочешском лексемы мрѣжа с такой семантикой мы не находим, оно присутствует в нем только в значении «решетка»

inslav

(Bláha a kol. 2015: 525; Vokabulář webový — http://vokabular.ujc.cas.cz /hledani.aspx — 18. 1. 2017, словарная статья *mřiežě*). Такое распространение лексемы сѣть указывает на более западное обыкновенное употребление ее в значении «сеть для ловли рыбы», однако в таком значении она употреблена в данном стихе фрагмента.

Мф 4:21 и възрѣ инѧ два Frag – оузьрѣ Aleks; видѣ Cd Fl Pg SK Th Zg *А В ОВ*
uzřě Dr Ol Ev

Именно в этом месте потверждается замеченное Е. Остапчуком (Остапчук 2017) непоследовательное смешение префиксов (предлогов) оу- и въ-. В Frag употреблена лексема с префиксом въ-, хотя во всех списках Евангелия, привлеченных к изданию Алексеева, на этом месте — глагол с префиксом оу- (как и в старочешском).

Мф 7:2 судите и ѿсоудит сѧ и ѥюже мерою ѿмеріте Frag – сѫдите сѫдатъ вамъ і въ ѥѫже мѣрѫ мѣрите вьзмѣритъ сѧ вамъ Aleks
и ѥюже мерою Frag – въ ѥѫже мѣрѫ Aleks
v kterúž měru Dr, *kterúžto měrú* Ol

Творительный падеж здесь, возможно, употребляется под влиянием средств выражения славянского языка, так как он не имеет основы в латинском (*et in qua mensura mensi fueritis*...) или греческом (καὶ ἐν ᾧ μέτρῳ μετρεῖτε μετρηθήσεται ὑμῖν) подлинниках. Интересно, однако, что такой же перевод с помощью простого творительного находим в том же месте в списке, заключающим в себе старочешский перевод, — Оломоуцкой Библии (1417 г.): *kterúžto měroju*, а в винительном падеже с предлогом *в* — в древнейшем известном списке старочешской Библии (Библия Дрезденская): *v kterúž mieru*.

Мф 7:2 судите и ѿсоудит сѧ и ѥюже мерою ѿмеріте Frag – сѫдите сѫдатъ вамъ і въ ѥѫже мѣрѫ мѣрите вьзмѣритъ сѧ вамъ Aleks
и ѥюже мерою Frag – въ ѥѫже мѣрѫ Aleks
v kterúž měru Dr, *kterúžto měrú* Ol
... *měřiti budete* [...] *vám bude odměřeno* Dr Ol

В обоих случаях в Frag находим тот же глагол с префиксом *от-* со значением перфективизации (в остальных церковнославянских памятниках есть в первом случае глагол без префикса, в старочешском тексте так же, но в форме будущего времени со вспомогательным

inslav

глаголом *býti*), во втором месте во всех источниках — глаголы с разными префиксами.

Мф 8:25 пристоупиша оучѧнци глѫще ѥму Frag – пришедъше оучѧници его възбоудиша и глѣѫще ги Aleks
пристоупиша Frag + пристѫпльше Bn Cd Dl Fl Gf Kr Mr Pg Tp Vk, пристѫпивъше Th – пришедъше (сѧ) Aleks
... přistúpivše k němu jeho mlazší probudichu/ubudichu jeho řkúce... Dr Ol

Лексическое совпадение с большинством рукописей не дает никакой полезной информации, пропуск слов его възбоудиша и в Frag можно считать простой ошибкой переписчика, которая — возможно, для исправления контекста — вела к добавлению местоимения ѥму.

Мф 8:26 глѧ имъ по что страшливи ѥсте маловѣрии Frag – глѧ имъ что страшиви есте маловѣри Aleks
vecě jim Ježíš: co jste sě užasli malé viery Dr, *vecě k nim Ježíš: Co ste strašlivi malé viery?* Ol

Самое интересное в этом месте — добавление в Frag предлога по к вопросительному местоимению, которое не имеет параллели в других текстах и которое добавляет объяснение смысла этого стиха[6]. Кроме того, в самом конце стиха только Frag добавляет слово тоже, как уже отмечено Е. Остапчуком (Остапчук 2017).

Мф 9:15 [отъ нихъ] женѧи сѧ Frag – отъиметъ сѧ отъ нихъ женихъ Aleks, ... невѣстьникъ Fl Ju Tr

В этом стихе в большинстве списков лексема женихъ появляется два раза (так же и в старочешском переводе), и варианты очень редкие — мы находим их в Frag и в списках Fl Ju Tr, где изменяется в одном месте женихъ, в другом невѣстьникъ, и только в Fl встречаем в предыдущем месте лексему женѧи сѧ — однако в Frag она употреблена во втором месте (см. Остапчук 2017).

[6] Вопросительное местоимение в греческом оригинале: λέγει αὐτοῖς· τί δειλοί ἐστε, ὀλιγόπιστοι; И в лат.: *dicit eis*: "*Quid timidi estis, modicae fidei?*"

inslav

Мф 9:17 мєхъі вѣтхъі аще л[и] растєргноут сѧ Frag – мѣхъі вєтъхъі аще ли же ни просѧдѫтъ сѧ Aleks
растєргноут сѧ Frag – просѧдѫтъ сѧ Aleks, просадатъ сѧ Bn *В ОВ*, расѧдѫтъ сѧ Ju Tr
... neb by sě lavicě rozsědly Dr, *by sě rozpukly lahvicě* Ol

Кроме пропуска частиц *же ни*, в Frag для перевода греч. ῥήγνυνται (лат. *rumpuntur*) находим глагол не такой, как в остальных источниках, в большинстве которых употребляется глагол просѧдѫтъ сѧ и только очень редко глагол расѧдѫтъ сѧ, который находим в немного другом фонетическом варианте в древнейшем списке старочешской Библии (*sě rozsědly*). Возможно, что в продолжении этого стиха имеются еще и другие интересные варианты, но из-за трудностей при прочтении текста они неясные и неоднозначные.

Дальше в сопоставлении с изданием Алексеева будут рассмотрены варианты, которые совпадают с более редкими разночтениями в традиции церковнославянского Евангелия.

Мф 4:18 симона гл҃маго Frag + Cd Fl Pg Th – нарицаѥмаго Aleks, нарицаѥѫщаго сѧ Zogr, рєкомаго SK
Мф 7:1 нє ѡсоуж(д)аитє да нє ѡсоудитє сѧ Frag – нє ѡсѫждаитє да нє осѫждєни бѫдєтє Aleks
да нє ѡсоудитє сѧ Frag + Pg SK – осѫждєни бѫдєтє Aleks

Рефлексивный пассив используется вместо перифрастичного, что условно можно считать языковой тенденцией фрагмента (ср. Мф 7:2).

Мф 7:6 ни помєтаитє бисѣръ вашихъ прєдъ свиньѥми. ѥда когда попроуть Frag
ѥда когда попроуть Frag + Mr Pg, єда п. Fl, да нє когда п. Cd Th – да нє поперѫтъ Aleks
svině, ať neztlačie jeho Dr x *svině, nebo snad jě potlačie svými nohami* Ol

Вариант двусловного союза ѥда когда с положительной формой глагола в Frag (но то же и в более древнем Мирославовом евангелии) можно считать попыткой переводить это место (греч. ἔμπροσθεν τῶν χοίρων, μή ποτε καταπατήσουσιν) на славянский язык методом «слово в слово», хотя в большинстве списков церковнославянского Евангелия

inslav

находим адекватный перевод с союзом да и отрицательным глаголом. Подобную ситуацию — конечно, с другими словами — можно найти также в старочешском тексте: в древнейшем его списке с частицей *ať* и отрицательным глаголом, в более позднем списке — с положительным глаголом и переводом союза и частицы *nebo snad* «слово в слово» в соответствии с латинским текстом (лат.: *ante porcos, ne forte conculcent eas*).

Мф 8:27 гл҃ѥ [к]ако сѣ ѥсть Frag – гл҃ѥ къто сь єстъ Aleks
[к]ако сѣ Frag + Dl Fl Gf Mr, како сь Kr, какъ сь Gl, каковъ сь Cd, ѩко сє Th – къто сь Aleks
řkúce, kteraký jest tento Dr; *řkúce, kaký jest toto* Ol

Употребление вопросительного местоименного наречия како (или прилагательного-местоимения какъ, каковъ) вместо субстантивного вопросительного местоимения къто появляется в большем числе рукописей. Такое местоимение читается также в обеих древнейших старочешских рукописях Библии и формально лучше совпадает с местоимениями в подлинниках (греч. ποταπός, лат. *qualis*).

Мф 9:14 мы и фа[р]исеи алчємъ много [...] нє алчю[т] Frag – мъі и фарисѣи постимъ са много Aleks ... нє постатъ са Aleks
алчємъ Frag + Dl Fl Ju Tr – постимъ са Aleks
нє алчю[т] Frag + Dl Fl Ju Tr – нє постатъ са Aleks
postíme sě [...] *sě nepostie* Dr Ol

Мф 9:15 ѩда могут і сн҃вѣ брачн[ни] ж[є]лѣти Frag – єда могжтъ сн҃вє брачъниі плакати са Aleks
ж[є]лѣти Frag + Dl Ju Tr – алъкати Fl Th, постити са Gf Kr TpVk Vl, плакати са Aleks
zdali mohú synové ženichovi žalostiti Dr, *zda mohú smutni býti synové mladého ženicha* Ol

Мф 9:15 [є]гда ѿим[є]т [са] женаи са т[огда ал]чють Frag – єгдаже отъимєтъ са отъ нихъ женихъ і тогда постатъ са Aleks
[ал]чють Frag + Fl, възалъчжтъ Dl Ju Tr – постатъ са Aleks
sě budú postiti Dr Ol

В стихах 9:14 и 9:15 три раза находится глагол постити са (такой же есть и в старочешском переводе, что, несомненно, следует отнести

inslav

к родству славянских языков), а в тексте Frag во всех трех местах есть слово алъкати, которое обычно считается преславизмом (ср. Остапчук 2017), но здесь выявляется более интересная его распространенность по спискам церковнославянского Евангелия, которая ясно указывает на близкое текстологическое родство с восточнославянским списком Евангелия Fl[7], который тоже на основании других общих вариантов с Frag можно считать самым текстологически близким. Несмотря на то, что в Fl глагол алъкати употребляется и на месте греч. πενθεῖν (лат. *lugere*), хотя в остальных местах он есть только на месте греч. νηστεύειν (лат. *ieiunare*)[8].

Мф 9:16 [...] приставлаѥтъ [ꙁа]платъı пла[та] не бѣлена къ риꙁѣ
Frag – не приставлѣатъ приставлениѣ плата не бѣлена риꙁѣ Aleks
[ꙁа]платъı Frag + Dl Ju Tr, приплатъı Fl – приставлѣниѣ Aleks, на приставлѥниѥ Pg, прилога Cd
къ риꙁѣ Frag + Dl Fl Ju Th TL Tr, на риꙁѫ Bn Cd Pg – риꙁѣ Aleks, раꙁвѣ (!) Kr
nebo ižádný nepřisadí záplaty nového sukna k vetchému rúchu Dr, *nikto také nevšívá sukna hrubého v rúcho staré* Ol

В Frag в этом стихе прежде всего интересна лексема ꙁаплата (или, возможно, приплата — префикс не прочитан из-за плохого состояния этой стороны фрагмента), которая здесь употреблена на месте лексемы приставлениѥ, которая в церковнославянском переводе (и в большинстве источников) вместе с предыдущим глаголом приставлѧти имитирует аллитерацию в греческом тексте (ἐπιβάλλει ἐπίβλημα), ко-

[7] Восточнославянский тетр — рукопись XIV в., в тексте которой «отражается дальнейшее текстовое развитие Древнего и Преславского текстов» (Алексеев 2005: 9).

[8] Греч.: 9:14 ... λέγοντες· διὰ τί ἡμεῖς καὶ οἱ Φαρισαῖοι νηστεύομεν [πολλά], οἱ δὲ μαθηταί σου οὐ νηστεύουσιν; 9:15 καὶ εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς· μὴ δύνανται οἱ υἱοὶ τοῦ νυμφῶνος πενθεῖν ἐφ' ὅσον μετ' αὐτῶν ἐστιν ὁ νυμφίος; ἐλεύσονται δὲ ἡμέραι ὅταν ἀπαρθῇ ἀπ' αὐτῶν ὁ νυμφίος, καὶ τότε νηστεύσουσιν. Лат: 9:14 ... dicentes: "Quare nos et pharisaei ieiunamus frequenter, discipuli autem tui non ieiunant? "; 9:15 Et ait illis Iesus: "Numquid possunt filii sponsi nuptiarum lugere, quamdiu cum illis est sponsus? Venient autem dies, cum auferetur ab eis sponsus, et tunc ieiunabunt".

inslav

торой нет в латинском (*immittit commissuram*), и это тоже значит, что славянский вариант может быть как-то связан с латинским текстом. Этот вариант есть в текстологически самых близких Frag рукописях (Dl Ju Tr Fl). Ту же самую лексему находим и в древнейшем старочешском списке Dr, но она пропущена в более младшем Ol, и хотя лексема *záplata* употребляется в современном чешском языке, но в остальных старочешских текстах зафиксирована только в смысле ‘плата, зарплата’ (Vokabulář webový — http://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx – 18. 1. 2017). В сопоставлении со старочешским переводом интересна также лексема *vetchý* в старочешском на месте лат. *vetus*. Это необычно, и она тоже пропущена в более младшем списке (Ol).

Мф 9:16 и горѣѥ р[о]ꙁдорь боуд[е]ть Frag – і больши дира бѫдетъ Aleks
горѣѥ р[о]ꙁдорь Frag, гории раꙁдоръ Fl – больши дира Aleks, болѥ раꙁдьраниѥ Mr, горьши дира Bn Dl Ju Kr Tr Vk *В ОВ*, вѧщьши дира Gf, поущьши дира Cd Pg
horšie roščítina Dr, *horšie rozedřěnie* Ol

В Frag на месте варианта дира, употребленного в большинстве рукописей, находим роꙁдоръ/раꙁдоръ, однако раꙁдоръ имеет и Fl. Подобную лексему — раꙁдьраниѥ — находим еще в Mr (Мирославово евангелие — сербская рукопись XII в.). Лексема раꙁдьраниѥ несколько ближе слову *rozedřěnie* в более младшем списке старочешского перевода, но никаких конкретных выводов из этой подобности сделать невозможно.

Некоторые варианты — кроме тех, на которые мы уже обратили внимание выше — довольно интересны для обсуждения старочешского перевода.

Например, обычный церковнославянский перевод греч. ἠκολούθησαν αὐτῷ (лат. *secuti sunt eum*) по ѩемь идосте находим также в старочешской древнейшей рукописи (Dr). Перевод интересен тем, что формально не копирует ни греческое, ни латинское выражение. А в Чудовском Новом Завете есть вариант послѣдоваста ѥмоу.

inslav

Mt 4:20 ѡставльша сѣти . и по нємь идоста
по нємь идоста Frag Aleks – послѣдоваста ѥмоу Cd Th, послѣдоваша ѥмоу Pg
jidesta po něm Dr x *jidechu po něm* Ol

Mt 4:22 ѡставльша корабль. и ѡ҃ца своѥго по нємь идоста
по нємь идоста Frag Aleks – послѣдоваста ѥмоу Cd Th, послѣдоваша ѥмоу Pg
jidesta po něm Dr x *jidechu za ním* Ol

Таким же интересным является, например, употребление в старочешском древнейшем списке (Dr) Библии лексем *nepřisaditi (záplata)*, *nový* и *vetchý*, которые все в более младшем списке (Ol) пропущены:

Мф 9:16 [...] приставлаѥт[ъ] [ꙁа]платы пла[та] нє бѣлєна къ ризѣ [в]єтсє Frag – нє приставлѣатъ приставлєниѣ плата нє бѣлєна ризѣ ветъсѣ Aleks
нє приставлаѥт[ъ] Frag, нє приставлѣатъ Aleks – нє накладаѥтъ Pg
нє бѣлєна Frag, Aleks – нє пьрана Cd, нова Gf Vk
nebo ižádný nepřisadí záplaty nového sukna k vetchému rúchu Dr, *nikto také nevšívá sukna hrubého v rúcho staré* Ol

Заключение

В заключение можно констатировать, что фрагмент рукописи был выполнен в западной части восточнославянской территории, как это следует уже из наблюдений Е. Остапчука над фонетикой и орфографией фрагмента (Остапчук 2017). К этому можно добавить, что в отрывке Евангелия встречаем следующие тенденции:

– Предпочтение отдается выражению пассива через рефлексивный пассив, а не описательный.

– В некоторых местах, возможно, текст Frag старается модифицировать перевод по методу «слово в слово» (Мф 7:2 или Мф 7:4), но в другом месте, наоборот, не следует оригиналу и употребляет характерный для славянского беспредложный творительный падеж (Мф 7:2 и ѥюже мерою Frag) на том месте, где в греческом оригинале имеется предложный падеж (греч. καὶ ἐν ᾧ μέτρῳ, лат. *et in qua mensura*) — как и в большинстве церковнославянских списков (въ нѭже мѣрѫ Aleks).

inslav

Конечно, текст Frag слишком короток для каких-либо более общих выводов. Но если учитывать и некоторые другие элементы — такие, как использование лексемы сѣть вместо обыкновенного в церковнославянских Евангелиях мрѣжа и тенденцию к более частому употреблению беспредложного творительного падежа (Мф 7:2 и ѥѥю же мѥрою), встречающиеся также в старочешских евангельских текстах XIV в., возможно, что эти явления надо отнести к каким-то западным славянским языковым тенденциям, которые, видимо, отразились в некоторых (может быть, до нас и не дошедших) списках церковнославянского Евангелия-апракос, и, возможно, что они представляют какие-то общие тенденции, появляющиеся также в старочешском евангельском переводе — прежде всего в его древнейшей версии, так как некоторые из них в последующих списках из старочешского перевода исчезают (Мф 9:16 *rúcha vetchého*).

Что касается обсуждения этого короткого отрывка старочешского перевода, то в нем тоже присутствуют варианты, которые являются общими не с вариантами Frag, а с вариантами остальных списков церковнославянской традиции. Из этого ясно, что текст Frag, конечно, не надо считать каким-то текстологически совсем близким к эвентуальной церковнославянской рукописи, которая нашла, может быть, отражение в старочешской традиции. Таким мог быть — если допустим сродство — какой-то «средний» вариант западно-восточнославянской редакции церковнославянского Евангелия, смешивающий текстологические характеристики Frag, Чудовского Нового Завета (по результатам сравнения в (Vintr 1987; Станковска 2015)) и других списков церковнославянского Евангелия, как бы казалось, например, по Мф 9:17: мєхъі вѣтхъі аще л[и] растєргноут сѧ Frag – просадѫтъ сѧ Aleks, просадѧтъ сѧ Bn *В ОВ*, ꙗсадѫтъ Ju Tr – *neb by sě lavicě rozsědly* Dr, *by sě rozpukly lahvicě* Ol; или в Мф 7:2: судитє и ѡсоудит сѧ и ѥѥю же мєрою Frag – въ нѥжже мѣрѫ Aleks – *v kterúž měru* Dr, *kterúžto měrú* Ol.

СОКРАЩЕНИЯ

Aleks — все памятники церковнославянского Евангелия, обработанные в издании А. А. Алексеева и др. (Алексеев 2005).

Frag — Ольштынский фрагмент.

inslav

Dr — Дрезденская (Лесковецкая) Библия, вторая половина XIV в., хранилась в Дрезденской Королевской библиотеке, сгорела во время первой мировой войны.
Ol — Оломоуцкая Библия, 1417г., хранится в Научной библиотеке в Оломоуце под сигн. M III 1,2.
Ev — старочешский евангелиарий без обозначения точной рукописи по изданию (Vintr 1987) (в издании обрабатываются три древнейших рукописи второй половины XIV в.).

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ
по изданию (Алексеев 2005: 9–10)

Bn — Баницкое евангелие конца XIII – начала XIV вв., болг. (древний и преславский текст).
Cd — Чудовский Новый Завет (поздняя форма).
Dl — Добрилово евангелие 1164 г., Галиция (преславский текст).
Fl — РНБ, F.п.I.14, XIV в., вост.-слав. (древний и преславский текст).
Gf — РНБ, собр. Гильфердинга 1, ок. 1284 г., серб. (преславский текст).
Gl — Галицкое евангелие 1144 г., Галиция (древний текст).
Ju — Юрьевское евангелие 1119–1128 гг., Новгород (преславский текст).
Kr — Карпинское евангелие XIII в., болг. апракос (древний текст).
Mr — Мирославово евангелие конца XII в., серб. (древний текст).
Pg — Погодина 21 (РНБ), 2-ая половина XIV в., рукопись чудовской группы (поздняя форма).
SK — Саввина книга, X в., болг. (развитие древнего текста).
Th — Толковое евангелие Феофилакта Болгарского, ркп. XVI в. (поздняя форма).
TL — новый литургический тетр XIV в., серб. (поздняя форма).
Tr — собр. Третьяковской галереи конца XII – начала XIII в., вост.-слав. (преславский текст).
Vk — Вуканово евангелие XIII в., серб. (древний и преславский текст)
Vl — РГБ, ф. 113, конец XIII в., вост.-слав. (преславский текст).
Zg — Зографское евангелие XI–XII в., болг. тетр (древний текст).
𝒜 — Афонский текст, ред. A, XIV–XV вв., серб. (поздняя форма).
ℬ — Афонский текст, ред. B, XV в., болг. (поздняя форма).
𝒪ℬ — Острожская библия 1581 г., текст редакции B (поздняя форма).

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2005 — *Алексеев А. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Бабицкая М. Б., Ванеева Е. Л., Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ткачева Т. В.* Евангелие от Матфея в славянской традиции (Novum Testamentum Palaeoslovenice. II). СПб., 2005.

Остапчук 2017 — *Остапчук Е.* Неизвестный пергаментный отрывок кириллического Евангелия апракос полного из библиотеки Духовной семинарии Госианум в Ольштыне (в печати).

Станковска 2015 — *Станковска П.* Взаимоотношения восточнославнской редакции Евангелия и старочешского перевода Библии // Latopisy Akademii Supraskiej. Bialystok, 2015. T. 6. S. 19–29.

Bláha a kol. 2015 — *Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L.* Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země. Praha, 2015.

Fischer 1983 — Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem / Ed. B. Fischer. Stuttgart, 1983.

Jaroszewicz-Pieresławcew 2015 — *Jaroszewicz-Pieresławcew Z.* Cyrylometodejskie dziedzictwo piśmiennicze na Warmii i Mazurach // Acta Polono-Ruthenica. 2015. T. 20. S. 33–42.

Kyas 1981 — *Kyas V.* Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. Praha, 1981. T. I. Evangelia.

Kyas 1997 — *Kyas V.* Česká bible v dějinách národního písemnictví. Praha, 1997.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1989. Vyd. 1.

Vintr 1977 — *Vintr J.* Die ältesten tschechischen Evangeliare // Slavistische Beiträge. München, 1977. Bd. 107.

Vintr 1987 — *Vintr J.* Shody mezi prvním staročeským překladem bible a staroruským Novým zákonem tzv. třetí redakce // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1987. Bd. 33. S. 105–111.

Vokabulář webový — http://vokabular.ujc.cas.cz

inslav

А. А. ТУРИЛОВ
Институт славяноведения РАН, Москва

«ДОБРОГО» ИЛИ «ДОБЛЕСТНОГО» АРХИЕПИСКОПА МЕФОДИЯ ВОСПЕВАЛ КОНСТАНТИН ПРЕСЛАВСКИЙ? (еще раз к реконструкции акростихов в канонах славянскому первоучителю)

Исследования древнейших памятников гимнографии, посвященных славянским первоучителям, предпринятые в последнее двадцатилетие, наглядно показали продуктивность их совместного изучения[1]. И это несмотря на то, что между службами Константину-Кириллу Философу († 869) и Мефодию († 885) прошло более полутора десятилетий, что они несомненно написаны разными авторами и даже (как окончательно установлено в последнее время) на разных языках: вторая исходно писалась по-славянски (авторами канонов были Константин Преславский и Климент Охридский, отметившие свои творения именными текстовыми акростихами), а первая переведена с греческого[2], вероятно, весьма вскоре после создания (Турилов 2014: 4–5). При этом, хотя служба младшему брату почти несомненно являлась образцом для песнопений старшему, само исследование их не носило однозначного и прямолинейного характера, а определялось изучением рукописной традиции памятников, сохранившихся весьма неравномерно.

Свыше 80 лет назад, в середине 1930-х гг. югославские ученые Ю. Павич (Pavić 1936: 59–86) и Д. Костич (Костић 1937–1938: 187–211) независимо друг от друга установили, что канон гласа 2-го, входящий в службу архиепископу Мефодию, снабжен текстовым акростихом, проходящим по тропарям[3] всех его песней и содержащим имя

[1] См. хотя бы (Попов 2003: 652–666; Попов 2003а: 403–404).

[2] Наиболее подробный разбор аргументации в пользу этого дан в недавно вышедшей книге (Крысько 2014: 14–472).

[3] Ирмосы и богородичны в акростих не входят.

inslav

автора («Константин»), которого вполне естественно и логично было отождествить с учеником славянского первоучителя, ставшим под конец жизни епископом столичного Преслава.

При том, что имя автора бесспорно, акростих сохранился в каноне не идеально. Откровенно видна лакуна после третьего тропаря первой песни, пропуск местоимения и замена формы глагола единственного числа на множественное в начале второго тропаря песни 5-й.

Даждь хе҃ спс҃е...
Оставивъ ро(д)...
Бранъ лютѫ...
Ѡ прѣславне кто...
Ѩеѳодне ст҃е...
Єже (іже)...
Тѧ нма ѿче...
Одеснѫѫ прѣдстоѫща...
Дш҃ѫ своѫ...
Истын настолник...
(Азъ) тѧ молю...
Пѫчннѫ прѣплаваѫ...
Ѿ ѕапа(д) ст҃е...
Ѫже (еѫже) слоужбѫ...
Калъ грѣховъ...
Ѡ ваю ст҃аа...
На камени ты...
Свободена мѧ...
Теклоименитъ (ѳеклоименитъ) ст҃е...
Архіерен ты бы(с)...
Нощь люта...
Тѧ бл҃ѫне пое(т) ѕемѣ...
Имѧща ст҃аа прѧ...
Нінѣ припадаѫ...

Акростих (вместе с его нарушениями) был трактован исследователями по разному. Ю. Павич пострался свести все нарушения к минимуму, предположив, что из канона исключена вторая песнь, состоявшая из четырех тропарей с окончанием прилагательного в акростихе (-раго), реконструировав при этом глагол в песни как поет, пред-

inslav

полагая, таким образом исходное наличие дополнительного тропаря (добраго ѥѩтодиѧ поѥт константин). Д. Костич, напротив, категорически исключил возможность существования в каноне второй песни, предложив реконструкцию с дополнительным тропарем в первой и песни – добро ѥѩтоди тѧ пожѫ константин. Реконструкция Костича была принята большинством исследователей еще на рубеже тысячелетий (Попов 2003: 660), однако последние исследования позволяют взглянуть на этот вопрос по-другому.

Находка славянского акростиха в каноне Мефодию в сочетании с известным еще задолго до этого анонимным текстовым акростихом в общем каноне Кириллу и Мефодию (Горский 1856: 33–48; Горский 1865: 271–290; Попов 2003: 664) сделала, на первый взгляд, весьма вероятным использование этого приема и в каноне Кириллу Философу. Попытки прочесть его и определить автора предпринимались уже Д. Костичем (Попов 2003: 655–656), но в особенности активизировались (главным образом в болгарской филологии) на рубеже XX и XXI вв., в эпоху расцвета изучения древнейшей славянской гимнографии, неразрывно связанной с исследованием акростихов[4]. Бесплодность и беспочвенность этих поисков вполне определилась лишь несколько лет назад, когда со всей определенностью было доказано, что канон (точнее, два канона — см. ниже) Константину-Кириллу был написан на греческом языке и снабжен греческим же акростихом (Темчин 2007: 328–338; Темчин 2007а: 289–295; Крысько 2014: 30–65, 463–472; Турилов 2014: 4–5).

С открытием и публикацией в 1998 г. второго канона архиепископу Мефодию (гласа 6-го) (Мошкова, Турилов 1998: 3–23; то же (с испр. и доп.) Турилов 2012), вскоре надежно атрибутированного его ученику Клименту Охридскому (Попов 2001: 3–20; Попов 2003б: 46; Попов 2003: 660–663), ситуация с изучением служб первоучителям заметно изменилась. Стало вполне ясно, что первоначально эти службы отличались особой торжественностью и содержали по два канона (и, как видим на примере службы Мефодию, разных авторов), но со временем пришли к существующему виду. Поначалу установление такой симметрии служб первоучителям имело большее значение для

[4] См., к примеру: (Кръстанов 1997: 28–31; Кръстанов 2000: 202–206; Кръстанов 2002: 176–195; Мирчева 2010: 3–24).

inslav

изучения канонов, посвященных Константину-Кириллу, поскольку привлекло внимание исследователей к канону ему гласа 8-го, сохранившемуся лишь в двух списках первой половины XIV (Синай, Б-ка м-ря Св. Екатерины, Слав. 25) и начала XV вв. (София, Б-ка Болгарской АН, № 23), и по дефектному младшему шестьдесят лет назад изданному[5] (старший опубликован совсем недавно — Крысько 2015: 146–160).

Однако эта симметрия несомненно имеет значение и для реконструкции первоначального облика и акростиха обоих канонов в честь архиепископа Мефодия. Дело в том, что оба канона в честь младшего из солунских братьев обладают такой архаичной особенностью, как присутствие второй песни. В каноне гласа 8-го она представлена непосредственно (в старшем Синайском списке) (Крысько 2015: 152–153), а в «основном» каноне 4-го гласа надежно восстанавливается на основании лакуны в надежно реконструируемом на основании обратного перевода греческом акростихе[6]. Поэтому достаточно оснований полагать (особенно с учетом малого числа дошедших списков — два написанного Константином Преславским и один Климента Охридского), что каноны, посвященные Мефодию, также исходно имели (вопреки распространенному мнению) вторую песнь. Применительно к первому из них это уже предполагал Ю. Павич (см. выше). В структуре канонов Константину-Кириллу уместно видеть образец для авторов служб его старшему брату, в особенности с учетом теснейшей связи и между посвященным им агиографическим памятникам[7]. При этом, как уже отмечалось (Мошкова, Турилов 1998: 6; Турилов 2012: 50, 61), дополнительным (хотя и не обязательным) стимулом для включения в каноны Мефодию второй песни (своеобразной «песни скорби») могла являться кончина архиепископа во время Великого поста (в среду Страстной седмицы) (Флоря 2000: 194).

Какие же изменения вносит признание изначального наличия второй песни в обоих канонах Мефодию в чтение их акростихов? Для канона Константина Преславского, оно, как уже говорилось, сви-

[5] См. (Ангелов 1957: 283–289; Кодов 1963: 297). Ср. также (Райков 1969: 214–218; Стойкова 2000: 216–220, 222–223).

[6] См. (Темчин 2007: 328–338; Крысько 2014: 465–466).

[7] См. (Флоря 2000: 86–95).

inslav

детельствует о большей правоте реконструкции Ю. Павича в сравнении с Д. Костичем, но вовсе не о полном согласии с нею. Дело в том, что эпитет «добрый» (ДОБРАГО в акростихе) представляет первое, что приходит на ум, но он не соответствует оценке Мефодия в текстах кирилло-мефодиевской агиографии, гимнографии и торжественного красноречия (жития, службы, похвальные слова, пространные памяти). «Добрым» моравский архиепископ нигде не именуется. Поэтому более вероятно предположить, что первоучитель определялся Константином как «доблестный» — ДОБЛИИ (доблїаго в акростихе), что вполне соответствует его образу. Правда, следует заметить, что и этот эпитет не применяется к Мефодию в кирилло-мефодиевских памятниках, но он вообще отличается несравненно большей редкостью, чем «добрый». Попутно уместно разрешить вопрос о форме глагола (ПОЮ или ПОЕ[Т]) на стыке песней 5 и 6 того же канона и сделать выбор в пользу 1-го лица, частично согласившись в данном случае (но без местоимения) с Д. Костичем (см. выше). Дело в том, что к настоящему времени именно форма 1-го лица представлена в текстовых акростихах значительным количеством примеров (общий канон Кириллу и Мефодию, канон апостолу Андрею Первозванному Наума Охридского после находки древнерусского списка ГИМ, Музейск. 3473, анонимный канон на перенесение мощей Иоанна Златоуста, рассматриваемый ниже канон Мефодию Климента Охридского[8]), тогда как для формы третьего лица их нет. Посему наиболее вероятная (с минимум допущений и натяжек) на сегодняшний день реконструкция акростиха в каноне Константина Преславского выглядит следующим образом: доблїаго ѥпископа константинъ.

Несколько иначе обстоит дело с акростихом в каноне Климента Охридского. Памятник носит значительно более торжественный характер (достаточно напомнить о входивших первоначально в каждую песнь, но лишь частично сохранившихся троичных тропарях — «троичнах» (Мошкова, Турилов 1998: 8–9); Турилов 2012: 52–53; Попов 2001: 7) и заметно большем (в сравнении с каноном Константина) объеме славянского материала (в акростих здесь входят уже упомянутые троичны, а также богородичны). Хотя этот канон написан на

[8] См.: (Турилов 2006: 30–31); то же (Турилов 2010: 73, 83); то же (Турилов 2012: 226, 234).

inslav

глас 6-й, плагальный по отношению к написанному Константином Преславским (и, соответственно, второй по порядку исполнения), именно этот текст Климента производит впечатление центрального творения первоначальной службы первоучителю. Наиболее удачный вариант реконструкции акростиха, помещенный ниже, принадлежит Г. Попову (Попов 2001: 13–14).

Ꙗко...
Ꙁарение...
Крилома...
(Л)
Исаиꙗ...
Ц҃лтвы...
(Х҃во) І҃во...
Вьспитѣнь...
(А)
Льстьвицю...
На...
Авраамово...
Моудрости...
(И)
Иꙁьрци...
Процвьль...
Ꙗкоже...
Соущьствомь...
Иб(с)ноую...
Мысльно...
Иꙁь...
Пѣ(с)ни...
(О)
Ѫже (ꙗже)...
Ап(с)лкие...
Рѣки...
(Х)
Иꙁбави...
Єдина...
Рода..
(Є)

inslav

(Ꙗ)
Ц(о)лтвьныѥ...
Ѥдиноу...
Ѥстволь...
Тын...
О(т)чьства...
(Д)
Нзь...
Ꙗко...

Первоначальный вариант реконструкции начальной части краегранесия, предложенный в совместной работе Л. В. Мошковой и автора этих строк[9], представляет в настоящее время лишь историографический интерес, однако и версию выдающегося болгарского гимнолога едва ли можно признать окончательной. Я несколько раз высказывался по этому поводу, но вкратце, без развернутой аргументации[10]. Речь идет также о наличии в каноне 2-й песни, возможность которой Г. Попов решительно отрицает. На первый взгляд все выглядит безупречно. Тропарь 3-й песни начинается с буквы М («Молитвы») и служит непосредственным завершением имени КЛИМ в акростихе. Однако следующее слово в этом тропаре «твое» и перестановка слов — «Твое молитвы» отнюдь не выглядит насилием над текстом. Но в этом случае вполне допустимо, что эта начальная буква является завершением полной формы имени К(Л)И(МЕН)Т с учетом тропарей утраченной песни 2-й. Правда, следует иметь в виду (поскольку в акростихе в каждой песни участвуют 2 тропаря, троичен и богородичен), что в идеале утраченных букв должно быть 4[11], но это обстоятель-

[9] См. (Мошкова, Турилов 1998: 11–13; Турилов 2012: 55–57; Попов 2001: 4; Попов 2003: 662). Здесь уместно напомнить, что при реконструкции акростиха издатели службы исходили из предположения, что в дошедшем виде песнь 1-я канона соединяет в шахматном порядке начальные тропари первоначальных песней 1-й и 2-й, что в результате не подтвердилось.

[10] См., например (Турилов 2006а: 118, примечание 43; Турилов 2010: 101–102; Турилов 2012: 71–72, 102).

[11] Правда, для песни 5-й Г. Попов (Попов 2001: 13) оставляет акростих из 4-х сохранившихся букв (2-го тропаря, троичен и богородичен), но не следует лишний раз прибегать к исключению.

inslav

ство может иметь вполне простое объяснение. Одна из букв (гласных или согласных) могла быть сдублирована для согласования акростиха со структурой канона — возможные варианты: КЛИИМЕНТ, КЛИММЕНТ, КЛИМЕЕНТ, КЛИМЕННТ. Примеры такого дублирования букв (и даже большего умножения их числа) в древнейших славянских акростихах хорошо известны[12], причем один (МЕЕТОДИЯ) имеется непосредственно в рассматриваемом каноне (см. выше). И если автор счел возможным и допустимым применить этот прием в отношении прославляемого им первоучителя, то что говорить о его собственном имени. В любом случае исходное наличие песни 2-й в каноне Климента Охридского архиепископу Мефодию на фоне вышеизложенного представляется более чем вероятным[13].

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов 1957 — *Ангелов Б. Ст.* Старобългарски тестове. III // Известия на Архивния институт при БАН. София, 1957. Кн. 1.

Горский 1856 — *Горский А. В.* О древних канонах Кириллу и Мефодию // Прибавления к изданию творений св. отцов в русском переводе. М., 1856. Т. 15.

Горский 1865 — *Горский А. В.* О древних канонах Кириллу и Мефодию: Служба св. Кириллу и Мефодию по синодальному списку // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.

Кодов 1963 — *Кодов Хр.* Един непознат препис от службата на Кирил Философ // Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963.

Костић 1937–1938 — *Костић Д.* Бугарски епископ Константин — писац Службе св. Методиjу // Byzantinoslavica. Praha, 1937–1938. Vol. 7.

[12] См., к примеру, (Попов, Станчев 1988: 146) — 4 буквы П в начале канона Симеону Богоприимцу. Ср.: (Турилов 2006а).

[13] Следует заметить, что С. Ю. Темчин, напротив, считает маловероятным позднейшее исключение песни 2-й из данного канона, поскольку данный пример не укладывается в его периодизацию канонов Климента Охридского, снабженных акростихами (Темчин 2017: 149–150). У меня, в свою очередь, вызывает большие сомнения чисто механистический принцип датирования, положенный в основу его периодизации (тип акростиха и характер авторской «подписи» — краткая или полная (КЛИМ / КЛИМЕНТ) форма имени). Вероятно, в данном случае уместно положиться на время и мнение незаинтересованных в споре коллег.

inslav

Кръстанов 1997 — *Кръстанов Т.* Св. Сава седмочисленик в нова светлина // Духовна култура. 1997. № 5.

Кръстанов 2000 — *Кръстанов Т.* Неизвестен препис от службата за св. Кирил Философ от XVI в. в празничен миней № 113 от сбирката на Църковноисторическия и архивен институт в София // Климент Охридски — живот и дело. София, 2000 (Кирило-Методиевски студии. Т. 13).

Кръстанов 2002 — *Кръстанов Т.* Сава Седмочисленик — старобългарски книжовник и светец от IX–X век // Преславска книжовна школа. София, 2002. Т. 6.

Крысько 2014 — *Крысько В. Б.* Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М., 2014.

Крысько 2015 — *Крысько В. Б.* Служба Кириллу Философу по Синайскому списку // ΠΟΛΥΙΣΤΩΡ. Scripta slavica Mario Capaldo dicata. Москва; Рим, 2015.

Мирчева 2010 — *Мирчева Б.* По въпроса за реконструкцията на оригиналната славянска служба за Константин-Кирил Философ // Palaeobulgarica, 2010. № 1.

Мошкова, Турилов 1998 — *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравьскые земле велеи гражданин» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // Славяноведение. 1998. № 4.

Попов 2003 — *Попов Г.* Служби за Кирил и Методий старобългарски // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3 (П–С).

Попов 2003а — *Попов Г.* Химнография старобългарска през IX–X в. // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 4 (Т–Я).

Попов 2001 — *Попов Г.* Службата за славянския първоучител Методий в Хлудовия миней № 156 // Старобългарска литература. София, 2001. Кн. 32.

Попов 2003б — *Попов Г.* Акростих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // La poesia liturgica slava antica / Древнеславянская литургическая поэзия (XIII Международный съезд славистов. Тематический блок № 14: Доклады). Roma; Sofia, 2003.

Попов, Станчев 1988 — *Попов Г., Станчев К.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.

Райков 1969 — *Райков Б.* Два новооткрита преписа от службата на Кирил Философ и няколко бележките върху нейния състав // Константин-Кирил Философ: Юбилеен сборник по случай 1100-годишнина та от смъртта му. София, 1969.

Стойкова 2000 — *Стойкова А.* Бележки върху историята и структурата на ранните служби на Кирил (по повод на един новооткрит молдавски препис) // Климент Охридски: Живот и дело. София, 2000 (Кирило-Методиевски студии. Кн. 13).

inslav

Темчин 2007 — *Темчин С. Ю.* О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei der Slaven in altester Zeit. Paderborn etc., 2007.

Темчин 2007а — *Темчин С. Ю.* О переводном характере древнейшей службы Кириллу Философу: ꙗко нꙁьбьрана стрѣла въ тоулѣ // Darъ slovesьny: Festschrift fur Christoph Koch zum 65. Geburtstag. Munchen, 2007.

Темчин 2017 — *Темчин С. Ю.* Относительная хронология акростишных канонов св. Климента Охридского // San Clemente di Ocrida: allievo e maestro. Nell'undicesimo centenario del beato transito (916–2016). Milano, 2017 (Accademia Ambrosiana. Classe di Slavistica. Vol. 7).

Турилов 2012 — *Турилов А. А.* Межславянские связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.

Турилов 2014 — *Турилов А. А.* К изучению великоморавского литературного наследия между двумя юбилеями: промежуточные итоги, спорные вопросы и перспективы // Свети Ћирило и Методије и словенско писано наслеђе: 863–2013. Београд, 2014.

Турилов 2006 — *Турилов А. А.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (на материале минейных служб) // Старобългарска литература. София, 2006. Кн. 35–36.

Турилов 2006а: *Турилов А. А.* К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией) // Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslao Mares. Frankfurt am Mein, 2006.

Турилов 2010 — *Турилов А. А.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М., 2010.

Флоря 2000 — *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000 (1-е изд. — М., 1981).

Pavić 1936 — *Pavić J.* Staroslavenski pjesnički kanon u čast sv. Metodija i njegov autor // Bogoslovska smotra. 1936. Vol. 24. № 1.

inslav

М. И. ЧЕРНЫШЕВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

ИМЕНОВАНИЯ БОГОРОДИЦЫ В ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Вместо вступления. Фрагмент истории

В раннехристанскую эпоху складывается система символов и именований Христа. Первоначально они связаны со знаковой, словесной и формульной тайнописью, отчасти восходящей к евангельским сказаниям и Священному Писанию. Постепенно символика обрастала устойчивыми и вновь осмысляемыми прообразовательными смыслами.

С этой точки зрения показателен гимн Христу Климента Александрийского (ок. 150 – ок. 215), помещенный в конце его книги «Педагог» (ок. 190 г.)[1] Исследователь раннехристианской символики А. С. Уваров замечает, что в этом гимне находятся символические выражения, «придуманные самим Климентом», или почерпнутые им из символического языка, распространенного в его время в христианской среде «посвященных»; особое внимание он обращает на то, что в гимне Спаситель открыто назван Иисусом Христом (Уваров 1908: 47).

Здесь уже есть именования (Пре)мудрости, которые позже могли соотноситься с Богоматерью; особенно они очевидны в строках:

γάλα οὐράνιον
μαστῶν γλυκερῶν
νύμφης[2] χαρίτων
45. σοφίας τῆς σῆς
ἐκθλιβόμενον
οἱ νηπίαχοι

[1] Clemens Alexandrinus. Erster Band. Protrepticus und Paedagogus / Hrsg. von Dr. O. Stählin. Leipzig, 1905. S. 291–292.

[2] В немецком издании здесь запятая, так что предлагается понимать это место как: «молоко небесное из сосцев сладких Девы», а после запятой: «твоей (Пре)мудрости милостей».

inslav

ἀταλοῖς στόμασιν
ἀτιταλλόμενοι
θηλῆς λογικῆς...

Млеко небесное,
Из сосцов сладких
Девы Милости,
45. *Мудрости Твоей источенное!*
Мы питомцы,
Нежными устами
Вскормленные
Грудью духовной [3]...

К тому же почти в самом конце этого гимна Христос назван «Младенцем всемогущим»: (μέλπωμεν[4] ἁπλῶς) **παῖδα κρατερόν**. Весь этот ряд: *млеко небесное, сосцы сладкие, Дева (здесь: нимфа) Милости, вскармливание Грудью, Младенец* — становится предвозвестником процесса возникновения символов и именований Богоматери.

У Дионисия Ареопагита (I в.) в «Послании Титу иерарху»[5] в момент трактовки сути Премудрости Божией появляются определения, некоторые из которых близки к появившимся позже именованиям Богородицы: «Уподобляются божественные умопостигаемые Речения росе, воде, молоку, вину и меду: из-за живородной их, как у воды, силы; растительной, как у молока; оживляющей, как у вина; и очищающей, а также и предохраняющей, как у меда. Их ведь божественная Премудрость дарует привходящим […] Потому-то она и воспевается как *животворительница* (ζωοποιός), а также *младопитательница* (κουροτρόφος), *обновительница* (ἀνανεωτική) и *совершенствовательница* (τελεσιουργός)»[6].

---

[3] Далее Уваров вставляет отсутствующее в издании греческого текста слово «матери»: *Грудью духовной матери…*

[4] В немецком издании: πέμπωμεν «пошлем».

[5] Славянский перевод в русском списке XVI в. — см.: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Октябрь. Дни 1–3. СПб., 1870. Соответствующий фрагмент находится в стлб. 781.

[6] Перевод на русский язык Г. М. Прохорова: Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений с толкованиями преп. Максима Исповедника. Изд. 3-е, исправл. СПб., 2010. С. 455. Греческий оригинал: PG. T. 3. Col. 1112.

inslav

В самом евангельском тексте звучит имя Богоматери — *Мария* (Μαρία, Μαριάμ), о Ней говорится как о *Деве* (Παρθένος), *Девице* (Παρθένος), *Матери* (Μήτηρ), *Матери Господа* (Μήτηρ τοῦ Κυρίου), *Рабе Господней* (ἡ Δούλη Κυρίου), и в благовещенском возгласе ангел обращается к Ней: *Благодатная* (κεχαριτωμένη) и *Благословенна* (εὐλογημένη)[7]. Те же именования находятся в «Протоевангелии Иакова» (после 160 г., не позднее нач. III в.), по мнению некоторых ученых, специально составленном для прославления Пресвятой Девы[8].

Считается, что впервые слово «Богородица» употребил Ориген (ок. 185 – ок. 254)[9]; иногда утверждается, что оно введено в литургию Григорием Богословом (329–389)[10].

Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753) в «Слове на Рождество Богородицы»[11] в споре с еретиком Несторием (после 381 – ок. 451), предложившим называть Ее «Христородицей»[12], отстаивая именование «Богородица» (Θεοτόκος), ссылается на авторитет Григория Богослова (Назианзина)[13] — этот пассаж в славянском переводе выглядит следующим образом: **Да постыдит҃ся Несторіє . и да полагаетъ рꙋкꙋ**

---

[7] Славянские соответствия (Люсен 1995).

[8] Иакова Протоевангелие // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 567–576 (цитируется по Интернет-ресурсу: www.pravenc.ru). Славянский перевод в русском списке XVI в. опубликован в: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стлб. 352–363. Греческий оригинал (Tischendorf 1876; Strycker 1961).

[9] См. описание в «Церковной истории» Сократа Схоластика (ок. 380 – после 439) в: PG. T. 67. Col. 812.

[10] Богородица // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 486–504 (цитируется по Интернет-ресурсу: www.pravenc.ru).

[11] PG. T. 96. Col. 668.

[12] Это именование в контексте осуждения Нестория встречается в древнерусской литературе – см.: Кормчая Балашева, с прибавлениями. Рукоп. БАН. 21.5.4. XVI в. (с прибавл. XVII в.). л. 377об.; *Аввакум.* О пресвятой Богородице // Русская историческая библиотека. Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1. Вып. 1. Стлб. 685; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. IV. Ч. 1. Челобитная Никиты (Пустосвята). М., 1878. С. 9. 1665 г.

[13] Во времена Нестория звучало также именование «Человекородица».

inslav

на устѣхъ . отрочя Богъ . и како не Богородице (Θεοτόκος) **рождешіа? Аще кто не исповѣдаеть святую Богородицю Дѣву** (Θεοτόκον… τὴν ἁγίαν Παρθένον). **чюждь Божества да будетъ. Не мое слово и мое слово: жребій бо сый отъ отца Григоріа Богослова богословеснѣйшаго наслѣдовахъ**[14] — «пусть постыдится Несторий и зажмет рукой уста. Отрок — Бог, так как же не Богородица та, что Его родила? “Кто не признает святую Богородицу Деву, тот чужд божества[15]”. Это не мои слова, но и мои: я наследовал этот жребий от богословеснейшего отца Григория Богослова». Эта фраза взята Иоанном Дамаскиным из Третьего послания к пресвитеру Кледонию Григория Богослова-Назианзина: εἴ τις οὐ Θεοτόκον τὴν ἁγίαν Μαρίαν ὑπολαμβάνει, χωρὶς ἐστὶ τῆς θεότητος[16].

В сочинении Иоанна Златоуста (ок. 347 – 407) «Когда Евтропий, найденный вне Церкви, был схвачен»[17] именования Церкви, соотнесенные со Священным Писанием, практически полностью совпадают с именованиями Богородицы (они выделены)[18]: «Не удаляйся от Церкви, потому что нет ничего сильнее Церкви. Твоя *надежда* (ἡ ἐλπίς) — Церковь, твое *спасение* (ἡ σωτηρία) — Церковь, твое *убежище* (καταφυγή) — Церковь. Она *выше неба* (τοῦ οὐρανοῦ ὑψηλοτέρα), *обширнее земли* (τῆς γῆς πλατυτέρα) […] Писание, выражая твердость ее и непоколебимость, называет ее *горою* (ὄρος); за ее непорочность называет ее *девою* (παρθένον); за великолепие называет *царицей* (βασίλισσαν)»[19] […] «Смотри, как Церковь, как я говорил, называется *невестою* (νύμφη), иногда *дщерью* (θυγάτηρ), иногда *девою* (παρθένος), иногда *рабою* (δούλη), иногда *царицею* (βασίλισσα) […] иногда *горою* (ὄρος), иногда

[14] Воспроизведена графика издания: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стлб. 400 (список XVI в.). Греческий оригинал: PG. T. 96. Col. 661–680.

[15] Можно перевести: «отлучен от Божества».

[16] PG. T. 37. Col. 177.

[17] PG. T. 52. Col. 395–414.

[18] Славянский перевод в русском списке XVI в. находится в издании: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Ноябрь. Дни 13–15. СПб., 1899. Стлб. 1132–1161.

[19] PG. T. 52. Col. 402.

inslav

раем (παράδεισος), иногда многоплодною, иногда *лилиею* (κρίνον), иногда *источником* (πηγή)…»[20].

Совпадение именований Премудрости (Софии), Церкви[21] и Богородицы в конце концов привело к формированию понятия Софии-Богоматери-Церкви (Овчинников 1999: 105 и выше).

В «Похвале Святой Марии Богородице» (Ἐγκώμιον εἰς τὴν ἁγίαν Μαρίαν τὴν Θεοτόκον)[22] Кирилла Александрийского (376–444)[23] среди херетизмов — множество Ее именований (иногда с закрепленными эпитетами) и символов, в том числе, соотносимых с символикой божественного Сына (на Него указывает знак «стрелка вправо» →): χαίροις, Μαρία, τὸ χωρίον → τοῦ ἀχωρήτου ἡ → Μονογενῆ Θεὸν χωρήσασα[24], в славянском переводе: **Радоуи сѧ Марие вьмѣщениѥ → невьмѣстѧщааго сѧ ѥже → ѥдинородьцѧ сн҃а бж҃ьꙗ слово вьмѣстивъши.** (Похв. Богор.) Кирилл Алекс., 434.

К IV веку не только главное имя (Θεοτόκος) — «Богородица» широко употреблялось в богословских сочинениях, но оно стало критерием православного исповедания веры, что определило его официальное закрепление на Третьем (Эфесском) Вселенском соборе в 431 году[25]. К этому же времени складывается система Ее именований и парность (об этом явлении будет сказано ниже).

Прообразовательное начало

Именования и особенно символы Богоматери обосновываются богословами и Отцами Церкви через соотнесение со Священным Пи-

---

[20] PG. T. 52. Col. 403.

[21] Эта идея прекрасно решается иконографически (см., к примеру, великолепную новгородскую икону, находящуюся в постоянной экспозиции Государственной Третьяковской галереи «Премудрость созда себе дом» (ок. 1548 г.).

[22] Греческий оригинал: PG. 77. Col. 1029–1040.

[23] Славянский перевод этого произведения см.: Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 433–440; сокращенно: (Похв. Богор.) Кирилл Алекс.

[24] PG. 77. Col. 1032.

[25] Богородица // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 486–504 (цитируется по Интернет-ресурсу: www.pravenc.ru).

inslav

санием — это ветхозаветные прообразы Божией Матери[26]. В «Слове на Рождество Богородицы» Св. Андрея Критского (ок. 660 – 740) говорится, что «нет ни одного места во всем Богодухновенном Писании, где бы обратившийся к нему не увидел разных, повсюду рассеянных на Нее [Божию Матерь] указаний (τὰς ἐπισημασίας[27])»[28].

В этом произведении Андрей Критский перечислил самые известные прообразовательные символические именования Богородицы[29]: Дева, Отроковица, Пророчица, Брачный чертог, Дом Божий, Храм Святой, Вторая Скиния, Святая Трапеза, Жертвенник, Очистилище, Златая Кадильница, Святая Святых, Херувим славы, Златая Стамна, Ковчег Завета, Иерейский Жезл, Царский Скипетр, Диадема Красоты, Сосуд, Алавастр, Свещник, Курение, Светильник, Светильница, Колесница, Купина, Камень, Земля, Рай, Страна, Нива, Источник, Агница[30]. Ее символические именования Св. Андрей Критский подтверждал и объяснял обращением к Священному Писанию[31].

---

[26] Ветхозаветные прообразы строятся на аллюзиях, иногда они поддерживаются, как правило, небольшими фрагментами из Священного Писания (ср. современные трактовки роли библейских цитат: Запольская 2003; Пиккио 2003; Григорьев 2006; Гардзанити 2014).

[27] PG. 97. Col. 868.

[28] Славянский перевод этого произведения (в русском списке XVI в.): *Андрей Критский*. Слово на Рождество Богородицы: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стлб. 386–396. Сокращенно: (Сл. на Рожд. Богор.) Андр. Крит. Греческий оригинал: PG. T. 97. Col. 861–881.

[29] «Перечень этих “указаний” открывается святоотеческим утверждением, что тайну Богоматери следует усматривать уже в Предвечном Совете» (см.: Пс. 131:11). В «Православной энциклопедии» указаны следующие ветхозаветные прообразы Божией Матери и Ее именования у Св. Отцов: *земля ненасеянная* (Быт. 1:9–21), (*словесный*, *умный* и др.) *рай*, (*новая*) *Ева*, *невеста*, *Ноев ковчег*, *лествица Иакова*, *неопалимая купина* (Исх. 3:2), *врата храма* (Иез. 44:1–2).

[30] PG. 97. Col. 868–869; русский перевод этого пассажа цитируется по указанной Интернет-версии «Православной энциклопедии».

[31] PG. 97. Col. 869–873.

inslav

* * *

Материалы, относящиеся к Богородице (в западноевропейской традиции: Деве Марии), описаны в специальной литературе по византиноведению (BHG: 1046–1161d; OBD: 2170–2178; Salzer 1893; ThE) и хорошо изучены европейскими специалистами в области мариологии[32]. Некоторые православные богословы предлагают различать мариологию как раздел догматического богословия в католической и протестантской теологии, касающейся Девы Марии, и восточную теотокологию (от греч. Θεοτόκος — Богородица). Первый из названных терминов — «мариология» — подкреплен авторитетом издающейся в Москве современной «Православной энциклопедии».

Именования Богоматери вписываются в систему средневековой символики, которая плодотворно разрабатывается в современной научной литературе по медиевистике и византиноведению, в том числе с точки зрения иконологических и иконографических аспектов (LCI; Spitzing 1989 и др.). Отечественные исследователи также обращались к интересующей нас тематике; искусствоведам принадлежит ряд крупных историко-культурных исследований (Кондаков 1910; Кондаков 1914–1915; Лазарев 1986; Лихачев 1911; Овчинников 1999)[33]; вопросы теории средневековой византийско-славянской символики представлены в работах В. В. Бычкова (Бычков 1976; 1991; 1995). В последнее время возникли Интернет-ресурсы соответствующей тематики[34].

Однако лексическая сторона вопроса до сих пор оставалась без должного внимания[35].

---

[32] Историческая справка: с целью исследования феномена Девы Марии ватиканский теолог Габриель Роскини (автор большого числа работ по мариологии) учредил в 1939 г. журнал «Marianum», а в 1950 г. — факультет мариологии, который в 1955 г. стал Папским университетом (= Папский институт мариологии); с 1971 г. Институт открыт для обучения мирян; в 1950 г. был проведен первый международный мариологический конгресс. В Риме существует также специальный научный центр CENTRO DI CULTURA MARIANA (www.culturamariana.com).

[33] Существует также множество конкретных разработок. Еще в позапрошлом веке были собраны именования богородичных икон (Панов 1871 и др.).

[34] К примеру: www.bogomater.ru

[35] Кстати, только часть иконографических названий богородичных икон совпадает со словесной гомилетической и гимнографической византийско-славянской традицией.

inslav

В то время как именования Богоматери на греческом языке в византийской богослужебной поэзии в основном собраны и описаны (Eustaratiadis 1930; Follieri 1961; Follieri, Mauropode 1968), этого нельзя сказать о древнем славянском материале: именования Богородицы, сохранившиеся в славянском византийском наследии (т. е. в переводной литературе), последовательно не были собраны и системно описаны.

Не так давно появилась работа, где проанализирована символика ряда церковнославянских богородичных произведений конца XVII – начала XX века (рукописных и изданных). В результате проделанной работы было описано и систематизировано по смысловым группам 195 символов (Борисова 2001: 141–142). Однако сохранившийся в древнерусской письменности древний славянский — самый богатый — лексический материал гимнографических произведений остался вне поля зрения исследовательницы.

Таким образом, назрела необходимость восполнить этот пробел и составить по возможности полную подборку именований Богоматери, сохранившихся в древнейших славяно-русских рукописных и опубликованных произведениях. О необходимости такой работы говорят специалисты разных областей знаний. Кроме всего прочего, забвение традиционной символики и образно-символического языка приводит современного человека либо к неверному прочтению, либо к неполному пониманию произведений классической русской литературы и, особенно, поэзии.

Источники словарной коллекции

По первоначальному замыслу предполагалось собрать именования Богородицы только из переводных гимнографических произведений, сохранившихся в древнерусской письменности, поскольку это древнейшее славянское наследие хранит богатый материал Ее именований и относящихся к ним многочисленных эпитетов. Выборки производились из наиболее известных публикаций ранних переводных гимнографических произведений, начиная с изданных И. В. Ягичем[36] «Служебных миней» в сп. 1095–1097 гг., заканчивая новыми и

[36] *Ягич И. В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886.

inslav

новейшими изданиями[37], а также из нескольких древних рукописных богослужебных текстов[38].

Собранный материал соотносился с византийской гимнографической традицией, т. е. с упомянутыми: 1) собранием митрополита Софрония Евстратиадиса (Eustaratiadis 1930), которое насчитывает 1152 именования Богоматери в византийской гимнографии, и сравнительно небольшими подборками 2) Э. Фоллиери (Follieri 1961) и 3) Э. Фоллиери – Г. Мавроподе (Follieri, Mauropode 1968)[39].

Однако для понимания феномена именований Богородицы следовало учитывать также гомилетические сочинения Отцов Церкви и виднейших византийских богословов, в своих произведениях обосновывавших их прообразовательный и символический смысл. Это побудило обратиться к опубликованным и рукописным богородичным произведениям («Словам») Иоанна Златоуста (ок. 347–407), Кирилла Александрийского (374–444), Андрея Критского (ок. 660 – 740), Иоанна Дамаскина (ок. 675 – ок. 753), патриарха Тарасия (ок. 730 – 806) и монаха Епифания (сер. IX в. – TL: 225 – 226), сохранившимся в более поздних (в нашем случае — русских) списках XV–XVI вв.[40] Все использованные памятники соотнесены с греческими оригиналами.

---

[37] Некоторые примеры: Der altrussische Kondakar. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižegorodskij Kondakar'. T. II–IV / Hrsg. von Antonín Dostál und Hans Rothe unter Mitarbeit von Erich Trapp. Giessen, 1977–1979 (XII – нач. XIII вв.); Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям / Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin. T. 1. Opladen, 1996. T. 2. Opladen, 1996; T. 3. Opladen, 1999; T. 4. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006; Крысько 2005; Верещагин 2006; Кривко 2012.

[38] Среди них: Служебная минея за август. Рук. РГАДА, Тип. 125 (копия рукописи любезно представлена Р. Н. Кривко) и др.

[39] Выражаю благодарность профессору Р. Штихелю (Мюнстер, Германия) за предоставленные копии этих исследований.

[40] Издание: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. М.; СПб., 1868–1917; «Слова» из неизданных частей этого произведения изучались по рукописям, хранящимся в ГИМе.

inslav

Учтен также — пока в качестве источника — материал нескольких оригинальных (непереведенных) славянских произведений, среди них — приписываемая Кириллу Философу рукописная «Похвала Святой Богородице»[41], сохранившийся в древнерусском списке «Октоих» Климента Охридского (Крашенинникова 2006) и др.

Введение в состав источников оригинальных славяно-русских произведений имеет несколько перспективных целей, одна из которых — определить степень соответствия богородичных именований, обнаруживаемых в этих рукописях, мариологической византийско-славянской традиции.

* * *

В византийской литературе сформировалась достаточно стройная лексическая система именований Богородицы, куда вошли имена, образы, символы (обладающие особыми свойствами) и их эпитеты. Эта система через раннеславянские переводы с греческого языка стала известной в славянской и — в списках — в славяно-русской письменности. Сложившаяся традиция была закреплена в оригинальных (непереведенных) произведениях.

Имена Богородицы

В основном, лексическая система оригинала и перевода грамматически[42] и (отчасти) словообразовательно[43] совпадает, т. е., это существительные (простые или сложные), а также субстантивированные прилагательные (типа **вьсечюдьнаꙗ** – πανθαύμαστος[44], **прѣчистаꙗ** – ἄχραντος, πάναγνος, πανάμωμος, πανάχραντος) и причастия в форме женского рода (**браконезнающи** – ἀπειρόγαμος, **дѣвьствоующа** – παρθενεύουσα). Они, при некоторой вариантности, носят

[41] Кирилл. О похвале Святой Богородице — в составе рукописи: Златоуст. ГИМ, Муз. Собр. № 1779. л. 104об.–113об. К исследованию этой рукописи несколько раз обращался А. А. Турилов (Турилов 1985; Турилов 2011).

[42] Вопрос о родовой разнице имен существительных греческого оригинала и славянского перевода заслуживает особого рассмотрения.

[43] Словообразовательный аспект и проблема калькирования могут быть предметом самостоятельного рассмотрения.

[44] Далее в Ее греческих и славянских именованиях буквы не повышаются.

inslav

достаточно устойчивый характер и довольно строго закреплены в образно-символической системе византийско-славянской гимнографии, т. е. употребляются только по отношению к Богородице. Такие имена узнаваемы, содержат очевидный смысл, указывающий на Нее и открывающий Ее уникальные качества. Она — Мать Бога: **мати**, **богомати** – θεομήτωρ, μήτηρ (τοῦ θεοῦ); Родительница Бога: **богородица**, **богородительница** – θεογεννήτωρ, θεοτόκος; Дева и Мать: **дѣвомати** – παρθενομήτωρ; Она — вне брака: **браконезнающи**, **браконеискоусима** – ἀπειρόγαμος; Она девственна, непорочна: **дѣва**, **дѣваꙗ**, **дѣвица** – παρθένος и молода: **отроковица** и др.

Образы

Образами могли быть достаточно устойчивые именования, употребляемые по отношению к Богоматери в образно-переносном смысле, типа: **кровъ**, **покровъ** – σκέπη, **прибѣжище** – καταφύγιον, **пристанище** – λιμήν и др. Они повторяются в разных произведениях, но образная природа такова, что она не мешает расширению объема образов.

Особую группу составляют слова-образы направленного действия. Они обозначают действующее лицо или осуществляемую Богородицей деятельность, активное вмешательство или акт, имеющий определенную позитивную устремленность, «спасительное действие»: заступничество, заботу и т. п.; эта группа слов называет Богородицу носительницей образно выраженного действия по уничтожению зла, печали, несчастья и т. п. Сюда входят, как правило, nomina agentis (feminina) и субстантивированные причастия в форме ж. р.: **ходатаица > веселиꙗ и радости** – μεσίτις τῆς [...] εὐφροσύνης τε καὶ χάριτος, **изгоубивъши > печаль прамѫтрню** – λύπην προμήτορος ἐξαφανίσασα и др., а также абстрактные существительные, обычно означающие качество или действие: **оцѣщениѥ > вьсего мира** – παντὸς τοῦ κόσμου ἐξίλασμα (знак > «угол вправо» указывает направленность действия).

Эпитеты

Одиночные именования (символы, образы) могут употребляться самостоятельно (**отроковица**), но могут обрастать «смыслоносными» эпитетами (**небрачьна ѡтроковица** – ἀνύμφευτος ἡ κόρη),

inslav

углубляющими основную семантику именования или создающими приращение смысла. Сочетание символа **дрѣво** с эпитетом **свѣтьлоплодьноѥ** (**дрѣво свѣтьлоплодьноѥ** – δένδρον ἀγλαόκαρπον) говорит о порождении плода-света, а в сочетании с эпитетом **бл҃госѣньнолиствьноѥ** (**дрѣво бл҃госѣньнолиствьноѥ** – ξύλον εὐσκιόφυλλον) выражает идею божественного покрова и защиты.

Эпитеты многочисленны и имеют тенденцию к лексическому расширению и варьированию, хотя подчиняются правилам системы. Некоторые эпитеты очень употребительны (например, **бж҃ствьныи**, **-аꙗ**, **-оѥ**), существуют редкие, а также уникальные эпитеты, как в последнем из приведенных примере.

Особую группу составляют эпитеты с начальным компонентом **бого- : скрижаль бо҃написана** – πλάξ θεόγραφος, **невѣста бо҃нареченаꙗ** – νύμφη θεόκλητος и мн. др., указывающие на связь с Богом, божественным началом и божественной благодатью. Добавление **Божии** к любому из видов имен, образов и символов Богородицы (например: **бж҃иѥ селениѥ** – τοῦ θεοῦ σκήνωμα) при любой трактовке означает ‘осуществленное свыше’, ‘заключающее (в себе) Божественное начало’ и т. п. (ср. Чернышева 2008).

Кроме того, в системе именований Богородицы весьма употребительны так называемые «отрицательные именования» (**браконезнающи**, **браконенскоусима** – ἀπειρόγαμος) и особенно — «отрицательные эпитеты»[45] с приставками *не-* или *без-*: **безмужнаꙗ Мариꙗ**, **безсѣменнаꙗ шивада** – ἄσπορος κόχλος, **кладꙗзь неископанъ** – φρέαρ ἀνόρυκτον, **моужененскусьнаꙗ Мариꙗ** – ἡ ἀπείπανδρος παρθένος, **нечьртожьнаꙗ дѣва** ‘не вступавшая в брачный покой’ – ἀθαλάμευτος ἡ παρθένος, **невѣста неневѣстьнаꙗ** – νύμφη ἀνύμφευτος. Вероятно, их появление опирается на одно из основополагающих положений православного богословия — апофатизм, догмат об абсолютной непознаваемости Бога (Лосский 1991: 22). «Опыт непознаваемости сущности Божией, согласно православному пониманию, есть причина того, почему (при установлении догматических ὅροι) “дефинициям” в собственном смысле предпочитают отрицательные эпитеты» (Фельми 1999: 33). К. Х. Фельми говорит здесь о терминах с отрицательной

[45] Лексически оформленное противопоставление, в том числе с отрицанием, В. В. Бычков трактует как «антитетичность» (Бычков 1976: 178).

inslav

приставкой ἀ- в составе «отрицательных определений» Халкидонского собора, тем не менее его мысль, как представляется, приложима к предмету данного рассуждения.

В связи с этим необходимо напомнить о таких характеристиках символа, как неоднозначность, многомерность и парадоксальность[46], которая характеризует и «отрицательные эпитеты», и некоторые имена. Парадокс явлен уже в ключевых именах: **богородица** и — в одновременно указывающем на девственность и материнство — имени **дѣвомати**. Среди примеров подобного рода встречаются достаточно сложные случаи, предполагающие владение навыком высокого абстрагирования. Эта идея сформулирована в древнем «Акафисте Пресвятой Богородице», см. в славянском переводе: **вѣтиꙗ многогласьны ꙗко рыбы безгласьны видимъ ѡ тебѣ . бцѣ** (θεοτόκε). **недомыслѧть бо сѧ глаголати . како и двою прѣбываюши и родити възможе** (παρθένος μένεις καὶ τεκεῖν ἴσχυσας)[47] — «пред Тобою, Богородица, мы видим витий многоречивых безгласными, подобно рыбам, ибо не могут понять, как же *Ты и Девою пребываешь и могла родить*».

Сравнения

В данной образно-символической системе сравнения представляют собой разновидность образа или символа. Так, устойчивое именование **съкровище** с эпитетом **чстое** встретилось только в составе сравнения — в «Слове на Введение Пресвятой Богородицы во храм» Константинопольского патриарха Тарасия: **Тебе приношаю, ꙗко съкровище чстое** (ὡς κειμήλιον καθαρόν), **въ цркôв гнѭ**[48].

---

[46] С. С. Аверинцев разбирает с этой точки зрения творчество Романа Сладкопевца в главе с говорящим названием «Согласие в несогласии» (Аверинцев 1977: 210–220).

[47] Der altrussische Kondakar. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižegorodskij Kondakar'. T. IV: Das Kirchenjahr 2: Dezember bis März / Hrsg. von Antonín Dostál und Hans Rothe unter Mitarbeit von Erich Trapp. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd. 8, 4). Wilhelm Schmitz Verlag in Giessen, 1979 (древнерусский список XII–XIII вв.). С. 212.

[48] Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Ноябрь. Ч. I. Тетр. 3. Дни 16–22. М., 1914. Стлб. 3060. Греческий оригинал: PG. T. 98. Col. 1481–1520.

inslav

Символы

Символизм — один из важнейших феноменов средневековой теологии, эстетики, шире — мышления. Дионисий Ареопагит в упомянутом уже письме к Титу, где кратко излагаются идеи утерянного трактата «Символическая теология», писал о двух способах изложения истины: «Один — невысказываемый (неизреченный) и тайный (τὴν μὲν ἀπόῤῥητον καὶ μυστικὴν), другой — явленный и легко познаваемый (постижимый) (τὴν δὲ ἐμφανῆ καὶ γνωριμωτέραν)[49]; первый — символический и мистериальный (τὴν μὲν συμβολικὴν καὶ τελεστικὴν), второй — философский и очевидный (аподиктический) (τὴν δὲ φιλόσοφον καὶ ἀποδεικτικήν), так что невыразимое сплетено с выразимым (τῷ ῥητῷ τὸ ἄῤῥητον)»[50].

Понимание символики и владение ею требует высокого навыка абстрагирования, обычного для средневекового сознания. Об этом в «Акафисте Пресвятой Богородице» сказано следующим образом: **Страньно рожьство** (ξένον τόκον) **видѣвше оустранимъ сѧ мира . оумъ на нб҃о прѣложьше** «видя необычное рождество, отстранимся от мира, перенеся ум <с земли> на небо»[51].

Символы (в данном случае символы Богородицы), будучи «универсальной формой средневекового мышления и восприятия» (Аверинцев 1977: 219)[52], заключают в себе неочевидный, т. е. не вытекающий напрямую из семантики, смысл. Символический смысл скрыт для «непосвященных».

Как уже было сказано, одной из главных характеристик символа является его прообразовательное начало, т. е. связь со Священным Писанием как его источником, на этом строится понимание символики и владение ею. Выше были приведены слова Св. Андрея

[49] В. В. Бычков уточнил: «Высшая невыговариваемая истина передается только первым способом» (Бычков 1991: 27).

[50] PG. T. 3. Col. 1105.

[51] Der altrussische Kondakar. T. IV. C. 206.

[52] Полная формулировка С. С. Аверинцева: «Универсальная форма средневекового мышления и восприятия — символ, не смешивающий предмет и смысл (как это происходило в язычестве) и не разделяющий их (как это намечено в иконоборчестве и завершено в рационализме Нового времени), но дающий то и другое “неслиянно и нераздельно”».

inslav

Критского о повсюду рассыпанных указаний на Нее в «Богодухновенном Писании»[53].

Слова, несущие символический смысл, могут иметь три одновременно присутствующих семантических пласта, из них два первых входят в семантический объем слова: прямое значение и образно-переносное, и третий пласт — внесемантический выходит за пределы семантики и образности данного слова — он-то и выражает его символику.

Пример. Сочетание *краеугольный камень* (**краноугъльныи камы** – λίθος ἀκρογωνιαῖος) имеет прямое значение, которое можно определить следующим образом: ‘камень, который при строительстве здания кладут в углу его основания’ (это необходимо для создания крепости постройки). Известно ветхозаветное определение *краеугольного камня,* которое встречается и в Новом Завете. В Евангелии от Матфея (21:42) сказано: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» — эти слова восходят к библейской формуле, где можно видеть образно-переносное употребление, которое затем, благодаря авторитетности Писания, становится символическим — Пс. 117:22 и Ис. 28:16: «Так говорит Господь Бог: вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, — камень испытанный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится».

Краеугольный камень веры — это пример образно-переносного употребления в современном русском языке.

Христианское сознание, сохраняя прежние представления, наделяет их новым смыслом. В символическом значении *краеугольный камень* становится символом Христа и одним из Его именований. Он включен в символическую пару (об этом явлении ниже): Богородица — гора, Христос — отсеченный от горы краеугольный камень: **Бж҃иꙗ гора тоучьнаꙗ** (τὸ ὄρος τὸ πιότατον) [Пс. 67:16] […] **ѿ неꙗ же оусѣче сѧ камень краноугольныи Хс҃** (λίθος ὁ ἀκρογωνιαῖος Χριστός) **и съкроуши всю крѣпость идольскоую**[54].

---

[53] В современной «Православной энциклопедии» (т. 5, статья «Богородица») об этом сказано следующим образом: «Церковное предание позволяет определить мариологический смысл многих не только новозаветных, но и ветхозаветных повествований».

[54] *Ягич И. В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. С. 83.

inslav

Виды символов

Опорную символику определяют устойчивые («закрепленные») символы, они освящены святоотеческой традицией и последовательно используются в византийской и древнеславянской письменности. Это, в первую очередь, символы «божественного ряда», например, наиболее известные символы Христа: **свѣтъ**, **слово**, **агньць**, **камы**, **хлѣбъ**, **оугль** и др. Среди устойчивых символов Богоматери, имеющих прообразовательное начало, **неопалимаꙗ коупина** (ἡ ἀκατάφλεκτος βάτος). Ветхозаветный прообраз (Исх. 3:2) восходит к увиденному Моисеем Богоявлению в огне (огонь, свет, сияние и т. п. — это и постоянное указание на Божественное начало, и неизменные именования и символы Бога).

Как уже можно было заметить, символика и — шире — именования Богородицы находятся в тесной взаимосвязи с символикой и именованиями Христа, что богословами признается первой особенностью догматического учения о Богородице. В богословской формулировке это положение звучит следующим образом: «Учение о Божией Матери (т. е. мариология. — *М.Ч.*) […] основано на христологии и поэтому никогда не рассматривается вне домостроительства спасения, совершенного Воплотившимся Сыном Божиим»[55]. Православные богословы настаивают, что мариология входит в состав христологии и не является отдельной дисциплиной.

Отсюда существование такого явления, как парные символы (или символические пары) и парные именования.

Сначала о парных символах. Эта система достаточно стройная: даже если один член пары не упомянут, он подразумевается. Самый простой случай — употребление слов, имеющих грамматические и словообразовательные признаки мужского и женского рода: **агница** – ἄμνας (символ Богородицы) → **агньць** – ἀμνός (символ Христа); **оуница** – ἄμνας, δάμαλις (‘телка’, ‘девушка’ — символ Богородицы) → **оуньць** – ἀμνός (‘телец’ — символ Христа). Схемы парной символики (особенно прообразовательного характера) могут быть и более сложными: **облакъ** – νεφέλη → **сълньце** – ἥλιος; **гора** – ὄρος → **камы** – λίθος; **трапеза** – τράπεζα → **хлѣбъ** – ἄρτος и др.

[55] «Богородица», раздел «Догматическое учение о Деве Марии» (Православная энциклопедия. Т. 5).

inslav

Парная символика часто выражает основные идеи: вмещения (сюда примыкает идея сокровенности, скрытости), источника, порождения, в первую очередь — света, т. е. божественного света, например: **съсоудъ** – *δοχεῖον, κειμήλιον, σκεῦος* (Она) → **свѣта** (*φωτός*) (Он), **свѣщьникъ** – *λυχνία* (Она) → **свѣта** (Он).

Второй член (относящийся к Сыну-Христу) символической или именующей пары может быть «спрятан» в эпитете, к примеру, в словах с первой частью **свѣт-**: **свѣтоносьнаꙗ богородица** – *φωτοφόρος θεοτόκος*, **всесвѣтьлыи свѣтильникъ** – *πάνφωτος λυχνία*, **свѣтоприимьнаꙗ свѣща** – *φωτοδόχος λαμπάς*.

Сюда примыкает группа парных именований: **владыка** (*δεσπότης*) – **владычица** (*δέσποινα*), **господь** (*κύριος*) – **госпожа** (*δέσποινα, κυρία*), **наставьникъ** (*ὁ ὁδηγός*) – **наставьница** (*ἡ ὁδηγός*), **питатель** (*τροφεύς*), – **питательница** (*ἡ τροφός*), **податель** (*ὁ χορηγός*) – **подательница** (*ἡ χορηγός*).

Двойные символы

Это такие символы, которые могут относиться как к Богородице, так и к Христу. На сегодняшний день выявлены следующие двойные символы: **бездъна** – *ἄβυσσος*, **бисьръ** – *μαργαρίτης*, **вѣньцъ** – *διάδημα, στεφάνωμα, στέφανος*, **въстокъ** – *ἀνατολή*, **двьрь** – *θύρα, πύλη*, **дрѣво** – *δένδρον, ξύλον* (о Нем: **дрѣво животьно, дрѣво жизни** – *ξύλον ζωῆς*), **зарꙗ** – *αὐγή*, **звѣзда** – *ἀστήρ*, **камы** – *λίθος*, **мѵро** – *μύρον*, **надежа** – *ἐλπίς*, **небо** (Она), **небеса** (Он) – *οὐρανός*, **прибѣжище** – *καταφύγιον, καταφυγή*, **радость** – *χάρα*, **свѣтъ** – *φῶς*, **сълньце** – *ἥλιος*, **цвѣтъ** – *ἄνθος, ῥόδον*, **чаша** – *κρατήρ*, **чистота** – *κάθαρσις*.

Среди именований находятся слова, «порождающие» образ или символ. Условно они названы «порождающими лексемами». Сами эти слова — формы от глаголов **родити**, **породити**, **носити** и др. — не могут быть ни образами, ни символами (хотя среди них и есть глаголы, типа, **просвѣтити**, этимологически указывающие на божественную свето-огненную символику). Они, будучи отнесенными к Богородице (действие исходит от Нее), вызывают «порождение» целого спектра символических именований Сына-Христа (знак → «стрелка вправо» указывает на второго члена пары): **носиши → носѧщааго вьсѧчьскаꙗ**.

inslav

В качестве примера приведем (без цитат) «порожденные» именования от глаголов **РОДИТИ** и **РОЖАТИ** (**РАЖАТИ**)[56]:

ражаеши → безначальнаго и преже вѣкъ г҃а вьсемоу
родила ѥси → бездьноу неизреченьна мл(с)рдиѧ
рожьши → бездьноу сп҃сениꙗ
ражаеши → б҃а въплъщаема
родила ѥси → б҃а [...] сп҃са вьсѣхъ насъ
родила ѥси → жизнь съличноую
рожьши → избавителꙗ Исоуса
роди → огнь
рожьши → питателꙗ вьсеи твари
рожьши → прьмл(с)тва г(с)а всѣхъ
рожьши → свѣтодателꙗ и начально животоу чл҃вчьскоу
рожьши → слово, → невъмѣстимо слово, → отьче превѣчьноѥ слово, → слово паче слова
рожьши → с(ѣ)ꙗтелѧ чистоты
рожьши → творьца вьсемꙋ
и др.

* * *

На сегодняшний день собранная коллекция насчитывает около 500 именований Богородицы — без эпитетов. Подсчет всего материала с учетом многочисленных разнообразных эпитетов, иногда привносящих новый символический смысл, пока не осуществлен.

Основные выводы

В именованиях Богоматери и их сочетаемости с именованиями Сына (особенно в прямых, символических и образных парах) видится достаточно стройная система — это первый вывод.

Знание этой системы и ее закономерностей позволяет не только постигать смысл, но и обнаруживать ошибки в славянских переводах и неточности в интерпретациях специалистов по иконологии. Это второй вывод.

Третий вывод. Система обладает способностью к самопорождению и расширению (за счет эпитетов, образов и «порождающих лексем»).

[56] Далее сохраняется цитатное написание.

inslav

Четвертое. Система «иеронимов» — именований Богородицы и Сына-Христа — помимо специфики возникновения имеет также особенности функционирования, одной из которых является возможность приложения по нисходящей[57] ряда «божественных иеронимов» после Бога — к апостолам, мученикам (мученицам), святым, иерархам, носителям высшей власти и выдающимся людям[58].

Пятое. Система «иеронимов» имеет продолжение в более поздних оригинальных средневековых сочинениях и в литературных произведениях Нового времени. В подтверждение сказанному можно сослаться на поэму М. Волошина «Святой Серафим», где среди традиционных именований Богоматери возникают новые образы (например: *глина, девством прокаленная*) и — в заключительных строках — новый парный символ «*пламень зарный — путеводного столба*»:

«Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной!
Торжество непобедимое,
Ангельски дориносимая
Над родимой землей,
Купина неопалимая!

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая,
Огнезрачных серафим,
Очистилище чистейшее!
Госпожа всенепорочная,
Без истленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о благодатная!
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода!

---

[57] «По нисходящей» — условное рабочее выражение.

[58] На примере слова *кормчий* это продемонстрировано в работе (Чернышева 1998).

inslav

Ангелами охраняемый,
Цвет земли неувядаемый,
Персть, сияньем растворенная,
***Глина, девством прокаленная**,*
Плоть, рожденная сиять,
Тварь, до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная,
На серпе луны взнесенная,
Приснодевственная Мать! […]
Ты покров природы тварной,
Свет во мраке,
Пламень зарный
Путеводного столба!

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1977 — *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Борисова 2001 — *Борисова Т. С.* Символы Богоматери в церковнославянском языке. Новосибирск, 2001.

Бычков 1976 — *Бычков В. В.* Из истории византийской эстетики // Византийский временник. 1976. Т. 37. С. 160–191.

Бычков 1991 — *Бычков В. В.* Смысл искусства в византийской культуре. М., 1991.

Бычков 1995 — *Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М., 1995.

Верещагин 2006 — Древнейший славянский богослужебный сборник Ильина книга. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинеарно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подг. Е. М. Верещагин. М., 2006.

Гардзанити 2014 — *Гардзанити М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014.

Григорьев 2006 — *Григорьев А. В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006.

Запольская 2002 — *Запольская Н. Н.* Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 482–492.

inslav

Кондаков 1910 — *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910.

Кондаков 1914–1915 — *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. СПб., 1914; СПб., 1915. В 2 т.

Крашенинникова 2006 — *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента архиепископа Охридского. М., 2006.

Кривко 2012 — Канон Успению Богородицы. Рукопись РНБ F. n. I 37. В изд.: *Кривко Р. Н.* Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII века (РНБ F. n. I 37) // Slověne. 2012. Vol. 1. № 1. С. 145–221.

Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. № 131 / Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.

Лазарев 1986 — *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986.

Лихачев 1911 — *Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911.

Лосский 1991 — *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.

Люсен 1995 — *Люсен И.* Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода Евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995.

Овчинников 1999 — *Овчинников А. Н.* Символика христианского искусства. М., 1999.

Панов 1871 — *Панов Г. И.* Историческое, хронологическое и иконографическое описание 218 изображений Пресвятой Богородицы. СПб., 1871.

Пиккио 2003 — *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Slavia orthodoxa. Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. М., 2003. С. 431–473.

Турилов 1985 — *Турилов А. А.* К истории великоморавского наследия в литературе южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице Кирилла Философа» в рукописной традиции XV–XVII вв.) // Великая Моравия, ее историческое и культурное наследие. М., 1985. С. 253–269.

Турилов 2011 — *Турилов А. А.* От Константина Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина. М., 2011.

Уваров 1908 — *Уваров А. С.* Христианская символика. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. М., 1908.

Фельми 1999 — *Фельми К. Х.* Введение в современное православное богословие / Пер. с нем. Е. М. Верещагина. М., 1999.

inslav

Чернышева 1998 — *Чернышева М. И.* Кормчая. К истории русского названия византийского правового сборника // Fontes minores. Frankfurt am Mein, 1998. Bd. 10. S. 518–532.

Чернышева 2008 — *Чернышева М. И.* Семантика словообразовательных моделей с начальными *благо-* и *бого-* (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 540–553.

BHG — Bibliotheca hagiographica graeca / Par Fr. Halkin. T. I–II. Bruxelles, 1957; Novum Auctarium Bibliothecae hagiographicae graecae / Par Fr. Halkin. Bruxelles, 1984.

Eustaratiadis 1930 — Εὐστρατιάδης Σ. Ἡ Θεοτόκος ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ. Paris,1930.

Follieri 1961 — *Follieri E.* Un Theotocarion Marciano del sec. XIV (cod. Marciano cl. I, 6) // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. Vol. III, 3. Roma, 1961. P. 222 [186] – 227 [191].

Follieri, Mauropode 1968 — *Follieri E.*, *Mauropode G.* Otto canoni paracletici a Nostro Signore Gesù Cristo // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. Roma, 1968. Vol. 5. P. 197–200.

LCI — Lexikon der christlichen Ikonographie. 1–8. Sonderausgabe. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 2004.

ODB — The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 3.

PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1857–1866. T. 1–161.

Salzer 1893 — *Salzer A*. Die Sinnbilder und Beiworte Mariens in der deutschen Literatur und lateinischen Hymnenpoesie des Mittelalters. Mit Berücksichtigung der patristischen Literatur. Linz, 1893.

Spitzing 1989 — *Spitzing G.* Lexikon byzantinisch-christlischer Symbole. Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasien. München, 1989.

Strycker 1961 — *Strycker É.* de. La forme la plus ancienne du Protévangile de Jacques. Bruxelles, 1961.

ThE — A Theological Encyclopedia of the Blessed Virgin Mary / Ed. M. O'Carroll. Wilmington, 1982.

Tischendorf 1876 — *Tischendorf C.* Evangelia Apocrypha. Ed. altera. Lipsiae, 1876.

TL — Tusculum-Lexikon. München; Zürich, 1982.

inslav

А. К. ШАПОШНИКОВ
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

ЯЗЫКОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛИТЕРАТУРНОГО ВЫМЫСЛА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ЖИТИЯХ ТАВРИЧЕСКИХ СВЯТЫХ

Внимательное изучение текстов некоторых житий Таврических святых выявляет неопровержимые доказательства их литературной фиктивности. Языковые свидетельства лексикологического и ономасиологического характера выявляют не только фиктивность текстов, но и некоторые методы их создания. В данной статье рассматриваются церковнославянские тексты Жития Стефана Сурожского (ЖСС) и Житий Святых Епископов Херсонских (ЖСЕХ), но ими не ограничивается подборка литературных сочинений Таврической агиографии такого происхождения. Аналогичную природу имеет церковнославянский текст «На пренесение моштем преславнаго Климента» (Vašica 1948: 73–80), восходящий, в конце концов, к литературному творчеству самого создателя церковнославянской письменности, Константина Философа. Но «Клементину» мы пока оставляем на будущее и обращаемся к главным предметам нашего исследования.

Житие Стефана Сурожского является полностью компилятивным сочинением. По отделении заимствованных отрывков из житий Иоанна Златоуста, Стефана Нового и Стефана Антиохийского, из сочинения «Луг Духовный» Иоанна Мосха, из «Хронографии» Феофана Исповедника и Продолжателя Феофана, «Хроникона» Георгия Амартола и «Всеобщей истории» Агапия Иерапольского остается едва две-три страницы текстовых связок, из которых не удается составить представление о первичном источнике информации. В результате под вопросом остается даже историчность мемориализируемого лица. Все хитросплетения этой литературной компиляции рассмотрены подробно в коллективных монографиях (Могаричев и др. 2007: 255–258; 258–266; 271–273; Могаричев и др. 2009: 11–103, 270–297, 298–316).

inslav

Вследствие векового изучения памятника выявлено 168 переносов отрывков из другой литературы в ЖСС. (Отметим, впрочем, что подобное компилирование являлось обычной практикой средневековой агиографии.) Например, сюжет о получении высшего образования Стефаном в Константинополе и об ознакомительной поездке в Афины для беседы с тамошними философами перенесен из Жития Иоанна Златоуста от Георгия Александрийского. Скорее всего, греческого составителя пространной редакции жития мотивировал легко доступный житийный текст Иоанна из Менология (календарная смежность тестов), а затем последовало массовое заимствование фраз и целых отрывков из Жития Иоанна Златоуста.

Но замечен и другой литературный приём «дописывания» продолжения сюжетов «по мотивам» других литературных текстов. Даже те части текста ЖСС, которые издавна считаются оригинальными повествованиями о реальных исторических событиях в Сурожи, на поверку оказываются вольными пересказами и продолжением текстов среднегреческой литературы. Так, сюжет о нашествии варваров во главе с князем Бравлином на Сурожь является не повествованием свидетеля, а лишь вольным продолжением летописного сюжета о событии в Константинополе между 837 и 842 гг. (Продолжатель Феофана 1992: 68–69). Известен и литературный эпизод, имеющий, как представляется, прямое отношение к комментируемому тексту. Продолжатель Феофана, повествуя о колдовских способностях патриарха Иоанна Грамматика (837–843), передает такую историю: «Когда одно *неверное и жестокое племя во главе с тремя вождями* напало и подвергло грабежам ромейскую землю, естественно приводя в уныние Феофила и его подданных, Иоанн дал совет не унывать, но преисполниться радостью и надеждой, если только захочет последовать его совету. Совет же заключался в следующем. Говорили, что среди сооруженных на барьере ипподрома медных статуй есть одна с тремя головами, которые он с помощью каких-то магических заклинаний соотнес с предводителями племени. Он велел доставить огромные железные молоты, числом столько, сколько было голов. И вручить их трем мужам, силой рук отличным. В определенный час ночи они должны были с занесенными молотами в руках приблизиться к статуе и по его приказу, разом, с огромной силой опустить их на головы так, чтобы одним ударом отбить их от статуй.

inslav

Обрадованный и изумленный его словами Феофил распорядился все исполнить. Когда глубокой ночью явились мужи с молотами, Иоанн, скрывшись, чтобы не быть узнанным, под мирской одеждой, принялся шептать про себя магические слова, перевел на статую сущую в вождях силу, изгнал ту, что вселили в нее магическими заклинаниями прежде, и приказал ударить со всей мощью. Два мужа, ударив со всей силой, отбили от статуй две головы. Третий же, ударив слабее, только *немного отогнул голову, но не сбил ее целиком*. Подобное случилось и с вождями. Между ними началась сильная распря и междоусобная война. Один из вождей умертвил двух других усекновением головы, *в живых остался только один и то не в целости и сохранности*. Впавшее в ничтожество племя в беде и горести бежало на родину» (Продолжатель Феофана 1992: 68–69). Вот откуда в агиографическом тексте последовало продолжение: *«обратилось его лицо назад», «источая пену»* и т. д., похожее на описание приступа падучей. Эта история могла появиться в Константинополе после первых походов народа Рос на Ромею (838 г.) и их посольства к императору Франков (838/9 г.) (Шапошников 1994). К месту упомянем и собственно русскоцерковнославянский сюжет из ПВЛ о приходе варягов во главе с тремя братьями, Рюриком, Синеусом и Трувором (остался в живых только Рюрик).

Имя *Бравлин*, германское, вероятно, по происхождению, действительно сильно напоминает по форме имя вестготского епископа *Бравлиона*: *Braulioni* episcopi, archidiacono, *Braulionis* episcopi Isidoro (Isidori Hispalensis episcopi epistolae // PL 83: 898, 908, 910, 911, 914). Имя испорчено и в армянском (*Пролис*), и в церковнославянском (*Бравлин*) текстах. Скорее всего, оно взято из греческой церковной литературы.

Другой «оригинальный» сюжет об очень набожной царице *Анне*, странствовавшей, якобы, по Таврическим святым местам, является либо вольным пересказом, либо продолжением (если не домыслом) летописного сообщения об *Анне* (коронована в 830 г.), дочери царя Феофила и августы Феодоры, которую приучила к почитанию икон то ли бабушка по матери, Феоктиста Флорина, то ли приемная мать Феофила Ефросинья, жившая в монастыре Гастриев (см. Продолжатель Феофана 3, 5: 43). Аргумент «на Руси не знали никакой другой *Анны*, кроме той самой (988 г.)» — ничтожен. Этот сюжет создан не на русской почве, а греческим составителем пространной редакции ЖСС.

inslav

Теперь уместно обратить внимание на языковые свидетельства характерных авторских черт этой компиляции, а также на ареальные особенности языка русскоцерковнославянских переводчиков.

Мотивация составления компилятивного текста и его перевода представляется таковой. Сводный компилятивный греческий текст жития (пространная редакция) был составлен еще во второй половине IX — второй половине X вв., видимо, с целью включения этого жития в состав официальных синаксарей константинопольской церкви, но по каким-то причинам не был одобрен иерархами церкви и пылился в архивах то ли Константинопольского патриархата, то ли Сугдайского архиепископства (позднее митрополии) более 300 лет (Могаричев, Шапошников 2008: 109). И лишь в первой четверти XIV в. его извлекли из архива, сделали краткую редакцию на греческом языке (1318 г.) и перевели на армянский язык (первый список с этого перевода 1316 г.), а позднее — на церковнославянский язык.

Активные контакты между греко-православными «сурожскими гостями» и древнерусскими купцами привели к взаимной адаптации некоторых культов древнерусских и греческих святых. По крайней мере, из приписок на полях Сугдайского синаксаря мы знаем, что между 1337 и 1339 гг. в Сугдае (Сурожи) чтили память «русских святых новоявленных мучеников в российской стране, Давида и Романа, убиенных их собственным братом, злосчастным Сфатопулком (Святополком)». Русские же восприняли культ Стефана Сурожского, тогдашнего патрона города Сугдая, и принесли его на Русь, где он и стал русским святым, так и не получив официальной канонизации в самой Константинопольской церкви.

Как выяснилось, древнерусские и армянские переводчики сохранившихся версий жития не сами компилировали свои тексты, а пользовались греческим первоисточником — скорее всего, очень сходными греческими текстами. Поэтому армянский перевод жития позволяет понять некоторые «темные» места церковнославянских переводов с греческого, а иногда и восстановить не сохранившиеся отрывки греческой пространной редакции жития (Bozoyan 2006; Саргасян 2007).

Церковнославянские Жития Стефана Сурожского, опубликованные митрополитом Макарием (ВМЧ. Дек. 6–17: стлб. 1008–1030) и В. Г. Васильевским (Васильевский 1893; Васильевский 1915), являются

inslav

независимыми переводами одного и того же греческого оригинала. Текстологические разночтения здесь, иногда весьма заметные, всё же сводимы к единому прототексту. Но тексты имеют и явные различительные черты.

Один церковнославянский перевод (ВМЧ. Дек. 6–17: стлб. 1008–1030) был выполнен в XV в. (согласно В. Г. Васильевскому) или даже в XIV в. (Ivanov 2006: 109–167) в Северо-Восточной Руси. Древнейший список ЖСС 1-й трети XV в. размещен на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Но настаивать на новгородском авторстве жития оснований нет. Исключительных лексических совпадений с древненовгородским диалектом и берестяными грамотами мне выявить не удалось. Можно только утверждать, что перед нами, в общем, ранний старорусский текст с обычными уступками русско-церковнославянским написаниям.

Переводчик подошел к тексту буквалистски (это нередко позволяет гипотетически реконструировать греческий текст), решился сократить только те сюжеты, реалии которых ему были решительно неведомы (например, эпизод с Юрием Тарханом), причем сделал это неловко, нарушив связность предшествующего и последующего текста, сбившись в нумерации глав. Заметны затруднения и неловкости при передаче имен собственных и географических названий: *Андраминдин* и *Андрамиин*, *Феодор* вместо *Вирхор*, *Морисава* и *Мориваса*, в одном параграфе *Кесарыа = Корч(ев) = Керчь* и проч.

Житие Стефана Сурожского в издании В. Г. Васильевского обращает на себя внимание благодаря своим ареальным чертам. В отличие от языка «Макарьевского» Жития, в тексте, изданном В. Г. Васильевским, сквозь русскоцерковнославянскую редакцию перевода то там, то здесь проступают церковнославянские лексические предпочтения, иногда нарочитые староболгаризмы: в гл. 1: кꙋдитель (ст.-болг. кꙋдитꙗ ‘хулить, порицать, осуждать’) (Васильевский) вместо стꙑдитель (ВМЧ); гоньзнеть (ст.-болг. гонезнѫти ‘спастись, избавиться, освободиться’) (Васильевский) вместо нзбꙋдет (ВМЧ); в гл. 2: гоньзе (ст.-болг. гонѣзати ‘освобождаться, избавляться, спасаться’) (Васильевский) вместо лишн (ВМЧ); в гл. 26: на ꙋдеса (ст.-болг. оудъ, ꙋдъ ‘часть тела, орган’, ‘орудие, секира’) (Васильевский) вместо наꙋчишн (ВМЧ); в гл. 29: не прѣслꙋшаюса (ст.-болг. прѣслꙋшати(са) ‘проявлять неподчинение’) (Васильевский) вместо не прѣстꙋпаю (ВМЧ); в

inslav

чуде о Ефреме: гл. рожденсѧ (ср. ст.-болг. рождьствьнъ) (Васильевский) вместо роднсѧ (ВМЧ); хранѩше ѩденїемь н пнтанїемь, хранитн ‘кормить, питать’ (почти в новоболгарском значении!) (Васильевский) вместо посѣщаше, посѣтн (ВМЧ); предложно-падежные формы на нозѣ (ср. болг. *на нози*) (Васильевский) вместо на ногꙋ (ВМЧ); в чуде о Бравлине: ст.-болг. сущ. одѣало ‘покрывало, плащ’ (Васильевский), шїа его (ст.-болг. шнѩ ‘шея’) (Васильевский) вместо вндѧщен его (ВМЧ) и др. Этот переводчик мог получать образование где-то на Балканском п-ове, или происходить оттуда.

Основное заблуждение В. Г. Васильевского относительно изданного им церковнославянского Жития Стефана Сурожского — приписка древнерусскому переводчику первенства в компиляции церковнославянских текстов хроник и других житий. Тот лишь перевел готовый компилированный греческий текст. Его авторские (скорее редакторские) добавления и интерполяции минимальны. Для этого церковнославянского переводчика Таврические топонимы и раннесредневековые имена также ничего не значили и были непонятны (житие предназначалось людям, в основном не имевшим представления об истории и географии Таврического п-ова). Поэтому он или убрал неясные ему моменты, или сокращенно их перевел так, как понял, не вдаваясь в подробности (например, сюжет о Юрии Тархане, или сюжет о происхождении и имени жены Константина V), или где-то, возможно, домыслил (например, поместил Филарета в эпизод нашествия Бравлина). Некоторые сюжеты жития удается понять только благодаря армянскому переводу, так как греческая пространная редакция жития пока не обнаружена.

В целом переводческие приемы обеих рукописей восходят к единой традиции, что делает текстуальные разночтения незначительными, а синтаксические и лексические несовпадения легко сводятся воедино, что мы и попытались проделать в изданном сводном тексте жития (Шапошников 2007: 255–258).

К какому обобщению можно прийти по поводу греческой агиографической компиляции IX–X вв.? Ее составитель имел смутные представления о событиях столетней давности, к тому же только из письменных источников разного времени. Составление было исключительно тенденциозным, абсолютно лишенным критического подхода, как к хронологии, так и к обстоятельствам событий.

inslav

Таким образом, церковнославянское Житие Стефана Сурожского не может быть использовано в качестве достоверного исторического свидетельства даже для церковной истории Сугдайской епархии VIII в. Перед нами русскоцерковнославянские переводы византийского агиографического компилятивного сочинения.

Такой же вывод следует о греческом протографе ЖСС: к сожалению, и он исторически недостоверен. О ссылке ок. 763 г. в Сугдию / Сугдаю осужденного в Константинополе иконопочитателя *Стефана* и его кончине там узнаем из других текстов; а из материалов VII Вселенского собора 787 г. узнаем имя епископа Сугдайской епархии *Стефана* (Могарычев и др. 2007).

Жития святых епископов Херсонских, хотя и не скомпилированы из отрывков других житий и прочих церковных текстов, все же являют множество языковых свидетельств литературной природы. Это не только контекстуальные нелепости и неувязки, бросающиеся в глаза любому читателю, но и очевидные несоответствия Таврическим реалиям.

Все существующие греческие пространные и краткие редакции этих житий являются разновременными литературными обработками, беллетризацией одного энкомия (похвального слова), т. е. в принципе вторичного риторического текста. О том, как выглядел первоисточник для риторического сочинения можно лишь догадываться.

Как показал детальный анализ всего корпуса текстов ЖСЕХ, их первоисточник — пространный греческий энкомий, который был составлен на основе сверхкраткого латинского (!) текста из церковного календаря конца IV — середины V вв. (в лучшем случае времен императора Феодосия 379–395 гг.). В нем помимо календарных дат поминания нескольких святых (*VII, VIII* или *IV DIES MARTII*) были перечислены их имена (см. ниже), присутствовало указание на то, что прибыли эти епископы (по крайней мере, Агафодор, Евгений и Ельпидий) в какой-то *CHERSONESUS* или *CHERRONESUS* из *HELLESPONTUS* (ситуативно ближе всего к Херсонесу Фракийскому), имя *EUGENIUS* соседствовало с *VALENTIÆ, VALENTINUS*, еп. Василий был титулован как *PRÆƒUL*, паства еп. Ефрема, похоже, была обозначена этниконом *TURICENSIS*, *TURIGENƒIS*, было упоминание какого-то *ALOTUS IUDEX* (судьи), при котором они пострадали и лишились имущества. Отсутствовали определенные указания на синхронию

inslav

мучеников с правлением императора Диоклетиана, Константина или Феодосия.

Греческий текст, созданный на основе этого латинского календаря, представлял собой поучительное слово в похвалу св. мучеников (ἐγκώμιον). Ближе всех по духу и стилистике к этому энкомию, по моему мнению, стоит Патмосское житие, великолепный пример агиографической риторики (Могаричев, Шапошников 2010). Автор первичного греческого энкомия был человеком относительно образованным, начитанным в Св. Писании и вольно пользовавшимся цитатами и реминисценциями из него, немного знавшим историю церкви, владевшим пером. Он писал просто, ясно и логично, излагал события в строгой последовательности, не обременял читателей излишними подробностями и не относящимися к делу отступлениями. Автор энкомия — лицо духовного сословия, скорее всего игумен или епископ. Адресат энкомия — монашеская братия.

Энкомий как будто был написан в самом Херсоне местным жителем, которому были небезразличны местные обстоятельства, детали и подробности (Латышев 1906: 12). Согласно мнению некоторых современных историков, автором энкомия мог быть и сосланный в Херсон столичный церковный деятель второй половины IX в. (между 857 и 867 гг.), например, Митрофан Смирнский или Иосиф Песнописец (Могаричев 2012: 53), который прожил в городе достаточно долгое время и знал его характерные местные черты.

Самым удивительным является тот факт, что тот же краткий латинский церковный календарь сохранялся до XVI в. (!) в римско-католическом собрании и был принят за основу сюжета испанской церковной псевдоисторической хроники Декстера. Город *Херронес* Псевдо-Декстер упоминает за 60 г. от РХ, в параграфе 2 и пишет так: «В те времена сошлись вместе в город *Херронес* поблизости Валенции в Испании ради собора (сонма) святые понтифики, некие ученики св. *Якова* апостола: *Базилий* презул обильной альфой (эспарто) Картахены, ученик его первый, *Эугений* Валенсийский, *Пий* Сивильский, *Агатодор* Тарраконский, *Эльпидий* Толедский, *Этерий* Барселонский, *Капитон* Луцензиев, *Ефрем* Астурийский, *Нестор* Паленсийский, *Аркадий* Брагансийский (сноска № 10 «Эти два последних были епископами Тримитунта на Кипре, присоединены к семерым тем херсонесским, в то время как в Менологии говорится, что они в

inslav

тот самый день в мире упокоились»). При том же самом судье их добро разграблено, а они убиты». «Того самого судью» Псевдо-Декстер упоминает еще как *Алота* (*Alotum*) в 57 г. от РХ (ASS MDCLXVIII: 641–642). Сам опыт увязки этих имён с далекими испанскими реалиями и давними временами показывает, сколь скудна была информация первоисточника, и как вольно ею пользовались церковные историки, как греко-православные, так и римско-католические.

По мнению В. В. Латышева (Латышев 1906: 7), церковнославянский переводчик либо имел перед глазами не совсем исправный греческий текст, либо не вполне его понимал.

Существуют два основных церковнославянских извода жития, Супрасльская рукопись (С) и Успенский список Макарьевских Миней (М), — 2 разных древнеболгарских перевода с греческого примерно одного времени, ближе всего связанные с Преславской переводческой школой (минейная лексика и стилистика переводов учеников Кирилла и Мефодия, а также Иоанна Экзарха Болгарского). При этом перевод, дошедший в Успенском списке (М Усп.) не только не моложе перевода Супрасльской рукописи (С), но, по некоторым показателям, даже старше последнего. При том, что переводчик С, похоже, сверялся с текстом М. Переводы выполнены с двух очень близких, но все-таки отличных друг от друга то ли списков, то ли редакций одного греческого текста. Текст М при переписке претерпел сильную русификацию на древнерусской почве (Чернышева 2009: 119, 120, 126–128, 131, 132, 137).

Супрасльская минея датируется XI в. Жития херсонских епископов являются церковнославянским (а именно, древнеболгарским) переводом с греческого прототипа (Супр 532–543). Мы предполагаем, что этот перевод был выполнен в Преславе в конце X – начале XI вв.

Текст из Макарьевской минеи за 7 марта по Успенскому списку XVI в. (по рукописи Московской синодальной библиотеки № 992), пожалуй, — древнейший церковнославянский (древнеболгарский) перевод с греческого, независимый от перевода Супрасльской рукописи. Это также продукт Преславской школы переводчиков. Но в данном случае более древний перевод сохранен в более поздних списках. В частности, именно в этом тексте чаще встречаются формы двойственного числа, а также древняя форма аориста. Примеры порчи, возникшие в ходе переписки, — свидетельства того, что текст М

inslav

является редакцией списка перевода XVI в., а не оригинала перевода XI в. Кроме того, несмотря на сильнейшую русификацию староболгарского текста, М не является древнерусским переводом с греческого (Чернышева 2009: 119, 131, 132). Мы используем еще три практически аналогичных текста из более поздних рукописей (Шапошников 2012: 53–91).

Замечательной особенностью житий херсонских святых является возможность увидеть, как работали средневековые составители и редакторы житийных текстов всех видов. В данном случае, «гвоздями, на которые нанизывались страницы» житий, послужили имена собственные, особенно антропонимы. Выяснилось, в частности, что для наполнения хоть каким-то «историческим» содержанием образа каждого епископа использовались материалы I и II Вселенских соборов 325 и 381 гг. и Константинопольско-Иерусалимского собора 536 г., «церковные истории» нескольких авторов. Рассмотрим ключевые имена херсонского цикла.

Агадодωр; Агадо҃р, Агадо҃ра (Супр 538, 15–16) — довольно редкое древнегреческое имя (Pape 1911: 6). Источник, из которого составитель энкомия извлек это имя, остается недоступным. Вероятно, это краткий церковный календарь на латинском языке, ср. *Agathodorus Tarraconenſis* (ps.-dext. 57, 60 AD). Сам составитель энкомия плохо себе представлял время действия персонажа. У него, как правило, *Агафодор*, Евгений и Елпидий выступают втроем (три епископа Херсона одновременно?!).

Имя *Василея* или *Василия* еще хуже поддается идентификации. Даже это простое древнегреческое имя не может быть нормализовано однозначно: *Basileus* или *Basileios* (Pape 1911: 199–200), ср. *Alterum Baſilium, qui primus fuit Carthaginis Spartariæ Præful*; *Baſilius Carthaginis Spartariæ, diſcipulus eius S. Iacobi Apoſtoli primus Basilius* (ps.-dext. 57, 60). В позднеантичной словесности больше известен *Василий* (*Basileios*, *Basilius*): 1) *Василий*, он же Порфирий, он же Малх — знаменитый неоплатоник и неопифагореец III в.; 2) *Василий* Великий, род. ок. 330 г. н. э. в Кесарии Каппадокийской, был сначала адвокатом, в 362 г. сделался пресвитером, а в 370 г. стал епископом в Кесарии и умер в 379 г. Он был действительно «царственным» явлением в своей сфере: вел активную деятельность в области устройства и правильной организации монашеской жизни, за что его справедливо

inslav

называют отцом-устроителем монашеских орденов на Востоке и Западе. Им были разработаны два монастырских устава, которые позднее использовал Бенедикт Нурсийский. Все свое имущество он отдал бедным, основал большой дом призрения, а сам жил очень скромно; 3) *Василий*, патриарх христианской церкви Антиохии в 457–458 гг. н. э.; 4) *Василий*, монах Иордана, действовавший солидарно с Феоной, пресвитером и апокрисиарием святой горы Синай и пустыни Рефы, и святой церкви Фары около 535/6 г. (Concil. Synodus Const. et Hierosolymitana anno 536 T. 3: 190; Socrates HE I: 6; Theodoret HE: 33) (не отсюда ли и риторическая игра именами еп. Гермона и росистой горы Гермон в Патмосской версии житий?); 5) *Василий*, ученик Иоанна Готского, персонажа второй половины VIII в. Подозреваю, что составитель энкомия позаимствовал это имя именно из церковной истории, из материалов Иерусалимско-Константинопольского собора 536 г. Никакого реального епископа по имени *Василей* или *Василий* в первой трети IV в. в Херсонесе Таврическом не было. А вот в последней трети того века слава *Василия* Великого достигла крайних пределов империи. Не исключена контаминация имени с титулом *василей* (глухие воспоминания о ссыльном Юстиниане II 695–705 гг. или Вардане Филиппике в 713 г.?).

Гермон, *Ермон* однозначно был отождествлен составителем энкомия с иерусалимским епископом. Но сделано это было с хронологической погрешностью. Согласно церковной же хронологии (Феофан) в Иерусалиме были такие епископы конца III — нач. IV вв.: № 29: 272–295 гг. Гименей [Hymenaeus], правил 24 года (на 5777 г. Александрийской эры приходился 13-й год его правления, 5787 г. — 23-й год правления — гонение на христиан, 5788 г. — 24-й год правления); № 30: 295/6–305 гг. Завда [Zabdas], правил 10 лет (13-й год Диоклетиана, 16 год Диоклетиана — никаких церковных событий в Херсонесе не отмечается, между 16 и 17-м годом началось служение Сильвестра в Риме, при Завде закончилось и правление Диоклетиана, 20-й год последнего); № 31: 305/6–314 гг. *Гермон* [*Hermō*], правил 9 лет (не мог никак рукополагать епископов в 16 год Диоклетиана, погрешность в 5 лет! В лучшем случае, дожил до Медиоланского эдикта); № 32: 314–333 гг. Макарий [Macarius], 20 лет (5807–5826 гг. Александрийской эры от сотворения мира). Согласно армянской традиции (и какой-то провинциальной греческой также) мученичество

inslav

херсонских святых сополагалось с мученичеством некой святой *Ануш* Фессалоникийской (времен Максимиана!), некоего *Ермона* (?), *Исаака* (?), *Феодора* Египетского (?), но 20 апреля! Вот откуда могла явиться временная увязка херсонских святых и *Ермона/Гермона*.

Елпидий; *Ел'пидии, Елпидия* (Супр 538, 15–16) — древнегреческое имя, известно 1) еще одно такое имя епископа в церковной истории (Сократ. Церковная история 12, 20; Созомен 4, 24; Прокопий б. Гот. 1. 1 экстр.); 2) два имени из эпиграфики (Inscr. 3. № 4621, № 4788); 3) одно — на ливийской монете (Mion. III 4: 86) (Pape 1911: 354); 4) из испанской церковной истории *Elpidius Toletanus* (ps.-dext. 57, 60 AD). Сократ из Константинополя (380–440 гг. н. э.), довел Церковную историю Евсевия до 439 г. н. э., используя подлинные документы императорской канцелярии, императорские и епископские письма и послания (Migne PG 67; Hussey – Bright 1893). Вот из этих архивных документов о периоде 324–325 гг. могло быть взято имя действительного епископа *Елпидия*, связанного с готами в Малой Скифии (Херсонес времен римской субординации нередко включался в состав провинции Малая Скифия). Встречающееся в некоторых текстах «порча» имени *Елпидий* в виде *Елпидифор*, давшая почву для риторического перифраза, еще больше затемняет вопрос о тождестве имен реального епископа Малой Скифии и Херсонеса. Греческая традиция знает такие варианты имени: Ἐλπιδήφορος (эпиграфика (Inscr. № 3037, 3720; 2, № 1997; 4, № 8507), монеты (Mion. III 9: 13; S. VI: 22), Ἐλπιδίφορος (Артемидор III: 38; эпиграфика 1329), Ἐλπιδόφορος (Inscr. 3, № 6376) (Pape 1911: 354).

Евгений; *Еугѐнии, Еугѐнья* (Супр 538, 15–16) — древнегреческое имя, скорее всего из церковной истории: 1) ученый при дворе Арбогаста, при Феодосии и Валентиниане, антикесарь в префектуре Ориент (Zosim. IV 54–58; Io. Ant. fragm. 187), не с ним ли отождествлён *Eugenius Valentiae, Valentinus* (ps.-dext. 57, 60 AD)?; 2) грамматик из Фригии при Анастасии (St. Byz., Suid.); 3) современник Фемистия (Themist. Or. I 23; Phot. Cod. 74; Anth. I: 9689; Socr. H. E. IV 12, 20); 4) евнух при дворе Константинополя (Zosim IV 5). Составитель энкомия не сделал попытки отождествить *Евгения* с каким-то реальным историческим лицом.

Ефрем; *гл҃ю ефрема ст҃аго еп҃па* (Увар. сп. л. 66в) — древнееврейское имя (греческая транслитерация Ἐφραΐμ), известное в церков-

inslav

ной истории, фигурирует и в чудесах жития Стефана Сурожского. Составитель энкомия не сделал попытки отождествить этот персонаж с реальным историческим лицом. Хотя таковое и могло быть в VIII в. Автор ограничился аллюзией на Ин 11:53: «С этого дня положили убить его (первосвященники и фарисеи)»; Ин 11:54: «Посему Иисус уже не ходил явно между Иудеями, а пошел оттуда в страну близ пустыни, в город, называемый *Ефраим*, и там оставался с учениками своими». В последнем случае, мы обнаруживаем возможный источник литературного переосмысления. Не отсюда ли всплыло имя собственное епископа *Ефрема*, отправленного, якобы, в землю *турков*? А сам этноним *турки* (здесь венгры?), особенно в форме во страѧнꙑ тꙋрнꙑнскꙑѧ (Увар. сп. л. 66в) подозрительно созвучен [*As*]*turicensis*, [*Af*]*turigenfis* (ps.-dext. 57, 60 AD). Видимо, и греческая, и испанская формы отражают ошибочно прочитанную и ложно отождествленную форму из краткого латинского церковного календаря (*TURICENSIS).

Капитон; *именемь Капитона* (Супр 539, 27–28) — римское имя, не слишком, впрочем, распространенное: 1) Атей и Синний К.; 2) современник Тиберия (Дион Кассий); 3) врач; 4) инженер; 5) исторический писатель, живший между 380 и 580 гг.; 5) один из персонажей речей Аристида; 6) афинский архонт-эпоним римского времени; 7) еще другие 4–5 лиц из эпиграфики (Pape 1911: 618); 8) *Capito Lucenfis* (ps.-dext. 37, 60 AD) отождествлен с юристом *Атеем Капитоном* I в. Примечательны значительные разночтения в днях памяти св. *Капитона*: 22 дек., 4, 7, 8 мар., 20 апр.

Феона или *Феонат* — имя начальника 500 воинов, посланного якобы, то ли Константином, то ли Феодосием II, для замирения антихристианского бунта в Херсонесе, принятое большинством современных историков за чистую монету, вероятно, списано именно с синайского *Феоны*, пресвитера и апокрисиария святой горы Синай и пустыни Рефы, и святой церкви Фары, действовавшего вместе с монахом Василием Иорданским около 535/6 г. Из материалов I Вселенского собора, вероятно, происходят некоторые реминисценции (осуждение арианской ереси) в связи с другим *Феоной*, епископом Мармарики и Птолемаиды (еп. Ливийским или Мармарическим), одним из арианских епископов, осужденным и сосланным в 325 г. (действительно при императоре Константине!).

inslav

Имя епископа *Эферия*; Ѥдерин (Супр 539, 1–2) или *Антерия*, скорее всего, было отождествлено составителем энкомия с именем епископа из актов II-го Вселенского собора 381 г. Имя одного из трех епископов провинции Малая Скифия рукописи передают то как *Aetherius Tersonitamus*, то как *Ant(h)erius Tersonitanus* (Mansi 1901: 572). Об этом догадались еще первые издатели агиографических текстов. Сохранившиеся греческие тексты и церковнославянские переводы тяготеют к форме имени *Эферий*, эта же форма используется Константином Багрянородным и Псевдо-Декстером: *Ætherius Barcinonenfis* (ps.-dext. 57, 60 AD). Но так было не всегда. Армянские тексты, переведенные с какого-то провинциального синаксаря, напротив, вновь настойчиво передают латинскую форму имени *Антерий*. Таким образом, имя не может быть нормализовано с полной уверенностью. Составитель энкомия использовал то ли латинское имя *Anterius*, то ли греческое имя Αἰθέριος *Ætherius* (Pape 1911: 34, 90), то ли сам подправил имя, то ли это выполнили позднейшие редакторы, переписчики и переводчики, остается неясным. Самое важное в этих наблюдениях — что составитель энкомия пользовался теми же не вполне исправными текстами краткого церковного календаря и материалами II Вселенского собора, что и позднейшие издатели их. Остается проблема правильной реконструкции этникона св. Эферия. Вульг.-лат. этникон *Tersonitanus*, конечно, немного напоминает этникон *Chersonites* ‘житель Херсонеса’. Но о каком Херсонесе шла речь? Помимо *Херсонеса* Таврического был *Херсонес* Фракийский. На Салмидесском побережье хорошо известен другой *Херсонес* (между Созополем и Мидией). Еще один *Херронес* был в Испании.

Все имена собственные в житиях епископов херсонских являют причудливые примеры «дорисовки» литературных персонажей (Шапошников 2012b: 385–390). Даже образ еп. *Капитона*, столь «реалистично» выписанный в житии (чаще за 22 декабря!) является ничем иным, как литературным персонажем, и напрасно вводит в соблазн многих комментаторов. Ни его чудеса, ни его культ никаких следов в Херсонесе Таврическом не оставили. В испанской церковной псевдоистории *Капитон* был отождествлен, похоже, с Атеем *Капитоном*, римским юристом и трибуном 55 г. н. э., да еще связан сюжетной линией с каким-то судьей *Алотом* 57 и 60 гг. н. э.

inslav

Остановлюсь подробнее на этом, самом загадочном, имени церковнославянских текстов, которое выступает в форме *Єсналѡтъ* в следующем контексте: *Гер^ъ^мон8, сеи бѣ единъ ѿ Г҃нь оучнк҃ъ есналѡта* (Волоколамская минея); *Гер^ъ^мон8, сеи бѣ единъ ѿ Г҃нь оучнк҃ъ е^с^налѡта* (Милютинская минея); *Гер^ъ^мон8, сеи бѣ единъ ѿ Г҃нь оучнк҃ъ е^с^налѡта* (Усп. сп. ВМЧ); *ермон8, сии бѣ еди^н^ ѿ господи^н^ оучни^к^ · е^с^налота* (Увар. сп., л. 66б), т. е., «Гермону, который был одним из господних учеников Есналота…». Церковнославянские переводчики греческого энкомия поняли загадочное *Єсналѡтъ* как имя какого-то учителя иерусалимского *Гермона.*

Греческие литературные обработки разных веков избегали этого трудного для интерпретации места (Могарычев, Шапошников 2010; Они же 2012: 28–36). Поэтому данное имя считали результатом недопонимания греческого контекста церковнославянскими переводчиками. Но оказалось, что загадочный цслав. *Єсналѡтъ* в форме *Alotus* присутствовал, все-таки, в кратком латинском церковном календаре. И сопровождался пояснением, начинавшимся с лат. *iudice*... Вот откуда наш совершенно непонятный *Єсналѡтъ* — примечательный варваризм в церковнославянском тексте (др.-евр. *hsn* ‘сила’ + *’elohuth* ‘божество’?), плохо понятый церковнославянскими переводчиками, которые трактовали его как имя собственное учителя Ермона (Гермона). Другая (вымышленная) трактовка этого имени известна в испанской псевдоисторической церковной хронике — *Алот* (ps.-dext. 57 AD: *Alotum Iudex*) в данном случае имеет определение ‘судья’ (Iudex), по решению которого пострадали христианские епископы. При всей спорности дат его упоминания (57, 60 гг. н. э.), ясно, что испанские хронографы держали в руках тот же самый краткий позднелатинский церковный календарь, что и составитель греческого энкомия, и также плохо понимали написанное, как и он. Скорее всего, латинская запись о пострадавших 7 марта епископах содержала транслитерированное др.-евр.-лат. словосочетание *esnalot (iudex)* или *esnalot (iudaicus)* ‘всесильное божество (судия) / (иудейское)’ (?).

В рассматриваемом цикле житий Херсонских епископов имена собственные всех видов (антропонимы, топонимы, гидронимы, урбанонимы и т. д.) выдают литературные приемы средневековых агиографов.

Как творил греческий церковный литератор? На примерах из данного корпуса церковнославянских, греческих, армянских, латинских

inslav

житий вдруг приоткрывается завеса и становятся явными разнообразные способы сочинения литературного текста средневековым агиографом.

Один из способов: опора на авторитет и прецедент. Как и папские фальсификаторы «Дара Константина», этот писатель стремился опереться на авторитет Константина Великого, составить некий документ, якобы восходящий ко времени Константина. При этом он был очень плохо осведомлен о реальных событиях херсонско-византийских сношений описываемой эпохи (видимо, не знал вовсе «Истории города Херсона», использованной столетием позднее в сочинении Константина Багрянородного, и тем более, не имел доступа к столичным архивным источникам). Поэтому все датирующие и событийные сюжеты столь противоречивы и недостоверны.

Заметен целый ряд других литературных приемов: средневековый метод аллегорическо-аналогической подмены, метафора, жонглирование созвучными именами, риторический перифраз имен-композитов, ложные и ошибочные отождествления, предвзятые коннотации.

Когда же трудился этот церковный писатель? Судя по всему, во второй половине IX — последней трети X вв., поэтому события VIII в. для него были столь же невнятными, сколь и IV-го. Он был знаком с реалиями Херсона (некоторыми местными названиями, некоторыми смутными воспоминаниями о трагических событиях вековой давности), писал относительно грамотно.

Где, когда и у кого, а также почему, могли появиться мотивы данного литературного вымысла? Если местом его происхождения признать Херсон, то именно херсонские клерикалы и епископское окружение могли иметь такие мотивы, особенно после иконоборческой смуты в Константинопольской церкви VIII – IX вв. Как в церковной литературе отразились реалии эпохи?

VIII в. был ознаменован тенденцией автономизации и сепаратизма бывших восточно-римских владений, разрушением системы традиционной римской субординации — ср. историю Равенны и Рима, Венеции и Генуи, к середине VIII в. добившихся освобождения от опеки Константинополя и прибегнувших к франкам. Подобные тенденции проявил и Херсон Таврический. Уже в начале века он попытался ускользнуть от назойливой опеки Константинополя.

inslav

В самом Херсоне начала VIII в. конфессиональная ситуация могла быть много сложнее, чем ее себе представляют историки Нового и Новейшего времени. Нельзя исключить возможность существования многочисленной языческой общины *эллинов*, все еще упрямо сопротивлявшейся тоталитарной государственной и церковной политике Константинополя. Около того же времени в Херсоне значительно выросла *иудейская* община. Но отражена ли эта реальность в энкомии, или перед нами литературная реминисценция? Составитель энкомия пользовался Хрониконом Георгия Амартола. В частности, оттуда могут происходить некоторые неловкие датирующие формулы, а главное, некоторые сюжеты. Например, препирательство *Капитона* с *иудеями* по поводу языческого святилища Парфения очень напоминают велеречивые препирательства *Сильвестра* с римскими *иудеями* (Georgi Monachi Chronicon (391 M.): 491–511).

Может быть, реальная депортация Феодосием I или Юстинианом II коренных *эллинских* семейств (500?) и замена их 500 солдатами-христианами так врезалась в память местных жителей, что они связывали этот трагический акт то с одним, то с другим епископом прошлого (в энкомии — то с *Василеем*, то с *Эферием*, то с *Капитоном*). Имел ли литературный персонаж *Феона(т)* отношение к названию квартала *Феонино* в житийном тексте? — также остается вопросом без ответа.

В 730–740-е гг. в Херсоне уже весьма вероятна иконопочитательская фронда христианской общины, пусть и робкое недовольство вымирающей эллинской языческой общины официальной государственной церковью и самим царским самодержавием, вечное недовольство всем и вся иудейской общины. Похоже, именно из этой иконопочитательской фронды выросли фигуры Иоанна Готского, его учеников и последователей, которые, к слову, тоже скитались по Палестине, ища там союзников против Константинопольской церкви. Иоанн вел активную переписку с иерусалимским патриархом Феодором по догматическим вопросам. Эта клерикальная среда и подхватила витавшую в воздухе идею автокефальности «неимоверно древней» херсонской церкви, будто бы напрямую учрежденной Иерусалимом.

Таким образом, почти весь VIII в. был периодом острых противоречий Херсона и Константинополя, стремления первого ускольз-

inslav

нуть не только от центральной государственной власти, но и добиться известной свободы в церковном устройстве. Однако литературная фиксация этих херсонских чаяний наступила много позднее, когда многое совершенно стерлось из памяти, поэтому агиография ЖСЕХ и не донесла никаких достоверных фактов ушедшей эпохи, в отличие, например, от Жития Иоанна Готского (Шапошников 1995; Могаричев, Шапошников 2005; Могаричев и др. 2007).

ИСТОЧНИКИ

ВМЧ. Дек. 6–17 — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Декабрь. Дни 6–17. М., 1904. Стлб. 1008–1030: Житие Стефана Сурожского.

Волоколамская мин. — Волоколамская минея по рукописи Московской Духовной Академии № 197 (595), л. 81 сл. (В.) XV в. Изд.: Латышев 1906; Сборник житий и библейских книг. — Рукопись РГБ, ф. 113 (Иос.-Волокол.), № 605, 1^0, 345 л. XV–XVI вв.

Милютинская мин. — Милютинская минея по рукописи Московской Духовной Академии № 197 (595), л. 202 сл. (М.) XVI в. Изд.: Латышев 1906.

Супр — Супрасльская рукопись (глава 47). Изд.: *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись. СПб., 1904; Codex Suprasliensis / Ed. S. Severijanov. Graz, 1956; *Заимов Й, Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1983. Т. 2.

Увар. сп. — Более поздний список жития Макарьевских миней русск.-цслав. редакции (Уваровский список, л. 65б–70в). Изд.: Лавров 1907.

Усп. сп. — Успенский список Макарьевских миней по рукописи Московской синодальной библиотеки № 992 (XVI в.). Изд.: Латышев, 1906; Лавров 1907: 170–171; Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии. Декабрь. Дни 18–23. М., 1907. Стлб. 1189–1860; Die Grossen Lesemenien des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok / Великие Минеи четьи митрополита Макария. Успенский список. 1–11 марта / Изд. Э. Вайер, А. И. Шкурко, С. О. Шмидт. Freiburg i. Br., 1997.

эпиграфика 1329 — Corpus Inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1863–1891. T. I–XV; Ephemeris Epigraphica. 1871–1891.

Anth. I — Anthologia / Ed. K. Ch. Tauchnitz. Leipzig, 1829.

ASS MDCLXVIII — Acta Sanctorum Martii a Ioanne Bollando. S. I. Nomus I. Antverpiae: apud Iacobum Meursium, MDCLXVIII. P. 641–642.

inslav

Concil. Synodus Const. et Hierosolymitana anno 536 — Concilia Oecumenica: Synodus Constantinopolitana et Hierosolymitana anno 536. T. 3 / Ed. E. Schwartz // Acta conciliorum oecumenicorum (ACO). 1918. T. 3.

de Boor — Georgi Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978. S. 491–511.

Inscr. 3. = IG III App. — Inscriptiones Graecae III. Appendix: Defixionum Tabellae / Ed. R. Wuensch. Berlin, 1897.

Mansi 1901 — *Mansi J. D.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection. Florentiae, MDCCLIX / Ed. H. Welter. 1901. T. III.

Mion. III — Mionnet Description de medalles antique // IG III. App. Inscriptiones Graecae III. Appendix: Defixionum Tabellae / Ed. R. Wuensch. Berlin, 1897.

Phot. Cod. 74 — *Henry R.* Photius. Bibliothèque. T. 3. Paris, 1962; T. 7. Paris, 1974.

PL 83 — Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1862. T. 83: Sancti Isidori, Hispalensis Episcope, Opera Omnia.

Procopius — *Procopius*. De bellis = Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1963. T. 1: De Bello Persico, De Bello Vandalico. T. 3: Historia arcana.

ps.-dext. — Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1846. T. 31: F. L. Dextri necnon Pauli Orosii Hispanorum Chronologorum Opera Omnia.

Socrates HE 1893 — Socrates' ecclesiastical history according to the text of Hussey with an introduction by W. Bright / Ed. R. Hussey – W. Bright. 2-d ed. Oxford, 1893.

Sozomen EH III — Sozomeni Ecclesiastica Historia / Ed. R. Hussey. T. III. Oxonii E. Typ. Acad. 1853 // Die Griechischer Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte / Hrsg. J. Bidez – G. C. Hansen. Leipzig, 1960. Bd. 50.

St. Byz. — *Stephanus Byzantinus.* Ethnica. T. IV / Ed. W. Dindorf, A. Westermann et al. Leipzig, 1825; 1839; T. I / Ed. A. Meineke. Berlin, 1849.

Suid — Suidae Lexicon / Ed. Th. Gaisford, L. Küster. 1834; Sudae Lexikon / Ed. A. Adler. Leipzig, 1928–1938. T. I–III.

Themist. Or. I 23 — Themistii Orationes, ex codice Mediolanensi emendatae, a Guilielmo Dindorfio. Leipzig, 1832.

Theodoret HE = *Theodoretus Cyri*. Historia ecclesiastica — Theodoret. Kirchengeschichte // Die Griechischer Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte / Hrsg. L. Parmentier. Leipzig, 1911. Bd. 19.

Zosim. IV — *Zosimus.* Historia Nova // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae / Ed. A. I. Bekker. Bonn, 1837. T. 50.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Васильевский 1893/1915 — *Васильевский В. Г.* Житие св. Стефана Сурожского // Русско-Византийские исследования. СПб., 1893. Вып. II.; переиздано с уточнениями: Труды В. Г. Васильевского. Пг., 1915. Т. 3.

Латышев 1906 — *Латышев В. В.* Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки АН по ист.-филол. отд. СПб., 1906. Т. VIII. № 3.

Латышев 1907 — *Латышев В. В.* Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. № 23.

Латышев, Кекелидзе 1913 — *Латышев В. В., Кекелидзе К.* Житие свв. Епископов херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49.

Могаричев 2012 — *Могаричев Ю. М.* К вопросу о пребывании Иосифа Гимнографа в Крыму // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (VII чтения памяти академика О. Н. Трубачева): Материалы. Феодосия 10–15 сентября 2012 г. Киев; М.; Феодосия, 2012.

Могаричев и др. 2007 — *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Могаричев и др. 2009 — *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Могаричев, Шапошников 2005 — *Могаричев Ю. М., Шапошников А. К.* К вопросу о времени создания «Жития Иоанна Готского» // Культ святых мест в древних и современных религиях. Сборник научных трудов / Ред.-сост. Н. А. Алексеенко. Севастополь, 2005. С. 99–104.

Могаричев, Шапошников 2008 — *Могаричев Ю. М., Шапошников А. К.* К вопросу о времени создания и основных этапах формирования Жития Стефана Сурожского // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О. Н. Трубачева). Алупка, 25–30 сентября 2008 г.: Материалы конференции. Киев; М., 2008. С. 106–112.

Могаричев, Шапошников 2010 — *Могаричев Ю. М., Шапошников А. К.* Жития херсонских святых по Патмосской рукописи // Вестник Львовского Университета. Историко-филологический вып. Львов, 2010.

Могаричев, Шапошников 2012 — Патмосская рукопись (перевод и примечания) // *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К.* Жития епископов Херсонских в контексте истории

inslav

Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1. С. 28–36.

Лавров 1911 — *Лавровъ П. А.* Памятники Христианского Херсонеса. Вып. II. Жития херсонских святыхъ въ греко-славянской письменности. М., 1911.

Продолжатель Феофана 1992 — Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 68–69.

Саргасян 2007 — *Саргасян Т. Э.* Армянское житие Стефана Сурожского. Четьи Минеи житие Степанноса — архиепископа столицы Сухты // *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 266–271.

Чернышева 2009 — *Чернышева М. И.* Язык славянской версии «Житий херсонских святых» // Очерки истории христианского Херсонеса. СПб., 2009.

Шапошников 1994 — *Шапошников А. К.* Краткое житие святого Стефана, архиепископа Сугдайи (тексты, переводы, толкования и комментарии). Коктебель, 1994.

Шапошников 1995 — *Шапошников А. К.* Житие преподобного отца нашего, Иоанна, епископа Готфии (тексты, переводы, толкования и комментарии). Коктебель, 1995.

Шапошников 2007 — *Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского // *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 255–258; *Он же*. Церковнославянское Житие Стефана Сурожского // Там же. С. 258–266; *Он же*. Приписки на полях Сугдейского Синаксаря // Там же. С. 271–273.

Шапошников 2012a — *Шапошников А. К.* Церковнославянские тексты (переводы и примечания) // *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К.* Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1. С. 53–91.

Шапошников 2012b — *Шапошников А. К.* Словарь имен собственных Житий епископов Херсонских // *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К.* Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1. С. 385–390.

Bozoyan 2006 — *Bozoyan A.* La vie armenienne de Saint Etienne de Sougdaia // La Crimé entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 95–107 (по рукописной копии Симеона около 1316 г. по распоряжению барона Сахап и копии 1326/7 г., выполненной в Сурб-Хаче).

inslav

Ivanov 2006 — *Ivanov S.* The Slavonic Life of Stefan of Surozh // La Crimé entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 109–167.

Pape 1911 — *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3-e Aufl. / Ed. G. E. Benseler. Braunschweig, 1911.

Vašica 1948 — *Vašica J.* Slovo na prenesenie moštem preslavnago Klimenta neboli legenda chersonska // Acta Academiae Velehradensis XIX (1948). P. 73–80.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…… 3

Г. С. Баранкова. О некоторых графико-орфографических и языковых особенностях Новгородской кормчей 1280 г. …… 7

Е. М. Верещагин. О природе и эффективном издании древнейших переводных славяно-русских служебных миней …… 27

В. А. Дыбо. Еще раз о «*властях предержащих*» …….. 44

В. С. Ефимова. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями …….. 60

Веселка Желязкова. Figura etymologica в древнейшем славянском переводе книги Исход …… 81

О. Ф. Жолобов. Заметки о древнеславянских претеритах …….. 95

И. И. Макеева. «Слово о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского ……... 122

М. А. Пузина (Малыгина). В поиске греческих источников славянских переводных стихир: сложности и ошибки ……... 143

Светлина Николова. Болгарская катена XIII/XIV века на Псалтырь и ее источники …… 156

Виктор Савич. Диалект и книжная норма в Михановичевом отрывке Апостола: О происхождении памятника в свете более широких сербских литературно-языковых данных …… 225

Ростислав Станков. Из наблюдений над лексикой древнеболгарского перевода Хроники Георгия Амартола: некоторые редкие слова ……... 241

Петра Станковска. Пергаментный фрагмент кириллического Евангелия-апракос в Ольштыне ……... 260

А. А. Турилов. «Доброго» или «доблестного» архиепископа Мефодия воспевал Константин Преславский? (еще раз к реконструкции акростихов в канонах славянскому первоучителю) …… 273

М. И. Чернышова. Именования Богородицы в древней славяно-русской письменности …….. 283

А. К. Шапошников. Языковые свидетельства литературного вымысла в церковнославянских житиях Таврических святых …….. 305

inslav

Научное издание

Российская академия наук
Институт славяноведения

СЛАВЯНСКОЕ И БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Валерия Сергеевна Ефимова

М.: ИСл РАН, 2017. — 328 с.

Подписано в печать 18 июля 2017 г. Объем 20,5 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № . Цена договорная.

inslav